

ОБРЯДЫ, ОБЫЧАИ, ПОВЕРЬЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

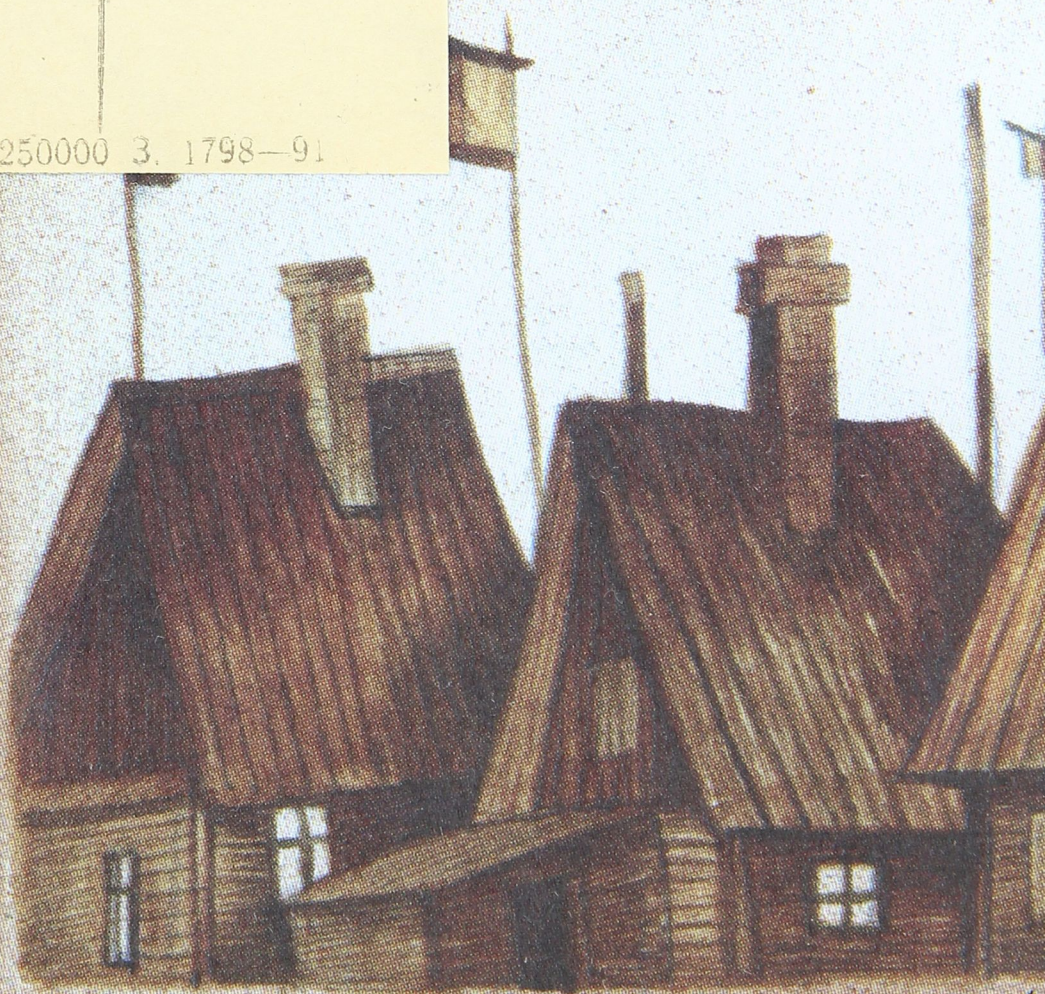
2/6-1949

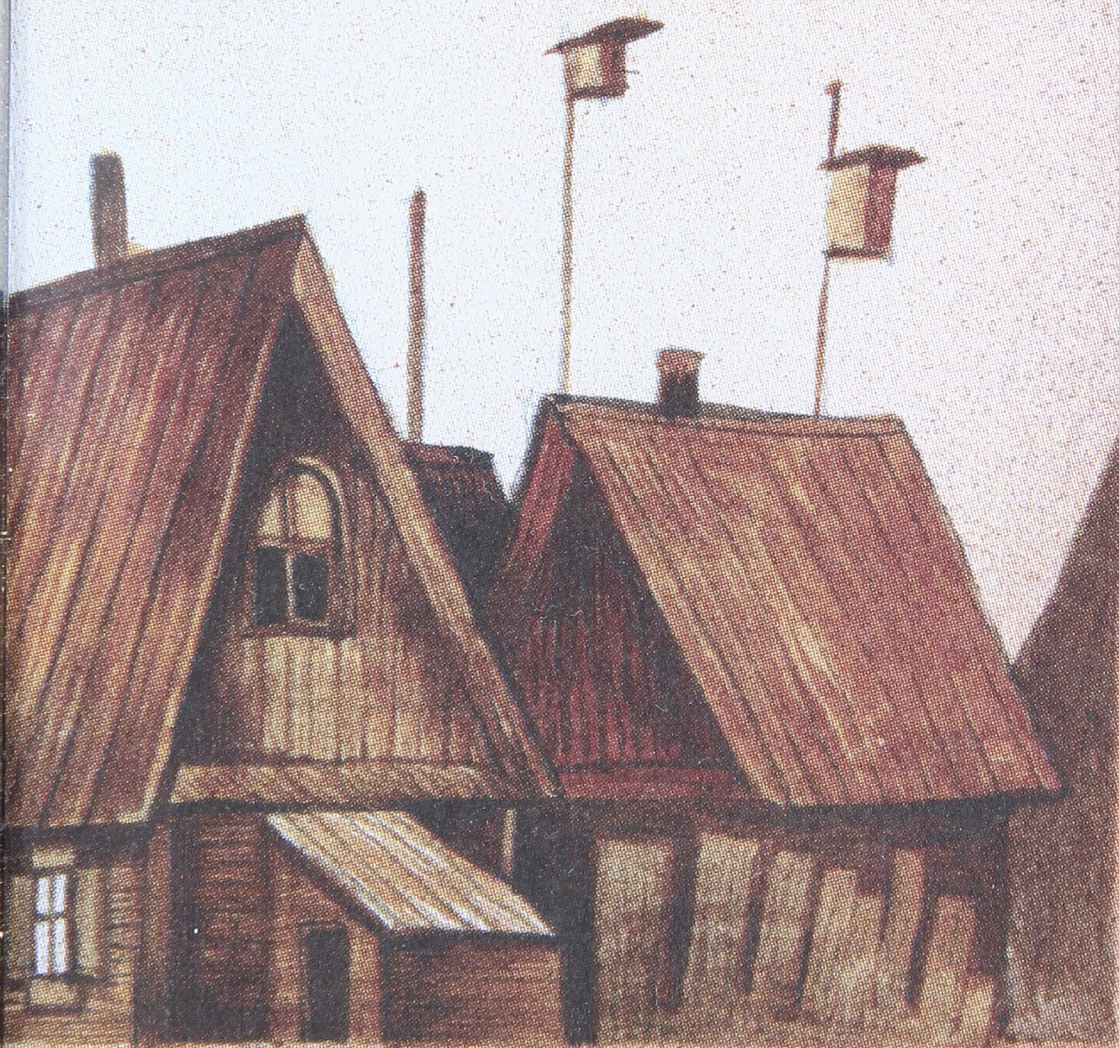
29/4-2196

7/03-257

2005 ✓

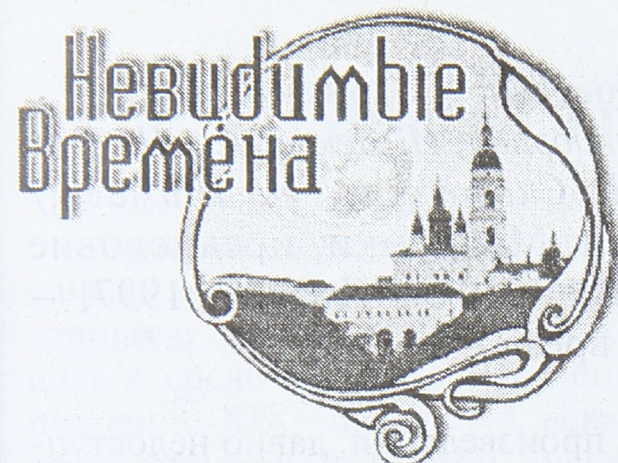
З ТМО Т. 250000 З. 1798-91

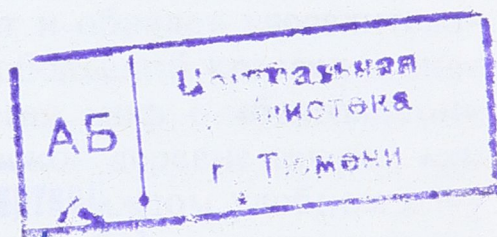
63.5K

0-23

Обряды, обычаи, поверья

П. Городцов, М. Костиорина, И. Неклепаев,
Н. Осипов, З. Плотищikov,
Н. Сколзубов, И. Шамаев

-53740/1

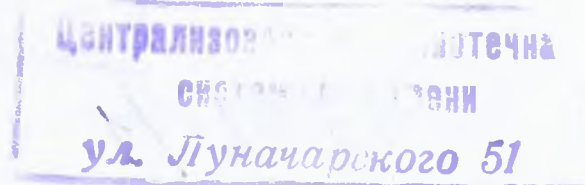

Тюмень, 1997

- О 23 **Обряды, обычаи, поверья: Сборник статей.**
[П. Городцов, М. Костюрина, И. Неклепаев, Н. Осипов, З. Плотников, Н. Сколзубов, И. Шамаев]/
Составление тома Ю.Л. Мандрики, предисловие
Н.А. Рогачёвой. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. —
400 с. («Невидимые времена»).

В данный том вошли произведения, давно недоступные массовому читателю. Самое крупное среди них — «Обычаи и поверья Сургутского уезда» И. Неклепаева. Современному читателю будет интересно познакомиться с обычаями наших предков, которых они придерживались, играя свадьбы, празднуя масленицу, великий четверг и др.

Книга будет интересна всем, кто интересуется историей своего края, занимается организацией праздников и массовых гуляний.

- © СофтДизайн (издание), 1997.
© Дыба В.В. (название, дизайн серии), 1997.
© Мандрика Ю.Л. (составление), 1997.
© Рогачева Н.А. (предисловие), 1997.
© Кухтерин А.С. (рисунок обложки), 1997.

ISBN 5-88709-087-1

ISBN 5-88709-091-X (серия)

Вместо предисловия

Суседка (домовой), лешие, ведьмы, колдуны — таковы персонажи этой книги. В нее вошли рассказы о суевериях, о календарных и семейных праздниках, о погодных приметах, бытовавших в среде русского населения Западной Сибири во второй половине XIX—начале XX века. Читатель откроет для себя мир традиционной народной культуры сибиряков, сохраненный в трудах этнографов и собирателей фольклора.

Долгое время бытовало убеждение, что на сибирской почве поэзия не приживается. «Умонастроение» сибиряка «характеризуется забывчивостью исторической традиции, утратой поэзии и отсутствием всякого идеального чувства и поэтической мечтательности. Сибиряки большей частью <...> забыли всю древнерусскую старину, все эпические сказания и былины великорусского народа, даже большую часть великорусских народных верований и суеверий, примет и обрядов увеселительных»¹. М.Н. Костюрина, известный тобольский краевед и знаток сибирского фольклора, опровергая миф о «безголосой» Сибири, писала в 1894 году: «В сибирской деревне так же, как и в деревнях России, песни поются при каждом удобном случае — в хороводах, на «вечерках», на свадьбах, в праздники и в будни, в поле, дома и дорогой. Деревенских песен в Сибири великое множество, и можно только жалеть, что записываются они редко и еще реже попадают в печать...»².

География представленных в настоящей книге материалов наглядно убеждает в том, что сибирский климат не препятствует сохранению предания. Традиции народного искусства живы и в северных районах края, и в южных — от Сургута до Тюкалинска и Ялуторовска.

К сожалению, многие авторы записей сибирского фольклора сегодня прочно забыты, а их книги практически не переиздавались, в то время как каждая из них по-своему уникальна.

Первыми исследователями народной культуры русского на-

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб, 1882. С. 60.

² Костюрина М.Н. Сибирские народные песни, записанные в подгородных деревнях около Тобольска летом 1894 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. III. Тобольск, 1895. С. 1—2.

селения Западной Сибири стали ссыльные интеллигенты, именно «политическая ссылка дала ряд <...> первоклассных исследователей-этнографов и фольклористов»¹. Среди них были Сергей Порфирьевич Швецов (1858—1930), автор книги «Очерк Сургутского края» (1888), и Иван Иоакимович (Якимович) Неклепаев (1865—1930), чья работа «Поверья и обычаи Сургутского края» (1903) вошла в эту книгу. Удивительна судьба Марии Николаевны Костюриной (Емельяновой) (1863-64?—1942?). Она — уроженка с. Архангельского Тобольского уезда, жена известного революционера Виктора Федоровича Костюрина. С 1891 года Костюрины жили в Тобольске и находились под негласным надзором полиции. С 1900 по 1919 гг. Мария Николаевна была редактором-издателем «Сибирского листка»². Она занимала должность помощника библиотекаря Тобольского губернского музея и возглавляла бюро труда Общества трудолюбия в Тобольске. Собираание фольклора — одна из форм общественной деятельности М.Н. Костюриной, дань любви к «малой родине».

Фольклор привлекал внимание государственных чиновников-сибиряков. Николай Лукич Скалозубов (1861—1915) в 1894 году был назначен тобольским губернским агрономом³. Он входил в правление Тобольского губернского музея, активно участвовал в издании «Ежегодника», в редакционной комиссии которого состоял. В 1907—1912 гг. Н.Л. Скалозубов был депутатом Государственной Думы. Его первая работа по фольклору была напечатана в 1899 году, но изучение народного календаря началось им в 1896 году, «когда вопрос о погодных приметах введен был в программу по текущей сельскохозяйственной статистике...». По делам службы попал в нижнетавдинский край Петр Алексеевич Городцов (1865—1919), занимавший в 1904—1908 гг. должность крестьянского начальника участка Тюменского уезда⁴. Сибирский экономист Николай Осипович Осипов (1858—1901) входил в отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики.

Имя автора книги «Общий тип деревенской свадьбы Тюка-

¹ Азадовский Т.К. История русской фольклористики: В 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 219.

² См. об этом: Скачкова Г.М. М.Н. Костюрина — издатель «Сибирского листка», Коновалова Е.Н. Тобольская частная газета «Сибирский листок» // Четвертые Макушинские чтения. (Ом. сл.) 6—7 мая 1997 г. Новосибирск, 1997. С. 112—116.

³ См.: Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры. Тюмень, 1997. С. 258—262.

⁴ См.: Темплинг В.Я. Петр Алексеевич Городцов // Русская духовная культура Западной Сибири и Урала: В 2 т. Тюмень, 1995. Т. 2. С. 170—178.

линского уезда» (1903) И. Шамаева мало известно даже краеведам. Этот псевдоним принадлежит Ивану Степановичу Голошубину (1866—1922)¹, бывшему священнику Березовской Богородице-Рождественской церкви, а позднее служившему в Тюкалинском уезде Тобольской губернии, где ему, по словам самого автора, «невольно удалось собрать весь тот материал», который он представил «на суд читателей с целью дать целостное изображение всей свадебной жизни крестьянина-сибиряка».

Все эти люди принадлежат к одному поколению, увлеченному «желанием спасти от забвения» (П.А. Городцов) традиционную русскую культуру. В каждой работе проявляется характер собирателя. И.Я. Неклепаев воспринимает жизнь сургутян со стороны, подобно путешественнику, оказавшемуся перед лицом чужой культуры. Для М.Н. Костюриной Сибирь — не чужая страна, а родной край. В ее работах слышен голос убежденной сторонницы просвещения и эмансипации. «Заунывный характер свадебных песен и вой невесты, напоминающий вой по покойникам, — пишет М.Н. Костюрина, — объясняются, конечно, той тяжелой предстоящей долей замужней женщины, которая рисуется невесте <...>. Может быть, с народным просвещением наступит лучшая пора и для замужней женщины в крестьянской семье...». П.А. Городцов — дотошный исследователь-этнограф, внимательный к деталям крестьянского быта, он стремится к научной точности повествования, избегая прямых оценок. Зато в рассказе И. Шамаева, написанном в форме свободного повествования, мы слышим и укор грубости народных обычаев, и удивление их красотой.

Работы, собранные под обложкой настоящей книги, различны по масштабу поставленных задач. Сборник открывается трудом И.Я. Неклепаева «Поверья и обычаи Сургутского края». Восприняв без предубеждения быт «пустынной, захолустной и дикой местности», большую часть времени оторванной от всякой «цивилизации», автор представил картину целой жизни, замкнутой «в кругу различных унаследованных форм и ритуалов, освященных обычаем и практикой дедов». Здесь «весь путь» человека от рождения до смерти, «круглый год» праздников и будней, страх и смех, воплощенные в быличках и бывальщинах, память о прошлом, запечатленная в предании, предрассудки и стереотипы коллективного сознания.

И.Я. Неклепаев хорошо понимал, насколько «старинный уклад» беззащитен перед неизбежностью исторического прогресса.

¹ См. Омский историко-краеведческий словарь/Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омск, 1994. С. 62.

Одного века хватило, чтобы «старый Сургут» исчез с карты культуры. Труд И.Я. Неклепаева — свидетельство, летопись духовной жизни уже утраченной цивилизации, он раскрывает ее строй, психологию человека традиционной культуры, показывает гармоническую целостность и поэтическую одухотворенность народного быта сибиряков.

Работы П.А. Городцова и Н.Л. Скалозубова посвящены будням и праздникам сибирских крестьян. Славянский календарь архаичен, и нет ничего удивительного, что в нем мало заметен собственно сибирский колорит. Однако, как отмечает Н.Л. Скалозубов, «в каждом районе из общей массы примет на первый план выдвигаются лишь те, которые к условиям этой именно местности подходящи».

Читатель имеет редкую возможность наглядно представить сходство и различие свадебных обрядов разных округов Тобольской губернии. Одним из первых рассказов о свадьбе в нашем крае считается очерк З.Т. Плотникова (1859), в 1893 г. была опубликована работа Н.О. Осипова, в 1899 — исследование М.Н. Костюриной. Свадьба — одно из важнейших событий традиционной культуры, «сопровождающееся сложными заботами, денежными расходами, неподдельной радостью, песнями, особенными обычаями, слезами и причитаниями» (И. Шамаев). Свадебный обряд вырабатывался веками, так что и в современной свадьбе мы без труда найдем отголоски чрезвычайно богатого в прошлом ритуала.

Итак, перед нами оживает Сибирь конца прошлого столетия, мир, которого больше нет. Заинтересованные исследователи, предвидя его близкое разрушение, сохранили образ старой Сибири для будущих поколений, которым еще предстоит познавать сказочное прошлое своего края.

Н.А. Рогачева

И.Я. Неклепаев

Поверья и обычаи Сургутского края

Предисловие

Если ты странствуешь, путник,
С целью благой и высокой,
То посети, между прочим,
Край тот далёкой...

Омулевский.

Сургутский край — это Сургутский округ (ныне уезд) Тобольской губернии, расположенный по среднему течению р. Оби и по её притокам, на границе Тобольской и Томской губерний.

Трудно представить себе местность более пустынную, захолустную и дикую. Даже в навигационное время, продолжающееся, однако, здесь весьма недолго, не больше каких-нибудь 4 месяцев, этот край слишком мало оживляется Обью, хотя по ней развилось теперь довольно значительное судоходство и пароходы с баржами в течение лета почти каждый день снуют по ней из Томска в Тобольск и обратно. Это столь слабое влияние судоходной реки на оживление края объясняется, конечно, тем, что Сургутский край является только проходным путем, и то на короткое летнее время, причём любопытно заметить, что на весь этот громадный округ, который простирается по Оби около 600 вёрст, здесь существует только одна пристань (для всех более крупных и пассажирских пароходов, мелкие товарные заходят иногда и в другие места), это — Белоярская пристань, верстах в 10-ти от Сургута — административного центра всего края.

Но если невелико оживление, вносимое летом одной пристанью, то зимой этот край становится ещё диче и глуше. Тогда, кроме почты, которая ходит раз в две недели из Тобольска до Сургута и обратно, да нескольких десятков обозов с кладью местных купцов, отправляю-

щихся в Тобольск и на Ирбитскую ярмарку, не бывает почти никаких сношений с другими округами. Если к этому прибавить, что в течение осенних и весенних распутиц, продолжающихся здесь обыкновенно по полутора, по два месяца каждая, Сургутский край бывает совершенно оторван от всего остального мира, то читатель сумеет по достоинству оценить всю захолустность и глушь этой местности.

Русское население края, очень немногочисленное и сосредотачивающееся исключительно в окружном городе Сургуте да в немногих, 7 или 9, чисто русских поселениях округа, состоит частью из потомков давно уже поселенных здесь казаков, теперь обращённых в мещан, частью из позднее появившихся крестьян и мещан. Нужно заметить, что тлетворное влияние уголовной ссылки почти совсем не коснулось этого края, куда и раньше, по-видимому, мало ссылали уголовных, а в последние несколько десятков лет и вовсе перестали их ссылать, предоставив эти дебри одним только политическим ссыльным.

Что же касается инородцев-остяков, то в самом городе их почти нет, кроме какого-нибудь десятка служащих в работниках у местных купцов. Но зато в округе, как мы уже заметили выше, можно насчитать не более 7—9 деревень и сёл с чисто русским крестьянским населением. А затем, во все стороны по берегам Оби и её многочисленных притоков, тянутся остяцкие юрты и посёлки, общее население которых во много раз превосходит число русских жителей края.

Хлебопашеством здесь не занимаются. Правда, лет 40 тому назад в Сургутском округе, как в окрестностях города, так и в одном из ближайших сёл, пробовали производить опыты хлебопашества, и опыты эти дали, по-видимому, благоприятные результаты, но хлебопашество все-таки почему-то здесь не привилось*, может быть, впрочем, и потому, что, в то время как делались эти опыты, в

* В «Очерках Сургутского края» («Зап.З.-Сиб. Отд. И.Р.Г. О-ва», кн. X) С.П. Швецов упоминает, по-видимому, о тех же опытах, причем сообщает, что они были безуспешны и объясняет это неблагоприятными естественными условиями местности.

хлебопашестве здесь и не нуждались, так как и промыслы тогда довольно хорошо обеспечивали жителей. Как бы то ни было, но теперь оно прекращается далеко от Сургута, и, если мы не ошибаемся, севернее с.Реполова (верстах в 300 от Тобольска, по Иртышу) уже не встречается.

Главное занятие жителей края — промыслы. При этом у остяков преобладает звероловство (рыболовные пески они большей частью сдают в аренду русским купцам, а сами рыболовством промышляют, главным образом, лишь для собственного потребления), у крестьян — рыболовство и, в меньшей степени, извоз, а у жителей города — над теми, другими и третьими, по доходности и по количеству занятых рук, доминирует зимняя доставка пароходских дров на Белоярскую пристань (вывозка из лесу и рубка*). Но и этот промысел, как и все прочие, с каждым годом всё более и более падает, и население края, как русские, так и инородческие, вследствие уменьшения зверя и рыбы и вырубки леса (близ вышеназванной пристани), несомненно, стоит на пути к обнищанию, хотя, впрочем, и в описываемое нами время оно не могло похвастаться особой зажиточностью. Среди общей бедноты горожан и крестьян выделяется лишь небольшая кучка местных купцов, разбогатевших, главным образом, на торговле с инородцами-остяками и приезжающими сюда на ярмарку самоедами. Что представляет из себя эта торговля — это хорошо всем известно по бесчисленным описаниям в сибирской прессе**, как не менее известно также и то, что к вышеперечисленным причинам обнищания инородцев следует присоединить и торговую эксплуатацию их русскими купцами...

* Эта доставка в описываемое нами время — 1891 г. — давала возможность одному рабочему с лошадью заработать в неделю рубля 3-4, но так как с каждым разом за дровами приходится ездить все дальше и дальше от пристани, и значит, вырабатывать все меньше, то и заработок этот начинает сокращаться, хотя цены в среднем (за доставку куб. сажени) остаются те же (4 р. 50 к.—5 р.).

** О сургутской торговле см. нашу ст. «Самоедская ярмарка в Сургуте» — «Сибир. листок»: 1893 г., №№ 4—5, а также ст. г.Швецова «Очерки Сургутского края» — «Записки Зап.-Сибир. Отдела Имп. Русс. Географического Общества», кн.Х, 1889 г.

Что же касается казаков-горожан, то раньше некоторым подспорьем для них служил казённый паек (состоявший из муки и крупы), но, с обращением их в мещан в конце восьмидесятых годов, у них отобрали этот паек и, кроме того, их начали облагать разными «попенными», «подомовыми» и «поземельными», которых они раньше не знали. И это до такой степени огорчает бывших казаков, что, кажется, не проезжал мимо Сургута ни один генерал, какого бы он ни был ведомства, к которому сургутяне не обращались с просьбами и ходатайствами о возвращении их опять в казачество, рисующееся им как какой-то золотой век...

Эти-то горожане-казаки и составляют, собственно, главный объект наших этнографических наблюдений.

Хотя Сургут считается окружным (теперь уездным) городом, но, в сущности, он ничем, кроме величины и присутствия в нем окружного начальства, не отличается от всех прочих русских поселений округа. Заброшенный на громадное расстояние от губернского и в то же время ближайшего города — Тобольска (864 версты), Сургут даже по внешнему виду напоминает скорее село, и то из небольших и бедных, чем какой бы то ни было город. Все городские атрибуты в нем сведены к минимуму и в описываемое нами время ограничивались полицейским управлением, почтовой конторой и неизвестно для чего существовавшей воинской командой. Здесь не было тогда ни казначейства, ни суда, ни даже тюрьмы...

Невелики преимущества Сургута и в культурном отношении перед округом. В начале 1890 годов, к каковому времени относятся наши наблюдения, на весь город с 2000-м населением было только две школы: приходское училище для мальчиков и небольшая школа грамотности для девочек, конечно, далеко не вмещавшие в себя всех желающих учиться детей. В это же время появилась первая и единственная школа в уезде — в одной из ближайших к Сургуту русских деревень. Этим и исчерпываются здесь все меры к развитию народного образования как в городе, так и в округе. Но не нужно забывать, что эти три школы — продукт самых последних лет, а раньше, до

конца 1870-х годов, когда здесь появилось приходское училище, ни в городе, ни в округе не было ни одной школы.

В таком же неудовлетворительном состоянии, впрочем, как и повсюду в Сибири, находится в Сургуте и медицинская помощь, что даёт возможность местной народной медицине, о которой у нас будет речь ниже, расцвести здесь самым пышным цветом.

Естественно, что при этой заброшенности, некультурности и дикости края в жизни сургутян должно было сохраниться в более или менее чистом и нетронутым виде немало любопытных обычаев и обрядов, носящих на себе отпечаток несомненной седой старины и занесённых сюда с незапамятных времен, быть может, ещё с первыми засельщиками края. Эти архаические следы не трудно подметить как в здешних свадебных обрядах и песнях, так и во многих вечерочных играх и в целом ряде разнообразных предрассудков и суеверий. Что не сохранилось в обряде, о том поёт песня, которая переживает обряд, или говорит какое-нибудь тёмное, глухое поверье.

Сургутяне, как и вообще всякая темная, непросвещенная масса, да ещё принужденная жить в условиях крайней изолированности от остальных русских, и наоборот, в ближайшем соприкосновении и соседстве с полудикими туземцами-остяками и самоедами, естественно, замкнули свою жизнь в кругу различных унаследованных форм и ритуалов, освящённых обычаем и практикою дедов. Все более важные моменты жизни, начиная с рождения, продолжая браком и кончая смертью, здесь отмечены особыми обрядами, во всей своей неприкосновенности переходящими от одного поколения к другому и строго соблюдаемыми каждым.

Впрочем, в последнее время врывающиеся и сюда волны городской «цивилизации» начинают мало-помалу пробивать брешь во всей этой первобытной обрядности и молодое поколение, обычный носитель этих мутных волн, относится к старине уже не так почтительно, стараясь внести свои новшества в старинный уклад сургутской жизни. К сожалению, однако, все эти новшества пока ещё не идут далее замены на вечерках осмысленных и глубоко

поучительных старинных игр и песен нелепыми европейскими танцами да разными пошлыми трактирными песнями. Во всех же других отношениях здешняя молодёжь столь же дика, суеверна и невежественна, как и самые старые старухи. Влияние школы совершенно ничтожно, да оно и не может быть иным. Трудно, научая только читать и писать, искоренить всю ту суть предрассудков и суеверий, которые опутывают жизнь сургутянина буквально от колыбели до могилы. Вряд ли даже школа и претендует на это, и в результате получается совсем нежелательное явление: суеверие и предрассудки остаются, а та чудная первобытная поэзия, которою окрашены многие из сургутских обрядов и игр, те прелестные старинные песни, которые блещут такими дивными красотами образного и яркого великорусского языка, все это исчезает, не заменяясь пока ничем лучшим. И жизнь становится более прозаической, сырой и скучной...

* * *

Предлагаемые вниманию читателя очерки сургутских поверий и обычаев составлены на основании личных наблюдений и расспросов автора в течение его шестилетнего пребывания в Сургуте в 1885—91 гг., и хотя эти наблюдения приурочены, главным образом, к городской жизни, но в своём месте будут отмечены и кое-какие деревенские особенности.

Нечего, конечно, и говорить, что настоящие очерки далеко не исчерпывают того богатейшего этнографического материала, какой может дать этот край, совершенно не изученный в этнографическом отношении. Мы имеем в виду здесь русское население Сургутского края, так как о населяющих его инородцах-остяках писалось немало (хотя, впрочем, главным образом, иностранными исследователями и на иностранных языках); что же касается русских, то, если не считать случайных корреспонденций и мелких заметок в сибирской прессе да мимолетных упоминаний и характеристик в трудах иностранных путешественников (Кастерна, Финша и Брема, Сомье и др.), то мы можем указать только одну статью, посвящённую рус-

скому населению этого края, это ст. г.Швецова: «Очерки Сургутского края» в «записках Зап.-Сибир. отдела И.Р.Геогр. общества», кн.Х, за 1889 г. Но и эта статья, давая обстоятельное изображение (хотя, впрочем, не без некоторых промахов) материальной стороны и экономических условий жизни сургутян, почти совершенно не касается их воззрений, верований, обычаев, поэзии, т.е. всего того, что относится к области духовной культуры и представляет особый интерес для этнографии. Этой-то стороне жизни русских Сургутского края и посвящены наши очерки.

І. Демонологические представления сургутян

Понятия о нечистой силе и об её разнообразных проявлениях составляют, бесспорно, тот общий фон, на котором, главным образом, покоится наибольшая масса существующих у сургутян предрассудков и суеверий. Все, что более или менее загадочно и что в то же время является в том или другом отношении вредным для человека, сургутяне обыкновенно приписывают действию какого-нибудь нечистого духа, если в некоторых случаях и нельзя указать точно, какого именно духа (так как все они имеют здесь свои специальные функции, или, вернее сказать, специальные районы своих действий), то всё-таки это не уничтожает общей веры сургутянина, что, во всяком случае, это дело «нечистого».

Впрочем, нельзя сказать, чтобы нечистой силе сургутяне всегда приписывали только вредные для людей проявления, причинение людям зла. Хотя все нечистые духи, по понятиям сургутян, сами по себе действительно являются существами злыми, но иногда они относятся покровительственно к тем или другим «приглянувшимся» им людям и оказывают своим любимцам различные услуги в их материальной жизни. Мы не говорим уже о том, что есть целый разряд лиц, которые являются как бы посредниками между людьми и нечистыми духами и у которых

эти последние играют почти служебную роль, исполняя их всевозможные желания и прихоти, направленные, однако, большей частью, ко вреду других людей. Но кроме этих лиц, находящихся в постоянном общении с нечистой силой, по понятиям сургутян, и всякому вообще человеку предоставляется возможность задобрить или умиловить разгневанного почему-либо нечистого духа или заранее предотвратить этот гнев. Для этого здесь существуют известные правила и обряды, которые можно назвать в некотором роде сургутским *демонологическим культом*.

С этими обрядами мы познакомимся ниже, при детальном выяснении воззрений сургутян на нечистую силу, теперь же следует указать, что демонологические верования у сургутян разработаны довольно подробно и даже могут быть сведены в некоторую стройную систему.

По понятиям сургутян, происхождение нечистой силы заключается в следующем: вначале был Бог и только добрые ангелы. Но один из них, по прозванию Сатана, вдруг преисполнился зависти к Богу, к его всемогуществу, всеведению и пр., и сам захотел быть таковым. Возгорелась борьба между ним и Богом, и окончилось тем, что Бог во гневе своем низверг Сатану в ил (болото), отчего Сатана с тех пор и стал называться Сатанаил. А его приспешники попадали с неба кто куда пришелся, и те, что упали в лес, сделались лешими, кто упал в воду, стал водяным, а упавшие в людские жилища превратились в домовых.. Сатанаил же поселился в самой преисподней, в илу (в болоте), и оттуда, по-видимому, руководит злыми действиями всех этих более мелких нечистых духов — леших, водяных, домовых.

Время от времени эта борьба нечистых духов с Богом проявляется и теперь. Бог сердится, гремит громом и посылает с неба громовые стрелы. Их особенно боятся нечистые духи и при всякой грозе стараются спрятаться за человека. Вот почему, когда громом убивает кого-нибудь, то, по мнению сургутян, это значит, что за этим человеком спрятался какой-нибудь нечистый дух (тот, в районе которого случилось происшествие), на которого, собственно, и была направлена «божья стрела».

Таким образом, нечистые духи завладели известными районами, в сфере которых и стараются всячески пакостить людям. Больше всего их приютилось в жилых человеческих избах или поблизости от них — в банях и скотских «загородях» (хлевах). И так как с ними приходится чаще сталкиваться в обыденной жизни, то естественно, что у сургутян имеются о них более обстоятельные сведения, чем о духах, поселившихся в воде и лесах.

Ниже мы представим воззрения сургутян сначала на домашних духов, так называемых здесь «суседок», потом на духов, населяющих реки, леса и озера, и, наконец, на разных посредников между людьми и нечистой силой — «вещиц», волшебниц, чернокнижников и пр.

Домашние духи — «суседки»

Сургутяне не объясняют, какого пола были те злые ангелы, которых Бог низверг с неба вместе с Сатанайлом, но те из них, что приютились около человека — в избах, загородах и банях, у сургутян известны под именем «суседок» — существ, несомненно, женского пола. Это видно как из самого названия — «суседка» — и обращений к ним сургутян со словами «матушка-суседушка», о чем у нас речь будет идти ниже, так и из того обстоятельства, что в разговорах сургутяне никогда не приравнивают «мужиков» (мужчин) к суседкам, но обыкновенно сравнивают с ними только баб и вообще женщин.

Смотря по местонахождению, суседки бывают трех родов и называются «избна суседка» (иногда называемая также «домова суседка»), «скотска суседка» и «банна суседка*».

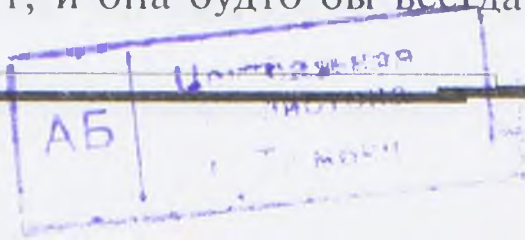
* Но при разговоре сургутских кумушек нередко можно услышать такие сравнения: «будь она проклята, так страшна — настоящая земляна суседка», — говорят про какую-нибудь женщину, или: «ну и выгадилась же ты, словно земляна суседка» и т.п. Эти выражения, по-видимому, указывают на то, что у сургутян существует или, вернее, существовала вера в особые ещё земляных суседок (быть может, обитающих в огородах), потому что вышепоименованные суседки (избна, скотска и банна), хотя и «страшны» на вид, но не живут в земле, а имеют другие места обитания, и кроме того, ни одну из них (при расспросах) сургутяне не называют «земляной». Но подробнее выяснить этот вопрос нам не удалось и, кроме приводимых выше разговорных выражений, мы не могли собрать никаких сведений о земляных суседках.

Избная суседка заведует жилой избой, где является тайной, но верховной хозяйкой как над людьми, обитающими в доме, так и над всем домашним распорядком и, между прочим, над животными, которые временно помещаются в избе, например, над телятами, над курами и пр.

Одних жильцов эта суседка любит, других нет. Первых всюду сопровождает удача и успех — во всех домашних делах, в промыслах, в торговых операциях, вторым же — везде «незадача». Тем, кого избная суседка любит, она, в знак своего расположения к ним, заплетает по ночам косы. Эти косы тщательно сохраняются их счастливыми обладателями и ни под каким видом не расчёсываются и не обстригаются. В Сургуте указывают несколько таких лиц обоего пола, которых мы имели случай сами видеть, с густыми косичками за ушами, не заплетёнными, а просто сбитыми, как войлок. Этими косичками обладатели их, по-видимому, очень гордятся, хотя, к сожалению, мы не можем подтвердить, чтобы они были из особенно счастливых и зажиточных обитателей Сургута. И даже сами сургутяне в последнее время, когда заходит речь об этих «счастливцах», меланхолически замечают: «Вот поди ж ты, и суседка их любит, и косы им плетёт, а живут как бедно»...

Если же эти косы, заплетаемые суседкой, обрезать, то тогда сразу пропадет вся дружба и любовь суседки и при этом последняя ещё чем-нибудь отомстит за такое пренебрежение её расположением: или сам этот человек опасно заболит, или из его родни кто-нибудь помрет. Сургутяне рассказывают по этому случаю, как одна женщина, которой не нравились эти войлокообразные косички, пренебрегла советами стариков и обрезала их... «И что же? — прибавляют рассказчики, — не прошло и полгода, как у этой женщины утонул муж»... И с тех пор этот предостерегающий урок живо сохраняется в памяти сургутян.

А кого суседка невзлюбит, тех по ночам она мучит — сонного «трясет до поту». Иногда, впрочем, она «наваливается» по ночам на людей, к которым не питает никакой особой злобы. В таком случае её надо спросить, к худу или к добру она давит, и она будто бы всегда отве-

тит, потому что и наваливается только затем, чтобы предсказать человеку то или другое. И если она давит «к худу», то на предложенный ей вопрос, она глухо продует в самое ухо три раза холодным, леденящим дыханием («ажно в голову ветер просквозит»): «К худу, к худу, к худу». Если же она давит «к добру», то тогда «теплым духом» тоже глухо ответит: «К добру, к добру, к добру»... Обыкновенно в это время, по словам рассказчиков, на человека нападёт такой страх, что не всякий решается спросить суседку, к худу иль к добру она давит. Но, однако, находились такие смельчаки, что, не удовлетворяясь расспросами, схватывали суседку и, как кошку, сбрасывали с себя на пол, так, что она упадет и даже «крякнет». А на завтра находили в руках клок шерсти (с суседки) с красными, жёсткими, как у медведя, короткими волосами... И суседка обыкновенно не сердится на то, что с ней поступили так бесцеремонно: «сонному человеку все простительно, это понимает и суседка»...

Какой же она имеет вид? Об этом сургутяне рассказывают разно. Её мало кто видел, да, по словам сургутян, «и не дай Бог никому видеть». Она всегда является в том или другом облике только к неблагополучию: или самому заболеть и даже умереть, или из близких родных кто умрет. И со всеми, кому удавалось её видеть, всегда приключались потом какие-нибудь подобные несчастья. По одним рассказам, она круглая, как клубок, с человеческим лицом, мохнатая, с красной, жёсткой короткой шерстью, без рук и без ног. Одни её видели в подполье, другие в загороди, и при этом она быстро укатывалась куда-то, как шар, и исчезала. Это по рассказам тех, кто видел её днем или вечером, в бодрственном состоянии. А кто видел её ночью, когда она наваливалась на сонного, то говорили, что она тоже мохнатая и маленькая, как ребёнок, с такими же маленькими детскими ручонками, но очень тяжёлая, пуда в три весом. Ни хвоста, ни рогов ни те, ни другие при ней не замечали.

Вообще, сургутяне боятся суседки и, во избежание с её стороны каких-либо напастей, стараются её заранее задобрить. Это в особенности можно наблюдать при постройке нового дома и при переходе из старого дома в новый.

Так, при «окладке» (закладке) нового дома, когда положат первые продольные бревна, то в «гнездыях», вырубленных в этих брёвнах для наложения на них поперечных бревен, делают небольшие углубления во всех углах и в них кладут — в каждое углубление — по кусочку хлеба, по маленькому камню и сколько-нибудь денег (кто сколько может: богатые кладут серебряные монеты, бедные — медные). Это дань суседке, чтобы она благоволила к хозяевам. Затем в переднем углу ставят маленькую цельную, с корнем, кедринку и приговаривают: «Вот тебе, мать-суседушка, теплый дом и мохнатый кедр»...

Потом приглашают священника и служат молебен. По окончании молебна поперечные брёвна вкладывают в свои гнездыя и на веки закрывают углубления с хлебом, камнями и деньгами, а кедринка остается в переднем углу и ни под каким видом не выбрасывается вон. Потом кладут следующий венец, за ним третий, на него кладут балки и настилают пол, и кедринка, таким образом, пристраивается в переднем углу подполья, где её и можно видеть в любом сургутском доме. Эта кедринка, по-видимому, и служит главным местопребыванием домово́й суседки. По крайней мере, те, кому случалось её видеть в подполье, обыкновенно видели её вблизи этой кедринки.

Точно так же, переходя из старого дома в новый, хозяева выводят с собой и старую домовую суседку, приглашая её словами: «Матушка-суседушка, пожалуй с нами в новый дом», где ей отводится обычное место — в переднем углу подполья.

В случае нерасположения к хозяевам, суседка вредит иногда также и тем животным, которые временно помещаются в избе. В особенности достается от нее курам, которых сургутяне по зимам держат в подполье. Если их невзлюбит суседка, то она мучит их не меньше людей. Это замечают по тому, что куры вдруг ни с того ни с сего, большей частью ночью, когда им следовало бы спать, поднимают под нечкой возню, начать неистово махать крыльями, биться и летать. Это, уж непременно, их «вертит» суседка. А когда их вынут из-под печи, то они оказываются еле живыми и страшно измученными,

установившимися. После этого куры обыкновенно начинают хиреть и потом вскоростидохнут. И вот, чтобы умиловать суседку и заставить её полюбить кур, сургутяне пекут маленькие кругленькие караваешки хлеба, втыкают их на лучину и засовывают эту лучину за матку под печкой так, чтобы ни кошка, ни куры не могли достать этого хлеба. Потом, через некоторое время, смотрят: если хлеба нет, значит, его съела суседка и теперь уже она не будет более трепать кур. Если же хлеб ещё лежит, то значит, суседка им брезгует и требует иного, и тогда чёрный хлеб заменяют белым. Если же и это не помогает, и суседка по-прежнему продолжает трепать кур, тогда принимаются уже другие меры, носящие, так сказать, оборонительный характер. Именно: к ногам кур привязывают по клочку «карсучьей» шерсти*, на манер овечьей «ногавки» (так называют сургутяне клочки разной материи, которые привязывают летом к ногам овец, чтобы отличать их в стаде одну от другой). Карсучью шерсть суседка почему-то особенно не любит и даже чуть ли не боится её, по крайней мере, по словам сургутян, никогда не трогает тех кур, у которых привязаны «ногавки» из карсучьей шерсти.

Если же карсучьей шерсти нет в доме, то бросают в курятник ножик, чтобы суседка обрезала себе лапы, или употребляют такие приемы: сажают курицу (которую «вертит» суседка) на заслонку и тихонько стегают её помелом (или же просто только трясут помелом над курицей). Затем от этого помела щиплют «ёлочки» веника и отрезают лоскуток привязи, которою помело завязано, и все это кладут в ковшик с «жаром» (угольями) и этим дымом подкуривают верченую курицу. Обкуривают также верченных кур в первом дыму, когда только что затопится печь, держа их на руках на шестке. А чтобы вообще суседка не портила здоровых кур, то обыкновенно в Спиридонов день (12 декабря) сажают их под кадку, после чего, по словам сургутян, суседка уж не тронет их до следующего Спиридонова дня.

* Кажется, барсучей шерсти, но рассказчики всегда произносят «карсучьей».

Теперь мы перейдем к воззрениям сургутян на *скотскую соседку*.

Эта соседка живет в «загородях» и также является верховной хозяйкой над всей находящейся там скотиной. Точно так же и здесь: одних лошадей или коров она любит, других — нет. В первом случае скотина бывает (благодаря заботам соседки) сытая, здоровая, сильная, во втором — она начинает сохнуть, хиреть, не пьет и не ест. Если соседка полюбит какую скотину, то даже таскает из чужих загородей сено для неё, отчего скотина эта и бывает такая сытая. В знак своего расположения скотская соседка (подобно избной) заплетает у лошадей в гривах «косы» — тоже скомканные в виде войлока пряди волос. Эти «косы» хозяином лошади тщательно хранятся и никогда не распутываются, чтобы не прогневать соседки. А каких лошадей соседка невзлюбит, тех по ночам она мучит, ездит на них по загороди, и утром хозяин находит их в мыле и поту, крайне утомленными и измученными. Это значит — ночью ездила соседка. Тогда, чтобы умиливать её, пекут круглый маленький хлебец, посыпают его солью и кладут в загороди под матку, приговаривая: «Матушка-соседушка, вот тебе хлеб да соль — полюби нашу скотинушку». Если и после этого соседка не перестанет объезжать лошадей, то пришивают к уздам у лошадей карсучью шерсть.

Но, кроме этого, во избежание вообще немилости со стороны скотской соседки, сургутяне ежегодно, в великий четверг, приносят, так сказать, жертву этой соседке. Именно: в этот день пекут маленькие кругленькие хлебцы и относят их в загороди, под матку. При этом обыкновенно положенных в предыдущий год караваешков хлеба уже не находят на старом месте, хотя всегда кладут их так, чтобы скотина не могла их достать. Это означает, по словам сургутян, что хлебцы эти съедает соседка.

Такие же хлебцы кладут и в новые загороди, когда из старых переводят туда скот, с тем же обычным причетом: «Вот тебе, матушка, хлеб да соль, а ты полюби, пой и корми нашу скотинку»...

Банная суседка представляется сургутянам существом более злым и страшным, чем избная и скотская. По-видимому, в противоположность этим последним, которые хотя и причиняют иногда неприятности, но могут также делать людям и добро, банная суседка не способна к добру и всегда причиняет людям только зло. Поэтому сургутяне боятся её гораздо больше, чем первых двух, и точно так же стараются её при случае задобрить, как и тех. Для этого, когда топится баня и все вымоются, последнему, кто мылся, ни под каким видом не позволено выливать на себя совершенно всю воду, а нужно хоть немного её оставить в кадке. Эта вода и предназначена для банной суседки, и оставляется она с обычным причетом: «Вот тебе, мать-суседушка, водица, мойся и парься в тёплой баньке»...

Если же воды не оставить, то суседка рассердится и в следующий раз, когда будут топить баню, может до смерти запарить хозяина её (или, вернее, хозяйку, так как здесь обыкновенно баню топят бабы). Точно так же банная суседка не любит, если в баню ходят в «третий пар», т.е. в третью смену. Этот третий пар — худой пар, и если пойти одному в этот раз в баню, то может явиться суседка и запарить до смерти. Обыкновенно она является в образе какого-нибудь знакомого или родственника, который тоже якобы приходит в баню помыться. И когда тот, кто мылся, обращается к этому пришедшему с просьбой окатить его или потереть спину, то банная суседка, принявшая вид человека, начинает окачивать горячим кипятком, и, по словам сургутян, бывали случаи, что обваривала людей до смерти.

О таких проделках банной суседки здесь ходит немало рассказов. Так, однажды в с.Локосовом (в 100 верстах от Сургута, по Оби вверх) мылись три человека в бане — двое сургутских казаков и третий — местный (локосовский) поп. Казаки вымылись раньше и вышли из бани в предбанник, поп же остался. Вдруг они слышат дикие стоны и мычанье попа, вбегают в баню и видят, что на попе верхом сидит кто-то мохнатый (поп же лежит, рас-

тянувшись на полу). Один из казаков от страха пустился бежать, а другой не оробел и догадался, что надо сделать: скинул с себя шейный крест, окунул его в воду, зачерпнув предварительно ковшик воды, и этой водой из ковшика брызнул в мохнатого... Тогда в бане поднялся страшный «трескоток» и мохнатый (это был банный) моментально куда-то исчез, а попа подняли еле живого, в бесчувствии. Когда с попом «отводились», то он рассказал, что, в то время как он сел мыться, из-за печки выскочил этот мохнатый, навалился на него и начал душить, тогда-то он и застонал... Но были ли у этого мохнатого хвост и рога, и вообще, какой был его внешний вид — участники этого происшествия от страха не могли рассмотреть.

Другой случай был в одной из низовских деревень. Мылись раз в бане мужик и баба (такое совместное мытьё мужа с женой здесь является общим обычаем). Мужик вымылся раньше, вышел в предбанник и через некоторое время кличет свою бабу: «Скоро ли ты там?» «Сейчас выйду», — отвечает баба. Он немного подождал и опять зовет её, та кричит: «Сейчас, сейчас», а сама не идёт. Это показалось мужику странным, что жена так долго замешкалась, и когда он, отворивши дверь в баню, в третий раз вскрикнул: «Да скоро же ты, наконец?» — то увидел, что жена его лежит без движения и без звука... Мужик выбежал из бани и крикнул народ, а сам тут же упал без чувств. Когда на крик сбежался народ, то бабу уже нашли мёртвой, с совершенно испечённым телом. Голос же, выходивший из бани, оказывается, принадлежал банному духу, который в это время «запаривал» бабу и отвечал за неё мужику.

Был такой случай и в Сургуте, когда банный явился раз к одной женщине, мывшейся в бане, в образе её матери, и начал обливать её кипятком, пока, наконец, эта женщина не выбежала голой из бани.

Эта боязнь банной соседки служит причиной того, что баня здесь является самым страшным местом, куда не только ночью, но даже и днем сургутяне ни за что

не пойдут в одиночку, а топят бани или моются там всегда компаниями. В банях же происходят самые «страшные» святочные гадания, о чём нам придется говорить ниже.

Духи, населяющие реки, леса и озёра

По мнению сургутян, в реках и озёрах (но не в болотах, которые являются специальной резиденцией лешего) живет особый водяной дух, те, кому довелось его видеть, замечали у него собачьи ноги и «тулово» (туловище), покрытое шерстью, как у выдры, некоторые видели также хвост и рога. Ютится этот дух преимущественно в глубоких местах, куда и утаскивает время от времени людей и скотину. Если тонет человек или лошадь, это значит, их тащит к себе водяной. Но человека он может утащить только тогда, когда на шее у него нет креста, с крестом же человек, по мнению сургутян, никогда не утонет. А если бывали случаи, что тонули люди и с крестом на шее, то это поражало всех и объяснялось обыкновенно тем, что или утонувший был большой нечестивец, которому не помог и крест, или же он наскочил на слишком дерзкого водяного, который, давно уже соскучившись по людям, с жадностью накинулся на человека и второпях не разобрал креста.

Водяной в особенности любит таскать к себе людей в полночь, «в худы часы», как говорят сургутяне. Вот почему сургутяне никогда не купаются ночью, особенно около полуночи, боясь, чтобы водяной не утащил их в воду. Кроме того, водяной почему-то особенно любит «парное тело» и всегда зарится на него. Поэтому никогда не советуют купаться тотчас по выходе из бани, «на парное тело», так как было много случаев, что как только кто из бани станет купаться, глядишь, и утонет. И не особенно даже давно был такой случай с одним сургутянином, который, забывши или пренебрегши наставлениями опытных людей, стал после бани купаться... И только что он зашёл на глубокое место, как сейчас же начал тонуть, хотя прекрасно умел плавать. К счастью, его вытащили из воды, и когда с ним «отходились» (он

был уже в бесчувствии), то сургутянин этот рассказывал (и сейчас рассказывает всем, кто хочет его слушать), что лишь только он зашёл вглубь, как водяной облапил его и первым делом принялся стаскивать с него крест (потому что в кресте не утопить человека), а пока он возился с крестом и снимал его, подоспела помощь, и рассказчика отбили у водяного.

Поэтому, когда кто тонет, то, чтобы спасти его, бросают в воду крест и этим отпугивают водяного, который и оставляет свою жертву. А если тонет скотина, например, корова или лошадь при переправе через реку, то нужно подъехать к тому месту, где она нырнула, и бросить в воду нож, тогда водяной выпустит свою жертву и опустится вглубь.

По-видимому, у здешних водяных есть свои излюбленные места, где они живут охотнее, чем где-либо ещё. Это обыкновенно те места, поблизости от которых находились некогда остяцкие поселения, ныне или затопленные водой, или сохранившиеся в так называемых городищах. Таких мест указывают несколько, как в протекающей под Сургутом речке Бардаковке, так и на Оби, и обыкновенно там никто из сургутян не купается и не переплавляет лошадей, потому что раньше будто бы здесь много гибло скотины и людей.

Не меньшее значение, чем водяному духу, сургутяне приписывают также и *лешему*, или лесному духу, который царствует в лесах, на сорах, но главным образом, в лесных болотах. Там он водит и «кружает» людей. Если кто заблудится в лесу или на болоте, то сургутяне обязательно приписывают это тому, что его водил или кружал леший, а потому и советуют, если кто заметит, что заблудился, непременно остановиться и сотворить молитву: «Да воскреснет Бог»... Леший тогда с громким хохотом и с шумным хлопаньем «в ладушки» удалится вглубь леса, и заблудившийся скоро отыщет дорогу. Иногда леший водит невидимым образом, иногда же принимает вид человека, обыкновенно какого-нибудь близкого знакомого или даже приятеля, который тоже якобы очутился в лесу с тою же целью, что и заблудившийся. Этот «приятель» предлагает вывести из лесу; ему, конечно, доверяешься, рассказывают сургутяне, и он тогда заводит в

такую трущобу, что становится уже несомненным, что имеешь дело с лешим, а вовсе не с приятелем. Тогда следует сотворить обычную в этих случаях молитву («Да воскреснет Бог»), и этот «приятель» превратится в громадного человека и с хохотом и шумом исчезнет в лесу... При этом, по словам сургутян, исчезая в лесу, леший (если он являлся в образе какого-нибудь знакомого человека) не преминет ещё как бы похвастаться: «Ха, ха, ха, — захохочет он диким хохотом, от которого мороз продирает по коже, — русского обманул, с русским шёл и русского провёл»...

Так что себя этот дух, очевидно, считает не русским. В этом нетрудно заметить влияние инородческой демонологии на сургутян, о чём подробнее у нас речь будет ниже.

Если леший присутствует где-нибудь невидимо, то, по словам сургутян, его можно сделать и видимым. Когда, например, едешь в лесу или по сору на лошади и последняя станет без всякой видимой причины шарашиться, бросаться в стороны, «тарашиться», это значит, что её не пускает леший, который стоит тут поперек дороги. Его можно прогнать обычным способом, т.е. сотворить молитву, но если при этом желательно сделать его видимым, то стоит только посмотреть вперёд, сквозь дугу меж ушей лошади, и тогда леший примет свой настоящий вид: страшного, огромного, выше леса, человека в белом одеянии. Если потом прочитать молитву, то он с шумом и грохотом удалится с дороги, и лошадь побежит обычным бегом.

Иногда леший принимает вид собаки или зайца, и если в таком виде перескочит через дорогу, то может «скрасть дорогу», т.е. путник или проезжающий потеряет путь и заблудится.

Любопытно, между прочим, что леший, по словам сургутян, не любит «матерских слов», и когда услышит в лесу такую ругань, то нарочито прибегает из своих болот, чтобы водить и кружать человека.

Точно так же, по словам сургутян, лешему бывает «тяжело», когда по какому-нибудь покойнику служат сорокоуст (или, как здесь говорят, «сорокоустью» служат).

У лешего есть и жена — «лешиха», с длинными волосами; но принимает ли она участие в проделках своего мужа и какое именно — нам не удалось узнать.

До какой степени сургутяне боятся лешего, можно видеть из того, что, при входе в лес, куда обыкновенно ходят лишь большими компаниями, например, за грибами или за ягодами, здесь устраивается целый ритуал, имеющий в виду охрану от лешего. Именно: перед тем как рассыпаться по лесу, «вожата» скликает всю компанию и кричит: «Собирайтесь в круг». Когда все станут вокруг, а «вожата» посередине, последняя произносит молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» На что компания отвечает хором: «Аминь», а вожата говорит: «Спасибо на аминь». И так до трёх раз. Потом все кричат «в голос» (хором): «Бог на помощь», тоже до трёх раз, и затем уже расходятся по лесу...

Делается это, по словам сургутян, для того, чтобы леший не увёл кого из «табуна»... «Долго ли до беды? Без молитвы не долго и прикоснуться нечистой силе»...

* * *

Существует у сургутян и верование в русалок, хотя в очень смутном виде. Русалки, по их мнению, это обитательницы лесных озер, где они сидят у воды и моются, закрывшись волосами, волоса же на них длинные, вроде конских хвостов.

Если, не благословясь, броситься в таком озере в воду, то обязательно схватит русалка и вцепится прямо в «икрянку» (икры ноги) и втянет в нутро. Если не оробеешь и сотворишь молитву, то силы хватит вырваться от русалки, но только все-таки «мякоть» (ноги) останется, «у ней — половину оторвёт: столь она цепка»...

Посредники между людьми и нечистой силой

По мнению сургутян, есть лица, которые находятся в сношениях с нечистой силой и, пользуясь этими связями, могут причинять людям различные неприятности. Эти лица известны здесь под именем «чернокнижников», «еретиков» или «еретиц»* и «вещиц». В противоположность «ере-

* Реже, и лишь только в пояснение, называют их ещё колдунами и колдуньями, чародеями и чародейками, и хотя эти последние эпитеты известны в Сургуте, но сами сургутяне, в своих рассказах об этих посредниках, всегда называют их общеупотребительными в здешнем крае терминами: еретики и чернокнижники.

тикам», которыми бывают как мужчины, так и женщины, «чернокнижниками» бывают обыкновенно только мужчины, а «вещицами» — одни только женщины. «Может быть, в других местах, — говорят по этому поводу сургутяне, — где есть грамотные женщины, чернокнижницами бывают и бабы, но у нас об этом не слыхивано, чтобы бабы были чернокнижницами»...

По словам сургутян, *чернокнижника* можно узнать и по наружному виду: он никогда не стрижёт ногтей, не чешет волос и не молится Богу.

Объект влияния чернокнижников — человек, с ним они могут сделать что хотят: вылечить, испортить, причинить другой какой вред, и все это посредством заговоров. Но заговоры чернокнижников действительны только на один год, и каждую Христовскую заутреню их нужно подновлять. Подновление это заключается в том, что чернокнижник во время заутрени должен прочесть (про себя, молча) все сделанные им за год заговоры, и те из них, которые он не успеет произнести, теряют свою чудодейственную силу, причём в это время он отнюдь не должен оглядываться назад. Если же к нему подойти сзади, когда он читает свои заговоры, и толкнуть его в зад, сказать: «Христос воскрес!» — и он оглянется, то тут же упадет мёртвым. В лучшем для него случае — доберётся до дома, не достояв заутрени, и все-таки умрёт...

По мнению сургутян, чернокнижник всегда умирает «не своей смертью» и обыкновенно в тот момент, когда он отходит, на крышу того дома, где он лежит, слетается множество воронья. Это вороньё, которое вдруг «ниоткуда» появляется целой стаей над тем домом, где лежит умирающий, и начинает «нещадно» каркать, как над «пропастиной» (падалью), — и является в глазах сургутян самым верным признаком того, что умирает чернокнижник. А после его смерти в том доме, где он жил, долгое время «маячит» и «чудится», т.е. разгуливает по ночам какое-то привидение* в белом одеянии, которое и видят нередко в полночь обитатели этого дома. По мнению сургутян, это

* У сургутян есть слово «привиденье» или «призрак», но чаще они называют его «мечтой».

бродит тень чернокнижника, и она будет до тех пор пугать людей, пока на его могиле не вобьют осиновый кол. После этого чернокнижник навеки уж успокоится и не станет более своей тенью тревожить людей...

Кроме чернокнижников, по словам сургутян, знают-ся с нечистой силой «еретики» и «еретицы».

От чернокнижников они отличаются тем, что при жизни, по-видимому, не делают никакого зла и вреда людям и вообще ничем не проявляют себя. Так что нет никаких наружных и видимых признаков, по которым можно было бы узнать еретика. Но сами они знают о своей связи с нечистым духом и перед смертью обязательно объявляют кому-нибудь из близких к ним лиц, например, жёнам или детям, чтобы их остерегались потом... И вот в первую же ночь после смерти, как только наступит полночь, еретик встаёт из гроба и бросается на живых людей, которых тут же и поедает...

Обыкновенно, если еретик перед смертью кому-нибудь объявится, то, когда он умрёт, ему связывают руки и ноги конскими волосами, а в могилу вбивают осиновый кол, после чего еретик не может уже встать из гроба и на веки прекращает свое людоедство.

Так как в здешней местности всегда (как увидим ниже) покойникам связывают ниткой руки и ноги, то еретик, на могиле которого ещё не успели вбить кол, по выходе из гроба не может ходить или бегать, как все люди, а только скачет, как собака, и точно так же не может разнять своих рук, а так и прыгает со связанными на груди руками. Но зато у него после смерти появляются длинные и острые зубы, которые он и пускает в дело, пожирая людей. А когда лежит в гробу, то этими зубами нещадно «скыркает» («скорчегает», скрежещет*) и этим наводит на всех окружающих необыкновенный ужас.

Еретики, как и вообще все люди, знающие-ся с нечистой силой, действуют только в полночь, «в непоказны часы», а затем, когда пропоют первые петухи, ложатся обратно в гроб.

* Отсюда у сургутян существует и поговорка: «он оскалил зубы, как еретик»...

В прежнее время, по словам сургутян, всех сомнительных покойников, т.е. таких, о которых «при живности» ходили различные подозрительные слухи об их сношениях с нечистой силой, всех таких лиц клали будто бы в особых церквях, нарочито для этого предназначенных, где и держали их в гробах известное время, не предавая земле, вроде как на испытании. Вот однажды, рассказывают сургутяне, такую церковь решился посетить ночью один смелый солдатик. Зашёл он в нее до полуночи и залез на печку, а сам взял с собой на всякий случай сковородку. Как только часы пробили полночь, все еретики, что лежали в церкви, выскочили из своих гробов и принялись прыгать и скакать по церкви. Но вскоре они учуяли свежий человеческий дух, обозрили солдата и мигом бросились к печке, но влезть на печку и достать солдата им не удалось, потому что солдат уселся на сковородке, а сковородка — известное дело — предохраняет от всякой этой нечисти. Тогда видят еретики, что ничего не могут поделаться с солдатом, и принялись от злости своими долгими зубами грызть печку. Они уже совсем было надгрызли печку, и солдат чуть было не свалился вниз, как вдруг запели петухи, и все еретики сейчас же разбежались по своим гробам. Тогда солдат слез с печки и, чтобы еретики не заметили его следов, куда он уйдёт, вышел из церкви «взапятки» (задом).

На следующую ночь солдат опять пришел, но в церковь не зашёл, а залез на дерево, что стояло здесь у церкви над колодцем. Очень уж хотелось ему досмотреть, что-то теперь будут делать еретики и найдут ли его.

Как только наступила полночь, еретики опять с шумом и с ужасным скрежетом зубов выскочили из своих гробов и прямо бросились к печке. Но солдата там нет, а следы ведут к печке, выходных же следов тоже не видно... С диким воем принялись они всюду разыскивать солдата и, выбежав из церкви, стали искать его по окрестностям. Здесь они увидели в колодце отражение в воде солдата, сидящего на дереве, и это отражение приняли за самого солдата. Обрадовались еретики, что наконец-то нашли его, и стали закидывать колодец камнями, думая, что погребают солдата... А когда пропели петухи, еретики опять залегли в свои гробы.

«Вещицами» бывают только женщины, разных возрастов, но всегда замужние. В обычное время их ничем не отличишь от других женщин, но как только наступает полночь, они сейчас же принимаются за дело. А дело это состоит в том, что по ночам они летают в виде сорок и вынимают у беременных женщин недоношенных детей, а у коров таковых же телят. И вынутых недоносков они потом жарят и едят. Ими, по-видимому, они только и питаются, без них же не могут жить.

Сургутяне, по их словам, не раз замечали, что беременные женщины, без всякой видимой причины, внезапно теряли свой плод. Женщина была, несомненно, беременна, бабка уже ощупывала у нее младенца, и скоро должны были наступить роды, как вдруг, проснувшись в одно утро, эта женщина с ужасом замечала, что она уж «опросталась» и у неё нет ребёнка... Это не иначе как ночью прилетала вещица и вынула его.

При этом взамен вынутого ребёнка вещицы кладут в опорожнённую утробу матери или кусок льда, или кусок хлеба, или голик (худой веник). Это делается в ту же ночь, причем сама же беременная женщина обыкновенно ничего не чувствует в это время, что с ней делает вещица, так как последняя напускает на неё в этом разе крепкий и глубокий, мёртвый сон.

Если вещица ничего не имеет против той женщины, у которой вынимает ребёнка, «не несет против нее никакого зла» (а надо сказать, что вообще вещицы, по словам сургутян, не несут против этих женщин никакой особой злобы, вынимают же у них ребят только потому, что без этого вещицы не могут жить, так как недоносками они только и питаются), то вместо украденного ребёнка вещица кладет в утробу матери кусок хлеба, после чего мать обыкновенно не чувствует никакой болезни и даже начинает «добреть».

Но если вещица зла на ту женщину, у которой она уносит ребёнка, то взамен его она оставляет или кусок льда, или голик. И тогда эта женщина испытывает страшные муки, которые не скоро проходят.

Иногда же, вынувши живого ребёнка, вещица подсовывает вместо него мёртвого — от какой-нибудь другой матери. Это делается тоже ночью, и беременная по обыкновению ничего не чувствует в это время, обман же обнаруживается только при родах, когда вдруг появляется «не отчего» мёртвый ребёнок, и при том обликом — ни в мать, ни в отца...

Чаще всего вещицы таким же порядком портят беременных коров, у которых тоже вместо вынутых телят кладут в нутро хлеб или лед, или голик. Все это, по словам сургутян, не раз находили у заколотых коров, закалывали же их потому, что несмотря на все видимые признаки беременности и, между прочим, отсутствие молока, эти коровы целые месяцы и годы не давали никакого приплода. А обыкновенно, когда вещица вынет у какой-либо женщины или коровы их плод, то она уже больше никогда не забеременеет, не «понесёт». И вот, если корова долго не телится, то догадываются, что вещица у ней вынула телёнка, и такую корову обыкновенно сейчас же убивают, потому что от нее уже не будет ни молока, ни телят, и держать её станет невыгодным. В утробе этих коров и находят вместо телят один их вышеназванных предметов, причем заранее можно предсказать, что именно там найдется, так как от льда корова зябнет, от хлеба её пучит, а от голика она сохнет.

По словам сургутян, вещицы летают по ночам в виде сорок, но без хвоста, обычным сорочьим полётом — то вверх, то вниз, то опускаясь, то поднимаясь. При этом над головой у таких сорок бывает замечен небольшой синеватый огонёк. И вот если в полночь, говорят сургутяне, увидишь бесхвостую сороку с синим, едва заметным огоньком над головой, ныряющую в воздухе то вверх, то вниз, — это непременно вещица, если же доподлинно хочешь узнать, кто же именно летает под видом этой сороки, то нужно снять штаны и, обернувшись к вещице задом, посмотреть на нее промеж ног, и тогда сорока, как клубок, упадёт на землю и превратится в ту или другую женщину, которая сейчас же бросится в ноги к тому человеку, кто её «обнаружил», и станет всячески

его упрашивать никому не сказывать об этом. И эта просьба вещиц обыкновенно всегда выполняется, потому что сургутяне уверены, что если её не исполнить и хотя бы под величайшей тайной рассказать об этом кому-нибудь, то про это непременно узнает вещица, так как она «всё знает», и жестоко отомстит болтуну, если этот человек женатый, то может испортить у него жену, а если холостой, то «напустить на него сухоту и тоску, а может сделать и хуже»...

Этим путем обнаружить вещицу могут только мужчины, бабы же, сколько бы ни смотрели на такую сороку промеж ног, не увидят вещицы в её настоящем виде. Но есть и другие способы обнаружить вещицу, доступные всем, без различия пола.

По мнению сургутян, у вещиц первый дым из печной трубы никогда не выходит спокойно и тихо*, а всегда его вертит и кружит клубами во все стороны, какая бы ни была погода. И вот если ранним тихим утром посмотреть на тот дом, где предполагается вещица, то первый дым, вместо того, чтобы подыматься по выходе из трубы ровно и спокойно вверх, будет клубиться и вертеться как бы от сильного ветра. Это уж несомненный признак того, что в этом доме живет вещица.

Если женщина, относительно которой предполагают, что она летает вещицей, придёт в гости, то стоит только перевернуть заслонку (дужкой в нутро) печи, находящейся в той же комнате, где сидит гостя, как эта женщина, если она действительно вещица, сейчас же уйдет из гостей. И как бы её ни удерживали и ни спрашивали остаться, хотя бы «пировье» было в самом разгаре, она не усидит и под тем или другим предлогом обязательно уйдет из этого дома.

Тем же способом очень легко и не допустить вещицы в дом, если кто не хочет её видеть, так как вещица сейчас же узнает, что в печи перевернута заслонка, и как бы ей ни нужно было войти в этот дом, она не войдёт.

Но этим способом можно предохранить себя от посе-

* По этому поводу у сургутян есть чрезвычайно картинное сравнение — «дым из трубы, как медведь, лезет».

щения вещицы только днём и когда она является в своём настоящем виде, т.е. в образе той или другой женщины, когда же она летит ночью под видом бесхвостой сороки, то для неё не имеет никакого значения печная заслонка, так как она в этом случае входит в нужный ей дом всегда под передний угол. Этот угол ночью вдруг подымается, в нем появляется синенький огонёк, и влетает вещица. Здесь она принимает человеческий облик — или свой настоящий, или какой-нибудь близко знакомой той женщины, за ребёнком которой она прилетела, но чаще всего вещица является в образе той бабки, которая недавно «правила живот» у этой женщины. И сейчас принимается за своё тёмное дело — вынимать ребёнка у беременной.

Впрочем, есть средство и спастись от вещицы. Именно: если беременная женщина спит со своим мужем, то стоит только последнему положить на жену руку или ногу, как вещица уже не может дотронуться до этой женщины. Если же мужа нет дома, то тогда жена на ночь всегда должна подпоясываться мужниным «ошкурком», или «гашиком» (пояс вокруг штанов), и в таком случае вещица тоже не может ничего с ней поделаться. Повертится, повертится около неё и увидит, что нельзя к ней подступить, так и улетит ни с чем...

Что же касается ночных походов вещиц, то о них сургутяне рассказывают так.

Вещицы, как и все такие существа, стоящие в связи с нечистой силой, летают только в полночь. К этому времени женщина, которая летает вещицей, обыкновенно крепко-накрепко усыпляет (при помощи разных таинственных снадобий) своего мужа (если таковой у неё имеется), а сама отправляется в подполье. Там у нее расставлено в известном порядке 12 воткнутых ножей. Она как-то перевёртывается через эти ножи, и при этом половина её туловища, начиная от груди, у неё отпадает, а остаются только голова и руки. Затем эти голова и руки превращаются в сороку (без хвоста), причём из рук получаются крылья. Другую же часть туловища вещица оставляет в подполье и прячет её под поганое корыто. Потом она вылета-

ет из подполья и через трубу вылетает на улицу. Из своего дома, таким образом, вещица всегда вылетает в трубу. Этим обстоятельством здесь пользуются, чтобы обнаружить вещицу. Именно: если кто-нибудь из её домашних, например, муж, заподозрив жену в летании вещицей, захочет окончательно в этом убедиться, то ему советуют в верхней заслонке, закрывающей трубу, начертить на саже крест, и если его жена действительно вещица, то у неё после этого в ту же самую ночь заболит лоб: при полете через трубу она наткнётся на крест и «доспеет» себе на лбу шрам, который потом будет болеть у неё до самой смерти. Сургутяне по этому случаю рассказывают про одну старуху, которая летала вещицей и над которой проделали эту штуку, что она до самой смерти ходила с завязанным лбом...

Таким образом, если в полночь сургутяне услышат щекотанье сорок, это значит — слетелись вещицы и готовятся отправиться на свой промысел, так как сургутяне уверены, что настоящие сороки в это время спят и ни под каким видом не летают. Вещицы же нередко «промышляют табунами», по две и по три вместе, и у них даже бывает своё особое место, обыкновенно какая-нибудь пустая нежилая изба, стоящая где-нибудь «на пустоплесье», куда они слетаются каждую ночь и приносят свою добычу. Здесь они её жарят и едят.

А перед тем как выйти на промысел, чтобы удобнее было совершать своё тёмное дело, вещицы «закрывают даже месяц», если бывает лунная ночь. Но, по мнению сургутян, это могут делать не все вещицы, а только те, которые «дошли до всего», и обыкновенно про таких вещей здесь говорят, что это — самые «дошлые».

По словам сургутян, «вещицы летают с города на город», т.е. в одну ночь могут перелетать громадные пространства. Так, сургутяне уверяют, что бывали случаи, когда тобольские вещицы появлялись в Сургуте и вместе с сургутскими улетали в Березов, а к утру той же ночи все они уже были по своим местам и как ни в чём не бывало спали около своих мужей.

Прилетевши с промысла домой, вещица обычным

порядком спускается в подполье, где, после перевертывания через ножи, принимает свой настоящий облик и спокойно ложится возле мужа. Таким образом, мужья обыкновенно ничего не знают о том, что их жёны летают по ночам вещицами, и некоторые доживали даже до старости и умирали, не подозревая ничего подобного за своими жёнами. Женщины, превращающиеся вещицами, как мы уже видели, в высшей степени тщательно хранят эту тайну и до самой своей смерти никому не объявляют об этом. Но перед смертью они, как и вообще все существа, знающиеся с нечистой силой, обязательно должны передать свой секрет кому-нибудь другому, иначе им не умереть и нечистая сила, с которой они знали всю жизнь, будет их мучить и томить все время, пока они не передадут своего искусства какому-нибудь другому лицу. Чаще всего они передают свой секрет дочерям, так что, по словам сургутян, вещицы бывают наследственные, и здесь указывают не одну семью, где вся женская половина, начиная с прабабки и кончая внучкой, были вещицами.

По словам сургутян, всех вещиц известной местности можно переловить в Христовскую заутреню. Делается это так: с первого дня великого поста нужно оставлять по полону от каждой утренней истопки, и делать это в течение всего поста, а в Христовскую заутреню этими дровами затопить печь. Вещицы обязательно слетятся просить огня. Когда они столпятся у шестка, то нужно между ними и дверью вытащить из полу половицу, и тогда они уже не могут выйти из избы, и тут их бей хоть кнутом...

Но вообще вещиц, по мнению сургутян, не следует дразнить и беспокоить, так как за всякую причинённую им неприятность они потом жестоко расплачиваются с людьми. По этому поводу здесь рассказывают такой случай, бывший будто бы в старину с одним из сургутских священников.

Раз этот священник гулял поздно ночью по берегу Бардаковки (протока, на которой стоит Сургут). Вдруг он заметил в одном из опрокинутых больших пустых каюков какой-то огонёк, он приложил глаз к щели каюка и уви-

дел одну сургутскую старуху, которая на небольшом огоньке жарила ребёнка. Ни слова не говоря, он отошёл прочь и решил наказать эту старуху, когда она придёт к нему на исповедь. И вот, когда подошло время исповеди, явилась к нему и эта старуха и рассказала все свои грехи, но о ребёнке скрыла. Тогда он стал допытываться у нее, чтобы она рассказала ему ещё про один свой грех, о котором знает и он. Но как он ни уговаривал её признаться в этом грехе, старуха все отпиралась и твердила одно, что не знает за собой больше никаких грехов. Тогда священник объявил ей то, что видел в каюке, и сказал, что за это он не даст ей завтра причастия. И действительно не дал. Это, конечно, заметили и все другие богомольцы, бывшие в храме, и по Сургуту пошла ходить нехорошая слава про эту женщину. Её стали все сторониться. Конечно, это озлобило старуху, и вот как-то, встретившись с попом, она заявила ему: «Ну ладно, батька, будешь ты у меня помнить»...

Затем, через некоторое время, эта старуха померла. Немного спустя после этого, является раз в полночь к этому священнику его псаломщик: «Батюшка, — говорит, — пора благовестить к заутрени, благословите!» Священника это поразило, что больно уж рано пришёл псаломщик, но так как у него часов не было, то он и подумал, что, может, и проспал и, благословив псаломщика на благовест, сказал ему: «Звони, сейчас и я приду». И, не дожидаясь, по обычаю, звона, пошёл в церковь, взяв с собой и своего малолетнего сына, которого он любил водить в церковь. Через несколько часов после этого, когда матушка уже стала тревожиться, что это не слышно звона и в то же время батька не идёт из церкви, к ней заявляется псаломщик и говорит: «Пора уж звонить к заутрени, где батюшка?» Та в ужасе рассказала ему, что он же приходил за её мужем, и последний давно уже в церкви... Созвали народ, бросились к церкви, и когда пришли туда, то в алтаре нашли священника задушенным. Стали искать мальчика и нашли его, еле живого от страха, под престолом. Когда его расспросили, то мальчик рассказал, что как только они вошли в церковь, на них накинута какая-то «баушка» с криком: «Наконец-то я

дождалася тебя, мой друг», и стала отца душить, тот было начал отбиваться крестом, но ничего не помогло, а сам мальчик со страху залез под престол...

Тогда все поняли, что в образе псаломщика приходила недавно умершая вещица, которая давно уже несла зло на священника, и задушила его в церкви.

Но в последнее время, заключают обыкновенно свои рассказы сургутяне, вещицы стали как-то реже появляться, чем раньше, и уже больше портят коров, чем людей. Но коров они портят часто и теперь, вот почему новотельным коровам, по первому телёнку, здесь обыкновенно завязывают рога мужским «ошкурком» (пояс от штанов), «чтобы вещицы не утащили телёнка»...

Очень близко походят на вещиц, по рассказам сургутян, так называемые здесь «волшебницы». Ими тоже бывают только женщины, но, по-видимому, не одни замужние (как вещицами), а и девушки. Единственное их занятие состоит в том, что по ночам они разрывают на кладбище свежие могилы и «обдирают» (едят) только что похороненных покойников. Ими они только и питаются. Этим, главным образом, и отличаются волшебницы от вещиц, но отличаются, по понятиям сургутян, очень резко. Вещицы никогда не «обдирают» покойников, как, в свою очередь, и волшебницы никогда не вынимают у женщин и коров недоносков. И не одна вещица ни разу не была в то же время и волшебницей, как и волшебница — вещицей. Но во многих других отношениях они очень походят друг на друга.

Волшебницы, как и вещицы, в обыкновенное время ничем не отличаются от остальных женщин, и по наружности их нельзя заметить. Но, однако, есть один способ обнаружить и проделки волшебницы. По этому случаю у сургутян существует такой рассказ. У одного мужика была жена волшебницей. Так же, как и все, она летала по ночам на кладбище и обдирала покойников. Вот мужику и стали говорить про жену: «Куда же ты, мол, смотришь? Жена-то твоя что делает?» Сначала он не верил, хотя и замечал за женой такую странность: как только они сядут обедать, жена все говорит: «Я сыта». «Где же ты ела?» — молчит. Тогда некто научил мужа доглядеть свою жену: «Когда будешь ложиться спать с женой,

то защеми конец одеяла между большим и следующим пальцем ноги, и она не в состоянии будет тебя усыпить. (Обыкновенно к полуночи она усыпляла мужа и отправлялась на кладбище). А когда она пойдет, ты встань и посмотри в продущину между двух пальцев — указательного и среднего, и увидишь все её проделки...» Мужик так и сделал и, убедившись, что жена у него волшебница, тут же её убил.

Вообще, о волшебницах у сургутян существует очень мало рассказов и, кроме только что приведённого нами (как видит читатель, далеко не полного), нам ни одного не удалось записать*.

* * *

В заключение следует рассказать ещё об *оборотнях*.

Оборотни, по мнению сургутян, особая порода людей. Это — не чернокнижник и не вещицы. Оборотнями могут быть как мужчины, так и бабы, причём первые превращаются чаще в медведя, вторые — в свинью. Превращения эти происходят, по-видимому, тем же путем, как и у вещиц, т.е. в подполье эти лица перевёртываются или перескакивают через двенадцать ножей и затем превращаются в то или другое животное. Если эти ножи украсть в то время, когда оборотень странствует, то он навеки так и останется в том виде, какой принял. По этому случаю у сургутян есть очень трогательный рассказ про одного медведя-оборотня, на которого «было жалостно глядеть», когда он скитался по лесам, не привыкший к условиям медвежьей жизни и не будучи в состоянии снова сделаться человеком, так как его ножи кто-то «свистнул»...

Оборотни могут превращаться также и в налимов. Про это здесь рассказывают такой случай. Раз зимою ловил мужик «самоловами» рыбу и добыл «матеряющего» на-

* Когда какая-нибудь женщина надевает шубу наизуоборот (на святках или чтобы попугать кого), то сургутяне говорят про неё: «Ну и вырядилась же ты, точно полудница». Очевидно, раньше здесь существовало какое-то поверье и о полудницах, но больших сведений нам не удалось собрать. По этому поводу считаем не лишним заметить, что у зырян Усть-сысольского уезда василек называется по-зырянски «полуднича синь», т.е. «полудницын глаз». Но что такое «полудница» (не зырянское слово) и почему этот цветок называется её глазом, мы не могли узнать у зырян.

лима чуть не в человеческий рост. Кликнул жену и говорит ей: «Убей поскорей налима, а то он, пожалуй, будет биться-биться и заскочит в воду, и свари мне из него уху»... А сам пошёл дальше осматривать другие самоловы. Жена же подумала: «Вряд ли в такой мороз заскочит налим в воду, поди уж он давно «доспелся патанкой»*, и стоит ли его бить?» И ушла домой**. А налим тем временем трепетался-трепетался на льду, добился до луны и юркнул в воду...

Осмотревши самоловы, возвращается мужик домой — и что же? Нет ни ухи, ни налима... Не говоря лишнего слова, мужик сейчас же задал жене трёпку за её «провинку» и строго-настрого приказал ей впредь слушаться мужа, а о случае с налимом вскоре и позабыл.

Вот в ту ли зиму или на другую, пришлось этому мужику приехать раз в город. Встречается он на базаре с каким-то купцом, и вдруг этот купец здороваётся с ним, как будто бы это был его старый хороший знакомый, и зовет к себе в гости... Мужик вытарашил глаза и с удивлением посмотрел на купца, которого он видел в первый раз в жизни, а тот здороваётся с ним, как со старым знакомым, да ещё зовет его в гости... Но в гости отчего не пойти? Пошёл. Пришли они к купцу, и начал он угощать мужика и водкой, и чаем, и разными закусками. Мужик сидит и ест, от угощенья не отказывается, но в то же время думает: «Вот чудо-то, вот диво-то! И в глаза не видал этого купца, а как он меня угощает, чтобы это значило?» После того купец и говорит мужику: «Отвези, брат, пожалуйста, от меня своей жене подарочек, что я тебе дам». И начал он тут откладывать мужику разные материи — «и шёлковы, и атласны, и гарусны», и разные ожерелья, и серьги, и кольца... Тут мужик не вытерпел и спрашивает купца: «Скажите же, пожалуйста, кто вы такой будете и за что вы дарите жену мою?» — «Вот за что я её дарю, — отвечал купец,

* Сделался мерзлой рыбой. «Патанка» — мерзлая рыба, которую в Сургуте так и едят, не оттаивая.

** По другим рассказам, сжалилась над налимом и сама его бросила обратно в воду.

— помнишь ты, как раз зимой добыл ты матёрого налима и приказал жене сварить из него уху, а она не послушалась тебя и не сварила уху, а бросила налима опять в воду? Вот этот налим и был я, и за то твою жену дарю, что она не убила меня. Я ходил допоздна в реке, отстал от товарищей и наткнулся на уду, и спасибо жене твоей, а то быть бы мне в ухе, и вот за это ей и подарочек»... После этого мужик спрашивает: «Для чего же вы ходите налимом?» «А видишь ли, братец, мы промышляем на песках рыбу, вот и хотим узнавать, где рыбы останавливается больше, там и делаем промысел»... Тогда мужик понял, что перед ним оборотень, взял поскорей подарки и — домой.

II. Взгляды сургутян на различные церковные праздники и периоды и сопровождающие их местные обычаи и обряды

День *нового года* (1 января) в Сургуте ничем не отличается от прочих святочных дней (о которых подробнее мы будем говорить ниже). В настоящее время это обыкновенно самый разгар святок и святочного ряженья, но, по словам сургутян, рядиться в здешнем крае на святках стали не так давно. В прежнее время, по рассказам стариков, всего каких-нибудь 30—40 лет тому назад, ничего этого здесь не было и в помине. Тогда просто ходили по вечерам в течение всех святок «табунами» под окна (в своей обыкновенной одежде) и, стоя у окон, изменив лишь немного свой голос, вели какие-нибудь заинтриговывающие разговоры с теми, кто был в избе, шутили, смеялись под окнами, но в избу не заходили. Это называлось тогда «идти слушать». От этого обычая и теперь ещё святочное ряжение сургутяне зовут «слушаньем» и даже говорят часто про тех, кто ходит рядиться: «Они ходят слушать», или, приглашая кого-нибудь на ряжение, говорят: «Пойдем слушать». Так объясняют сами сургутяне этот обычай. Но теперь они уже не ходят

под окна, а заходят переряженными в дома, где и предаются обычным святочным увеселениям.

И в Сургуте, как везде по России, святки, и в особенности канун нового года, являются временем гаданий молодёжи о своей будущей судьбе, но подробнее об этом мы будем говорить в другом месте. Здесь же рассмотрим только главные церковные праздники и периоды, начиная с крещенского сочельника, и расскажем о сопровождающих их в Сургуте местных обычаях и обрядах.

Вечер *крещенского сочельника* сургутяне называют «страшным вечером» и говорят, что в это время нужно особенно опасаться нечистой силы, которая, как бы встревоженная предстоящим водосвятием, начинает повсюду метаться и бросаться. Поэтому, придя из церкви, все окна и двери закрещивают углём или мелом. А принесённой из церкви святой водой, окропивши дом, непременно потом окропляют и скотину, потому что, по словам сургутян, если не окропить святой водой скотину и загородь, то в эту ночь нечистый «шибко» будет мучить скот и на завтра (в Крещение утром) его найдёшь в мыле и в поту.

Вместе с водой приносят также из церкви и свечку, которую ещё в церкви опускают в воду и так в воде и держат всё время. Эта свечка также имеет большую предохранительную силу от нечистых духов. Так, когда выпускают весной в поле скотину, то кусочек богоявленской свечи прилепляют к скоту: у коров — между рогов, а у коней — под гриву или под чёлку. И тогда эту скотину ни леший в лесу, ни водяной в воде не посмеют тронуть.

В крещенский же сочельник ходят слушать в загородь, как разговаривает скотина. В эту ночь коровы и лошади ведут меж собой разговоры о разных житейских делах, и при этом слушателям нередко удавалось будто бы узнавать о таких вещах, которых они даже не подозревали, например, о предстоящей смерти кого-либо из близких или даже самого слушающего, о совершённой кем-либо краже и т.п.

На *Крещенье*, после водосвятия, здесь, как и во многих других местах, те, кто ходил на святках ряжеными, купаются в проруби, чтобы смыть с себя этот грех, так как ряженье старыми людьми считается большим грехом. Но,

впрочем, благодаря сургутским холодам (в это время морозы нередко доходят до —50 градусов), на это решаются очень немногие, и такое купанье бывает не каждый год.

Следующим за Крещеньем «праздником» здесь является *масленица*, которая, как и везде, сопровождается устройством «катушки» (ледяной горы) для молодёжи и катаньем на лошадях вокруг города, в последние три недели со стороны более солидного люда. А в «прощённый» день (последний день масленицы) ходят «прощаться» к старшим, а также и на могилки к родственникам. «Прощанье» со старшими обыкновенно состоит в том, что, поездив некоторое время вокруг города, молодые супруги (всегда вместе) к вечеру заворачивают к своим старшим родственникам или к родителям, если живут отделившись, или к крёстным — отцу и матери, здесь очень уважаемым, или к дядям, и вообще к почтенным и пожилым людям. После непродолжительного угощения (чаем и водкой*), прибывшие встают и, кланяясь в ноги хозяевам, произносят обычную фразу, например: «Прости ты меня, Павел Николаевич». На что старшие отвечают: «Бог тебя простит, и ты меня прости». И затем целуются и уходят.

После этого обряда масленица считается законченной и все должны разойтись по своим домам, и отужинав («заговевши»), мирно предаются сну, но в действительности, конечно, молодёжь продолжает масленичное веселье — езду на лошадях с песнями, играми, с музыкой далеко за полночь.

Наступает великий пост. Из всех дней этого поста больше всего обращает на себя внимание сургутян почему-то *великий четверг*, который сопровождается здесь разными обрядами и приметами, имеющими несомненную связь с нечистой силой.

Прежде всего накануне великого четверга заготавливают так называемый «четверёжный огарок»** и «четверёжную соль».

* В Сургуте нет обычая на масленицу печь блины, хотя они употребляются здесь в других случаях, и на масленице угощаются тем же, чем и в другие дни.

** Иногда говорят и «четверговый», но чаще — «четверёжный».

«Четверёжный огарок» заготавливается так же, как и «Васильевский» (заготавливаемый накануне нового года и имеющий большое значение в гаданиях, где мы и будем говорить о нём), именно: первый огонь вечером в великую среду добывают (из печки — на лучину, которой потом и зажигают свечку или лампу. Эта обожжённая лучина и есть «четверёжный огарок», и ему сургутяне приписывают большую чудодейственную силу, главным образом, против водяных и леших. Так, когда выпускают скотину в поле, то, чтобы её не тронули эти нечистые духи, «четверёжным огарком» ставят кресты на копытах и на лбу у скота и этим надеются предохранить его от водяных и леших.

Четверёжная же соль готовится так: завернувши щепотку соли в тряпочку или в узелок, сначала обмакнув его в воду и затем вечером в среду, пока ещё не «стухла» вечерняя заря, кладут эту тряпочку с солью в пепел, в печку, где она лежит до утренней зари. Утром в великий четверг, на заре, её вынимают из печки и кладут в продушину в избе на три зари (на три дня), после чего она приобретает целебную силу, и вечерней зарей на третий день её вынимают из продушины. Употребляется же четверёжная соль так: в ковшик наливают воды и бросают туда щепотку этой соли, затем ковшик ставят непременно на заслонку или на шесток перед печкой (а отнюдь не носят в какое-нибудь другое место), и к шестку подходит желающий пользоваться четверёжной солью. При этом оставшуюся в ковше воду непременно нужно выливать в печку, в горн, и при том «наотмашь» (назад от себя). Этой водой моют лицо от «призаров» (прыщей) и от других болезней.

Затем, в великую среду, соблюдается ещё такой обычай. Вечером, когда подоят коров, то пустой подоюнок выносят на вечерней заре во двор (обыкновенно же его держат в избе) и отверстием ставят против восточной стороны. Здесь он в таком положении должен пролежать две зари — вечернюю и утреннюю (четверговую), после чего его ставят на своё обычное место. Делается все это, по

словам сургутян, для того, чтобы на молоке было больше «снимку», т.е. больше бы получалось сметаны и сливок.

В великий четверг, вставши рано утром, после уговения и пр., следует соскочить с трех ступенек крыльца или перескочить через три порога «взапятки» (задом): будешь весь год лёгким человеком, т.е. не будешь весь год хворать.

В этот же день, как мы уже говорили раньше, кладут маленький круглый караваешек хлеба под матку для скотской суседки, а в д. Кушникова (100 в. от Сургута вниз по Оби) наблюдают в этот день такую примету: из четырех огородов берут по горсти земли и несут на свой, удадутся огородные овощи, а также из 4 загородей берут по клочку сена и кладут в свою: будет скотина всегда сыта*.

Великим же постом бывает обыкновенно и *Благовещение* (25 марта), которое считается здесь большим праздником. Сургутяне почитают его больше Пасхи. «Раз стали, — говорят они, — на Благовещение (совпавшее с Пасхой) служить наперед Христовскую службу и не могли дожидаться света — солнце не появлялось, сколько ни служили, а когда стали Благовещенскую службу служить, то солнце уже было на западе — так и не пожелало оно в тот день светить людям»...

В Благовещеньев день, по словам сургутян, «птица гнезда не вьет, девица косы не плетет»... Кукушка нарушила раз это правило: стала как-то гнездо себе вить на Благовещение, и Бог её проклял... С тех пор она и летает по чужим гнездам и «так-то ли жалостно кукует»...**

Точно так же спать с женой на Благовещение здесь считается большим грехом. Сургутяне указывают несколько случаев, когда попы накладывали епитимью на мужа (а не на жену), если в Рождество родился ребёнок, так как в этом случае здесь думают, что такой ребёнок зачат на Благовещение.

* Может быть, эти приношения тоже имеют смысл жертв скотской (и земляной) суседке, но подробнее выяснить этот вопрос нам не удалось, так как спрашиваемые нами кушниковцы не объясняли этого обычая, а просто говорили, что «так уж исстари ведётся», и прибавляли: «Верная примета»...

** О кукушке существует и другой рассказ, который будет нами приведён ниже, в гл.VIII.

1 апреля — «обманчивый день». В этот день стараются друг друга обмануть.

В первый день *Пасхи*, по мнению сургутян, солнце на восходе «играет» — то увеличивается, то уменьшается. Многие будто бы видели это явление.

Если девушка проспит Христовскую заутреню, это служит приметой, что ей достанется плохой муж: бранчивый, ревнивый, пьяница. Об этой девушке говорят потом: «Христовску заутреню проспала»... То же самое относится и к парням.

С первого дня Пасхи и до Вознесенья Христос ходит под окнами и слушает, что о нем говорят. Поэтому плевать за окно или выливать туда что бы то ни было, хотя бы даже чистую воду, нельзя: можно облить Христа.

На *Вознесенье* сургутяне делают «лесенки»: пекут «прикуску» (печенье к чаю) на манер маленькой лестницы и думают, что если в этот день будешь есть эти лесенки, то скорее взойдешь на небо (попадешь в рай).

В *семик* (четверг перед Троицей) и на *Троицу* здесь устраиваются (молодёжью) особые гадания, о которых подробнее мы будем говорить в другом месте, а о самом семике существует такая поговорка: «семик да масленица, да жена именинница — нет этих праздников более». Но, однако, сейчас семик, кроме вышеупомянутых гаданий, ничем особым не празднуется.

Точно так же устраиваются гадания и в ночь на *Ивана-Купала* (в Аграфенин день — 23 июня), тогда же собирают здесь и лечебные травы, о чём у нас будет идти речь ниже.

Иван Постный (29 августа) считается у сургутян, так сказать, самым страшным праздником. В этот день, по их словам, случалась такая масса несчастий (тонули, горели, блудили и т.п.), что сургутяне на Ивана Постного никогда не решаются предпринимать каких-либо далеких выходов из дому и обыкновенно в этот день не ходят по ягоды, боясь заблудиться или встретиться с медведем (зверь будто бы по полусуток держит при встрече в Иванов день), не ездят за речку («возьметса такая погода, что свету божьего не видать») и т.д. При этом рассказывают такой случай: раз мужик и баба метали в этот день стога (в Сур-

гута сенокос начинается в первых числах августа и оканчивается в сентябре) и, сметавши семь стогов, стали варить котел. В это время прилетела сорока. Они её «споймали» и «для шутки» привязали ей к ноге зажжённую бересту... И что же? Она с этой берестой облетела все семь стогов и спалила их дотла... «Вот что значит шутить на Ивана Постного», — прибавляют рассказчики...

В заключение этого беглого и далеко не полного очерка воззрений сургутян на различные церковные праздники и периоды следует упомянуть ещё об одном обряде, совершаемом сургутянами в *Спиридонов день* (12 декабря). С Спиридона-солнцеворота день начинает прибывать «на куриный шаг». Чтобы день прибывал больше, нужно, по словам сургутян, сделать так, чтобы курица шагнула дальше, сделала больший шаг. Для этого на Спиридона здесь секут кур, тогда они убегают, как говорят в Сургуте, «на больших шагах». «Если курица больше шагнет, то и дня прибудет».

Если куры в этот день увидят свет, то, по мнению сургутян, могут ослепнуть; поэтому при сечении кур тщательно запирают курятник.

В этот же день, как мы уже видели раньше, прячут кур от избяной суседки и для этого сажают их в кадку.

III. Суеверия и предрассудки относительно остяков, а равно и позаимствованные от них*

Первый, главнейший и наиболее упорный, предрассудок сургутян относительно остяков выражается словами: «остяк — собака»... С этого пункта нельзя сбить сургутянина. Они охотно признают за остяками все их хорошие качества — честность, гостеприимство, услужливость, прекрасно умеют пользоваться ими, иной раз не прочь даже, при сравнении с русским, отдать предпоч-

* Настоящая глава была уже напечатана в «Сибирском Листке» за 1901 г., №№ 15, 16 и 19.

тение остяку, в смысле его большей правдивости и честности, и, например, свободно положатся на остяка в том, чего не всегда доверяют русскому, но и за всем этим, раз дело касается общей характеристики остяков, она неизменно выражается у сургутян формулой: остяк — собака. Эта характеристика, впрочем, относится не к одним остякам, а и ко всем прочим заезжающим сюда иноверцам: самоедам, тунгусам, татарам. Все это не больше, как собаки. Поэтому, по отношению к инородцам вообще и к остякам в частности, сургутяне позволяют себе всё: ограбить, обмануть, избить и всячески обидеть и надругаться, если, конечно, при этом можно избежать кары закона и остаться безнаказанным. «Чего на них, собак-то, смотреть, дуй их в ус и рыло!» — так нередко поощряют здесь старшие молодёжь, когда та начинает задирать проходящую мимо толпу остяков или проезжающую партию самоедов. И действительно, срезать у «самоедцев» с воза какую-нибудь большую рыбу, когда те приезжают в Сургут на ярмарку, или стащить у них бочонок водки, который они везут к себе на «кайм»* в обмен за рыбу, и при этом ещё избить самоеда, конечно, не на глазах у начальства, а где-нибудь за городом, или приехать в песок к остякам и выневодить у них под носом всю рыбу и пр., и пр., и пр. — все это здесь считается не только не зазорным, а напротив, актом молодечества и удали, заслуживающим похвалы и одобрения. И когда начальство, внимая жалобам и просьбам остяков, случайно иногда постановит решение в их пользу и так или иначе накажет обидчика, это вызывает обыкновенно большое неудовольствие среди сургутян и они начинают ворчать, что начальство заступается «за собак»...

По-видимому, причина такого отношения к остякам коренится, главным образом, в непонятной для сургутян религии остяков. Остяки, по мнению сургутян, поклоня-

* Так называется место стоянки самоедов за городом, откуда они каждый день приезжают во время ярмарки в город, для обмена своей рыбы и пушнины на русские товары, и затем ежедневно вечером опять уезжают на свой «кайм» (верстах в 10-ти от Сургута). Подробнее об этом см. в моей статье «Самоедская ярмарка в Сургуте», «Сибир. Лист.» за 1893 г., №№ 3—4.

ются чёрту. «А известно, говорят они, кто чёрту кланяется, разве хороший человек? Знамо дело — собака»...

Как известно, остяки, несмотря на давнишнее официальное принятие христианства, и до сих пор пребывают в первобытном язычестве, сохраняя почитание всех своих старых богов в виде разных водяных, лесных и иных духов, которым в известное время и приносят соответствующие жертвы. Так что христианами они считаются лишь номинально, на бумаге (в отчётах сургутской миссии), а масса приезжающих сюда самоедов и официально даже значится язычниками. Всё это, конечно, прекрасно известно сургутянам, которые не раз сами видели маленьких остяцких идолов и нередко присутствовали даже при свершении остяками жертв в честь этих идолов или обоготворяемых ими существ. В известное время, например, зимой около Рождества, а летом в конце июня, в Сургуте можно наблюдать толпы остяков, разгуливающих по городу (они приезжают сюда в это время для сдачи ясака) и разыскивающих себе продажных жеребят. И сургутяне хорошо знают, что эти жеребята остякам нужны на жертву, и сейчас, если хотите, опишут вам эти остяцкие жертвы как дело им хорошо знакомое.

По мнению сургутян, остяцкие боги не простые болванчики или идолы, а различные виды дьявола, и как таковые они могут при случае причинить неприятность даже и русскому, если он позволит себе нанести им какой-нибудь вред или «изгал»*. Вот почему сургутяне боятся этих остяцких божков, быть может, даже не меньше, чем сами остяки. Но остяки, кроме страха перед своими богами, питают ещё и надежду получить от них какое-нибудь добро, например, исцеление от болезни или удачу в промысле и т.п. Сургутяне же, кроме зла, ничего не ожидают от них, почему и считают их представителями злого духа — дьявола. Самым большим преступлением по отношению к остяцким богам здесь считается ограбление остяцкого лабаза (не-что вроде кумирни, где хранятся у остяков идолы и

* «Галиться» — насмехаться, издеваться; «изгал» — насмешка, издевательство.

куда они приносят им разные «приклады» — подарки). Сургутяне указывают несколько случаев жестокой ме-сти и наказания со стороны разгневанных остяцких богов за поругание этой святыни. В Сургуте и сейчас ещё жив один старый купец, который в молодости вместе с двумя другими своими товарищами, не довольствуясь легальным грабежом остяков при помощи всем известной меновой торговли, захотел ограбить остяцкий лабаз и взять оттуда все ценные приношения. Это им удалось. Но зато вскоре один за другим умирают его два товарища, а у него самого жена сходит с ума. И сургутяне рассказывают, что остяки при этом заявили будто бы ему: «Счастлив твой Бог, Ефим, что у тебя была тётка хорошая, которая делала нам добро (она тоже занималась торговлей с остяками, но вела её более добросовестным образом), а то бы поквитаться тебе своей головой, а теперь у тебя только будет навеки нездорова жена»... И последняя, действительно, до сих пор ходит полупомешанная, сколько с ней ни бился и ни лечил муж. Сургутяне, безусловно, уверены, что это остяки испортили Ефимову жену и на-слали смерть на двух его товарищей, но, конечно, не без помощи того самого идола, которого ограбила компания.

Этот поучительный урок живо чувствуется сургутянами и до сих пор, и с того времени никто уже из русских не осмеливается забраться в остяцкую кумирню.

Точно так же сургутяне опасаются брать себе и о-стяцкие «приклады», которые находят иногда в лесу на высоких деревьях или на камнях и других подобных мес-тах, почему-либо считающихся у остяков священными, тоже из боязни гнева и наказания со стороны того боже-ства, которому посвящены эти приклады. А такие дере-вья или камни нередко можно встретить в окрестностях Сургута, сверху донизу увешанные разными лоскутками и лентами, а также и шкурками ценных зверей. Правда, остяки, как бы не доверяя силе своих богов, обыкновен-но обставляют все такие места, где имеются у них свя-щенные предметы, капканами и «настороженными» лу-

ками, явно, конечно, направленными против русских, так как сами остяки всегда знают, где расставлены эти капканы и луки. Но сургутяне нередко за свое излишнее любопытство, а иногда и просто случайно попадая в такую местность, платились тяжкими повреждениями и увечьями, что, конечно, ещё более усиливало ту опасность, которую здесь чувствуют русские по отношению к остяцким богам.

Вследствие этой же боязни остяцких богов, сургутяне избегают покупать у остяков лошадей, относительно которых существует подозрение, что они обещаны остяками кому-либо из духов. Эти лошади, по мнению сургутян, непременно гибнут: сходят с ума, высыхают, тонут. Это значит, что дух, которому они обещаны, обязательно возьмет свою жертву, и если лошадь была посвящена остяком водяному духу, то она утонет, если лесному, то заблудится в лесу и «сгинет», и т.д.

Естественно, что этот страх перед остяцкими богами в течение времени с богов постепенно перешёл и на самих остяков, которых сургутяне стали бояться как людей, водящих более или менее близкое знакомство с нечистым духом. Особенно же остяцких колдунов и ворожеев, которых у остяков немало. Так что, по мнению сургутян, не только остяцкие боги, но и сами остяки могут иногда жестоко за себя мстить, насылая на русских порчу, болезнь и даже смерть.

В этом суеверии русских, к слову сказать, остяки имеют хотя бы некоторую защиту от ещё больших обид и неприятностей, которые без этого могли бы причинять им русские. А теперь последние опасаются слишком уж круто расправляться с остяками, боясь как бы эта расправа не дошла до остяцких ворожеев, которые могут напустить на обидчиков такую болезнь, что и вовек с ней не разделаешься.

По этому поводу в Сургуте ходит много рассказов о том, как жестоко платились русские за слишком свирепую расправу с инородцами. Мы приведём здесь один из этих рассказов для характеристики взаимных отношений, существующих между остяками и русскими.

Однажды поехала артель сургутян (из трех промышленников) на кедровый промысел, верст за 80 от Сургута вниз по Оби. Как известно, кедровые острова, как и рыболовные пески, принадлежат осякам, и за право сбора орехов, как и неводьбы на песках, осякам дается известный кортом по взаимному соглашению между ними и артелями русских. Чаще всего этот кортом выплачивается водкой. Обыкновенно дают осякам четверть (или две) водки, смотря по величине артели и др. условиям, и затем свободно принимаются за промысел. Эта же артель, о которой идет речь, не только отказалась дать осякам какой-либо кортом, но ещё ворвалась на ту «гриву» (возвышенное место, покрытое лесом), где сами осяки сбивали себе кедровые шишки. А когда осяки стали выражать неудовольствие, сургутяне напали на них и страшно избили. Только прибежавшие на крики осяков соседние промышленники, работавшие на ближайших «гривах», могли унять разбушевавшуюся артель. Когда побоище прекратилось, то осяки будто бы (по словам рассказчиков) пригрозили буянам: «Ужо, сукины дети, будете нас помнить»... И вот вскоре после этого на всех трёх участников побоища «нападает безумка»: сначала они стали заговариваться, потом с ними начались какие-то эпилептические припадки с конвульсиями, пеной у рта и пр., и кончилось всё это тем, что одного из этой компании увезли в тобольскую больницу для умалишённых, а двое других и до сих пор (1891 г.) по временам заговариваются и с ними бывают какие-то нервные припадки. А до этой истории, по словам сургутян, это всё был здоровый и цветущий народ, не страдавший не только нервными, но и никакими другими болезнями.

Любопытно, между прочим, что после угрозы осяков благомыслящие сургутяне советовали буянам помириться с осяками и брали на себя роль посредников. С другой стороны, и осяки не прочь были пойти на мировую и требовали только, чтобы им поставили водки и дали коня. Но те заупрямились, а относительно угрозы заявили, что они её не боятся и что с ними осяки ничего не могут сделать. Когда же у них «доспе-

лась безумка», они сунулись было мириться, но было уже поздно. Отец двух из участников этой истории (братьев) много раз ездил потом к остякам, поил их водкой и готов был пойти на всякую сделку, чтобы остяки сняли болезнь с его сыновей. Но остяки отказались вылечить болезнь и заявили будто бы, что теперь они ничего не могут поделать, так как их «дух» слишком сильно внедрился в его сыновей и сейчас его оттуда не выгнать...

Так передают эту историю сургутяне. По их словам, это далеко не единственный случай «порчи» остяками русских, так как последние редко бывают в состоянии удержаться, чтобы при малейшей возможности как-нибудь не задеть и не обидеть остяка, за что и несут иногда тяжкую кару в виде болезней (чаще всего «безумки») и даже смерти. Особенно славятся здесь своей волшебной силой остяки, живущие по р. Ваху (северный приток Оби, впадающий в нее верстах в 300 от Сургута), и вообще остяки более глухих мест. «Там что ни остяк, то ворожей, — говорят сургутяне про реку Вах, — и с ними нужно держать ухо востро»... Но как ни стараются сургутяне «держать ухо востро» по отношению к ваховским остякам, столкновения между ними и остяками встречаются и там все-таки довольно часто и всегда оканчиваются для русских в высшей степени плачевно. Обыкновенно жертвами остяцкой «порчи» здесь являются вахтера хлебозапасных магазинов, расположенных по р. Ваху. У сургутян даже сложилось поверье, что «ни один вахтер не выходил из Ваху даром, а всегда залучал себе какую-нибудь болезнь или смерть». И потому на должность ваховских вахтёров, несмотря на всю прибыльность этой должности, в Сургуте отыскивается немного охотников. А если кто и идет (конечно, с единственной целью — возможно скорее нажиться, что очень нетрудно при массе тех плутней, которые практикуют вахтера при выдаче остякам хлеба), то кончает обыкновенно очень дурно: или умирает, или возвращается в Сургут больной, хотя и успевает все-таки при этом за самое короткое время скопить себе значительные деньжонки. Вот из-за этих-то плутней вахтёра и

«залучают» себе болезнь, а то так и «смертность». Остяка надуть нехитро, для этого существуют тысячи способов, которых мы здесь касаться не будем, но раз остяк заметил обман, он начинает мстить и, первым делом, по словам сургутян, «пускает» в своего обидчика «стрелу». Как он это делает — неизвестно, но, уж конечно, «не без волшебства», прибавляют сургутяне. И через некоторое время у того человека, кому остяк «пустил стрелу», начинает по всему телу ходить «то ли гвоздь, то ли кость», и при этом происходит ломота в ногах и вообще во всём теле. Больной начинает чахнуть все более и более и затем умирает...

Но не всегда отношения между остяками и русскими обостряются до такой степени, что первым приходится прибегать к «стрелам». В более мирные времена остяцкие чародеи устрашают сургутян более мирным, хотя не менее действенным способом, разными волшебными чарами, о которых у сургутян ходит масса рассказов. Например, устраивают громадный костер и ворожей заходит внутрь костра и начинает там петь и плясать, причём все время он остается невредимым в огне, или прокалывает себя оленьей пикой* насквозь, так что другой конец её выходит наружу с противоположной стороны туловища, или начинает «полосовать» себя ножом по обнаженной груди: нож входит до рукоятки, кости трещат, как он ворочает ножом внутри. «Сами слышали, — прибавляют рассказчики, — а крови нет, и чародей как ни в чем не бывало поет свои дикие песни и барабанит в бубен»...

Сургутяне всегда с ужасом рассказывают об этом. Но особенно они боятся присутствовать при больных остяках. По словам сургутян, когда кто из остяков заболит, то они обыкновенно приглашают к больному своего ворожея, который и «отпевает» или «отыгрывает» больного. «Отпевание» это состоит в том, что ворожей переводит болезнь с больного на какого-нибудь другого человека или даже на какое-нибудь животное. Но чаще всего он пользуется для этой цели русскими, на которых он переводит

* Шест, которым погоняют оленей.

болезнь с большей охотой, чем на кого-либо другого. Поэтому-то сургутяне и боятся присутствовать в юрте больных остяков, когда там «отпевает» больного ворожей, чтобы он не перенёс на них его болезни. А в зимнее время, когда русские приезжают обыкновенно к остякам на конях, то при «отпевании» сургутяне боятся также и за своих коней и стараются поскорее убраться из таких юрт.

По словам сургутян, если остяки ожидают смерти кого-либо из своих больных, то ставят у дверной колоды, на пороге юрты, два топора остриями вверх по обе стороны двери. Делается это для того, чтобы не пустить в юрту покойника, так как, по мнению остяков, когда кто умирает, это значит, покойник лезет в юрту, товарища себе нового ищет и хочет задавить больного... «У русских он Бога боится, — говорят по этому случаю остяки, — а у нас игры». И потому перед смертью у остяков чародей особенно старательно колотит в свой бубен и дико завывает свои бесовские песни.

Сургутяне соблюдают некоторые предосторожности даже по отношению к тем местам, где когда-либо жили остяки. Так, при входе в пустую остяцкую юрту, прежде чем войти, нужно взять стоящий у дверей «таган» (палка, которую остяки, как и русские, ставят в знак того, что в избе никого нет) и с этим таганом обойти вокруг юрты и постучать им во всех четырех углах, приговаривая (по-остяцки): «Выходи прочь, теперь тут я буду жить». «Если не остукаешь эти углы, то нечистый выгонит». А выходя, «таган» непременно нужно ставить на старое место у дверей.

Выше мы уже видели, что все бывшие поселения остяков, или затопленные теперь водой, или лежащие близ воды, стали у сургутян любимым местопребыванием водяных, где будто бы всегда гибнет скотина и люди, утаскиваемые этими водяными духами. И потому сургутяне там никогда не купаются и не переплавляют лошадей.

В заключение мы скажем ещё несколько слов о суевериях сургутян, касающихся медведя и мамонта, и, несомненно, перенятых ими от остяков.

Как известно, у остяков существует довольно разработанный культ медведя, сопровождаемый известным ритуалом — особыми песнями, плясками и, если можно так выразиться, медвежьими мистериями. Остяки смотрят на медведя как на существо, стоящее выше человека и обладающее некоторыми сверхчеловеческими свойствами, вроде как бы полубога или принявшего вид зверя героя. В свою очередь, и сургутяне видят в медведе не простое животное, а особое существо, с которым можно, например, вести беседу, как с человеком, и которое многое знает и понимает. Например, при встрече с медведем сургутяне говорят: «Ну, Христос с ним, пускай он идет, ему золота дорога, а нам гов-нна»... И медведь будто бы понимает, что ему сказали (посулили) нечто лестное; и при этом приветствии не тронет встретившихся. Со слов остяков, сургутяне утверждают, что медведь входит в силу к 20 годам, как и человек, и что у него все человечесьё, кроме головы и ног (коротки, а если бы они были длинные, то и они были бы похожи на человечесьи).

О медведе нельзя говорить дурно или ругать его, хотя бы и за глаза, например, в городе, медведь услышит и при случае отомстит. Вообще, сургутяне (и особенно жители здешних деревень, которым приходится каждое лето вести ожесточённую борьбу с медведями) при разговорах опасаются называть медведя этим именем и говорят о нём в третьем лице, чтобы он не услышал и не рассердился.

Как известно, самой страшной клятвой (присягой) у остяков считается целование медвежьей лапы. Не менее остяков почитают её и русские (в своих сношениях с остяками) и думают, что если кто ложно поцелует медвежью лапу, то в тот же год медведь его обдерёт.

Но особенно любопытно здесь одно суеверие, касающееся беременных женщин и отношения к ним медведя.

По словам сургутян, медведь ищет беременных (в лесу) и, в случае встречи с толпой женщин, непременно бросается на ту, которая беременна, «наипаче, если она беременна парнем». На это у него есть особый нюх,

и из сотни женщин он всегда безошибочно найдет такую, хотя бы она была ещё в первом фазисе беременности. А отыскивает он их для того, чтобы в самом зародыше умертвить своего будущего врага — охотника, каким, по условиям здешней жизни, делается со временем почти каждый парень. Вот почему медведь особенно и «зарится» на тех баб, которые «брюхаты парнем», и если такая женщина попадется ему в лесу, хотя бы и в большом «табуне», ей несдобровать: медведь обязательно вырвет у неё ребёнка, чтобы из него не вышел потом охотник, который мог бы его убить. Поэтому-то здесь обыкновенно и не берут беременных баб в лес (например, за ягодами), так как они могут привлечь к «табуну» медведей и сами погибнут.

От остяков же переняты русскими и суеверия о мамонте.

Как известно, в Сургутском крае, как и вообще на севере Сибири, часто находят в отложениях рек после весеннего разлива кости и целые скелеты различных «допотопных» животных, и в особенности мамонта, это — нечистый дух, который живет теперь в земле, а раньше, по-видимому, жил и на поверхности земли, нередко случается, что яры над рекой обрушиваются — это ворочается мамонт, который прокладывает в земле различные ходы и норы. Однажды ехал по какой-то из местных рек русский купец с остяками: вдруг они видят, что высокий берег реки начинает колебаться и из под него выглядывает безобразнейшая морда. Остяки догадались, что это, должно быть, мамонт, и самый смелый из них выскочил из лодки, схватил острый кол и всадил его в голову чудовища. «И что же? — прибавляют сургутяне-рассказчики, — на этом месте действительно нашли потом мамонта»...

Вероятно, в связи с суевериями о медведе и мамонте стоит также и то обстоятельство, что эти два животных попали и в сургутскую народную медицину. Медвежья желчь, медвежий зуб, мамонтов «рог» (клык) и пр. являются здесь довольно распространёнными лекарствами от разных болезней, причём терапевтическое значение их, если объяснить его научно, представ-

ляется крайне сомнительным и, скорее всего, кроется в каких-нибудь суеверных воззрениях, хотя, впрочем, и не объясняемых самими сургутянами. Так, например, от лихорадки, которая является наиболее распространённой в сургутском крае болезнью, употребляются оба эти средства: и мамонтов «рог», настоянный в порошке на воде, и медвежья желчь, настоянная на водке. Медвежью же желчь принимают внутрь и от грыжи (взрослые), а медвежий зуб носят на поясице от «ломоты в хребте». Но подробнее об этом мы будем говорить в другом месте.

IV. Обычаи и обряды при рождении и крещении и относящиеся сюда суеверия и приметы

Ещё задолго до наступления родов, сургутянки уже принимают некоторые меры предосторожности как для сохранения своей собственной жизни в период беременности и во время родов, так и, главным образом, для сбережения в целости своего будущего ребёнка. В этих видах беременным женщинам прежде всего воспрещается ходить в лес за ягодами или ещё за чем: может съесть медведь, который всегда «зарится» на беременных (см. III гл.).

Далее, таким женщинам воспрещается перешагивать через оглоблю, голик или собаку, а равно и «пинать» собаку ногой — у ребёнка может образоваться «кучерга», т.е. у ребёнка будет болеть спина и гнуться назад.

Также нельзя переходить через ноги беременной женщины: если, например, она сидит, вытянув ноги, их нужно обойти или она сама должна убрать их с дороги.

Точно так же запрещается беременным садиться на порог.

Наконец, беременным нельзя быть у покойника: ребёнок умрёт в утробе, и также нельзя быть свахой — по той же причине.

За месяц или за два перед родами, приблизительное

время которых здесь известно всем женщинам*, приглашается бабка, которая «правит» у беременной живот. С этого раза бабка начинает всё чаще и чаще наведываться к больной, править у неё живот и вообще следить за нормальным течением беременности. Это называется у сургутян «жданки», когда бабка ждёт разрешения кого-либо от бремени. В это же время сургутянки стараются определить по своим приметам, кто родится: мальчик или девочка.

Если «брюхо остро, как туясок» («ишь у ней брюхото, как каяс», — говорят в таких случаях бабы), то родится парень, а если кругло и плоско, то — девка («ишь расплылась, вся круглёхонька, девка будет»**).

Впрочем, и до беременности ещё замужняя женщина может узнать, будут ли у неё дети, какого пола и долговеки ли будут они. Для этого здесь поступают так: рубашку после месячных очищений вымывают в корыте и поганую воду выливают в подполье, под передний угол, где стоит кедринка для суседки, в особую ямочку, вырытую перед этой кедринкой. Делается это обыкновенно летом, зимой же в том только случае, если «подпол» тёплый, чтобы эта вода не замерзала и земля была «тала». Потом эту ямочку прикрывают горшком, а через три месяца смотрят (через 12 недель): если под горшком, который не снимают всё это время, появится цветок, то будут дети, если вырастет белый цветок, то первый ребёнок будет дочь, а если синий или голубой — сын. Цветок этот, по словам сургутян, на манер колокольчика или «жиробоя» (зверобоя), вырастает таким же деревцем, а на деревце — листики зелёненькие, продолгонькие и редкие, а наверху цветок вроде колокольчика, цветок и деревце (стебелек) всегда бывает один. Если стебелёк будет стоять прямо, то дети будут долговеки, а если он «почапится» (наклонится) и повянет, то недолговеки.

* Сургутяне думают, что ребёнок родится как раз час в час и минута в минуту через 9 месяцев после того, как зачат, и, по их словам, «беременная баба не проходит ни единого часа, ни единой минуты лишнего против того, что ей положено ходить», т.е. больше 9 месяцев.

** «Каяс» — «туяс» (сокращ. «туясок») то же, что по западную сторону Урала «бурак» — берестяной жбан для молока или для воды и т.п.

Если после трех месяцев под горшком ничего не вырастет, то и детей не будет. Цветок этот потом срывают, причём руку обязательно обёртывают платком или надевают даже мохнатки (рукавицы шерстью наружу); если же сорвать его или вырвать из земли голой рукой, то дитя будет жить бедно. Цветок кидать не надо, а то и дитя, выросши, бросит мать. Обыкновенно его засушивают и берегут в бумажке, а в период беременности проверяют предсказания цветка.

Затем относительно беременных есть ещё такая примета: если в это время больше живот болит, это значит, что родится девка, а если спина — надо ждать парня.

При этом у сургутян существует такое поверье: когда какая-нибудь женщина мается родами и у ней «шибко» болит спина (что означает, что она родит парня), то, по мнению сургутян, и все другие беременные парнями женщины тоже чувствуют в это время боль в спине, а если женщина мается девкой, то точно так же у всех беременных девками болит в это самое время живот, а беременные парнями ничего не чувствуют. Поэтому, если у какой-либо беременной ещё задолго до родов заболит живот или спина, то бабки обыкновенно говорят, что «это к роженице», т.е. в это время кто-нибудь и где-нибудь мучится родами.

Когда приходит время родить, то прежде всего снимают у родильницы рубашку, в которой она ходила, и надевают чистую, затем вычёсывают у нее голову и волосы заплетают в косы, снимают с нее серьги и кольца и разувает её. Потом зажигают перед иконами свечку, которая горит всё время. Обыкновенно при родах, даже и не трудных, зажигают венчальные свечи перед «благословенной» иконой. Затем роженица «прощается» (просит прощенья) со всеми домашними, все молятся Богу, кланяются ей в пояс и лишние уходят из дому.

Обыкновенно во время родов удаляют из дома всех, относительно которых предполагается, что они «тяжёлы на роды», т.е. в присутствии которых родильница долго

мучается и не может разрешиться. И наоборот, есть люди, «лёгкие на роды», — таких нарочно приглашают в этот момент в дом роженицы. Но если во время родов, когда уже наступил момент разрешения, придет кто-либо посторонний, то его не выпускают из дому до окончания кризиса, думая, что, в случае ухода посетителя, ребёнок может «остановиться».

При трудных родах, если роженица несколько суток мучается и не может разродиться, просят у священника отворить царские ворота, что охотно исполняется местным духовенством, но только для замужних женщин, а если родит девушка, то, как бы ни были трудны роды, для них не отворяют царских ворот.

Раньше во время трудных родов роженицу обыкновенно подвешивали за руку к потолку (чаще всего в бане) и оставляли так висеть до тех пор, пока не разродится. Иногда при этом её трясли, чтобы ускорить роды. Теперь этого не делается, и роды обыкновенно совершаются на дому, а не в бане, в баню ходят потом, после родов, и при этом стараются всё время водить роженицу по комнате, а для облегчения потуг заставляют её жевать свои волосы с мылом.

В прежнее время, по словам сургутян, жёны переводили свою болезнь при родах на мужей, т.е. в то время, когда жене приходила пора родить, у мужа заболела спина и живот и он начинал испытывать все муки роженицы, а жена ходила как ни в чём не бывало. Это продолжалось до тех пор, пока жена не «опростается», тогда и у мужа прекращались все боли. Но с какого времени и почему женщины утратили этот секрет переводить свою болезнь при родах на мужей — сургутяне не объясняют.

Как только родится ребёнок и бабка уберет всё за роженицей, причём «место» (послед) заворачивают в ветошку с краюшкой хлеба и зарывают в землю в подполье, бабка отправляется ко всем более близким родным или знакомым и приглашает их к новорожденному (или новорожденной) «на чашку чая». Все явившиеся поздравляют роженицу со счастливым разрешением

от бремени, а мужа с новорожденным, обыкновенно приносят последнему «на зубок» деньги или вещи (большей частью что-нибудь из одежды), кто успевает — приносит роженице печенье к чаю или, как в Сибири говорят, «прикуску» — вафли, блины и т.п. Это печенье идёт и на угощение собравшимся гостям. Кто не успеет так скоро доставить «прикуску» — откладывает принятие её до другого времени, например, до Крещения, и даже дальше, но, во всяком случае, все близкие родные и знакомые, по установившемуся обычаю, кроме подарков «на зубок» новорожденному, обязательно должны принести что-нибудь из съестного и роженице — матери.

Затем, когда все соберутся, начинается обычное угощение: пьют чай и вино и закусывают. При этом, если родится мальчик, то выпивка бывает более шумной и радостной, чем при рождении девочки, так как мальчики у сургутян ценятся гораздо больше девочек. «Парень родился, — говорят по этому поводу сургутяне, — тысячна голова родилась, девка — ничтожна (голова)».

Здесь же определяют по некоторым приметам и долговечность родившегося.

Если ребёнок при рождении громко кричал — будет «долговекий», если молчал — скоро умрёт.

Если у родившегося пятки длинные — долговекий, короткие — недолго будет жить.

Если ложечка кверху — к долгой жизни, книзу — не жилец.

У кого «глаза пусты», т.е. в глазах, во внутреннем углу, «нет мяса», — недолговекий, и если в младенчестве не умрёт, то в цветущих годах помрёт.

После этих поздравлений и до крещения ребёнка бабка в течение нескольких дней подряд водит роженицу в баню, за что всякий раз родильница дает ей известное вознаграждение, кладя в шапку деньги (от 5 коп. и больше).

Родильница до 6-ти недель, пока не «сороковится» молитвой, считается нечистой и ей нельзя входить в храм, ходить в гости, приступать к иконам, ходить в лес, забредать в воду. Всё это время она, по словам сургутян, всё

равно что нехристь, что остячка, и к ней может прикоснуться всякая нечисть.

Если во время ухода за роженицей бабушку пригласят с тою же целью в другой дом, то бабушка не прежде может пойти к другой роженице, как вымывши руки, причём как то мыло (обыкновенно непечатое, от 1 до 1/2 фунта), которым она мылась, так и платок, которым утирала руки, поступают в её пользу. Про это говорится, что бабушка «смывает руки».

Вообще, к бабушкам здесь относятся с большим почтением и за ними ходят всегда «с молитвой», как, в свою очередь, и бабушка тоже должна приходить к родильнице с «молитвой», т.е., входя в избу, должна произнести известную молитву, как и на всякое трудное и важное дело.

Как только положат ребёнка в колыбель, то под пеленку, если он мальчик, кладут лучок со стрелкой, камень и кусок хлеба, а если девочка, то вместо лука — пряслицу с веретеном. Лук кладется для того, чтобы мальчик стал со временем хорошим промышленником, а пряслица, чтобы девочка сделалась работающей хозяйкой, камень, чтобы ребёнок был крепок как камень.

Перед тем как класть ребёнка в колыбель, последнюю окуривают богородской травой с воском, чтобы ребёнок был покойнее, а также кладут для этой цели в колыбель корень чертополоха (или же обкуривают им).

Качать пустую люльку, по словам сургутян, нельзя — будет «несклябное» (капризное) дитя. По той же причине нельзя давать ребёнку в руки ложку играть или есть из неё.

По мнению сургутян, если ребёнок умрёт до крещения, то на том свете он будет ползать, как червь. Обыкновенно таких детей не хоронят на общем кладбище, не носят в церковь и не зажигают свечей, когда они лежат мёртвыми.

Пока ребёнок не окрещён, в доме нельзя гасить огонь, а матери отворачиваются от ребёнка на другой бок.

Если новорожденный ребёнок беспокоится — это дело нечистого духа, который, по словам сургутян, часто под-

менивает ребят. В этом случае, значит, он подменил спокойного беспокойным.

Крещение ребёнка обыкновенно празднуется здесь особым угощением, на которое, кроме «купельных крёстных» (кума и кумы), приглашаются также и посторонние гости из близких знакомых и родственников. Когда, по возвращении из церкви, все соберутся, бабка «обносит» (угощает) гостей первой рюмкой водки, за что гости кладут на поднос деньги, которые поступают в собственность бабки.

При крещении ребёнка наблюдают: если остриженные священником волосы ребёнка, брошенные в купель, тонут — ребёнок скоро умрёт, а если всплывут наверх — будет долговечий.

Когда бабка после крещения возвращается с ребёнком из церкви, то какая-нибудь родственница новорожденного встречает их у порога дома и благословляет ребёнка хлебом, после чего поднимает руку с хлебом вверх так, чтобы бабка с ребёнком прошли под ним. От этого хлеба отрезают потом краюшку и кладут в люльку: ребёнок будет покойнее и, кроме того, хлеб предохранит его от разных напастей.

При выборе имени новорожденному ребёнку, если представляется к тому возможность по календарю, обыкновенно стараются давать имена отца или деда — мальчикам (для девочек не соблюдают этого правила), чтобы ребёнок, когда вырастет, мог помнить свой род и чтобы в один день быть именинником отцу и сыну. Вообще, более норовят давать имена своих родственников, чтобы эти имена переходили из рода в род и не забывались в нисходящем потомстве. Иногда для этого дают даже имя за несколько месяцев до именин, чтобы только называться породственному.

Нередко в одной и той же семье два одинаковых имени, причём носящих эти имена различают так: «большой Иван», «маленький Ванютка» (или Ваньчурка, Ваньша), «больша Дуньша», «мала Дуньша» и т.п. Точно так же нередко дают имена в память умерших ранее детей.

Что касается «купельных крёстных» — кума и кумы, то обязанности их строго различаются: кума должна приготовить и принести так называемые «ризки» — рубашку для ребёнка, а кум покупает ему крестик на шею и платит священнику за потребу.

Если крёстная не успеет сделать своему крестнику рубашки и ребёнок помрёт (обыкновенно здесь крестят через 3—4 дня после рождения, но определённых сроков нет), то это считается большим грехом для крёстной. Если дети родятся недолговыми (скоро умирают), то следующих кума и куму берут прямо с улицы, так как недолговечность крестника приписывают обыкновенно несчастливому крёстному и думают, что первые встречные окажутся счастливее.

Купельные крёстные — отец и мать — считаются у сургутян важнее и дороже отца и матери. «Не тот отец, — говорят по этому поводу сургутяне, — кто приобрёл дитя, и не та мать, что родила его, и дурак может родить, а тот отец и та мать, кто в крещёну веру произвёл дитя». И на том свете, по словам сургутян, за грехи детей спросят не родителей их, а крестных, и они должны будут дать ответ за тех, кого «произвели» в крещёную веру, причём за мальчика ответ будет держать крёстный отец, а за девочку — крёстная мать.

Проклятие купельных крёстных считается у сургутян величайшим наказанием (для подвергшихся ему крёстных детей) и всегда будто бы влечёт за собой какое-нибудь ужасное несчастье для тех, кого проклянут. В какой бы форме это проклятие ни было выражено, оно уже обязательно со временем сбудется. После проклятия ангел-хранитель, по словам сургутян, «отступает» от того человека, которого проклял кто-нибудь из крёстных, и он поступает в полное распоряжение дьявола, который охотно исполняет, когда придет время, все то, что этому человеку посулили крёстные. И если, например, кто-нибудь из крёстных скажет при крещении, обращаясь к крестнику: «Чтобы тебя чёрт побрал», то рано или поздно всё это сбудется, и дьявол, в данном случае чаще всего принимающий вид лешего, уведёт его

к себе, и человек сгинет. По словам сургутян, бывали случаи, что, исполняя проклятие крёстного, чёрт уводил, например, молодого в первую ночь после свадьбы, и разные другие, о которых у сургутян существует множество рассказов.

В заключение этого очерка следует рассказать ещё о празднике, известном у сургутян под именем «Бабы каши». Это — праздник бабок и рожениц. Празднуется он на другой день Рождества Христова, 26 декабря. В этот день все роженицы данного года, а также и бабки, собираются в церковь и до начала обедни служат общий молебен перед иконою, как выражаются сургутяне, «Чрева Рождения» (перед иконой Божьей Матери, называемой «Блаженное чрево», которая празднуется церковью в этот день). После молебствия роженицы приглашают к себе бабок, дают им деньги и угощают их кашей, которую непременно готовят в этот день (из какой придется крупы), почему и праздник носит название «Бабы каши».

К этой же иконе — «Чрево рождения», обращаются роженицы с молитвой, когда маются при родах: «Божья Мать, дай мне прощение и душе моей очищение».

V. Детские игры и увеселения взрослой молодёжи

Детские игры

Нельзя сказать, чтобы сургутяне проявляли особенную нежность и обнаруживали сколько-нибудь тщательный уход к своим детям. Обыкновенно, когда ребёнка отнимут от груди (через год-полтора), он почти всецело предоставляется своим собственным силам или, в лучшем для него случае, сдаётся на попечение старших сестёр, если таковые имеются. А затем, с 3—4 лет, дети уже образуют свои маленькие компании из сверстников обоего пола и ведут совершенно самостоятельную жизнь, в которую старшие обыкновенно не вмешиваются, пока дети

чего-нибудь не нашалят, за что, конечно, и получают соответствующую трёпку*.

Само собою разумеется, что эта детская жизнь в Сургуте, как и везде, проходит, главным образом, в играх, и здесь притом до очень позднего времени, так как промысловый образ жизни сургутян мало дает возможности пользоваться, в хозяйственных видах, применением детского труда. И если мальчик не поступает в школу**, то даже и в школьном возрасте, 12—13 лет, он мало является полезным в промысловой жизни сургутянина, хотя, впрочем, с этого времени подростки уже начинают принимать участие в тех или других более лёгких промысловых занятиях: ставят рыболовные сети, смотрят ловушки в лесу (так называемые «слопцы»), приучаются косить сено, пилить дрова и пр. Но, как общее правило, нельзя сказать, чтобы сургутяне особенно обременяли детей работой, если, конечно, к этому не вынуждает какая-нибудь острая нужда, сиротство и т.п.

Кажется, самой ранней (по возрасту участвующих) детской игрой здесь является игра «в медведя». Состоит она в том, что один из участвующих, выбранный известным причетом, о котором будет речь ниже, или сам изъявивший желание, ложится на траву и изображает из себя медведя, а все другие, ставши гуськом друг за другом, медленно обходят его, якобы беря ягоды, и при этом поют:

Беру, беру ягодку,
Чёрную смородинку,
Старому медведю
Г..а на лопатку.

Затем каждый по очереди выставляет ногу и все поют:
Та ли нога?
Нет, не та... (несколько раз).

* Нам не приходилось видеть, чтобы сургутяне наказывали детей розгами. Это здесь не принято, вероятно, потому, что все-таки несколько хлопотно: нужно отыскивать розги, держать ребёнка и пр. Обыкновенно удовлетворяются просто колотушками, дерут за ухо, нередко проявляя при этом большую жестокость и грубость.

** До 1890 года, когда появилась в Сургуте первая школа грамоты для девочек, для последних здесь не было никакого училища. Приходское существует только для мальчиков.

И когда очередь дойдёт до последнего, то с припевом:

Усь, медведь,

Погонись за мной,

Все разбегаются, а «медведь» вскакивает и бежит за ними. Кого поймает, тот ложится медведем.

Играют дети обоего пола, но по преимуществу маленькие.

Очень походит на эту игру игра «в жмурки».

Одного из участников (выбранного или добровольно заявившего желание), подводят к «столбу», т.е. к дверной колоде, и все поют хором:

Где стоишь? У столба.

Чего берешь? Ягодки.

Ищи меня двагодки...

И с этими словами все разбегаются, а стоящий у столба бросается за ними и ловит, как в игре «в медведя».

К таким же детским играм раннего возраста следует отнести и игру «в лисицы». Играющие разделяются на две равные партии — «лисиц» и «собак». У каждой лисицы есть своя собака и у каждой лисицы есть свое «сало», т.е. чем-нибудь отмеченное место, например, угол или столб «заплота» (забора), где и становятся «лисицы», а неподалеку настораживаются «собаки». По данному знаку лисицы начинают перебегать со своего места на другое — «лисицье» же — и в то время, когда они меняются местами, на них бросаются дворовые «собаки» и хватают их. Та пара, которую схватят, удаляется на время из круга, пока «собаки» не перехватят всех «лисиц», и тогда «лисицы» становятся «собаками» и игра начинается снова.

Во все описанные нами игры, как мы уже замечали выше, играют дети обоего пола, но в нижеследующих играх принимают участие, главным образом, мальчики, а в многочисленные игры, связанные с бросанием мяча (по местному, «ярки»), как равно в «городки», «в козанки» (бабки), «в утиные носы» и т.п. (имеющие несколько азартный характер и связанные часто с известным материальным выигрышем), девочки никогда не играют. Большой частью маленькие девочки (до 12—13 лет) проводят время в том, что или смотрят, как играют мальчики, или,

если не составляется общих игр, принимают участие в каких-либо детских домашних работах: нянчить маленьких детей, приучаются шить, мыть и пр. И с 8-ми или 10-летнего возраста держатся уже отдельно от мальчиков, своими маленькими компаниями. Специальных игр для девочек нам не удалось видеть (хотя, может быть, таковые и имеются)*.

Так как почти все здешние игры связаны с теми или другими выборами, например, зачинщика игры, главарей, так называемых «маток», или лиц, которые должны «ловить», «кидать» и пр., причём часто играющие делятся на две партии, то здесь будет уместным привести те способы, которыми производятся эти выборы. Это чаще всего различные «причеты», при произношении которых каждое слово причета падает на каждого отдельного участника, и на кого придется последнее слово, тот и является или выбранным, или выбывшим из круга, пока в кругу не останется один участник, на которого и возлагаются те или другие обязанности: «ловить», «бежать» и пр. Как и повсюду, «причеты» эти в Сургуте представляют из себя набор почти бессмысленных и странных слов, но в некоторых, впрочем, заметны и проблески кой-какого смысла.

Наиболее распространёнными в Сургуте игровыми причетами являются следующие:

1. Первички-другички, убили голубички, ни кошкой, ни лапкой, ни всех хвостом, кому думати-гадати, дрова нарубати, месяц-заяц, вырвал травку — положил на лавку, кто взял травку, тот поди вон — на боярский двор.

Другой вариант этого причета: первички-другички, убили голубички, по кусту, по насту**, по лебедю крыласту, колокол свистнет... (по-видимому, не окончен).

* Мы считаем нужным заявить, что настоящий очерк детских игр в Сургуте составлен нами, по разным обстоятельствам, крайне неполно, и помещён, главным образом, в видах логической стройности нашей работы. Нам помнится, что в «Тобольск. Губернск. Ведомостях» начала 80-х гг. была помещена статья г. Голодникова о детских играх в Сургуте, хотя, впрочем, и там они приведены далеко не полно и, кроме того, в число детских игр включено несколько игр для взрослых.

** Наст — затвердевший весною снег, по которому ходят без лыж.

2. Перводан-другодан, на колоде барабан, свистенька-растенька, помошка-тетёрка, петух-топтун, соловей-свистун.

Другой вариант: перводан-другодан, желдан-болдан, чичко-чичерин, поднин, чикагун, кукареку-дисяток.

3. Расей-двасей, две копейки, синтер-винтер, сукум-букум, кулик-лялик.

4. Пере-норе, шугу-лугу, пята-сота, ива-дуба, крест.

Эти причеты употребляются больше при играх в «медведя», «в пряталки» и т.п., а при играх «в ярку» чаще всего «меряются палкой», т.е. все берутся за палку, и чья рука придется выше всех (последней), тот и считается выбранным.

Из игр, в которых принимают участие только одни мальчики, наибольшим распространением пользуются в Сургуте разнообразные игры в мяч или, по-местному, в «ярку»*.

Приведем некоторые из них.

Игра «в стенки» состоит в разнообразном бросании «ярки» — вверх, об пол, в стену и т.д., и затем ловле её, причём выделяются разные фигуры, число которых доходит до 13, начинаясь от наиболее простых и кончаясь очень сложными и замысловатыми.

1) Бросают ярку в стену и затем ловят её двумя руками.

2) Отскочившую ярку ловят одной рукой.

3) и 4) Бросают ярку через руку и через ногу и ловят обеими руками.

5) «Глаза-пучки»: играющий становится спиной к стене и ловит мяч, брошенный через голову.

6) «Курица»: бросают мяч об стену и ловят, когда он ударится о землю и отскочит от неё.

7) «Петух» — наоборот: бьют об пол мячом так, чтобы он отскочил в стену, и уже от стены ловят.

8) «Гвозди»: кидают ярку об пол, и когда она отскочит, ударяют её ещё раз ладонью и лишь тогда ловят.

9) «Караваешки катать»: перекидывают мячик с руки на руку 20 раз.

* «Ярка» — нитяной мяч, обшитый кожей.

10) Перекидывают мяч на одной и той же руке с ладони на спинку, тоже 20 раз.

11) «Ухват»: кидают мяч вниз и ловят его одной и той же рукой, пока он ещё не долетел до пола.

12) Бросают мяч об стенку, и когда он отскочит, то ударяют его ладонью, с тем, чтобы он опять отскочил, и так делают 20 раз, а в 21 под отскочивший мяч подставляют голову.

13) Бросают мяч вверх и, пока он летит, «сбелькивают» руками, т.е. выкидывают ими какую-нибудь смешную фигуру, и потом ловят мяч.

В этой игре участвует много народа и играют по очереди, для соблюдения которой предварительно «меряются на палке». Делают все фигуры, начиная с первой, причём каждая фигура, кроме №№ 9 и 10, проделывается три раза. Если кто ошибётся, не сумеет сделать какой-либо фигуры, то уступает место другому и т.д., пока не останется последний, кто не сумеет довести свою игру до конца. Его ставят лицом к стене, и все играющие по очереди, начиная с первого, окончившего игру, бьют («лупят») в него мячиком* на таком расстоянии, на какое мяч отскочит от стены.

Игра «в лунку» состоит в том, что играющие делают ряд маленьких ямочек, лунок, каждый по лунке, и затем с обеих сторон этого ряда лунок катают ярку, и в чью она залетит лунку, тот должен схватить её и «лупить», не отходя от своей лунки, в остальных, которые разбегаются. Если он промахнется, то в его лунку кладут сенинку или щепочку, и у кого таких сенинок или щепочек наберётся три штуки, тому поют «чичигу». Его заставляют в обеих руках держать шапку, а кто-нибудь из играющих берет в руки ярку и, махая ею над шапкой, поёт (вместе с прочими):

Чичига, чичига,
Не на худо учила -
Ни ср-ть, ни п-рд-ть,
Ни в окошечко глядеть...

* Или, как говорят ещё, дают ему «кожан». «Кожан» — удар мячиком.

А затем спрашивает держащего шапку: «Чичига или кок?» И если тот скажет «кок», то спрашивающий бросает ему мячик в голову и все разбегаются. Сказавший же «кок» должен схватить мячик и, не отходя от лунок, «лупить» разбежавшихся. Если он промахнётся, то ему опять кладут сенинки, а если попадет («залупит»), то тот, в свою очередь, должен схватить мяч и, прибежав к лункам, бить от них разбежавшихся и т.д.

Если же на предложенный выше вопрос получится ответ «чичига», тогда держащий ярку изо всех сил бросает её в шапку так, чтобы вырвать её из рук держащего, а тот обычным порядком должен схватить ярку и от лунок «лупить» компанию и т.д.

Игра «в цари» открывается тем, что сначала «меряются на палке», кому быть царем. Выбранный в цари берет в руки ярку и садится где-нибудь в подходящем месте, а остальные играющие в это время избирают какие-нибудь имена, например, один называется «золото яйцо», другой — «золотой ястреб» и т.п. Потом все становятся вокруг «царя» и тот произносит протяжно: «Зо-ло-то... яйцо», и быстро вручает выбравшему это имя ярку, а остальные разбегаются, и получивший ярку должен «лупить» их от царя. В этой игре дозволяется промахнуться до трёх раз, а промахнувшегося три раза «салят под арест», т.е. на время отстраняют от игры. Оставшийся последним (после того, как все остальные попадут под арест) становится вторым царём — молодым, и старый царь приказывает новому, молодому, как наказывать арестантов: «дать им горячих или тёплых каждому», это значит: по несколько ударов мячом (по несколько «кожанов»); или дать им «крест да пуговицу» (провести яркой крестообразно по груди и толкнуть в грудь), «ленту или медаль» (тоже известным образом толкнуть) и т.д. Когда все получают наказание, новый царь садится на место старого и игра начинается снова. Иногда бывает, что наказываемые арестанты закричат: «По кожану новому царю», и старый царь даёт «кожан» новому.

При игре «в кругу ходить» играющие сначала разби-

ваются на две партии. При посредстве меряния на палке выбираются две «матки», а остальные — «переводятся» к ним, т.е. попарно подходят к ним с условными именами (например, «что надо — сенинку или щепочку»?) и по выбору «маток» переходят на ту или другую сторону. Затем очерчивают круг и одна партия становится внутри круга, а другая вне. Внешняя партия имеет у себя ярку, которую прячет один из играющих к себе за пазуху или ещё куда, причём и все прочие из его партии тоже держат руки за пазухой, чтобы нельзя было узнать, у кого спрятана ярка. Затем спрятавший ярку «лупит» ею кого-нибудь из стоящих в кругу, и все разбегаются. Получивший удар схватывает ярку и должен, не выбегая из круга, «лупить» кого-нибудь из противной партии, и если он попадет в кого, то вся партия становится в круг. При этом бывают нередко нарекания со стороны всей партии на того, кто промахнется и заставит всех становиться в круг.

Игра «в зайцы» состоит в том, что играющие образуют круг (каждый вбивает колышек, у которого им становиться), а в середине круга бегает «заяц», выбранный по какому-нибудь из вышеприведённых причетов, и его со всех сторон «лупят» яркой. Кто промахнётся, тот сам становится в круг и делается «зайцем».

«В пряталки» играют так: сначала меряются на палке, и кто «вымерился», тому бросают палку, и пока он за ней бежит, все разбегаются, чтобы прятаться. То место, откуда они разбегаются, называется «салом». Кто успеет незаметно от разыскивающего подбежать к «салу», тот кричит: «У сала, у сала». Значит, его уже не нужно больше искать и он может свободно дожидаться, пока разыскивают остальных. При этом он обыкновенно предупреждает криком своих неразысканных товарищей о том, куда идет разыскивающий. Когда последний кого-нибудь заметит (найдёт), то кричит: «Осалил, выходи», и найденный сам потом начинает искать компанию.

Та же игра в прятки носит ещё название «кол забивать». Здесь вместо того, чтобы бросать палку, забивают глубоко в землю кол, и кто первый прибежит и воткнёт в

образовавшуюся от кола ямку палку или ещё что-нибудь, тот снова потом прячется, а не успевший сделать этого продолжает искать.

Из азартных игр, связанных с известным материальным интересом, следует упомянуть об игре «в утиные носы». После весенних промыслов на уток, которых в Сургуте ловят особо приспособленными сетями (так называемыми «перевесами»), среди детей в обращении появляется масса клювов разных пород уток. Эти утиные «носы» имеют среди детворы известную меновую ценность, например, их можно обменивать на ярку, на удочку, на «волосяну нитку» (леску) и тому подобные предметы детского обихода. Играют в утиные носы так же, как и в бабки, на кон ставят по одному, по два носа, и кто сколько выбьет, берёт их себе. Затем опять все ставят и т.д.

Есть ещё способ игры в утиные носы, который называется «кидаться» (носами). Он состоит в том, что носы кидают на землю и смотрят, чей ляжет и чей станет. Тот, у кого ляжет, отдает свой тому, у которого станет, а если при этом утиный нос станет «на попа», то за «попа» дают два носа.

Кроме того, здесь, как везде по России, существуют ещё игры в бабки (по местному, в «казанки»), в городки, в лапту (по местному, «на сало переводиться», т.е. разбиваться на две партии) и некоторые другие, которых мы здесь не приводим, так как они не представляют ничего оригинального.

Увеселения взрослой молодёжи. Вечёрки

Игры и увеселения взрослой молодёжи носят, конечно, другой характер, чем детские игры. Это уже в некотором роде прелюдии к браку. Здесь, на этих увеселениях и играх, молодёжь обоего пола сходится вместе, завязывает между собою более близкие знакомства и не спеша, так сказать, под шумок игровых и плясовых песен, намечает себе будущих жён и мужей.

Главным местом для сближения молодежи являются в Сургуте *вечёрки*.

Вечёрки для сургутской молодежи заменяют и наши

российские хороводы, которых там нет, и так называемые посиделки, отчасти соединяя в себе черты тех и других, отчасти и привнося нечто новое. Из нижеследующего будет видно, чем отличаются сургутские вечёрки (как городские, так и сельские) от деревенских посиделок центральной России (а также, впрочем, и более южных местностей Сибири, где устраиваются в деревнях посиделки, как и в России). Что же касается хороводов, то можно думать, что они здесь вывелись в силу чисто климатических условий, так как хороводы обыкновенно водят на Красной Горке, весной, а здесь в это время, какая бы то ни была поздняя Пасха, лежат ещё глубокие сажённые снега и стоят нередко морозы, достигающие до —30 градусов по Ц. Эти климатические причины и заставили, вероятно, сургутян перенести хороводные игры и песни с улицы в дома, на вечёрку.

Вечёрки в Сургуте и его округе устраиваются круглый год, кроме великого поста и всех предпраздничных дней, когда, по здешним обычаям, давать вечёрки строго воспрещается. Но обыкновенно их устраивают или в именины девушек, или в случае каких-либо «помочек», когда приглашают девушек для каких-нибудь совместных работ, например, копать огороды, собирать мох для конопатки домов, месить глину для кирпичей, носить землю на потолок и т.п. Все эти работы исполняются здесь обыкновенно «помочками», при участии одних только девушек, которым и дают за это приглашающие их хозяева вечёрку, а иногда и две, три, смотря по трудности работы, за которую девушки ничего не берут, а идут на нее только из-за этих вечёрок.

Чаще же всего вечёрки даются в день именин девушек. Парни никогда не справляют своих именин вечёрками, а собирают лишь свою холостую компанию и устраивают приличную случаю попойку. Но как только девушка настолько подрастет, что может считаться невестой (лет с 16—17), она уже во что бы то ни стало старается в свои именины пригласить к себе знакомых подружек и дать им вечёрку.

Сургутские вечёрки не требуют особенно сложных при-

готовлений. Обыкновенно девушка-хозяйка, пригласив своих ближайших подружек, берёт на себя обязанность угостить их чаем с сахаром и «прикусой» (печеньем к чаю из белой муки), очень редко, только у богатых, каким-нибудь десертом, и уже у всех — ужином, и осветить комнату (чаще всего сальными свечами, у богатых — стеариновыми, изредка — лампами). Дальше хозяева не налагают на себя никаких обязанностей ни на счет музыки, ни на счет гостей. Парней на вечёрки не приглашают. Они являются без всяких приглашений, принося с собою лишь музыку или приводя нанятых ими же самими музыкантов, так как на здешнюю вечёрку, по заведенному истари обычаю, может идти всякий (из парней), кто хочет, и свободно отплясывать, сколько ему угодно, раз у него есть музыкант, который бы ему играл. Девушки же, не приглашённые на вечёрки, ходят разве только в числе публики — посмотреть на танцующих, но сами не принимают никакого участия ни в танцах, ни в играх.

И вот, как только стемнеет, приглашённые девушки уже спешат, разодевшись в свои лучшие платья, к подруге, которая дает им вечёрку.

Здесь их сейчас же угощают чаем, после чего они выходят в ту комнату, где предполагаются танцы, и чинно рассаживаются на стульях и скамьях во всем переднем углу комнаты, оставляя для парней и других приходящих гостей лишь места у порога. Здесь обыкновенно и толпятся парни и пришедшая поглядеть на танцующих публика, и только немногим из парней удастся присесть на тех двух-трех стульях, что предоставляются в их распоряжение, большинству же почти всё время приходится стоять.

В течение почти всей вечёрки, за исключением лишь её последнего момента, о котором будет идти речь ниже, парни и девушки держатся отдельно друг от друга: девушки сидят особняком в переднем углу комнаты, а парни также особняком толпятся у дверей, перейти же кому-нибудь из парней и сесть в переднем углу рядом с девушками здесь считается крайне неприличным.

Такая чопорность и церемонность (конечно, только внешняя и кажущаяся) царит и на здешних деревенских

вечёрках, которые, впрочем, отличаются от городских только тем, что, благодаря крайней малолюдности здешних деревень, где чуть не все жители притом состоят ещё друг с другом в родстве, на вечерки обыкновенно являются все девушки деревни и особых приглашений для них, как в городе, не бывает. А затем весь ритуал вечерки, игры, песни и пляски в деревнях те же, что и в городе.

В ожидании прихода парней, собравшиеся девушки после чая обыкновенно поют так называемые «проголосные» песни*, например, «Вылетала голубина на долину», «Возле речки, возле мосту» и т.п. Но, конечно, парни не заставляют себя долго ждать, и скоро почти вся комната наполняется ими, особенно если нет нигде вечерки в другом месте, и все парни со всего города стекаются сюда.

Если изба мала, а таково большинство сургутских изб, для танцующих остается очень небольшое местечко. «Но была бы музыка, можно плясать и на блюдечке», — говорит неприхотливая на этот счет молодёжь, и лишь только появляется музыка, сейчас же начинаются танцы.

В последнее время даже по деревням в здешнем крае вошли уже в моду европейские танцы: кадрили с «фигурами», лянсье и полька. Но, конечно, очень недалеко то время, всего каких-нибудь несколько лет, когда этих танцев здесь не было и в помине. Они появились, можно сказать, на наших глазах и занесены сюда пришлым элементом. Также сравнительно недавно появилась здесь музыка в виде разных бандурок, гармошек и пр. Раньше плясали больше под песни, которые пелись хором всеми присутствующими. Таких песен и до сих пор ещё сохранилось здесь очень немало. Есть свои специальные песни для «русской» («барыньки», «голубца» и пр.), есть свои песни и для «шестёрки». «Шестёрка» — это, кажется, чисто местный танец. Пляшут её обыкновенно так: на середину комнаты выходят три парня и, ставши гуськом друг за другом, начинают быстро ходить по комнате, образуя довольно красивую фигуру, напоминающую цифру восемь (8). Затем каждый из парней на ходу

* «Проголосными» песнями сургутяне называют все песни, которые не сопровождаются какими-нибудь играми, плясками или обрядами.

приглашает себе девушку, которая выступает за своим кавалером, образуя ту же фигуру. Таким образом получается шесть человек танцующих, отчего этот танец и называется «шестёркой» (в противоположность «русской», которую сургутяне называют «одиночкой», так как там пляшут один парень с одной девушкой). При этом парни стараются выделять перед своими дамами разные коленца из «русской», на что и девушки, в свою очередь, отвечают теми же движениями и позами, которые употребляются женщинами при пляске «русской». Протанцевав таким образом некоторое время, девушки одна за другой оставляют своих кавалеров и садятся на свои прежние места, а парни, продолжая танцевать, приглашают на ходу новых девушек и т.д., пока не переберут всех. Танцуя «шестёрку», как и «русскую», парни обязаны брать всех девушек по очереди и, протанцевав лишь со всеми, могут кончать танец. Но это правило не соблюдается при европейских танцах, когда пляшут с кем кто хочет*.

Нередко, впрочем, и теперь ещё, когда на вечёрке не случится музыки, вместо нее поют плясовые песни, под которые и отплясывают «шестёрку»:

Мне девушки говаривали,
Мне молодушки наказывали:
«Не женись, не женись, молодец,
Не женись, удалая голова!
Если женишься, спокаешься,
Со худой женой намаешься...
Проживёшь, проживешь, молодец,

* Пользуясь случаем, мы считаем нужным отметить, что характеристика г. Швецова сургутских танцев, «танцы сургутян неуклюжи и нелепы — в них часто подражают движениям различных животных и птиц» («Очерки Сургутского края», Зап. З.-С. Отд. И. Р.Г.Общ. кн.Х, 1889 г., стр. 83), совершенно неверна, и даже непонятно, как она могла сложиться у автора, так как исполнение сургутянами русских народных танцев — «шестерки» и «русской» — ничем не отличается от обычного исполнения их в деревнях и селах всей России, а девушки нередко пляшут даже очень красиво и изящно, и ни о каком подражании животным и птицам не может быть и речи (если, конечно, не считать подражания «белой лебеди» или «серой утице», что вряд ли имел в виду автор). Нужно заметить, что г. Швецов говорит здесь о русском населении края, а не об остяках, танцы которых действительно воспроизводят иногда сцены из охотничьего быта и представляют нередко странную и неуклюжую жестикуляцию.

Проживёшь, удалая голова,
Между нами, между девушками,
Между нами, меж красоточками».

* * *

Пойду ли я
Кружком, кружком, бережком?

Дойду ли я
До сырого дуба?

Сорву ли я
С сыра дуба веточку?

Бросю ли я
Во ту буйну реченьку?

Тонет ли
Сыра дуба веточка?

Тужит ли
По мне родной батюшка?

Эта песня поётся до трёх раз, во второй раз поют
вместо последнего стиха:

Тужит ли
По мне родна матушка?

А в третий:

Тужит ли
По мне милый ладушка?

* * *

Летит голубь через город,
Несет вестку про невестку...

Про котору? Про вторую,
Про среднюю Дуняшу...

Вечёр Дуню прутон дули,
Под свой норы подводили:
«Отстань, Дуня, отстань, Дуня,
Своей воли...»

«Хоть убьюся, хоть убьюся,
Не отстану,

Хоть извяну, хоть извяну,
Любить стану...»

А вот несколько песен, под которые пляшут «одиначку» («русскую»):

Как ходил, гулял Ванюша
Вдоль по улице,
Вдоль по широкой...
Загляделся, засмотрелся
На Паранино окно,
На косяцато...

«Ты не спишь, душа-Параша?»

«Не сплю — так лежу
И тебя, моя надежда,
На уме держу...

Научить тебя, Ванюша,
Как ко мне ходить?

Ты не улицей ходи,
Ты не широкой гуляй,
Переулочком.

Ты не голосом кричи,
Соловьём свищи,
Чтобы я, млада-младенька,
Сдогадалася,

Со беседы, моя радость,
Подымалася...

Уж я батюшке скажу,
Я родимому скажу:
Голова болит...

Уж я матушке скажу,
Я родимой доложу:

Нездоровится,
Худо можется...

А к милу дружку приду,
Ко любезному приду
Здоровёшенькой,
Веселёшенькой...»

* * *

Плават* утка-селезень
Тихою водою,
Она — тихою водою,

* «Плават» вместо «плавает». При пении каждый стих этой песни повторяется два раза.

Морской глубиною...
Споймали селезеньку
Сургутские девочки...
Посадили селезеньку
К себе во садочки...
Скажи, утка-селезень,
Всеё сушу правду
Про батюшку, про матушку,
Про мила дружочка:
«Где, мой миленький, ночуешь?»
— В лесе при долине...
«В лесе, в лесе, при долине,
У батюшки в доме...
У батюшки, у матушки
Трои новы сени.
Первы новы сени -
Стекольчаты двери,
Вторы новы сени -
Хрустальные двери,
Третьи новы сени —
Часты переходы...»

* * *

Под горою колодец,
Под крутою — студёной...
Зачем в тебе воды нет?
Конь воду выпивал,
Копытечком выбивал.
Приходили красны девушки,
Прирасчерпывали,
Прираспаливали...
У меня же, у младой,
Свёкор-батюшка лихой,
Посылает за водой,
За холодной ключевой...
Уж как я же молода
Непослушлива была,
Не послушалась
Да поупрямилась...

Не пошла я за водой,
За холодной ключевой...

После каждого стиха поётся припев:

Калина да малина.

Эта песня имеет ещё другой вариант, под который танцуется «шестёрка», причём вариант этот поётся тогда, когда танцующие «шестёрку» парни переберут всех девушек по очереди и каждому из них предоставляется право выбрать снова по девушке, какая кому особенно «глянется». В это время хор и поёт эту песню, величая каждого из танцующих парней по порядку:

Винный мой колодец,
Винный мой, студёной,
Зачем в тебе воды нет?
Конь воду выпивал,
Копытечком выбивал...
Молодец, молодец,
(Иван) сударь молодец,
(Егорович) удалой,
Куда ездил, отъезжал?
В Сургут-город приезжал,
Вывозил, вывозил
Сургутскую девицу,
Сургутскую красавицу...

Потом снова начинают эту песню, величают следующего парня, и так до трех раз (в «шестёрке», как мы уже говорили выше, танцуют зараз три парня).

Это едва ли не единственная в здешней местности «величанная» плясовая песня. Ни в каких других песнях не величают «на имя» танцующих парней. Обыкновенно при танцах под плясовые песни в течение известного танца поется не одна только какая-нибудь песня, а целый ряд их, и по мере того, как одна девушка сменяется другой, запеваается и новая песня, но, конечно, одного и того же цикла плясовых песен. Впрочем, хотя мы и указали выше, что здесь есть свои особливые песни как для «русской», так и для «шестёрки», но, собственно говоря, между теми и другими положительно невозможно провести какую-либо разницу как в содержании, так и в ритме, и в пении. Как

видно из приводимых нами образчиков, здешние плясовые песни крайне неопределённого содержания и столь же неопределённого ритма и мотива, и почему под одни из них пляшут «русскую», а под другие — «шестёрку», это тайна старинного обычая. В общем, все-таки большинство этих песен отличается известной весёлостью и вместе с игривым содержанием соединяет весёлый ухарский мотив.

В антрактах между танцами парни и девушки поют так называемые «игровые песни» и «ходят играми».

В прежнее время, особенно когда не знали этих кадрили и лянсье, игры на вечёрках имели первенствующее значение и заполняли собою почти весь вечер. Теперь наоборот: игры отодвинуты на второй план, а на первый выступила кадрили, с которой начинается и которой оканчивается всякая вечёрка. Но, во всяком случае, и теперь ещё на каждой вечёрке вы можете услышать эти игровые песни, которые хорошо известны молодёжи. Некоторые из них очень любопытны как по своему содержанию, так и по сопровождающим их играм. Большинство этих песен носит, конечно, любовный характер, сообразно которому и игры воспроизводят в большинстве случаев различные сцены любовных ухаживаний парней за девушками. Так что в ряду этих игр нередко проносятся перед молодежью довольно знакомые картинки, взятые как бы прямо из жизни.

Игровые песни, как и плясовые, поются хором всеми присутствующими. Девушки запевают, парни подхватывают:

Шёлкова ленточка к стенке льнет,
Добрый молодец у девушки ручки жмёт.
Он жмет, пожимает, все выпрашивает:
«Скажи, душа, скажи, свет,
Скажи — любишь али нет?»
«Я любить не люблю,
Отказаться не могу,
Отказаться не могу,
Поцелую да уйду».

* * *

Подушечка, подушечка,
Ты же пуховая,

Девонюшка, девонюшка,
Ты же молодая!
Я докуль буду ходить (2)
Все я за тобою?
Я докуль буду носить (2)
Дорогой подарок,
Дорогой такой подарок —
Тальянский платочек?
Во тальянском во платочке,
В раскосеньком узелочке
Золото колечко,
Золотое-то колечко —
То мое сердечко.
Кого люблю, кого люблю,
Того поцелую,
Раззолоченным колечком
Того подарю я.

* * *

Белый снег выпадал,
Молодец с коня упал,
Он упал да лежит —
К нему девица бежит.
На добра коня садила,
Приговаривала:
«Ты пойдёшь, друг, гулять,
Не загуливайся,
Во пирах, во беседах
Не засиживайся,
На прелестных красных девиц
Не заглядывайся:
Прелестны красны девицы
Обманчивы,
Обманут, проведут,
Поцелуют да уйдут».

* * *

Разосенный светлый месяц,
Разжемчужное кольцо —
У девицы чернобровой

Разгорелось лицо.
К ней молодец подходит,
За руку берёт,
Он за ручку берёт,
Песню весело поёт:
«Посмотрите, добры люди,
Уж я чем не пара, (2)
Хоть сейчас под венец?»
На то девица сказала:
«Знать судьбе моей конец,
Поцелуй меня, удалый молодец».

Все эти песни (как и многие другие, которых мы здесь не приводим) «играются» более или менее одинаково. В большинстве случаев игру начинают парни. При запеве песни на середину комнаты выходит один из них и, пригласив какую-либо девушку, ходит с ней по комнате, иногда обнявшись, иногда только взявшись за руки, иногда увиваясь около нее с ухватками страстно влюблённого, и затем, при последних словах песни, где речь всегда идёт о поцелуях, отводит девушку на её место и целует её там обыкновенно три раза. Потом, когда вновь запоют ту же песню, выходит другой парень, кто хочет, и проделывает то же, что и первый. При этом в играх не соблюдается правило (которое практикуется при пляске «русской»), чтобы приглашать всех присутствующих девушек по очереди, и каждый выбирает себе ту девушку, которая особенно нравится.

Так играется большинство здешних игровых песен, но есть и такие песни, где игру открывают девушки, причём обыкновенно при конце песни для поцелуя девушка выбирает себе другого парня, а парень, в свою очередь, целуется с другой девушкой, а не с той, с кем «играл» (ходил по комнате). Дальше, при запеве той же песни, выходят вновь избранные парень и девушка и играют так же, как и первые. Так, например, играется вышеприведённая песня «Белый снег выпадал» и пр.

Это наиболее распространённые на здешних вечёрках игры. Но некоторые песни играют совершенно своеобразно, иногда применяясь к их содержанию, иногда же

без всякой связи с этим последним, просто по условившемуся исстари обычаю. Хор, например, поёт:

Я качу, качу золото кольцо,
Золото кольцо с брильянтами...
За кольцом-то идет добрый молодец,
За собой-то ведет красну девицу...
Ты возьми-тко её за праву ручку,
Проведи-тко её во чисто поле,
Ты поставь-ко её среди горницы,
Среди горницы, среди новой.
Подойди-тко к ней, стань близёшенько,
Поклонись-ко ей ты низёшенько,
Поцелуй ты её милёшенько...

При запеве песни выходит парень с девушкой, берёт её за руку, ставит среди комнаты и сам, обнявшись с ней, становится рядом, а при последних словах песни кланяется ей «низёшенько» и целует «милёшенько». Затем эта девушка выбирает себе другого парня и проделывает с ним все то, что поётся в песне, причём хор теперь поёт:

За кольцом-то идет красна девица,
За собой-то ведет добра молодца...
Ты возьми-тко его за праву ручку,
Поведи-тко его и т.д.

Во всех этих играх, как мы видим, «играют», т.е. ходят по комнате и потом целуются, только двое — парень и девушка, а затем идет следующая пара и т.д. Но здесь есть несколько песен, в игре которых принимают участие сразу две пары (два парня и две девушки), три пары и даже все присутствующие.

Так, например, при пении нижеследующей песни выходят две девушки и, взявшись за руки, некоторое время ходят по комнате одни, а потом, при соответствующих стихах песни, садятся к выбранным им парням на колени и затем целуются с ними, после чего начинают ходить эти парни и таким же порядком выбирают себе девушек, садятся к ним на колени и т.д. Когда ходят девушки, то хор поёт:

Летели две птички,
Собой невелички,

Там, там лето, здесь зима,
Чернобровая моя.

Как они летели,
Все люди глядели.

Там, там лето, здесь зима,

И т.д. (Припев под каждым двумя стихами).

Как они садились,
Все люди дивились.

Сели — посидели,
Встали — полетели.

Встали — полетели,
Песенки запели.

Песни воспевали,
Нас утешали.

Нас утешали,
Три раза целовали.

А когда открывают игру парни, то хор поёт:

Летели два ворона,
Крылья оборваны.

Раскудряв, кудряв, кудрявый,
Раскудрявый милый мой.

Как они летели,
Все люди глядели.

Раскудряв, кудряв, кудрявый.

И т.д. Припев под каждым двумя стихами, а слова те же, что и в первой песне.

Так же играется и нижеследующая песня, но только в ней всю игру ведут девушки, сменяясь попарно друг с другом, а парни держатся пассивно, служа лишь предметом выбора для девушек.

Как по травкам, по муравкам,
По лазоревым цветочкам,
По бумажным, по листочкам,
Тут ходили, тут гуляли,
Две девицы тут плясали...
Отплясавши, приустиали,
Приуставши, спать ложились
Ко молодцам на колени,
Ко удалым под гусельцы.

Молодец в гусли играет
И девицу разбуждает:
«Встань, девушка, встань, лапушка,
Встань, белая лебедушка,
Встань, белая лебедушка,
Эвон идет твой батюшка...»
«Я батюшку не боюсь
И матушки не страшусь,
Я милого убоюсь,
Гулять пойду — я спрошусь,
С гульбы приду — поцелую».

При пении нижеследующей песни игру начинают сразу три парня, которые потом и выбирают себе каждый по девушке, причём в песне всех играющих величают по имени и отчеству.

У ворот — вороточек,
У ворот стекольчатых,
Разлив разливается.
По тому разливчику,
По тому широкому
Три лебедя плавали...

Первый-от лебедь — вот (Егор Иванович),
Второй-от лебедь — вот (Павел Семенович),
Третий-от лебедь — вот (Алексей Сидорыч).

Дальше поют то же:

У ворот-воротечек,
У ворот стекольчатых
.....

Три лебедки плавали
Первая-от — лебедь (Федосья Ивановна),
Вторая-от — (Дарья Николаевна),
Третья-от лебедь — (Марья Прокопьевна).

Лебеди слетались,
Лебеди сплывались,
Низко поклонялись,
Трое целовались.

Наконец, есть песни, при пении которых в игре принимают участие все присутствующие на вечёрке парни и девушки. Игру по обыкновению играют парни. Выбрав себе

по девушке и взявшись с ними под руку, парни начинают ходить кружком по комнате и все хором поют:

Возле садичка дороженька торна,
Еще кто это дорожку проторил?
Это — молодец к девушке ходил...
Он не так ходил (2), подарочек носил.
Много злата, много серебра носил,
Шаль персидскую на правое плечо,
А на ручку бриллиантово кольцо...
Ты не чувствуешь любви никакой,
Какова любовь на свете горяча,
Горяча любовь, слезами облита...
Поцелуй меня, молодчик, три раза.

При последних словах песни каждый «молодчик» целует свою девушку. Затем, при запеве вновь этой песни, уже девушки выбирают себе парней и ходят с ними так же, как и в первом случае, и т.д.

Выше мы приводили одну из так называемых «величанных» игровых песен, где величают «на имя» участвующих в игре парней и девушек. Таких «величанных» песен здесь немало и при пении их обыкновенно величают по очереди всех присутствующих парней и девушек, и кого «завеличают», тот (или та) и открывают игру.

Вот, например, «величанные» песни, где игру начинают парни.

У нас (Ванюшка) хорошенький,
Во бекешечке коротенькой,
Он бьётся, убивается,
Сиротою называется...
Кто бы, кто бы сиротинушку призрил?
На тесовую кровать положил?
Душа (Аннушка) удобрилась,
Пустила сиротину ночевать,
Начала его в уста целовать.

* * *

У нас молодцы да все хорошие,
То-то мята, рожь не жата,

Некошенная трава.
У нас молодец, у нас (Васинька),
У нас (Васинька), свет (Васильевич),
То-то мята, рожь не жата,
И т.д. (Припев после каждых двух стихов).
Его девушка, его (Аннушка),
Его Аннушка, свет (Ивановна),
Ты целуй дружка
Среди кружка.

А вот «величанные» песни для девушек:

Земляничка, сладка ягодка,
Ты, душа ли красна девица,
Свет (Марья Васильевна),
На кого ты живёшь, надеешься?
Я живу-то, живу, надеюсь я
На мила-то дружка на (Васиньку)
На (Васиньку) свет (Васильевича).
Знаю, знаю, что возьмёт он за себя,
Уверяю, поцелует три раза.

* * *

Вскочил козёл в огород
Через частенький частоколик...
Кому козла выгоняти?
Выгонять козла душе девушке
Федосье свет (Ивановне).
У нас (Фенюшка) девушка хорошая,
Она ходила, гуляла по долинке,
По широкой лугатинке.
Во руках-то у ней платочек
Ровно беленький, батистовенький.
Она бьет козла по коленям,
Козел на колени припадает,
Из садочка выбегает,
Выбегает козёл, выбирает,
Выбирает козёл, сам целует.

При начале этой песни по комнате ходит парень, кто захочет, а потом вступает та девушка, которую «завеличают», и, проделав, все то, что поётся в песне,

девушка выбирает для поцелуя другого парня, а парень другую девушку. Затем «играет» вновь избранная пара и т.д.

Некоторые из этих величанных игровых песен по своему содержанию очень близко подходят к здешним «свадбишным» песням и являются как бы перенесёнными на вечерку из местного свадебного обряда. Например, на вечерках часто поют две таких величанных песни (одна из которых предназначается для парней, другая — для девушек).

Как по блюду было, блюдечку,
По наливному яблочку,
Не два яхонта катаются,
Две жемчужки рассыпаются,
Как не конь берегами бьёт,
Берегами бьёт, воды не пьёт,
Стременами пошевеливает,
Золотой уздой побрякивает...
Тут и шёл-прошёл удалой молодец,
Разудалый добрый молодец,
Свет (Иван), сударь (Егорович)...
За собой он ведёт сужену,
За собой он ведёт ряжену,
Свет душу ли красну девицу,
(Анну Васильевну)...
«Уж ты, мать, моя матушка,
Сударыня, боярыня моя,
Я привел тебе служанушку,
Себе верную хозяйку,
Я не бил бы, не бранил бы её,
Целовал бы, миловал бы её...
Мои ручки не поднимутся,
Мои белые опустятся...»

Это — величанная песня для парней, а вот другая, подобная, для девушек:

Ещё кто эти сени мел?
Ещё кто эти кленовы заметал?
Заметала сени душа (Машенька),
Заметала, звончаты гусли нашла...
Я кому эти гусли отдам?

Я кому эти звончатые отдам?
Я отдам гусли (Иванушке),
Я отдам гусли (Ивановичу).
(Иванушки) дома нет,
(Ивановича дома нет)...
Он у тёщи, у ласковой,
Ест блины масляны...
Ему тещенька говаривала,
Ему ласкова наказывала:
«Зять мой, зятюшка, Иванушка,
Ты не пей-ка вина допьяна,
Ты назавтра придёшь домой,
Тебя выйдет молода жена встречать,
Не куражься, не ломайся над ней,
Над моей дочкой, над Машенькой...»

В игре этих песен нет ничего замечательного, играют они так же, как и вообще все величанные песни, но по своему содержанию и складу они в высшей степени напоминают те свадебные песни, что поются на здешних девишниках, хотя теперь на девишниках этих величанных песен здесь не поют, и неизвестно, пели ли их раньше.

Кроме этих песен, рисующих различные любовные сцены, здесь нередко поются на вечёрках и такие игровые песни, которые изображают уже дальнейшие последствия этих предварительных любовных ухаживаний, сообразно чему и сопровождающие их игры носят уже бытовой характер и представляют или, например, картину сватовства, или же какую-нибудь сторону замужнего житья-бытья как бы в назидание присутствующей молодёжи.

В этом ряду чисто бытовых игр мы прежде всего остановимся на любопытной игре «боярами», представляющей своеобразную картину сватовства.

Играется она так: парни, взявшись за руки, становятся по одну сторону вдоль комнаты, а девушки, точно так же, — по другую, причём наблюдается, чтобы тех и других было поровну, и, подходя «стена на стену» друг к другу, попеременно хором поют:

Девушки: «Бояра, да вы зачем пришли?
Молодые, вы зачем пришли?»

Парни: «Княгини, мы невест смотреть,
Молодые, мы хороших примечать».

Девушки: «Бояра, да покажите вы кафтан,
Молодые, покажите вы кафтан».

Парни: «Княгини, вот и наш кафтан,
Княгини, вот суконенький».

При этих и следующих стихах, показывая свои кафтаны, колпаки (шапки) и сапоги, парни стараются соответствующим образом и жестикулировать, чтобы щегольнуть перед девушками своими нарядами. Хор продолжает:

Девушки: «Бояра, да покажите вы колпак,
Молодые, покажите вы колпак».

Парни: «Княгини, вот и наш колпак,
Молодые, вот он новенький».

Девушки: «Бояра, да покажите сапоги,
Молодые, покажите сапоги».

Парни: «Княгини, вот и наши сапоги,
Молодые, вот подбиты каблучки».

Затем, произведши этот осмотр, девушки поют:

— Бояра, да покажите жениха,
Молодые, покажите жениха.

На что парни отвечают:

— Княгини, вот и наш женишёк,
Княгини, вот холостенький.

Хотя все играющие парни представляют из себя женихов, но эту роль обыкновенно берёт на себя крайний, начиная при этих словах песни особенно охорашиваться перед девушками.

После этого девушки поют:

— Бояра, да вам которая любя?
Молодые, вам которая любя?

Парни: «Княгини, для нас все хороши,
Молодые, одна лучше всех».

— Бояра, да вы берите-ка её,
Молодые, вы берите-ка её.

— Княгини, прикажите целовать,

Молодые, прикажите обнимать.

— Бояра, да вы целуйте-ка её,

Молодые, обнимайте-ка её...

При последних словах песни крайний из парней отделяется от остальных, выбирает себе девушку (тоже по большей части стоящую против него с краю) и целуется с ней, а затем предоставляет целовать её по очереди всем своим товарищам. Когда её перецелуют все парни, «же-нишёк» с «невестою» удаляются из игры, а при запеве вновь этой песни то же самое проделывает следующий крайний парень и т.д., пока парни не переберут всех девушек.

Так же играется здесь и известная песня «А мы про-со сеяли, сеяли»*, причём после слов: «а нам надо де-вицу, девицу» — стоящий с краю парень целуется с одной из девушек и передаёт её для поцелуя другим парням, после чего двое стоящих с краю парней поднимают вверх руки наподобие арки, под которую и проходит удаляющаяся со сцены пара. А девушки в это время поют:

Отпирайте ворота, ворота,

Принимайте девицу с молодцем, молодцем...

Такой финал устраивают иногда и в предыдущей игре «боярами», причём девушки поют:

Бояра, вы отворяйте ворота,

Молодые, принимайте девушку с молодцем...

Игра «боярами» считается в Сургуте старинной игрой и в последнее время выводится из употребления. Точно так же в недавнее время здесь была в большом ходу другая любопытная игра, которая немало забавляла молодежь. Игра эта состояла в следующем:

на середину комнаты выходит девушка. Хор начинает петь:

Как буду, да и как буду

Старому мужу постилати?

— Эвот-как да эвот-как

Буду я ему постелюшку слати...

* Поётся она почти так же, как, например, и в Ярославской губ. (см. «Северный вестник» за 1889 г., № 6), с тем лишь различием, что вместо «шелкового повода» сургутские девушки хотят принять коней «на шелковы ченбуры, ченбуры», а вместо припева: «Ой, диб-ладо сеяли сеяли», в Сургуте припевают: «А мы, млады, сеяли, сеяли».

При этих словах играющая девушка в высшей степени небрежно и как бы со злостью бросает с себя на пол полушалонок. Это она стелет постель для старого мужа. Хор поёт дальше:

Как буду, да и как буду
Старому мужу изголовье класти?
— Эвот-как да эвот-как
Стану я ему изголовье класти...

Девушка берёт и кладет на полушалонок в изголовье своему старому мужу полено.

Хор поёт:

Как буду, да и как буду
Старого мужа спати класти?
— Эвот-как да эвот-как
Буду я его спати класти...

При этих словах девушка выбирает кого-нибудь из парней (обыкновенно такого, кто ей не особенно мил), тащит его к этой импровизированной постели и грубо толкает его на постель.

Дальше поют, как она будет со старым мужем «ложиться», девушка крайне неохотно ложится спиной к парню, играющему роль старого мужа; как она будет его «обнимати» — «старый муж» лезет к ней со своими объятиями, но девушка барахтается и отбивается от него руками и ногами; как она будет его «целовати» — вместо поцелуя девушка плюет своему «старому мужу» в лицо; как она будет его «убуждати» — девушка без церемоний толкает «мужа» под бок, и, наконец, девушка стаскивает парня с постели и выталкивает его к порогу...

Затем снова начинается та же песня, но теперь речь идет уже о молодом муже...

Как буду, да и как буду
Молодому мужу постилати?
— Эвот-как да эвот-как
Буду я ему постелюшку слати...

Тот же полушалонок девушка теперь тщательно расстилат по полу, разглаживая его обеими руками, чтобы «мужу» было мягче «спати»...

Затем, при дальнейших словах той же песни, в изго-

ловье девушка кладет пуховую подушку, из парней выбирает в качестве молодого мужа того, кто ей больше «глянется», и нежно укладывает его на своей «постели», охотно ложится с ним рядом и, обнявшись, начинает его ласкать и целовать, «убуждает» его потихоньку и осторожно подымает с постели...

Это, как мы уже говорили, старинная игра, которую сейчас редко можно увидеть на сургутских вечёрках, но здесь есть ещё одна любопытная игра, тоже бытового склада, которую устраивают часто и теперь.

Хор запекает:

Отворяйтесь вы, широкие ворота,
Уж я сяду на добра коня — поеду...

При запеве выходит парень и, выбрав себе девушку, садит её среди комнаты на стул, а сам начинает ходить вокруг неё. Хор поёт дальше:

Я поеду в Китай-город гуляти,
Молодой жене подарок закупати...
Я куплю-ка молодой жене подарок,
Саму-саму преотличную шалку...
Я положу на серебряное блюдо,
Подойду к молодой жене поближе,
Поклонюсь я молодой жене пониже:
Ты бери-тка, жена, не ломайся,
Душа-сердце мое, не куражься...

При этих словах парень с низким поклоном подаёт девушке на подносе «шалку» (платок или шаль), но та с пренебрежением бросает её на пол. Парень огорчён, и хор в таких заключительных словах песни выражает огорчение парня:

Посмотрите-ка, добрые люди,
Как жена меня, молодца, не любит,
Она всем сердцем меня ненавидит...

Тогда вновь запевают эту песню:

Отворяйтесь вы, широкие ворота,
Уж я сяду на добра коня — поеду,
Я поеду во Китай-город гуляти и т.д.

Но вместо «шалки» поют:

Я куплю-ка молодой жене подарок,

Саму-саму преотличную плётку...

Я положу на серебряное блюдо и т.д.

И парень вместо шали подает теперь девушке плётку (скрученный в виде жгута платок), та её берет, встаёт со стула и начинает ходить вместе с парнем по комнате, как и во всех других играх. А хор заканчивает уже так:

Посмотрите-ка, добрые люди,

Как жена меня, молодца, любит,

Она всем сердцем меня приголубит,

Приголубит меня — поцелует...

При этих словах парень с девушкой целуются.

Как бы в pendant к этим бытовым играм, на сургутских вечёрках часто поют ещё такую прелестную песенку, хотя, по-видимому, и не игрового содержания, но тем не менее в Сургуте она считается в числе игровых песен и под неё «ходят играми»:

Не от искорки сырой бор горит...

Он горит-от, горит, разгорается,

Будто мой-от милой разнемогается...

Он не пьёт-от, не ест меду-сахару,

Захотел мой милой ключевой воды,

Ключевой воды с Дунай-реки...

В первом часу за водой пошла,

Во втором часу воду черпала,

Во третьем часу возвращалася...

На гору взошла, тут мне весть пришла,

Будто мой-от милой успокоился...

Успокоился он — представился...

Уж я думала-передумала,

Как тужить-плакать, плакать не о чем,

Наживу я дружка лучше старого,

Полюблю я дружка лучше прежнего,

Поцелую дружка от желань-сердца.

Играется эта песня обычным порядком: при запеве выходит девушка и, выбрав себе парня, ходит с ним по комнате, а при словах песни: «наживу я дружка лучше старого» — для поцелуя выбирает себе другого парня, парень тоже целуется с другой девушкой. Потом начинают игру вновь избранные парень и девушка и т.д.

Кроме этих игр, носящих любовный или бытовой характер, на здешних вечёрках играют и другие, более невинного содержания игры. Такова, например, игра «в олени». Кто-нибудь из парней (или девушек) садится посреди комнаты на стул, ему закрывают голову платком, а остальные начинают бегать вокруг него, припевая:

Тепло ль тебе, олень?

Холодно ль тебе, олень?

И при этом щиплют, дёргают и т.д. сидящего, а тот должен отгадывать, кто до него дотронулся. Угаданный и садится на его место.

Или вот ещё одна игра. Парень или девушка берёт кольцо и, обходя всех, хоронит его у кого-либо из присутствующих (парень — у девушек, девушка — у парней); другой парень (или девушка) должен отгадать, у кого оно спрятано, и если найдет, тогда идет искать тот, у кого оно нашлось, а тот, кто нашёл, прячет. При этом, если ищет кольцо девушка, то поют:

Гадай, гадай, девица,

Отгадывай, красная,

В коей руке перстень,

В коей позолотый.

Уж я рада бы гадать,

Рада год годовать,

Через поле идучи,

Русу косу плетучи,

Шёлком прививаючи,

Златом присыпаючи...

А когда кольцо найдётся, то поют:

Очутился перстень

У дворянина,

На правой на ручке,

На левом мизинце...

Существует ещё игра «в берлин», напоминающая одну из очень распространённых российских игр и неизвестно почему носящая здесь такое название. Игра, как уверяют сургутяне, очень старинная.

Кто-нибудь из парней садится среди комнаты на стул и завязывает себе глаза. Тогда одна из девушек

начинает опрашивать всех своих подружек, почему этот парень «в берлине сидит»? Те указывают причиной какую-нибудь смешную сторону сидящего парня: его наружности, одежды, характера и т.д. Словом, проезжаются, шутят на его счёт, иногда — очень ядовито. Собранные мнения девушка объявляет парню вслух. Он должен угадать, кто о нем что сказал, и какую девушку угадает, та и садится на его место. Если «в берлине» сидит девушка, то мнения тем же порядком отбираются у парней.

Всеми этими играми, вперемежку с плясками, молодёжь забавляется далеко за полночь. Когда настает время расходиться и кончать вечерку, устраивается последняя игра — «в суседки». Этой игрой, по установившемуся здесь обычаю, всегда оканчивается вечерка, и пока эта игра не состоится, вечерка не считается законченной, как бы она долго ни продолжалась. В свою очередь, если вам случится зайти на вечерку в момент этой игры, это значит, что вечерка кончается. В это время большинство парней уже разошлось и на вечерке остаются только немногие, чтобы в предстоящей игре хватило каждому из них по девушке.

Из среды этих парней выбирается «староста-раздатчик», который и раздаёт всем парням по девушке. По заранее состоявшемуся уговору между ними и остальными парнями, каждому из последних, конечно, достаётся та девушка, какую он заранее наметил, причём обыкновенно каждый выбирает себе ту, с которой он состоит в более близких отношениях. Затем парни рассаживаются с назначенными им девушками и, обнявшись, начинают втихомолку вести с ними более или менее интимные разговоры. В конце вечерки у каждого из парней накапливается немало материала для подобных интимных собеседований, тем более, что, как мы видели выше, во всё время вечерки девушки держатся так изолированно от парней, что между ними не бывает почти никаких разговоров. И вот теперь молодёжь отводит в разговорах свою душу...

«Раздатчик» же («староста») остается без девушки

и, похаживая около парней, время от времени останавливается и спрашивает кого-либо из них: «Доволен» ли он своей соседкой? Если тот говорит: «Доволен», «раздатчик» приказывает: «Повидайтесь» (т.е. поцелуйтесь). Тогда парень и девушка целуются. А если спрошенный парень говорит: «Не доволен», староста приказывает ему поменяться местами (девушками) с соседом и затем опять «повидаться». Иногда кто-нибудь из сидящих с девушками парней спрашивает самого старосту, не желает ли он повидаться с его соседкой, и если староста изъявляет желание, ему предоставляется целовать эту соседку сколько угодно. Иногда староста приказывает всем поцеловаться со своими соседками столько-то раз или даже поменяться взаимно соседками, причём и сам староста старается захватить место около кого-нибудь из них. Если парень при этом перемещении опоздает и его место займет уже староста, то с этого парня берётся штраф: на него, как говорится в этих случаях, староста «накидывает службу», т.е. заставляет его, например, проплясать на одной ноге по комнате, стать на колени и т.п. От этой службы парень, впрочем, может откупиться — угощением всех присутствующих, размер какового также определяется старостой.

Этой игрой, которая продолжается неопределённое время, как мы уже говорили выше, обыкновенно и заканчивается вечерка. Если вечерку давали за «помочки», то все девушки и парни тотчас же после этой игры и расходятся по домам, парни, впрочем, несколько раньше, так как девушек оставляют на ужин. Если же вечерку устраивала девушка-именниница, то приглашённые девушки нередко после ужина остаются ночевать у хозяйки. В прежнее время, по рассказам сургутян, вместе с девушками оставались на ночь и парни, но теперь этот обычай уже вывелся.

В заключение этого обзора сургутских вечёрок и местных вечерочных игр мы считаем не лишним сказать ещё несколько слов об отношениях сургутской молодёжи к замене на вечерках старинных игр и увеселений

новыми европейским танцами. Мы уже говорили выше, что эти новые танцы — полька, кадрили и лянсье — почти совсем вытеснили на здешних вечерках игровые и плясовые песни, которые ранее (даже в первые годы нашего пребывания в Сургуте, в середине 80-х годов) наполняли собой почти всю вечерку. Отношение к этим новшествам у молодежи двойное: парни (особенно побывавшие в Тобольске или Томске) являются главными вводителем и покровителями этих новшеств и горячо стоят за них, но девушки относятся к ним холодно и даже неприязненно. Главный мотив такого неприязненного отношения у девушек тот, что на прежних вечерках в играх и плясках (как мы уже видели) могли принимать и принимали участие все присутствовавшие на вечерке девушки: всех их по порядку должны были брать парни в «шестёрку» и «русскую», всех их «величали» в играх, все они играли «в суседки» и т.д. Когда же завелись европейские танцы и парни стали приглашать на них лишь по выбору девушек, многим из последних приходится целый вечер сидеть в ожидании приглашений и, по выражению сургутян, «трясти веретено», обыкновенно у таких обойдённых на другой день после вечерки подружки не преминут спросить: «Много ли напярла вчера веретен?» — что, конечно, не может не огорчать известную часть женской молодежи. А так как вкусы и симпатии парней бывают переменчивы, то, в сущности, никакая девушка не застрахована от того, чтобы всю вечерку просидеть одной и «прясть веретена», — это и является главной причиной недовольства девушек новыми танцами.

Сезонные увеселения молодежи

Переходя к сезонным увеселениям сургутской молодежи, т.е. к таким, которые, в противоположность вечеркам, бывают лишь в определённые периоды года, мы прежде всего остановимся на святках.

Святки в Сургуте считаются молодёжью самым весёлым временем года, и обыкновенно она их ждет с

большим нетерпением. Да и как их не ждать? Зима, с её обычными монотонными работами изо дня в день, успела уже достаточно наскучить, а тут предстоит сплошное веселье чуть не целых две недели. И вот, ещё задолго до святок, парни и девушки начинают уже готовиться к ним: мастерят себе из бумаги маски, придумывают какие-нибудь замысловатые, смешные костюмы для предстоящего ряженья, запасаются заранее музыкой.

Наступают святки. Первые три дня праздников проходят чинно и степенно, как и вообще здесь все праздники. Старшие ходят друг к другу в гости, умеренно выпивают и стараются держаться возможно солиднее и важнее, молодёжь же в большом нетерпении и с трудом сдерживается, чтобы с первого же дня не пойти рядиться.

Но вот наступает третий вечер праздников, и хотя рядиться, по правилам мудрых стариков, ещё несколько рано, надо подождать следующего дня, но молодёжь уже не может далее сдерживаться и шумными ватагами в самых причудливых костюмах высыпает на улицу и начинает ходить по домам...

Ряженные обыкновенно ходят небольшими толпами, или, как здесь говорят, «табунами», редко — в одиночку. Несколько парней и девушек, сговорившись заранее, ещё засветло собираются в одну избу и здесь начинают рядиться кто во что может. При этом молодёжь, в особенности девушки, во что бы то ни стало стараются получше разодеться на святки. Девушки вытаскивают из своих сундуков наиболее ценные и нарядные платья, полушалки и шали, которые, кажется, только и хранятся для святочного ряженья, так как больше их нигде не увидишь, парни тоже, чтобы не ударить лицом в грязь и не отстать от своих подружек, напяливают на себя лучшие пиджаки, сюртуки, дипломаты и пр.

Но встречаются и чисто святочные костюмы. Некоторые шьют себе нарочито для святок какую-нибудь смешную одежду из рогожи, наряжаются, как и везде в деревнях России, в вывороченные шубы, приделы-

вают себе горбы, представляются стариками и старухами и пр. Иногда наряжаются в самоедские и тунгусские малицы (верхняя одежда из оленины, шерстью внутрь) и, расхаживая по домам со шкурками белок и лисиц, как бы для продажи их, представляют из себя самоедов и тунгусов. А то так и просто надевают кумышь (верхняя зимняя одежда сургутян, тоже из оленины, но шерстью наружу), который прекрасно может скрыть как пол, так и возраст, а голову прикрывают салфеткой. Это даже едва ли не самый распространённый здесь святочный костюм, особенно для тех, кому нечем щегольнуть, да и при здешних морозах, которые нередко достигают на святках до —50 градусов по Ц., он представляется более подходящим, чтобы расхаживать из дома в дом, чем лёгкие, хотя, может быть, и нарядные платья. Правда, этот костюм и имеет свои неудобства, ряженым приходится плясать, а танцевать в кумыше (необычайно мешковатой и теплой одежде), да ещё среди многолюдной компании в жарко натопленной комнате, представляется не особенно заманчивым. И эти танцоры в кумышах, особенно в европейских танцах, обливаясь потом среди бесконечных фигур кадрили, имеют необычайно жалкий вид.

Некоторые (больше из состоятельных) надевают на лицо маски, сделанные из бумаги и купленные у своих же сургутских мастеров по этой части, другие расписывают себе лицо сажей или приделывают бороды и усы из конских и коровьих хвостов, большинство же маскирующихся, или, как их называют в Сургуте, «машкарадников», просто закрывают себе голову салфеткой, простыней или белым платком и этим ограничивают своё ряжение, и затем в своём собственном платье, но только более нарядном и ценном, отправляются ходить по домам.

Обыкновенно не везде принимают ряженных, и наружным признаком, принимают ли в том или другом доме масок, служат яркое освещение и незапертые ставни в тех домах, где их пускают, а те, которые не

хотят принимать, заранее закрывают ставнями все окна.

Пришедши в какой-нибудь дом, если есть с собой музыка и умеющие играть (ряженные обыкновенно стараются брать с собой и какую-нибудь музыку — гармошку или бандурку — наиболее распространённые здесь инструменты, на которых умеет играть почти каждый), просят у хозяев разрешения протанцевать и пляшут своей компанией. Нередко, впрочем, и сами хозяева, конечно, из состоятельных, нанимают на все святки музыканта, чтобы он играл для приходящих ряженных. А если нет музыки, то ограничиваются лишь разговорами и шутками, стараясь заинтриговать собою присутствующих, причём маски входят в свои роли, разыгрывая разных «цыганок», «знахарок» и пр.

«Цыганки» с картами в руках отыскивают желающих узнать свою «судьбу» и по картам или по открытым ладоням, подражая цыганкам-гадальщицам, предсказывают, что ожидает их в будущем, нередко намекая при этом на какие-нибудь интимные обстоятельства. «Знахарки», приходящие всегда почему-то только с «пиявками», как будто бы это универсальной лекарством от всех болезней, предлагают свои врачебные услуги — не надо ли кого полечить, обещая к больному месту приставить пиявки, и доверчивых пациентов при этом обливают в шутку водою, которую приносят с собой в бутылках, якобы содержащих пиявки... «Тунгусы» и «самоеды», объясняясь на своем непонятном наречии и выразительно жестикулируя, открывают продажу разных шкурок... Словом, все ряженные входят в свои роли и комната наполняется шумом, смехом и шутками. Прочая публика, не играющая никаких определённых ролей, окружает всех этих «цыганок», «знахарок», «торговцев» и тоже галдит, шумит, или, как здесь говорят, «галится», «совражает» над ними... Всем весело... Хохот и шутки царят и в домах, где принимают ряженных, и по улицам, где с песнями и музыкой «машкарадники» разгуливают из дома в дом...

Мальчуганы, а иногда и взрослые парни, водят по

домам и показывают за деньги (или вообще за то, что дадут) искусно устроенных коров и лошадей, и представляют очень популярного здесь «царя Максимильяна».

Появление этого «Максимильяна» среди сургутян свежо ещё в памяти жителей. До него здесь не было, по-видимому, никаких лубочных пьес, да и в 1891 г., кроме него, никаких не было. Он вывезен в конце 50-х годов из Питера бывшими там на службе сургутскими казаками и очень скоро приехал по вкусу здешней неприхотливой публике. Сначала «Максимильяна» представляли взрослые парни, но потом он сделался так популярен, что перешёл к детям, и теперь его представляют только ребяташки. Что же касается содержания этой пьесы, то даже в первой своей редакции «царь Максимильян» вывезен был из Питера, вероятно, в крайне исковерканном списке с какого-нибудь лубочного издания, а с течением времени он потерпел в Сургуте ещё большие искажения и теперь превратился в нечто сплошь нелепое и почти недоступное передаче. Тем не менее он очень нравится юной молодёжи (старшим уж он порядком таки приелся, так как они видят его уже десятки лет), и не проходит ни одних святок, чтобы не составилась кружок ребяташек для представления «царя Максимильяна». В Сургуте на святках он заменяет собою в некотором роде «звезду» или «вертеп», которых там не носят, но которые, как известно, очень распространены в городах по ту сторону Урала.

Так, переходя из дома в дом, молодёжь веселится до глубокой полуночи. Впрочем, не одна молодёжь: нередко можно видеть среди ряженных женатых мужчин и замужних женщин, которые в святочном веселье переживают вторую свою молодость...

Начиная с третьего дня праздников, ряжение продолжается каждый вечер, вплоть до кануна крещенского сочельника*.

* В деревнях, ниже Сургута верст на 100, по рассказам бывавших там сургутян, рядиться начинают с Николина дня (6 декабря), а ещё дальше — около с. Самарова и по Иртышу — с первой недели Филиппова поста и продолжают так же, как и в Сургуте, до крещенского сочельника.

На святках иногда устраиваются также и вечёрки, а в прежнее время, по рассказам стариков, когда ещё здесь не было обычая рядиться, святки только и ознаменовывались, что почти непрерывным, в течение двух недель, рядом вечёрок да гаданьями. Теперь же считают неудобным давать на святках частые вечёрки, так как на них набирается обыкновенно очень много народу и бывает стеснительно плясать и играть.

К святкам же приурочены, главным образом, и местные гаданья, но о них подробнее мы будем говорить в следующей главе.

Теперь мы перейдем к следующему по времени сезонному увеселению — «катушке».

Вскоре после святок и задолго ещё до масленицы, парни устраивают на подходящем месте длинную, узкую и не особенно высокую ледяную гору, иногда пользуясь для этого каким-нибудь естественным скатом, чаще всего высоким берегом реки, иногда же устраивая «голову» этой горы на столбах. Это и есть «катушка», её обсаживают елками, и когда она бывает окончательно готова, по вечерам собирается к ней молодёжь, и парни на необычайно маленьких (в четверть ширины и в 1/2 аршина длины) саночках начинают катать девушек. Девушки обыкновенно толпятся у «головы» катушки, поджидая приглашения парней, а выбранные садятся к ним на колени, и каждый, благополучно скативший девушку вниз, пользуется правом в награду за это поцеловать девушку, а если он по дороге вывалит её из санок, то лишается права на «поцелов». Кататься на катушке может всякий кто хочет, хотя её устраивает обыкновенно небольшая группа любителей-парней.

Катанье происходит каждодневно по вечерам, начиная с 3—4 часов дня и пока не стемнеет. Но, конечно, наибольшего оживления «катушка» достигает в дни масленицы, когда катанье начинается с полудня и даже ранее. В последний день масленицы (воскресенье) катаются только часов до 4—5, а затем все расходятся «прощаться», а катушку ломают.

Наступает великий пост — самое тяжёлое и скучное для молодёжи время, когда не бывает никаких увеселений и даже петь «проголосные» песни считается тяжким грехом. Долго он тянется, но, наконец, сменяется Пасхой, и молодёжь опять начинает веселиться после долгой и томительной скуки.

Сезонным видом пасхальных увеселений в Сургуте являются качели. Их тоже устраивают любители-парни, а качается на них всякий кто хочет, но, главным образом, они предназначаются для девушек. По вечерам, а в первые три дня Пасхи и ранее, к качелям собираются девушки и, тихо покачиваясь, начинают петь «проголосные» песни, дружно подхватываемые и парнями. В этом, собственно, и состоит вся заманчивость и прелесть этих качелей. Молодёжь в песнях отводит свою душу, как бы застывшую в течение долгого великопостного молчания... И быть может, нигде диссонанс между стариной и разными сомнительными новшествами не проявляется так ярко, как на этих качелях, когда с одних качелей несутся чарующие звуки какой-нибудь старинной «проголосной» песни, полные задушевности и грусти, например:

Вылетала голубина на долину,
Выроняла сизы перья край равнины.
Тяжко быти сизым перьям на равнине,
Грустно жити сиротине на чужбине... и т.д.*

Или, например:

Ночи тёмные, ноченьки осенние...
Уж я все-то думушки придумывала,
Как одна мне думушка с ума нейдёт,
С ума нейдёт, со крепкого разума,

* Известная старинная песня, которая неоднократно уже была записываемая, почему мы и приводим лишь начало её, равно как и следующих, для характеристики тех песен, что поются сургутской молодёжью на качелях. Вообще, в Сургутском крае существует множество старинных песен, как «проголосных», так и иных, но мы не записывали их, как и других продуктов народного творчества: сказок, пословиц, загадок и пр., предоставляя эту работу будущим исследователям края. Приводимые же в настоящем сочинении песни — игровые, плясовые, «свадебные» — взяты нами лишь для образца и далеко не исчерпывают всего местного песенного творчества.

Будто мой-от милой во дали живёт.
Во дали живёт — за крутой горой,
За крутой горой, за быстрой рекой... и т.д.

А в это время на других качелях молодёжь горланит:

Сидел Ваня на диване,
Оставшу водку допивал.
И, завидя дно в стакане,
Он сказал: «Теперь прощай...» и т.д.

Качанье на качелях, сопровождаемое пением песен, продолжается некоторое время и после Пасхи, пока наступающие в это время весенние промыслы (так называемая «весновка») не рассеют молодёжь из Сургута по окрестным урочищам — «островам», «гривам» и т.д., где обыкновенно производится «весновка».

Мы уже говорили раньше, что хороводов в сургутском крае не водят и все летние увеселения молодёжи (кроме обычных вечёрок) ограничиваются только играми — «в разлуку» (в горелки) и «в верёвочку». Игры эти, устраиваемые по вечерам в праздники на улицах города, не представляют из себя ничего оригинального и, по-видимому, мало интересуют молодёжь, так как продолжаются обыкновенно очень недолго, часа 2—3, и проходят сравнительно вяло и неоживлённо. Парни очень охотно покидают их ради игры в «ярку» или «городки», где проявляют обыкновенно большое увлечение и азарт, а девушки предпочитают сидеть на завалинке и петь песни.

В общем, летние увеселения молодёжи — качели и игры, проходят здесь не так оживлённо, шумно и весело, как зимние вечёрки (которые хотя и бывают круглый год, но чаще устраиваются зимой, начиная с октября), святки и «катушка».

VI. Гаданья и присухи

К числу развлечений взрослой сургутской молодёжи, кроме описанных в предыдущей главе увеселений, следует отнести также и гаданья, хотя они, собственно, не носят исключительно увеселительного характера, и мо-

лодежь, особенно женская, придаёт им более серьезное значение. Это и заставляет нас выделить их в особую главу и поместить вместе с присухами (средствами присушить — приворожить к себе милого человека), что соответствует и хронологической последовательности этих явлений в жизни молодёжи, так как гаданья и присухи возникают лишь на фоне определённых отношений между молодежью, каковые, в свою очередь, завязываются среди тех увеселений и развлечений, которые были описаны в предыдущей главе.

Гаданья в Сургуте, как и повсюду в России, приурочены почти исключительно к святкам, и хотя молодёжь гадает во все вечера святок (вернувшись после ряженья домой), но, главным образом, гаданья происходят здесь в ночь под Новый год.

Обыкновенно принимаются за них в самую полночь, когда «нечистый», по здешнему мнению, особенно деятельно хозяйничает на земле. Нечего, конечно, и говорить, что здесь, как и повсюду, где происходят гаданья, с ними обращаются исключительно к нечистому духу, почему гадающие, например, в ночь гаданья никогда не молятся Богу.

И здесь, как и везде, гадают преимущественно девушки, парни — очень редко, и, относясь к гаданьям скептически, не придают им большого значения. Да и гадать парням не о чем: о смерти редко гадают молодёжь, что же касается своих будущих суженых — главный объект гаданий для обоего пола, то парни, как известно, держат свою судьбу в этом отношении более или менее в своих руках. Другое дело — девушки, для которых замужество нередко является случаем далеко не предвиденным. Отсюда понятно и желание слабого пола приподнять хоть немного завесу, скрывающую от него тёмное, на крайне для него важное будущее, чего девушки и думают достигнуть, прибегая к гаданьям. Поэтому, помещая ниже описание сургутских гаданий, мы везде будем говорить о них применительно к девушкам.

Но прежде чем перейти к этому описанию, необхо-

димом напомнить читателю о «Васильевском огарке», о котором мы уже говорили в своем месте и который во многих гаданиях играет здесь громадную роль. Этот огарок заготавливается вечером накануне Нового года (Васильева дня, почему и называется Васильевским). Первый огонь в этот вечер добывают непременно на лучинку, которую зажигают угольями из печки, а отнюдь не спичками. А затем, когда она обгорит, ею уже зажигают свечку или лампу. Полученный таким образом «огарок» (остаток обожжённой лучины), по мнению сургутян, обладает волшебной силой отгонять нечистого духа. Поэтому во всех гаданиях, где дело сопряжено с риском — от близкого соседства с нечистой силой, заплатить собственной жизнью, гадающие, для предохранения себя от нечистого, очерчивают вокруг себя этим огарком круг в начале гадания («зачерчиваются») и «расчерчиваются» (в противоположную сторону) в конце. По мнению сургутян, нечистый не любит, чтобы его зря беспокоили, и если является на вызов, то требует за это крупную плату, и горе той гадалщице, которая или забудет Васильевский огарок, или не сумеет вовремя расчеркнуться. Нередко бывали случаи, по рассказам стариков, что смелые, но нерасторопные девушки тяжело платились за свое любопытство: их находили задушенными.

Запасшись Васильевским огарком, заготовленным в этот же вечер, девушки открывают обыкновенно ряд гаданий, выходя на «расстанье» «полоть снег».

Выйдя на «расстань», т.е. на перекресток нескольких дорог*, девушка прежде всего «зачерчивается» Васильевским огарком, обводя около себя круг «супротив солнца» — «не по-божьи», как говорят в этих случаях. Затем гадающая девушка расстилает на снегу пояс и, стоя на нем, связкою ключей (иногда и одним) царапает по снегу (иногда просто трясут в подоле снег с ключами), приговаривая: «Полю, полю белый снег, за батюшкину хлеб-соль, за матушкино здоровье, где мой суженый-ряже-

* При этом всегда выбирается такое расстанье, чтобы не было дороги «крестовой», т.е. на кладбище.

ный — там мне почудься: али люди заговори, али песню запой, быть в чужой стороне — колокольцы загреми, али конь заржи, аль собачка злай, а быть мне умереть — заруби, затеши...»

Гадать ходят обыкновенно «табунами», по несколько девушек вместе, и гадают по очереди, в то время как одна «полет», другие прислушиваются... Уже из самого причета видно значение тех звуков, которые могут быть услышаны. Замужество в своей местности предвещает всякий говор или песня людей, звук колокольцев означает дальнюю дорогу или замужество на чужой стороне, если же послышится где-нибудь строганье доски, это значит, тешут гроб — в этом году умереть.

Когда гаданье кончают, тем же Васильевским огарком «расчерчиваются», т.е. проводят им по обведённому ранее кругу, но уже «по солнцу», «по-божьи».

Затем тут же, на расстаньи, одна из девушек покрывается вся с головой простыней, а подруги её закруживают и пускают: в какую сторону её понесет, там будет и суженый. То же проделывают и прочие.

Покончив с расстаньем, девушки отправляются слушать под окна и, смотря по тому, о чем в избе говорят, заключают о своей будущей судьбе. Слушают по одиночке, остальные стоят в стороне. Если, например, в избе говорят о покойниках — в этом году умереть, о свадьбе — выйти замуж, ругаются — попадётся сварливый муж и в замужестве житьё будет «несугласное» и т.д.

Иногда ходят также слушать к дверям церкви, а некоторые, наиболее смелые, слушают даже на местном кладбище, у дверей находящейся там часовни. Если там слышно будет венчание — выйти замуж, отпевание — умереть в этом году. Думаю, что то или другое обязательно будет слышно в церкви в это время.

Затем идут компанией в пустой дом, если таковой имеется поблизости.

Каждая из девушек по очереди разувается до боса и спускается в подполье. Если там её нога будет поглажена «мохнашкой» (чем-нибудь мохнатым), это предве-

щает богатого жениха, а если голой рукой — бедного. Спускаются в подполье все, кроме одной последней, которой не следует спускаться, так как нечистый её за-давит.

С тою же целью ходят и к бане. Через банное окошко вставляют в баню заднюю часть тела и ждут — «мохнашкой» или голой рукой она будет поглажена, сообразно чему заключают, как и в предыдущем гадании, о состоятельности будущего суженого.

Вернувшись домой, прежде чем войти в избу, проделывают несколько гаданий ещё на дворе.

Зачерпнувши «наотмашь» (через плечо) в пустой горшок снегу, мешают его мутовкой (той самой, что сбивают масло). При этом будто бы мутовка издает звуки, из которых можно составить имя суженого.

Далее из поленницы выдергивают полено, если полено попадется гладкое, лицо у суженого будет чистое, а если суковатое — лицо корявое или рябое. Кроме того, гладкое полено предвещает мужа смирного, кроткого, суковатое, наоборот, — задиристого, сварливого.

Охватывают тын, насколько можно растянуть руки, захватывают таким образом целый ряд тынин, считают: «вдовец или холостец», — последняя тынина скажет.

Бросают за ворота подушку, у которой предварительно завязывают один угол. В какую сторону подушка ляжет завязанным узлом — там и жених. С тою же целью бросают за ворота «чирок» (самодельный башмак).

Пускают со двора лошадь, завязав ей глаза, а на лошадь по очереди садится каждая девушка, куда лошадь повезёт, в той стороне будет и суженый. Если же лошадь повернёт обратно во двор — худой знак: помереть в наступающем году.

Наконец, выбрав на дворе более или менее чистое место, девушки ложатся все в ряд спиною на снег, а на завтра приходят смотреть, что случилось с этими следами. Если окажется, что головы нет — умереть в этом году, а если этот год предстоит прожить благополучно, то весь след должен сохраниться неприкосновенным.

Этим обыкновенно и заканчиваются гаданья, производимые на дворе («на улице»).

Пришедши в избу, девушки принимаются за домашние гаданья, пока ещё не зажжён огонь; если ночь лунная, то при лунном свете пробуют вдёргивать в иглу нитку, причем как та, так и другая выбираются самые тонкие. Если девушка сразу вдёрнет, то в этом же году выйдет замуж, в противном же случае, она будет столько лет ждать замужества, сколько раз принималась за вдёргивание нитки.

Затем зажигают огонь и начинают гадать при огне.

Расстилают на полу комнаты простыню или скатерть и кладут на неё по углам свои кольца, а в каждое кольцо по зёрнышку хлеба. Затем выпускают петуха и курицу и наблюдают: в чьем кольце петух прежде всего клюнет, та девушка раньше всех и выйдет замуж. Если клюнет курица — не имеет значения. Если петух с курицей ходят при этом мирно, замужество будет хорошее, мирное, в противном же случае — муж попадет-ся драчун.

Далее жгут возле стены бумагу, смятую в ком, и по тени заключают о будущем: если на тени получится церковь или венец — выйти замуж, гроб — умереть.

Делают из воска двух уток и пускают в воду на тарелке, взболтнув (помешав) предварительно воду. Если утки плавают вместе — предстоит согласная мирная жизнь в замужестве, если порознь — придется жить с мужем в ссоре.

На стол, выдвинутый на середину комнаты, кладут уголь, камень, кольцо, кусочек чёрного хлеба, ключи, книгу, аршин и фуражку. Девушка, которая думает гадать, завязывает себе глаза, а подруги её в это время перекладывают все эти предметы на другие места. Затем девушка-гадальщица берёт первый попавшийся ей под руку предмет, который и будет указывать на звание или ремесло её суженого: уголь предвещает кузнеца, камень — печника (каменщика), хлеб — крестьянина, ключи или аршин — купца, книга — попа, фуражка — чиновника, а кольцо означает, что девушка в

этом году выйдет замуж. Берут все эти вещи до трёх раз. Если все три раза попадутся разные предметы — ничего не будет, а если один и тот же — несомненное предсказание.

Далее, делают несколько билетиков с мужскими именами, кладут их в шапку и встряхивают, а затем по очереди вынимают из шапки по билету, и имя, стоящее на нем, будет указывать на имя суженого.

На сковородку наливают воды, кладут на неё камешек, а на него кусочек пакли и, зажегши последнюю, сейчас же покрывают горшком. Если вода вся со сковородки войдет в горшок, муж будет пьяница, если совсем не войдёт — не будет пить вовсе, а если вода войдёт и сейчас же выйдет — муж будет напиваться до рвоты.

В стакане с водою, прилепивши к краям две божьи свечки, опускают на волоске обручальное кольцо и держат его на весу. Кольцо будет стучать о стенки стакана и выговаривать имя суженого.

С этой же целью в какуюнибудь жестяную посудувливают немного воды и кладут туда иглу, затем посуду трясут и игла тоже выговаривает имя суженого. Или кладут иглу на жернова (ручной мельницы) и водят жернов кругом: получаются звуки, из которых гадающие складывают то или другое имя.

В стакан с водою выливают белок куриного яйца и, немного размешав его, смотрят, какую он примет форму: если выльется церковь — выйти замуж, гроб — умереть. С тою же целью льют в воду растопленное олово или воск, и тоже наблюдают, какую они примут форму, сообразно чему и заключают о будущем.

Смотрят в зеркало. Прикрепив к дверной скобе «божью свечку» (т.е. восковую свечку от образов), ставят против двери зеркало и смотрят: если в зеркале покажется две свечи вместо одной — в этом году выйти замуж, если 3 — попасть в семью, 4 и т.д. — будет большое семейство, если одна свеча и та начнет меркнуть — умереть в этом году.

Меряют башмаком избу (с переднего угла) и, смотря по тому, пятой или носком придётся к порогу, де-

вушке предстоит в этом году или сидеть дома, или выйти замуж.

В сито или решето нагребают снегу, и каждая из двух девушек ставит в него свою ложку с водой. На ночь это сито выносят на мороз, а на утро смотрят, как застыла вода в ложках: если выпукло («вбубенилась» или «пупочкой»), прожить в этом году благополучно, а если ямкой — умереть.

Наконец наступает время ложиться спать, но и тут ещё гаданья не прекращаются.

Прежде всего перед сном тщательно метут комнату и сор сметают на четыре угла. Это понадобится на завтра.

Затем пьют на ночь «солозовку» (смесь из воды, муки и соли, каждой по напёрстку) и ждут, что во сне явится суженый и попросит пить.

Под кровать кладут в эту ночь на разостланном поясе «мостки» из 4-х лучинок, двух вдоль и двух впоперек (некоторые кладут мостки из 27 лучинок в трёх пучках (по 9 в каждом)).

А под подушку кладётся «король» (карта) одной из трёх мастей, кроме пиковой, не глядя, как придётся, смотрят уже на завтра, когда проснутся. Другие кладут под подушку на ночь кольцо, зеркало и колоду карт, надеясь увидеть во сне суженого.

Некоторые, ложась спать, на правую ногу надевают чулок, и поверх него, на большой палец, — кольцо, при этом говорят: «Суженый-ряженный, приди за кольцом». Суженый должен будто бы прийти, снять кольцо и бросить его почему-то под печку, где потом девушка его и находит. Точно так же к образу вешают на волоске кольцо, за которым во сне является суженый. Иногда перед сном ходят на прорубь, где берут от 3 до 9 раз пустым напёрстком воду в рот и потом, пришедши домой, опрыскивают этой водой постель и молча ложатся, надеясь во сне непременно увидеть суженого.

Назавтра, в Новый год, утром собирают в подол сор с четырех углов, сметённый накануне, и лишь только колокол ударит к заутрени, выходят с этим сором на расставание. Выбросивши здесь сор и стоя на нём, спрашивают у

первого прохожего, как его зовут и величают. Это имя и отчество и будет у суженого. Затем, во время же заутрени, ещё раз ходят слушать под окна.

Всеми этими гаданиями молодежь занимается и во все остальные дни святок, но, кроме того, здесь существуют некоторые гаданья, специально приуроченные к крещенскому сочельнику и к самому Крещенью.

В крещенский сочельник (5 января), тоже по обыкновению в полночь, девушки ходят к проруби мыть чулки (иногда один только чулок с правой ноги, а иногда моют и обе ноги, обутые в чулки) и затем в этих чулках ложатся спать на западную подполья, загадав предварительно: «Какой суженый-ряженый привидится мне во сне, сними у меня чулки». Под подушку при этом кладут «короля» той масти, какая соответствует цвету волос предполагаемого суженого, и во сне ожидают его увидеть.

На Крещенье же (6 января) гаданья происходят прежде всего в крещенскую заутреню.

Из продушины свешивают на нитке чистый гребень*, а затем, когда утренняя кончится, смотрят, нет ли на нем волос, и если таковые окажутся, это значит, что приходил суженый и чесал этим гребнем свою голову. Волоса, оказавшиеся на гребне, и будут волосами жениха, который непременно явится в этом году. Волоса эти потом носят на груди как талисман.

Затем, оставшись во всем доме одна (непременное условие при этом гадании), девушка берет ржаной «полухлебничек» (небольшой каравай хлеба) и ставит его на три пальца — большой, указательный и мизинец, а сама садится на лавку к стене, выходящей на улицу, и наблюдает: если этот полухлебничек станет вертеться сам собою на пальцах «по солнцу» (с востока на запад) — в этом году выйти замуж, а если «против солнца» — умереть, не будет вовсе вертеться — сидеть в девках.

Далее, тоже оставшись в доме одна, девушка тщатель-

* Это гаданье устраивают иногда и под Новый год (смотрят результаты утром на другой день), но предпочтительно — в крещенскую заутреню.

но обмывает поганой мочалкой (той, которой моют полы) все двери и оконные колоды и затем ложится на лавку у окна, выходящего на улицу, подставив под голову шайку с этой мочалкой и грязной водой, и, очертившись Васильевским огарком, ждёт суженого. Он явится в своём настоящем виде под окно и назовёт её по имени, причём она должна непременно расчеркнуться, иначе ей будет худо.

В заутреню же выходят на расстанье с шаньгой и спрашивают имя первого встречного, каковое и будет именем суженого.

В крещенское водосвятие, когда из церкви пойдут на иордань, садятся смотреть в зеркало.

В комнате, против входной двери, ставят стол, на стол зеркало, а перед зеркалом садится девушка, предварительно зачертившись Васильевским огарком, и пристально, не моргая, начинает смотреть в зеркало. При этом гадалщица (как и в предыдущих крещенских гаданиях) непременно должна быть одна во всём доме. Зеркало сначала «потеет», его протирают до трёх раз, наконец, после третьего раза, девушка должна услышать на крыльце топот приближающихся шагов, и затем в комнату или войдет её суженый, если ей предстоит в этом году выйти замуж, или же внесут гроб, если ей суждено умереть. В том и другом случае, как только она хорошенько разберёт в зеркале, отнюдь не оборачиваясь назад, что бы там ни происходило, черты суженого или гроб, девушка должна сейчас же расчеркнуться, иначе нечистый её тут же задавит.

Наконец, на Крещение устраивается ещё один обряд, имеющий характер гаданья.

Отправляясь на иордань (за водой), девушки берут с собой в ведрах небольшие булки, приготовленные из белого сдобного теста, так называемые «сочни», которые в старину делали наподобие человеческого лица, а ныне пекут просто в форме круглых булок. Туда же приезжают верхом на конях и парни — поить лошадей. Дело в том, что, по существующему здесь обычаю, после того как воду освятят в крещенский сочельник, в пер-

вом или во втором часу дня никто уже не может ни ходить за водой на реку, ни тем более поить в ней скотину, вплоть до водосвятия на иордани (часов в 9—10 утром 6 января). Вот почему к моменту водосвятия и стекается на иордань масса парней с конями, а девушек с вёдрами. После водосвятия парни соскакивают с лошадей и отнимают у девушек «сочни», причём девушки думают, что имя отнявшего и будет именем суженого.

Этим и заканчиваются святочные гаданья в Сургуте.

Все описанные нами гаданья практикуются и по настоящее время. Но теперь уже вывелись некоторые гаданья, которые устраивала молодёжь в старину.

Старинные гаданья, по словам сургутян, носили более «страшный» характер, и потому Васильевский огарок фигурировал почти в каждом из них. Как и теперь, тогда гадали, главным образом, в ночь под Новый год. Вот некоторые из этих старинных гаданий.

Найдя где-нибудь на улице в клетки сложенный тес, девушка садилась в одну из этих клеток с петухом на руках и, очертившись Васильевским огарком, ждала прихода суженого. Если ей предстоит выйти замуж, то нечистый непременно к ней явится в образе того или другого парня — её будущего суженого, и, увидев петушиный хвост, станет спрашивать: «Что за коса?» Девушка должна отвечать: «Петушья». Он опять спросит: «Чья коса?» Та опять должна отвечать: «Петушья». «Что за петушья есть коса?» — в третий раз и уже как бы с сердцем спросит нечистый. Тогда девушка должна выдернуть из хвоста петуха самое большое перо и ответить: «Девья (коса)», и сейчас же расчеркнуться. Петух запоёт, и нечистый исчезнет. Если же петух не запоёт, то нечистый задавит девушку, несмотря даже на Васильевский огарок, поэтому и вырывается у петуха перо, чтобы он запел.

Далее ложились по одиночке в амбар под свиной тушей (или же садились под замок к самому амбару, где находилась вообще какая-нибудь скотская туша). Нечистый в образе свиньи прибежит с хрюканьем или

вообще скотская туша встанет, словно живая, и начнет ходить по амбару, отпирать замок. У неё и надо спрашивать имя суженого, но, спросивши, следует сейчас же расчеркнуться, в противном случае «он» задавит.

Ходили также слушать по одиночке к дверям бани, предварительно истопивши её в этот вечер. Тут тоже очерчивались Васильевским оградом. В баню придёт нечистый и станет париться и мыться. Окатившись последний раз, если девушке предстоит выйти замуж, нечистый станет благодарить её за баню и скажет: «Благодарю тебя, невеста, за баньку, теперь подай мне бельё». При этих словах девушка должна расчеркнуться, иначе нечистый может её погубить. Если же девушке в этом году помереть, то нечистый вместо благодарности скажет: «Теперь давайте-ка гроб».

Некоторые ходили в баню с петухом. Пустив петуха под полок, девушка садилась сама на полок и ждала суженого. Нечистый в образе жениха явится к ней и станет приносить подарки. При этом она должна до тех пор посылать его за подарками, требуя себе то того, то другого, например, по одной вещи полный подвенечный наряд, пока не пропоёт петух. Как только петух пропоёт, нечистый исчезнет, а все принесённые им подарки достанутся девушке. Если же она сразу потребует себе всего, чего хочет, то «жених» скоро же всё и принесёт, петух не успеет ещё пропеть, и нечистый её задавит. Если же девушке в этом году замуж не выйти, то к ней в баню никто и не явится.

Садилась также в баню смотреть в зеркало*. Вообще баня, как нам уже приходилось говорить в одной из предыдущих глав, по мнению сургутян, служит наиболее любимым местопребыванием нечистого духа, и потому девушка, если она хочет узнать «всю сушу правду» о своей будущей судьбе, непременно отправляется в баню с тем или другим гаданием. Но для этого надо обладать редкою, по-здешнему, смелостью, так как сургутяне, как бабы,

* При этом ставились два зеркала, одно против другого, и между ними две свечи. Смотреть нужно не моргая, во все время сиденья.

так и мужики, не только в полночь, но даже и вечером бояться ходить в баню по одиночке. Так что все эти гаданья в бане хотя и практиковались в прежнее время, но далеко не всеми.

Вот ещё одно старинное гаданье в крещенское водосвятие.

Девушка зарывалась в сено в загороди, где нет скота, и слушала: если ей послышится венчальное пение — выйти замуж, отпевание — умереть.

По другим рассказам, гаданье это происходило несколько иначе, именно: к зарывшейся в сено девушке (и очертившейся предварительно Васильевским огарком), в случае предстоящего ей замужества, должен явиться суженый в своем настоящем виде и начать её подымать. Как только она увидит суженого и разберёт его хорошенько в лицо, девушка должна расчеркнуться, и нечистый, который приходил к ней в образе жениха, исчезнет.

Кроме святочных гаданий, только что описанных нами, здесь существуют ещё способы гаданья в «семик» (четверг перед Троицей), на Троицу, в ночь перед Иваном-Купалом (23 июня) и на именины.

В «семик» перед Троицей девушки с парнями ездят за «сайму»* завивать берёзки. Каждая девушка сгибает в виде кольца нераспустившуюся ещё ветку берёзки, завязывает её ленточкой и при этом загадывает: если эта ветка распушится — в этом году выйти замуж, если же засохнет или завянет — оставаться в девках. Разгадывать приезжают тоже с парнями на Троицу, и тогда происходит здесь другого сорта гаданье, именно: перевязанные ленточками в виде кольца ветки отрезают и бросают в воду, примечая: чьи ветки потонут, тому умереть.

Вечером под Иванов день девушки ходят за город, в

* Сайма — залив, образующийся от полной воды, которая заходит по оврагам длинными и узкими разветвлениями далеко вглубь береговых лесов. Таких «сайм» под Сургутом несколько, и в глубине их есть берёзовые рощи, куда и приезжают девушки завивать берёзки. Распускается берёза в Сургутском крае очень поздно, в конце июня.

близлежащий лес, собирать 12 разных трав (каких придется, обыкновенно набирают крапивы, попутника, осоки, пырея, мокрицы, лебеды, горлянки и др). Ложась спать, образчики этих трав кладут в платке вместе с кольцом под подушку и при этом приговаривают: «Суженый-ряженный, привидься мне во сне». В эту ночь не молятся Богу.

В ночь на именины девушки вешают к образу на волосы кольцо и ждут, что во сне суженый придет за ними.

Далее, запирают на замок: девушки — косу, парни — запястье рубашки, и во сне рассчитывают увидеть, как суженый или суженая придут с ключами отпирать этот замок.

* * *

Наш очерк добрачных отношений у сургутской молодежи будет не полон, если мы не расскажем ещё о существующих у сургутян «присухах», т.е. средствах и способах присушить, приворожить к себе любимого человека. Средства эти, впрочем, практикуются не одной только молодежью, а нередко также и женатыми парнями и в особенности замужними женщинами, которые начинают замечать охлаждение своих мужей*.

Собирают с 6-ти дворов щепки и сжигают их на шестке, приговаривая: «Как эти щепки горят, так пушай у него (имя рек) по мне сардце горит».

Берут кусок сахару, конфетку или пряник и носят его три дня под мышками, чтобы он пропитался потом, а затем дают съесть тому, кого хотят присушить.

Собирают в бане пот (в рюмку или ещё во что) и дают кому следует в воде или в чае. Или же на этом поту замешивают тесто и пекут из него какую-нибудь «прикуску», каковой и угощают привораживаемое лицо.

* При этом сургутяне утверждают, что если женатого мужчину приворожит какая-нибудь посторонняя женщина, то отворожить его от неё можно только в том случае, если у его законной жены и приворожившей его женщины разные имена. Но если у той и другой одно и то же имя, например, обеих зовут Марьями или Дарьями, тогда никакими способами нельзя отвлечь привороженного человека от посторонней женщины. И в доказательство приводят несколько таких случаев, бывших в Сургуте.

Если девушка хочет присушить парня, то даёт ему выпить в чае или в воде своих месячных кровей.

Если девушка замечает, что тот парень, с кем она близка, начинает изменять ей, то, чтобы «испортить» его, прибегает к такому средству: девушка старается как-нибудь во время полового акта добыть «плоть» (сперму), тщательно завязывает её в тряпочку и сжигает на шестке, после чего парень будто бы теряет силу, и соперница таким образом становится не опасной.

Точно так же и парень, если хочет приворожить начинающую охладевать к нему девушку, после акта с ней тщательно обтирается тряпочкой и затем кладёт эту тряпочку на шесток, приговаривая: «Как будет эта тряпочка сохнуть, так пушай и такая-то по мне сохнет».

Весной ловят пару лягушек, стараясь захватить их во время полового акта, и опускают этих лягушек в туяс*, в крышке которого проделаны маленькие дырочки. При этом советуют как можно крепче затыкать уши, так как лягушки будто бы «доспеют» в это время такой визг, что никакое человеческое ухо не может его вынести, и если не заткнешь хорошенько ушей, то оглохнешь. Затем этот туяс относят в лес и ставят в муравейник. А через некоторое время приходят смотреть, причём оказывается, что муравьи, проникнув через дырочки в туяс, съедают лягушек, и от последних остается только груда костей. Из этих костей выбирают две маленькие косточки — одну в виде «петельки»**, а другую в виде «крючка» (причём сургутяне думают, что первая есть женский половой орган лягушки, а вторая — мужской). И вот, чтобы приворожить какую-либо девушку, следует как-нибудь незаметно для нее поддеть её за платье или ещё за что этим крючком, а если нужно девушку оттолкнуть, то употребляется петелька (или вилки).

Далее, от рук и от ног обстригают ногти и спускают их в чай или квас с таким наговором: «Встану я, не благословясь, пойду я, не перекрестясь, из дверей в двери, из

* Туяс (множ. — туяся) — берестяной жбан.

** По другим рассказам, в виде вилки.

ворот в ворота, в восточную сторону, под светел месяц, под часты звезды, на океан-море. Там лежит алатырь-камень, на этом на камне стоит престол, на этом на престоле сидит сам сатана. Подойду я к нему поближе, поклонюсь я ему пониже... Сослужи ты мне службу, телесную дружбу, чтобы (такая-то) тосковала и горевала, день и ночь мало спала и меня (такого-то) на уме держала... За всю я тебе службу и за это дело отдаю душу и тело»... Затем этот чай или квас дают выпить той девушке, которую привораживают.

В лохань или шайку наливают воды (зачерпнув её чем-нибудь — ковшом или чашкой, только три раза), с этой водой садятся на порог двери лицом в передний угол и моют поочередно ноги — сначала правую, потом левую — до трёх раз, и всякий раз приговаривают: «Мне ноги мыть, ему (парню) воду пить и меня любить». Потом берут в чайное блюдо воды и до трёх раз смотрятся в воду, а затем эту воду выливают к той, которой мыли ноги, и дают пить (в квасу или чаю) парню, которого хотят присушить.

У сучки вырезают заднюю часть тела и зажаривают её в мясной пирог, по местному, «пряженник», каковым потом и угощают привораживаемого парня.

Наконец, существует ещё один способ порчи парней, почему-либо невзлюбившихся девушкам. Девушка, задумавшая испортить парня, собирает у себя с живота пот в какую-нибудь посуду и потом, во время акта с парнем, обмазывает этим потом его лобковую часть, после чего будто бы у парня должна сделаться «резачка» (перелой). Чтобы избавиться от этой болезни, вырезают у той девки, которая испортила парня, лоскут одежды, как раз против сердца, и, обмакнув этот лоскут в растопленное скотское (коровье) масло, трут им у парня около «луны» раза два-три, пока не станет легче. Потом этот лоскуток сжигают на шестке и тщательно собирают пепел. Этот пепел пускают по ветру на тот дом, где живет испортившая парня деваха, а если подходящего ветра долго не бывает, то «сжидают», когда эта девушка пойдет по улице, и

тогда, зашедши к ней со стороны ветра, пускают на неё пепел в бумажке. После этого болезнь перекинется к ней, и ей будет вдвое больней и тошней, а парень совсем выздоровеет.

VII. Свадебные обычаи и обряды

Устройство браков в Сургуте считается делом старших. В добрачные отношения молодежи старшие обыкновенно не вмешиваются. Парням, конечно, предоставляется полная свобода гулять с кем угодно, да и за девушками надзор не особенно строг, и вообще отношения между полами у здешней молодежи довольно свободны. Парни и девушки довольно рано, лет с 15—17 уже, обзаводятся подружками и друзьями, и нередко меняют их по нескольку раз, прежде чем дело дойдет до брака. Но эти добрачные связи редко сопровождаются какими-либо «незаконными» последствиями и обыкновенно не имеют никакого значения для последующей судьбы девушки, тем более что здесь установился такой обычай, ставший как бы общим правилом в отношениях между молодёжью: сколько бы парень ни гулял с той или другой девушкой и как бы он ни был с нею близок, он никогда не возьмет её в жёны... «Того же достоинства возьмёт девушку, — говорят по этому поводу сургутяне, которым, конечно, хорошо известен этот факт, — даже, может быть, хуже, но непременно другую»... Это — почти общее правило, с крайне редкими исключениями, и сургутские парни объясняют его тем, что будто бы ни одна девушка не бывает верна продолжительное время своему другу, обязательно «доспел измену», почему и парни отвечают им тем же. Но, быть может, это объясняется также и тем, что брак здесь не является союзом любви, а всегда известной экономической сделкой, и при том устраиваемой почти исключительно старшими. Это и приучило молодёжь свои сердечные стремления удовлетворять в добрачных отношениях, а на брак смотрят холодно и индифферентно, как на чужое для себя дело

и почти как на неизбежное зло — потерю воли для той и другой стороны...

Как бы то ни было, но лишь только парень вздумает жениться или родные в тех или других видах найдут нужным его женить, сейчас же собирается совет старших, состоящий из родителей парня, если они живы, или, если они померли, из родственников, их замещающих, каковыми здесь считаются так называемые «крёстные» — «купельный» и «некупельный»*, затем из разных тёток, дядей и т.п. На этом совете, не носящем у сургутян никакого определённого названия, и выбирается невеста. Иногда парень сам предлагает ту или другую девушку, которую он ранее наметил себе в жёны, но его предложение принимается только к сведению и не имеет решающего значения. Чаще же всего старшие родные выбирают ему невесту и затем начинают со всех сторон обсуждать этот выбор и все выгоды и невыгоды предстоящего брака. При этом главную и исключительную роль играют чисто хозяйственные соображения и расчёты. Хотя и выставляется обыкновенно традиционное требование, чтобы девушка (будущая жена) была «дому хозяйка, мужу жена и детям мать», но на самом деле предпочтение всегда отдается более богатым и состоятельным девушкам. Ищут, чтобы девушка была «одённа», чтобы у ней было больше «лопати» (одежи и нарядов), чтобы она была «коровница» (могла в приданое привести корову) и чтобы она была сильна, здорова (по пословице: «брат сестру любит богатую, муж жену любит здоровую») и работяща. Хворые и больные обыкновенно бракуются. Если же известная девушка хоть и богата (много имеет «лопати», «коровница» и пр.), но дура или «халда», то говорят: муж её «образует», если она при этом сварлива и зла, муж её «выправит», а насчёт красоты замечают, что «на лице не блины печь,

* Некупельным крёстным называется у сургутян тот, кто во время болезни ребёнка даст ему свой крест, отчего ребёнку будто бы бывает «лёгость» (облегчение в болезни), а давший ему крест становится через это «крёстным» и пользуется некоторым уважением со стороны «крестника».

а на ж..е кнуты сечь»... О любви, конечно, не бывает и речи, по той простой причине, что в невесты намечается сразу несколько девушек, более или менее одинакового имущественного достатка, к которым потом и засылают сватов, и, в случае отказа у одной, переходят к другой, к третьей и т.д. Бывают такие счастливицы, что переберут до десятка девушек, причём к некоторым из них наведываются по нескольку раз, и все-таки от всех получают отказ. Это, конечно, самые захудалые и бедные парни, обыкновенно же дело улаживается гораздо скорее*.

Затем, когда известная девушка окончательно намечена и взвешаны все её хозяйственные достоинства, на этом же совете старших выбирают, кого бы послать сватьей. Хотя здесь ходят также и сваты, но сватья — чаще, почему мы и поведем далее рассказ применительно к последним, причём всё, что будет говориться о сватях, относится также и к сватам. В сватья обыкновенно выбирают какую-нибудь почтенную женщину из родственников или близких знакомых, при этом обязательно замужнюю или вдову, но отнюдь не девушку, какой бы она ни имела почтенный возраст. Точно так же и холостые парни не могут быть сватами.

Наконец, когда выбрана и сватья, все присутствующие на этом домашнем совете поднимаются со своих мест, кто-нибудь зажигает перед иконой свечку и все молятся Богу (не произнося никаких определённых молитв, просто крестятся). Затем сватья отправляется в дом намеченной девушки, а остальные родственники,

* Здесь кстати будет сказать два слова о браках русских с инородцами. Мы уже говорили выше о крайне презрительном отношении сургутян к осякам. Естественно, что при таких отношениях браки между русскими и осяками должны быть крайне редки. К сожалению, нам не удалось исследовать этот вопрос по метрическим книгам местных причетов, но сами сургутяне вполне подтверждают это предположение и при расспросах не могли указать нам ни одного случая (в течение последних 50—70 лет) брака русской с осяком. Обратные же браки, русских на осячках, бывают, но тоже очень редко, и обыкновенно русские берут только таких осячек, которые с молодых ногтей жили среди русских (чаще всего в работницах у местных купцов), и вполне обрусели. Но за осяка, как бы он ни был богат, не пойдет здесь ни одна русская девушка.

продолжая те же пересуды, остаются ждать её возвращения.

С этого момента и начинаются, собственно, здешние свадебные обряды, которые открываются «сватовством», продолжаются «свиданьем», или «переводинами», и «девишником» и завершаются «пировьем».

О каждом из них мы и расскажем в отдельности.

а) Сватовство

Пришедши в тот дом, куда надо, сватья, после обычных приветствий, садится под матку и, помолчав некоторое время, как бы обдумывая всю важность лежащей на ней миссии, подымается со своего места и, обращаясь к родителям или старшим девушки, заявляет: «Я до вашей милости, Иван Петрович (отец жениха, — вообще здесь называют того старшего, от лица которого идет сватовство) желает знать, нельзя ли судьбой заняться на Анне Егоровне (имя девушки) за Василия Ивановича (имя жениха*)... На это заявление сватье пока ничего не отвечают, но оно открывает цель её посещения, и потому сейчас же начинают её угощать, как особенно ценную и редкую гостью. Ставят самовар, потчуют вином и проч. Разговор же ведется самый обыкновенный, о посторонних вещах, и больше уже ни разу, до самого ухода сватьи, не упоминается о сватовстве, как бы давая этим возможность родителям невесты хорошенько обдумать ответ, который все-таки у них рано или поздно потребуют. При этом девушка, за которую пришли сватать, обыкновенно уходит из той комнаты, где сидит сватья. Нередко за ней выходят и родители, по одиночке или вместе, и здесь между собою обсуждают ответ, а также и спрашивают согласия дочери.

Наконец, когда сватья почувствует себя достаточно угощённой и увидит, что пора идти домой, она опять по-

* Вычурность этой фразы, приводимой нами как стереотипной в обращении сватьи, не должна удивлять читателя, так как в местном сургутском языке, среди необычайно образного и яркого старинного народного говора вплелась масса каких-то вычурных старомодных выражений мещанского быта, а также и множество иностранных слов, вроде, например, фантазия, сюжет, суспиция, дивиденд и т.п., которым часто придаётся далеко не надлежащий смысл.

дымается и заявляет: «Извольте же пояснить мне, как будут ваши намерения»... Тогда, если девушка согласна и родители ничего не имеют против предстоящего брака, сватье так и отвечают. Затем зажигают у иконы свечку и молятся Богу. После этого сватья вынимает из кармана платок, который она имеет при себе нарочно для этой цели, и через платок подает руку отцу девушки, а мать разнимает.

Этим сватовство и оканчивается в первой, так сказать, прелиминарной своей стадии, когда родители «положат на слово», т.е. дадут слово, что отдадут свою дочку, и, подтвердив его рукобитием, помолятся Богу. Но оно ещё не считается окончательно решённым, — таковым оно становится лишь в день девишника, о чём мы будем говорить ниже.

Итак, сватья теперь может идти и сообщить радостную весть ожидающим её родителям и родственникам жениха, но обыкновенно её оставляют ещё на короткое время, чтобы сообща обсудить разные приготовления к свадьбе и, между прочим, назначить день для «свиданья», или «проводин», — следующего важного момента здешних свадебных обрядов. При этом иногда родители невесты заявляют сватье, чтобы женихова родня помогла им справить свадьбу, т.е. дала бы им ту или другую сумму денег на предстоящие расходы и помогла бы хоть съестными припасами в виду предстоящих многочисленных угощений. Впрочем, такие заявления делаются очень редко и к ним прибегают только в случае крайней бедности невестинной родни, а при малейшей состоятельности и возможности самим справить свадьбу этих заявлений избегают, так как они считаются здесь довольно предосудительными и влекут за собой очень нелестное для родителей невесты сравнение с остяками. Обыкновенно про тех, кто требовал от жениха помощи, здесь часто говорят с нескрываемой укоризной, что они «продали девку, как остяки», «взяли колым», и этим женихова родня будет долго попрекать молодуху.

Что же касается жениха, то как бы он ни был беден,

он никогда не обратится за помощью к невестинной родне, а все свадебные издержки должен нести сам, на свои собственные средства.

Но не всегда так скоро и легко, как мы только что изобразили, оканчивается здешнее сватовство. Даже если и не бывает отказа, окончательный ответ даётся не сразу, а нередко родители невесты заявляют сватье, что ответ они пришлют после, обыкновенно не позже следующего дня, или чтобы она сама явилась к ним в назначенное время. Откладывается ответ, главным образом, для того, чтобы хорошенько обсудить вопрос о предстоящем браке и посоветоваться с ближайшими родственниками (таковых часто и не бывает дома в момент прихода сватьи). И здесь, как и в доме жениха, собирают совет старших, на котором и решают окончательный ответ, причём, конечно, и жених рассматривается исключительно с точки зрения хозяйственных интересов. На этот счёт здесь говорят девушке: «За того жениха иди, у которого дров да сена много, тот может быть дому хозяин и тебе муж (но не прибавляют: «и детям отец», как в аналогичном совете парню, как бы считая воспитание детей исключительно обязанностью матери), а у кого сена ни клока и дров ни полена, тот уже не хозяин и тебе не муж»...

На этом совете старших иногда спрашивают согласия девушки на брак с тем парнем, за которого приходили сватать, иногда обходятся и без него. Но, во всяком случае, согласие или несогласие девушки в деле брака не имеет никакого значения. «Девка, — говорят по этому случаю сургутяне, — не может понимать ничего дальнего, девичий ум, что вода — во все стороны колышется»... И поэтому за неё решают старшие. И если жених, например, богат и представляет выгодную партию, то как бы он ни был при этом дурень и неподходящ во всех других отношениях — глуп, стар, безобразен, пьяница, драчун и т.д., это не беда... Если парень не красовитый и хворый, то говорят: «Зато капитальный»... Если он пьяница и драчун — «женится — переменится»... И как бы он ни был противен девуш-

ке, как бы она ни отказывалась пойти за него замуж, сколько бы ни плакала и как бы ни убивалась, на неё не обратят никакого внимания: прикрикнут, пригрозят, прибьют и выдадут за нелюбимого, но богатого мужа... Это общее здесь правило, по-видимому, не имеющее даже исключений. А воля их всегда выражается в одном и том же направлении, в направлении корыстных хозяйственных расчётов, без всякого внимания к личным симпатиям и склонностям...

Вот почему и наоборот, если тот или другой парень беден, не имеет ни кола ни двора, то какими бы он ни обладал достоинствами, ему не найти в Сургуте невесты. Это именно из тех счастливцев, о которых мы упоминали выше, и которые, перебрав до десяти девушек и везде получив отказ, готовы жениться хотя на остячке... Хотя какая-нибудь девушка и согласна была бы пойти за такого парня замуж, но если у неё есть родители и она может рассчитывать на более выгодный брак, то как бы она ни любила парня — этому браку не бывать. Только в тех случаях, когда дочка засиделась в девках и её пора пристроить куда-нибудь к месту (что бывает в Сургуте очень редко, так как обыкновенно здесь рано разбирают девушек и так называемых «вековух» почти не бывает), родители соглашаются выдать свою дочь хотя бы за бедного парня.

Если сватью ждёт отказ, то обыкновенно её «упреждают» запиской, которую и посылают к ней перед тем временем, как ей следует прийти за ответом, причём пишут, что по тем или другим причинам не могут согласиться на брак. При этом обыкновенно никогда не выставляется, что это несогласие вызвано жениховой бедностью или недостаточностью, а указываются какие-нибудь посторонние причины, вроде, например, того, что девушке ещё рано выходить замуж, пусть, дескать, посидит ещё в девках, или что нет средств справить сейчас свадьбу и т.п. Между прочим, в числе действительных, а не фиктивных только причин отказа нередко выставляют такое мнение, что младшую дочь нельзя выдавать раньше старшей: будет несчастливое житьё.

Если же сватью ждет благоприятный ответ, то её «сжидают». А затем, когда она придет и, после установленного недолгого сидения под маткой, встанет и спросит: «Каков же ваш ответ?» — ей и объявляют что нужно, после чего зажигают перед иконами свечи и проделывают всё то, о чём мы уже говорили выше.

Вернувшись к своим, в дом жениха, сватья и объявляет о результатах сватовства.

б) Свиданье, или переводины

После того как состоялось сватовство, обе стороны бывают заняты различными приготовлениями к свадьбе и обыкновенно до так называемого «свидания», или «переводин», жених и невеста (равно как и родня их) не видятся друг с друг. В первый раз (в качестве жениха и невесты) они встречаются на этом «свидании», где, так сказать, официально признаются женихом и невестой, в знак чего обмениваются кольцами и другими подарками. Здесь же дарит невесту и женихова родня. В этом, собственно, и заключается весь смысл этого обряда — «свиданья», почему-то называемого также и «переводинами».

Свиданье всегда бывает в доме невесты. Время его определяется различно — после окончания сватовства, но обыкновенно стараются подогнать его к какому-нибудь празднику или вообще к свободному, удобному для обеих сторон времени.

В назначенный день (приблизительно к 4—5 часам вечера) жених собирает к себе всю свою родню и наиболее близких знакомых и приятелей, и затем уже из дома жениха все так называемые жениховы гости идут к невесте. Там тоже к этому времени собирается невестина родня, а также её подружки и другие близкие знакомые. Таким образом, с той и другой стороны набирается довольно много народу, а в деревнях, которые, впрочем, здесь очень малолюдны (дворов в 15—20), на каждую свадьбу сходится почти вся деревня. При этом здесь существует такое правило, что, раз кто побывал на свиданьи, он уже обязательно приглашается

и на все остальные акты, до «блинчатого стола» включительно.

Пришедши в дом невесты, после обычных приветствий, жениховы гости вместе с самим женихом, проводимые сватьей, становятся по одну сторону комнаты, а невестина родня, знакомые и подружки группируются по другую. У переднего угла ставится стол. Как все займут надлежащие места, из толпы жениховой родни выступает сватья вместе с женихом и, обращаясь к родителям невесты, говорит: «Вот наш князь, покажите нам свою княгиню». Тогда группа девушек-подружек раздвигается и на середину комнаты выходит невеста, которая до сих пор стояла как бы спрятавшись в толпе девушек, и кланяется на все четыре стороны. Подружки сейчас же подают ей поднос с рюмкой водки, и к ней подходит жених, берёт с подноса эту рюмку, выпивает и ставит обратно. Тогда подружки убирают рюмку, а на поднос, который все это время молча держит невеста, кладут дары от невесты, а наверх них — кольцо. Кольцо жених надевает сейчас же на руку, а прочие невестины дары (обыкновенно куски материи — на пиджак, на брюки, иногда рубашка, шарф и т.п., — установленных правил для даров той и другой стороны здесь нет) передает сватье и, в свою очередь, берет от нее свои дары и кладёт их на поднос, а на них — кольцо. Девушка тоже надевает кольцо на руку, а другие жениховы дары (кусочек какой-нибудь материи на платье, иногда шаль и т.п.) передаёт подружкам. После этого жених и невеста целуются.

Затем к невесте, которая все время продолжает стоять с подносом в руках, подходят поочерёдно жениховы гости, и прежде всех сватья, за ней — отец жениха, мать и т.д. до последнего гостя, и, подходя, каждый кладёт ей на поднос те или другие дары и при этом целует её (но она уже никого более не угощает водкой, кроме жениха). Эти дары состоят обыкновенно из разных принадлежностей «лопаты»: иногда, но очень редко и только у богатых, отец и мать жениховы кладут невесте на поднос по куску материи на платье, но чаще дарят её просто полушалками,

платками, «запанами» (фартуками), полотенцами и т.п. — «по состоянию глядя».

Когда все её одарят и она передаст поднос, нагруженный дарами, подружкам, к ней подходит жених, берёт её за руку и они молятся Богу, а затем, повернувшись к гостям, кланяются на все четыре стороны. В это время родители жениха и невесты «награждают их крестным знамением». После этого жених и невеста садятся в передний угол за стол, невеста по левую руку жениха, а за ними по старшинству, начиная со сваты, рассаживаются вокруг стола и остальные гости, и начинается угощение. Пьют чай, вино, едят разную холодную и горячую закуску и пр., смотря по состоятельности родителей невесты. Присутствующая в качестве гостей молодёжь, подружки невесты и приятели жениха, заводят иногда танцы, в которых принимают участие также и «наречённые». Но обыкновенно жених и невеста сидят весь вечер, обнявшись, за столом, причём им подается только один прибор, и, время от времени, целуются.

Специальных песен на «свиданьи» не поётся, но иногда, подвыпивши, гости затягивают какие-нибудь прогосные песни. Угощение длится далеко за полночь, после чего гости и жених, в достаточной мере угостившиеся, расходятся по домам.

С этого времени жених может свободно ходить к невесте, где собираются также и подружки, помогающие ей справлять своё приданое, шить белье и т.п. При этом часто устраиваются и вечёрки, как у жениха, так и у невесты, не представляющие, впрочем, ничего особенного, по сравнению с обычным типом сургутских вечёрок.

в) Девишник

Недели через две-три после «свиданья» (а если спешат со свадьбой, то, конечно, и раньше, но определённых сроков для этого не полагается) назначается «девишник», который всегда бывает вечером накануне венчания. Утром в этот день, около полудня, невеста со своими подружками ходит в баню. У богатых при этом отправляют с девушками в баню разные лакомства и сласти, но большинство

не делает этого. В бане подружки расчесывают невесте голову и в последний раз заплетают ей «девью косу». По установившемуся обычаю, по выходе замуж, женщине уже нельзя носить одну косу, а непременно две, и нельзя также ходить с непокрытой головой, а обязательно чем-нибудь накрывши голову. И вот теперь в последний раз девушке-невесте предоставляется право ходить с непокрытой головой и при одной косе.

По возвращении невесты из бани, вскоре приходит сватья, чтобы окончательно «зарешить» сватовство. По видимому, сватовство в первой стадии, которое мы описали выше, не признаётся окончательно решающим делом и допускает возможность разрыва, конечно, с вознаграждением потерпевшей стороны за понесённые ею расходы. Но после того завершения сватовства, которое происходит в день девишника, разрыва уже не бывает, по крайней мере сургутяне-рассказчики не могли припомнить нам ни одного случая такого разрыва, хотя, впрочем, и после первого «рукобיתья» разрывы бываю крайне редко.

Так же, как и в первый раз, после непродолжительного сиденья под маткой, сватья встаёт и заявляет, что она пришла за окончательным ответом и, по получении такового, у икон зажигают свечи, молятся Богу и происходит последнее рукобיתье. Так же, через платок, сватья попеременно подает руку родителям невесты, а кто-нибудь третий разнимает. После этого сватовство считается окончательно «завершённым».

По уходе сватьи, выходит невеста (обыкновенно в присутствии сватьи невеста бывает в другой комнате) и узнав, что все дело уже кончено, припадает на колени к родителям, а также и другим родственникам, которые здесь случатся, и начинает «выть» — причитать и плакать о своей девьей воле. Ей вторят нередко и подружки, и в особенности мать. Когда она причитает на коленях у матери, подружки расплетают у ней косу, которую недавно заплели ей в бане*. После этого невеста

* В деревнях ниже Сургута (по Оби) поют при этом особую песню, которая, к сожалению, нами не записана. В Сургуте и верховских деревнях ограничиваются одними причитаниями и плачем.

ста все время ходит с распущенными волосами вплоть до прихода из-под венца. Когда невеста обойдет всех присутствующих родственников и у каждого на коленях попричитает и поплачет, начинаются приготовления к вечернему девишнику.

Вечером собираются гости как к жениху, так и к невесте. На этот раз, кроме тех гостей, что были на свиданьи, невеста приглашает к себе и всех своих ближайших подружек, точно так же и к жениху собираются все его приятели-парни.

Как у жениха, так и у невесты посреди комнаты ставят стол, на него расставляют разные закуски и сласти, а вокруг рассаживаются старшие и почётные гости, оставляя в переднем углу место для жениха и невесты. Молодёжь же пристраивается на лавках в противоположной от входа стороне. (У входа же, равно как и снаружи под окнами, всегда толпится масса посторонней публики, пришедшей посмотреть на девишник).

Собственно девишник начинается не скоро после того, как к жениху и к невесте соберутся их гости. Сначала же невеста одаривает женихову родню, которая была на свиданьи и клала ей дары.

Как только сойдутся гости, невеста посылает какого-нибудь посланца (не имеющего особого названия) к жениху, чтобы «шли по дары». Получив приглашение явиться за дарами, жених обыкновенно берёт с собой не всех тех гостей, что были на «свиданьи», — это было бы слишком обременительно для невесты, а только некоторых, особенно почтенных: сватью, которой, как мы уже видели, во всех свадебных празднествах принадлежит первое место, родителей, крёстных. А прочие остаются в доме жениха, где угощение идет своим порядком.

По прибытии жениха с избранными гостями к невесте, когда они займут места у стола, к ним выходит невеста, и прежде всего происходит обмен подарков между ней и женихом.

Это делается так же, как и на «свиданьи», т.е. начинается угощением жениха рюмкой водки из рук невесты,

после чего подружки кладут к ней на поднос её дары (то же, что и в первый раз, только меньшей ценности) и поверх них обязательно кольцо, которое жених тут же надевает на руку, а дары передаёт сватье и, в свою очередь, берет от сватьи и кладет на поднос свои дары и на них — кольцо. Кольцо невеста надевает на руку и целуется с женихом.

После этого невеста начинает одаривать всех прибывших с женихом гостей. Убравши жениховы дары, подружки кладут на поднос попеременно те или другие приготовленные невестою подарки, аналогичные полученным ею на «свиданьи», т.е. если ей подарили платок, то она дарит платок, если ей, например, отец жениха подарил материю на платье, то и она отдаривает его куском материи на пиджак или на брюки и т.д. Точно установленных правил, кому что дарить и кого чем отдаривать, здесь нет. Стараются меняться равноценностями, но исключительно из предметов «лопаты»*.

Эти подарки невеста и разносит на подносе кому следует, начиная по старшинству — со сватьи, причём всякий, получивший дар, отдаривает невесту деньгами, кладя их на поднос, «по состоянию глядя», и потом целуется с ней.

После того как невеста одарит всех жениховых гостей, их оставляют на короткое время для легкого угощения чаем и вином. Жених по обыкновению берёт невесту за руку и заводит её за стол в передний угол, а вокруг рассаживаются остальные гости. В это время, пока гости угощаются чаем, подружки невесты величают их, начиная с самого жениха, особыми величанными песнями. Для этого посреди комнаты ставится стул, на который и садится тот, кого завеличают, лицом к девушкам, и ему они поют соответственную величанную песню, по окончании которой девушкам даётся какая-нибудь мелкая монета.

Вот некоторые из здешних величанных песен.

Начинают обыкновенно с жениха и невесты. Им поют:

* Одежды.

(Иван) сударь тончавый,
(Егорович) кудреватый,
Он распахивает полу соболину,
Вынимает гривну золотую,
Ни рублем, ни полтиною,
Золотой гривной.

На многие ему лета
Со своею суженой
(Федосьей Ивановной),
Со своим любимым
Со батюшкой (имя рек),
Со своей любимой
Со матушкой (имя рек).

Затем величают женатых:

Как во каменной во палате,
Как на кисовой* на кровати
Не голубь с голубкою воркует,
(Егор) сударь (Аннушку) целует,
Через низано ожерелье,
Через пуговку золотую,
Через петельку шелковую...
На многие им лета.

А если у них есть дети, тогда поют:

Как на дворе на (Егоровом)
Стояла тут груша зелёная,
Супротив груши яблоня кудрявая,
Между ними цветки лазоревые...
(Егор) сударь (Андреевич)
И (Анна) свет (Ивановна),
На многие им лета.

Когда всех жениховых гостей отвеличают, жених уводит их к себе домой. Там не происходит ничего особенного, кроме обычных угощений и величаний, как и у невесты. Обыкновенно вместе с парнями к жениху собираются на девишник и несколько девушек-родственниц или близких домашних знакомых. Они-то и

* Сургутяне вместо «т» часто говорят «к», как, например, в этой песне - «кисовой» вместо «тисовой», или «кесто» вместо «тесто», и во многих других случаях.

поют у жениха величанные песни, за которые и тут тоже каждый, кого провеличают, платит им какую-нибудь мелочь.

В это время у невесты начинаются приготовления к ужину, или закуске, и когда всё бывает готово, к жениху опять отправляют посланца с приглашением пожаловать на ужин. На этот раз жених берет с собой всех своих гостей и с большой компанией отправляется к невесте. Здесь обычным порядком рассаживаются по своим местам: старшие и почётные гости, с молодыми во главе, садятся за стол, а остальные — где придётся, и начинают ужин. За ужином следует чай. В антракте между тем и другим девушки величают вновь прибывших гостей, а иногда устраиваются и танцы при участии парней, которых приводит с собою жених.

После чая и когда кончатся пляски, что бывает обыкновенно уже около полуночи, жених прощается с невестой и уходит со всеми своими гостями. После этого жених и невеста больше уже не видятся друг с другом до самого венчанья. С этого момента, т.е. ухода жениха и его гостей, и начинается, собственно, девишник. Большинство гостей, достаточно угостившись, расходится по домам, и у невесты, равно как и у жениха, остается только молодёжь да немногие близкие знакомые и родные. Девушки начинают петь «свадебные» песни, у невесты — невестины, у жениха — жениховы, и девишник принимает необычайно грустный и меланхолический характер, особенно у невесты... Она в последний раз сидит в кругу подружек и теперь навеки прощается с ними и со своей девичьей жизнью и свободой... Больше она уж им не пара. С завтрашнего дня для нее кончится беззаботное, весёлое, свободное девичье житьё (по сургутской пословице — «девичье житьё, словно кошачье»), и придется надеть ярмо новой жизни Бог весть с каким мужем... Это прощанье девушки с волей и является основной канвой, на которой свадебные песни подружек и причитанья матери выводят различные, но всегда грустные узоры. И здесь нередко действительно можно видеть самые искренние слезы, как невесты

и прощающихся с нею подружек, так и в особенности матери, которая горьким опытом познала всю тяжесть замужней жизни... Недаром же на этот счёт у сургутян существует пословица: «Не наплачешься за столом, так наплачешься за столбом». И девушка-невеста даёт обыкновенно полную волю своим слезам... «Бог с тобой, родима матушка», — причитает невеста, сидя на коленях у матери, — али я тебя обпила, объела, али я тебя цветными платьями обносила?.. Не пожалела ты моей русой косы, не пожалела моей девьей красоты»... И, обращаясь к подружкам, прибавляет: «Отходила я теперь, отгуляла я деньки красные, деньки ясные, и со подруженьками, со голубушками, отводилась я, распрощалась я. Как я буду привыкать теперь и как я буду приставать теперь ко чужому роду-племени и ко людям всё незнакомым?»..

На это мать отвечает дочери: «Хоть и била я, хоть бранила, я добру тебя учила, не пускала тебя шляться и шататься, не давала тебя добрым людям на смех, пакала* я тебя и лелеяла и жала у своего сердца ретивого».. А затем мать дает такие советы дочери: «Будь ты, дитятко, покорная и будь ты, дитятко, пословная богоданным отцу-матери и своему мужу-хозяину... Не судачь ты, родная, на меня, на матушку, не скудалась я для тебя ни питьем, ни едою, ни цветными платьями... Сама пожелала ты отдаться в неволюшку, не пеняй же, дитятко, на родиму матушку: не неволею идёшь, а своей охотою»...**

После этих причитаний на коленях у матери, невеста садится на своё обычное место за столом, а подружки рассаживаются вокруг и начинают петь свадебные песни:

На зоре было, на зореньке,
На восходе красна солнышка
Громко свищет перепелочка,

* Нежила.

** Подлинные слова, записанные нами от одной рассказчицы, но так как свадебные причитанья, равно как и похоронные, произносятся экспромтом, то и слова их варьируются, и каждая мать «причитает» то, что ей придет в голову, оставляя без изменений только основной мотив причитанья. Нами приведены наиболее типические места.

Слёзно плачет красна девушка,
Убуждает родного батюшку:
«Уж ты встань-ка, убудися, друг,
Ты на этот час, на времечко,
На мое благословеньице:
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому...
Мне сегодня темну ноченьку
Мало спалось, во сне виделось,
Как бы наш-от широкий двор
Изуставлен весь каретами,
А красно крыльцо — лакеями,
А новы сени — боярами,
Нова горница — княгинями...
Нова горница полна гостей,
А все гости незнакомые,
Незнакомые — незнамые...
Только нет-от гостя батюшки,
Дорогой-от гостыи матушки...
Ты родима моя матушка,
Что такой у нас за праздничек?
И что такой у нас за пир гостей?»
— Ты дитя ли, мое дитятко,
Мы тебя замуж заговорили...

* * *

Как во саде было, садичке,
В зелёном виноградничке,
Ходил, гулял добрый молодец,
Свет (Иван) сударь (Егорович).
Он чесал свою буйну голову
Черепаховой гребёлочкой,
Он чесал, сам приговаривал:
«Прилегайте, кудри русые,
Ко моему лицу белому,
Ко моему ко румяному,
Ко моим же ко чёрным бровям
И к моим же ко ясным очам...
Приставай, ты, душа (Фенюшка),

Ко моему уму-разуму
И ко нраву молодецкому...»
— Приставать мне не хотелось,
Мне хотелось жить у батюшки,
Мне хотелось жить у родного,
У родимой моей матушки,
Красоваться в красных девушках.

* * *

Уж как по морю корабль бежит,
По синю морю чернеется...
На корабличке людей немножко,
Только семеро работничков,
А восьмой-от кашеварничек,
А девятый — добрый молодец,
А десята — красна девица...
Он по кораблю похаживает,
Золоту трубку раскуривает,
В звончаты гусли поигрывает...
За ним ходит красна девица,
Она просится ко батюшке,
Ко родимой своей матушке:
«Позабыла я золоты ключи,
Где лежат дороги дары...
Чем дарить буду свёкра-батюшку?
Чем дарить буду свекровь-матушку?
Чем дарить буду всю большу родню?»
Как ответ держит добрый молодец:
«Захочу — я тебя отпущу,
Захочу — тебя не отпущу»...
Она прочь пошла — заплакала,
Сквозь слезы она слово молвила:
«Ах ты воля — воля батюшкина,
Теха-нега родной матушки,
Красованье красным девушкам»...

* * *

Как ни пава по сеням ходила,
Как ни пава по новым гуляла,
А сама к терему припадала,

Ко высокому она причитала:
«Отомкнися, отомкнися, мой высок теремок,
Шитый-бранный положек, распахнися,
Черных соболей одеяло, раскройся,
Родной батюшка, убудися...
Мне не год жить, мне не два жить,
У тебя, родной батюшка, пожити,
У тебя, государь, погостити...
Едну ночку, одну темну ночевати,
Едно слово, едно тайно с тобой говорити»...

* * *

Как по морю-то — морю синему,
Морю Хвалынскому,
Плавала лебедь, плавала лебедь,
Лебедь белая,
Крыльями била об сине море,
Жалобу творила синю морю:
«Море ты мое, море синее,
Море Хвалынское!
Как я отстану от синя моря,
От Хвалынского?
Как я пристану к ржавчатой воде,
Ко болотяной траве?
Будет зима — зима студёная,
Выпадут снега — снега белые,
Будут морозы крещенские,
Подзябнут ножки лебединые»...

* * *

Сколько мы, девушки, говаривали,
Сколько мы, подруженьки, наказывали:
«Не ходи ты, (Фенюшка) за Волгу гулять,
Не слушай ты (Фенюшка) (Егоровых) гуслей...
(Егоровы) гусли обманчивы,
Отманят тебя от батюшки,
От родимой твоей матушки...
Приманят тебя к свекру-батюшке,
К свекровь-матушке,
Ко чужому роду-племени»...

* * *

Как у матки, у Волги-реки,
Ни краю нету, ни бережку,
Ни желта сыпуча песку...
Мостят мосты калиновые,
Перекладины таволженые...
Как никто по мостам нейдёт,
Как никто по калиновым нейдёт,
Тут и шёл, тут и переходил
Разудалый добрый молодец,
(Егор) сударь, свет (Иванович).
За собой он ведёт девушку,
(Феодосью) свет (Андреевну),
Он ведёт, сам приговаривает:
«Ты не упади, Фенюшка,
Ты не упади, Андреевна»...
«Хотя я, сударь, и упаду,
За тебя я не схватюсь,
Я схватюсь за батюшку,
Я схватюсь за родного,
За его за ручку правую,
За его перстни злачёные»...

Поётся до трёх раз, во второй раз поют:
«Я схватаюсь за матушку» и т.д.

А в третий:

«За тебя я, друг, схватила,ся,
За твою я за ручку правую,
За твои перстни злачёные»...

* * *

Клён-деревцо спощатилось,
Веточка поклонилась,
Ягодка покатила,ся...
По полю катилась жемчужинкой,
Лесом шла — сободем прошла,
Улицей шла — серой утицей,
К морю подошла — белой лебедью,
Красной девицей...
Она спрашивает: «Это чьи корабли?»

«Это корабли свёкра-батюшки».
«Эти корабли мне не надобны»...

Во второй раз:

... Она спрашивает: «Это чьи корабли?»
«Это корабли свекровь-матушки».
«Эти корабли мне не надобны»...

В третий раз:

...Она спрашивает: «Это чьи корабли?»
«Эти корабли мила ладушки».
«Эти с чем корабли?» — «С красным золотом».
«Эти корабли очень надобны»...

* * *

От столба, столба дубового,
От колечка красна золота
Оторвался наш добрый конь,
Он повитоптал наш зелен сад
Со калиною, со малиною,
Со чёрною смородиной...
Ты не плачь, моя умная,
Ты не плачь, моя разумная,
Наживём мы с тобой зелен сад
Со калиною, со малиною
И со чёрною смородиной...

* * *

Ты король, государь, королевич,
(Егор) сударь, свет (Иванович),
Поносила тебя родна матушка
Во утробушке девять месяцев,
Породила тебя родна матушка
Во великую большую пятницу.
Принимала тебя родна баушка
На свои на ручки белые,
Обмывала тебя родна баушка
Из колодечку ключевой водой,
Обтирала тебя родна баушка
Разукрашенной трубчатой тафтой,
Пеленала тебя родна баушка
Во пелёночке во шелковенькой,

Во свивальничке во тофтяненьком,
Отдавала тебя родна баушка
Родной матушке на белы руки.
Берегла тебя родна матушка
И от ветру и от вихорю,
И от Божьей немилости.
Не казала тебя родна матушка
Ни князьям и ни боярам,
И не тем купцам-корабельщикам,
Только узрила тебя и усмотрела
Душа красна девица
Из высокого тебя из терему,
Сквозь окошечко косящатое,
Сквозь стеколинку стеколчату...
— Вот идет мой суженый,
Вот идет мой ряженный,
Государь (Егор Иванович)...

Это уже специально жениховская песня и её поют только у жениха, но так как таких специальных (как и вообще свадебных) песен здесь мало, то и у жениха на девишнике поют те же песни, что и у невесты. Их нередко повторяют, а наиболее патетические песни поют даже по несколько раз.

Незадолго перед тем временем, когда приходит пора расходиться, жених выбирает себе дружку. Это обыкновенно бывает какой-нибудь молодой женатый парень из приятелей жениха. Первая его обязанность заключается в том, чтобы отвезти невесте коробку с жениховыми подарками. Подарки эти состоят из разных мелких принадлежностей женского туалета: зеркала, мыла, гребня, чулок, подвязок, башмаков и т.п., а также и конфет. Последние предназначаются и подружкам невесты.

Перед этим со стола, за которым все время сидел жених со своими приятелями и присутствующими девушками, убирают разные закуски и сласти и кладут на него хлеб-соль (каравай белого хлеба и солонку соли), а перед хлебом ставят икону (лицом к жениху). Этими иконами и хлебом-солью завтра будут благославлять жениха под венец. Здесь же на стол кладут и коробку с подарками. У стола ставится стул и на него садится выб-

ранний в дружки парень. Ему сначала подносят рюмку водки, а потом зажигают у икон свечи, дружка и все прочие молятся перед иконами, после чего родители жениха благословляют его, и он отправляется с коробкой к невесте.

Там тоже в это время прибирают стол, за которым сидит невеста, снимают с него сласти и вместо них ставят хлеб-соль и икону, предназначенные для завтрашнего благословения невесты. При входе к невесте дружки, для него также ставится у стола особый стул, на который он и садится, держа пока коробку на коленях. Тогда невеста выходит из-за стола и подносит дружке рюмку водки, после чего он ставит коробку с подарками на стол, а невеста дарит ему платок. Этим платком дружка перевязывает себе правую руку у плеча, а на «отдарок» дает невесте ключ от коробки. После этого дружку угощают чаем и вином, а девушки ещё раз величают его песнями. После угощения и расплатившись с девушками, дружка уезжает обратно.

По уходе дружки, невеста выбирает себе «приданницу» — обыкновенно какую-нибудь почтенную замужнюю женщину, но отнюдь не девушку, чтобы отвезти к жениху свое приданое. «Приданницу» снаряжают так же, как и дружку: сядят на стул, подносят ей вина, зажигают у икон свечи, молятся Богу, и затем приданница, получив от родителей невесты благословение и сопровождаемая обыкновенно всеми подружками невесты, отправляется к жениху.

Приданое невесты составляет обыкновенно сундук, наполненный, главным образом, той или другой «лопатью» — платьями, полушалками, бельём и т.п., и обязательно — перина с подушкой, простынёй и одеялом. У богатых бывает несколько сундуков «лопаты», а у бедных — один, и тот маленький, но эта часть приданого в глазах сургутян не представляет такой важности, как перина с её принадлежностями. Сундук может быть и не быть, это — дело невесты и не касается будущего мужа, но перина должна быть обязательно. На чём же будут спать молодые? — так рассуждают сургутяне. И

потому перину, а отчасти также и «лопаты», девушки начинают заготавливать ещё с ранних лет. Все это копится понемногу в сундуке в течение нескольких лет и исключительно из скудных средств самих девушек, которые они могут достать, продавая ягоды, кедровые орехи, какое-нибудь рукоделье и т.п., так как в деле созидания дочернего приданого родители обыкновенно не принимают никакого участия.

Утром в день девишника родители невесты велят ей на время очистить сундук, затем зажигают свечи, молятся Богу и кладут на дно сундука на четыре угла деньги — «по состоянию глядя», иногда медные, иногда серебряные монеты, а посередине — краюшку хлеба. После этого родители благословляют девушку и она начинает укладывать в сундук свои вещи. Этим и ограничивается вся помощь родителей в деле устройства приданого своим дочерям.

Вот эти-то сундук и перину и отвозит теперь «приданница» к жениху. Её там принимают с тем же почётом, как дружку принимали у невесты. Ставят ей стул, угощают водкой, а затем жених дарит приданнице какой-нибудь подарок (обыкновенно что-нибудь из одежды), в подарок на который она отдаёт жениху ключ от сундука, где хранится приданое. Девушек, прибывших с приданницей, угощают разными сластями, после чего они вскоре уезжают обратно к невесте, а приданница остаётся у жениха на ночь — караулить приданое. Дело в том, что последнее, кроме перины и всех прочих постельных принадлежностей, здесь считается собственностью невесты и будущей жены, а отнюдь не мужа, почему приданница и остаётся у жениха оберегать приданое невесты, чтобы завтра, после венца, передать его молодой в целости и сохранности.

Дружка тоже остаётся ночевать с женихом, и их обыкновенно кладут вместе спать на ту перину, которую привозит приданница. Таким образом, жениху предоставляется уже в эту ночь воспользоваться той частью приданого, на которую он имеет право в качестве мужа.

Девушки обыкновенно не расходятся в эту ночь по своим домам, как у невесты, так и у жениха, и ночуют у них.

г) Продолжение девишника и венчание

Девишник продолжается и на следующий день, вплоть до венца и даже несколько далее, до так называемого «окручання», о котором будет идти речь ниже.

В день венчання к жениху и невесте уже с раннего утра собираются все их вчерашние гости и начинается обычное угощение чаем, вином и пр. Девушки опять поют свадебные песни, те самые, что пели накануне, и величают тех гостей, кого не успели провеличать раньше. Затем дружка посылается женихом к невесте, узнать, как она проводила ночь, и осведомиться о её здоровье.

В это время женихом выбирается ещё несколько новых должностных лиц в здешнем свадебном ритуале: тысяцкий, большой боярин, сваха и «проводжата». Первыми двумя могут быть и холостые, но в свахи и «проводжаты» избираются только замужние женщины. Обязанность тысяцкого состоит в том, чтобы приглашать священника отслужить молебны, которые бывают перед венцом у жениха и невесты, а равно и обвенчать потом свадьбу, расплатиться с ним, купить венчальные свечи и пр. Роль большого боярина в здешнем свадебном ритуале не совсем ясна, и сейчас он служит, по-видимому, лишь, так сказать, для украшения свадебного кортежа, не выступая нигде в более активной роли. Обязанности свахи и «проводжаты» выяснятся ниже.

Когда дружка приедет от невесты и объявит, что она находится в вожденном здравии, жених с тысяцким едут к священнику. По возвращении их и узнавши, когда будет священник служить молебен, дружка опять отправляется к невесте с извещением о времени прибытия священника. Его всякий раз принимают у невесты с обычным почетом и угощают чаем, вином и пр. Тогда невеста начинает одеваться к венцу, но предварительно она тоже

выбирает себе сваху и «проводжату», которыми также могут быть только замужние женщины. На первых порах сваха и «проводжата» вместе с подружками помогают невесте одеться к венцу. В то время как одевается невеста, девушки поют:

Как не вьюн по тафте извивается,
Широка тафта расстилается...
(Егорушка) на коне спотешается,
Душа (Фенюшка) в терему снаряжается,
В высоком она сподобляется...
Снарядилась она, сама расплакалась,
Родному батюшке разжаловалась:
Тебе Бог судья, тебе Бог судья, родной батюшка,
Молоду отдашь во чужие люди,
Во чужие люди, во незнамые...
Как буду жить во чужих людях,
Во незнамых?
Как буду звать свёкра-батюшку,
Свекровь-матушку?
Свёкром звать? — так не хочется.
На имя звать? — так не водится.
Звать-то не звать родным батюшкой,
Родной матушкой...

А у жениха, когда он одевается, поют:

У броду, у броду,
У калинова моста,
У князева перехода
Тут стояли кони,
Тут стояли вороные...
Они все под коврами,
Они все под шёлковыми,
Один конь не под ковром,
Один конь не под шёлковым...
Как никто коня не чешёт,
Как никто коня не гладит,
(Егорушка) свет ходит,
Он добра коня гладит,
По крутым бедрам треплет,
По сивой гриве чешет,

Сам дружку снаряжает:
«Ты поедь, поедь, дружка,
Ко (Федосьину) двору,
Ты спроси, спроси, дружка,
Снарядна ли невеста.
— Как ещё она не готова,
Как ещё она не снарядна»...

Поют до тех пор, пока не оденется жених, в последний раз поют:

Как совсем она готова
И совсем она снарядна...

Когда священник отслужит у жениха и у невесты молебны, то обыкновенно сейчас же (это бывает приблизительно около 11—12 часов дня) приглашает их в церковь для венчания. Перед отправлением к венцу и по уходе священника, жениха и невесту благословляют хлебом-солью и иконой.

Жених становится посреди комнаты, а его родители, сначала отец, за ним мать, берут поочерёдно со стола икону и крестообразно благословляют ею жениха. Потом то же проделывают и с хлебом. Вместе с родителями благословляют жениха и его крёстные — отец и мать, каждый — своей иконой. При этом жених кланяется в ноги отцу и матери, а также и крёстным, и целуются с ними.

Затем, по окончании благословения, жених, дружка, тысяцкий, большой боярин, сваха и провожата отправляются к невесте, а родители жениха, крёстные и все остальные гости остаются дома.

У невесты тем же порядком происходит благословение иконой и хлебом-солью*, но не одной невесты, а вместе с женихом, причём жених и невеста также кланяются в ноги родителям невесты и её крестным и целуются с ними. При этом девушки поют:

Как ни груша зелена в зелёном саду зашумела,
Как ни (Егорушку) у батюшки благословляют,

* При этом здесь существует такая примета. На девешнике невеста обещает своим подружкам: «Замуж пойду и вас всех за собой уведу: под венец пойду и скатерть сборною»... И вот если невеста, выходя с женихом из-за стола на благословенье, сдернет («сбуровит») со стола скатерть, то это значит, что и все подружки, что пировали у ней, выйдут в этот год замуж.

Благословляет меня родной батюшка
Ко злату венцу идти
Со суженой, со ряженой,
Со (Федосьей) душой (Ивановной)...

Затем жених и невеста, сопровождаемые всей жениховой компанией, а также невестиной свахой и провожатой, отправляются в церковь, а прочие невестины гости и родные остаются в её доме до тех пор, пока не получают, уже после венца, приглашения на пировье к молодым.

Впереди свадебного поезда несут невестину благословенную икону, а по приходе в церковь, сваха расстилает подножки и под них кладёт деньги, чтобы молодые были богаты. Во время венчания, когда священник наденет венчальные кольца, тысяцкий трижды меняет их у жениха и невесты, и притом так, чтобы в последний раз невестино кольцо досталось жениху, а его — невесте. Когда зажгут венчальные свечи, замечают, чья свеча больше сгорит, тот раньше умрёт*.

После венца, тем же порядком, предводимые благословенной невестиной иконой, все, бывшие в церкви, возвращаются в дом жениха.

В то время как идет венчание, собравшуюся у жениха и у невесты молодёжь угощают обедом и чаем, после чего невестины подружки переходят в дом жениха, где и остаются до «окручання» молодой, а затем вся молодёжь — как парни, так и девушки, расходятся по домам и в «пировье» уже не принимают участия. При возвращении с венца, молодых встречают на крыльце девушки песней:

У рябинушки вершинушку сломали,
А добру коню под копытчко бросали...
Стой-постой, рябинушка, без вершинушки,
Ты живи-поживи, родной батюшка,
Без любезной своей дочери...

Поют два раза, во второй раз обращаются к родной матушке.

* Есть примета и относительно погоды: если во время свадьбы случится выюга, то у молодых будет «несугласная» жизнь.

При входе молодых в избу, родители жениха берут со стола хлеб-соль и, высоко подняв руки, держат их на манер арки, под которую и проходят молодые. При этом советуют при входе в дом свекра ступить правой ногой на три порога или на три ступени, для того, чтобы любила мужнина семья, а равно и сам муж. Обсыпать хмелем и встречать молодых в вывороченных шубах здесь нет обычая.

Когда молодые пройдут под этой аркой и станут посреди комнаты, родители и крёстные молодого ещё раз благословляют их иконами и хлебом-солью (теми самими, которыми уже благословляли жениха), после чего молодые кланяются в ноги всем благословлявшим и целуются с ними. Тогда все присутствующие начинают поздравлять молодых с законным браком.

После этого молодой заводит жену за стол на своё обычное место и начинает угощение чаем. В то время как пьют чай, и бывает «окручанье». «Провожаты» подходят к невесте и, держа перед ней полотенце, как бы скрывают её голову от взоров присутствующих. А свахи в это время снимают у невесты с головы наколку и, распустивши волосы, начинают заплетать их в две косы, каждая в свою «косоплётку». При этом свахи стараются опередить друг дружку и как можно скорее заплести свою косу, так как здесь существует примета, что если невестина сваха скорее заплетёт косу, то муж помрёт наперёд жены, а если женихова, то наоборот: жена умрёт раньше мужа.

В это время девушки поют окручальную песню, последнюю в здешнем свадебном ритуале:

Зерно мое, зёрнышко,
Голубиное семечко,
Не могу тебя засеяти,
Не могу тебя завеяти,
Ни двумя, ни тремя полыми...
Не бела лебедь возгаркала,
(Федосья) душа (Ивановна)
Возрыдала, восплакала
По своей-от русой косе,
По девичьей красоте:
Как доселева русую косу

Заплетали красны девушки
И вплетали алу ленточку,
Косоплёточку шелковую...
А теперича русу косу
Разнимают двое-надвое
Две свашеньки, две голубушки
И вплетают косоплёточку,
Обвивают круг буйной головы,
Надевают скиму золоту,
Отдают в руки (Егорушке):
Ты владей, владей (Егорушка),
Ты владей, сударь (Иванович),
Ты душой ли красной девушкой,
(Федосьей) свет (Ивановной).

Поют три раза, пока не «окрутят», т.е. заплетут молодой косы и на голову наденут бабью наколку. Тогда все посторонние парни и девушки уходят со свадьбы и начинается пировье.

д) Пировье

Мы уже говорили выше, что родители невесты (теперь молодой) и все прочие гости с её стороны всё это время остаются в её доме. Прежде чем их пригласить на пировье, молодых кладут «под подклать».

Как только закончится «окручанье», молодые выходят из-за стола и, перед тем как идти в «подклать», кланяются в ноги родителям и просят у них благословения «на разрушение девства», на что те благословляют их крестным знаменiem.

«Подклать» — это пустая комната, какой-нибудь чулан, чаще всего баня, и туда сопровождают молодую все свахи и провожаты, а молодого — дружка. Они же дают молодым соответствующие наставления и пёрвые обозревают результаты. «Разрушение девства» считается у сургутян святым делом, если пара невинна, и по этому поводу здесь говорят, что при этом деле сам Христос присутствует и помогает неопытным... При осмотре результатов свахи замечают, что «если кровь на рубашке ала, то родится мальчик, а если сроза, то — девочка».

Затем эту рубашку несут к свекру и свекрови, а также показывают и всем прочим гостям, причём в случае благоприятных результатов, родители молодого молятся перед иконами. Если молодая окажется невинной, то, не надевая на себя верхнего платья, она, в одной белой юбке и повязавшись белым платком, обносит всех присутствующих водкой, после чего надевает верхнее платье и убирает голову наколкой.

Потом с этой рубашкой свахи, провожаты и дружка отправляются к родителям молодой, которые, пока к ним не привезут удостоверения в невинности их дочери, ни за что не пойдут на пировье. Про это здесь говорят, что родители молодой «ищутся». И горе той девушке, которая окажется виновной или, как в Сургуте выражаются, «ни-кем»... Тогда её муж и его родня страшно позорят её в присутствии всех гостей, а нередко даже и бьют. Родители же её в таком случае чуть не целые сутки «ищутся», т.е., несмотря на все просьбы и приглашения со стороны жениховой родни пожаловать к ним на пировье (а без них оно никогда не бывает), упорно и многократно отказываются, а затем, когда приезжают, то ещё круче расправляются с провинившейся дочерью... Любопытно, между прочим, что если молодой очень уж «ищется» в невинности своей жены, то на это ему обыкновенно говорят: «Ты чего хорохоришься, ведь тебе не в попы ставать», так как, по мнению сургутян, только от попов требуют, чтобы они брали себе в жены совершенно невинных девушек, и что будто бы при посвящении их об этом спрашивают — «с поведением ли брал девушку» или «без поведения», и в последнем случае не посвящают...

Но нередко, когда даже все обстоит благополучно, тесть и его родня все-таки долго не являются на пировье к молодым. Это они «куражатся», как говорят сургутяне. А покуражиться в таких случаях здесь очень любят. И вот дружку раз за разом посылают к родителям молодой, пока, наконец, они прибудут со своими гостями на пировье.

Во дворе их встречают все собравшиеся у молодых гости во главе с самими молодыми, которые первым делом

кланяются в ноги тестю и теще, причём молодой нередко благодарит их за то, что они «соблюли свою дочку, а ему жену»... После этого тесть и теща благословляют молодых крестом и поздравляют их с законным браком. Все это происходит на крыльце или в сенях. Затем все входят в дом и начинается собственно пировье.

Молодые засаживаются за стол в передний угол, а кругом рассаживаются все прочие гости. Обыкновенно угощение начинается чаем, за которым следует обед, за ним опять чай, а вечером нередко устраиваются и танцы, в которых принимают участие присутствующие на свадьбе женатые парни и замужние женщины, а из холостой молодёжи — только самые близкие родственники.

Пировье обыкновенно продолжается три дня, начиная с того, когда была свадьба.

При этом здесь существует любопытный обычай, называемый «выставлять сибирь». В разговоре сургутян в свадебные дни часто можно услышать такие выражения: «Где ты был?» «На сибири». «Куда идешь?» «На сибирь». «Ну какова там была сибирь?» «Да ничего себе: выставили четверть водки, закуску, бабам подавали пряники, сахарники»... Дело в том, что здесь существует обыкновение всем посторонним, пришедшим поздравить молодых с законным браком, устраивать (или выставлять) «сибирь», т.е. угощение. Эта «сибирь» всегда (и даже зимой) устраивается на дворе. Выносятся стол с приличной случаю выпивкой и закуской, и к нему приставляется кто-нибудь из родственников жениха, который и угощает всех присутствующих на дворе посторонних, которые поздравляли молодых при входе в дом жениха. По-видимому, это очень старинный обычай, и раньше, по словам сургутян, практиковался в более широких размерах и никого не шокировал; теперь же, хотя тоже почти на каждой свадьбе бывает эта «сибирь» (только уже разве самые бедные не выносят угощения посторонним), но на неё уже стесняются ходить и говорят, что для этого нужно быть смелым или нахальным...

На другой день свадьбы бывает так называемый «блин-

чатый стол». Как только молодые выйдут утром к чаю, невестина сваха подает им на тарелке стопу блинов для предстоящего стола, за что молодые дарят её обыкновенно полушалком или шалью, которую сваха тут же на себя надевает, и угощают её вином. В этот день молодая считается уже полной хозяйкой, и первым делом её хозяйничанья в доме молодого бывает угощение ею чаем гостей, которые с раннего утра начинают собираться к молодым. При этом сюда приходят только так называемые жениховы гости, а невестины собираются в доме у тестя.

После чая молодой вместе с тысяцким отправляется дарить тестя и тещу и всю их ближайшую родню.

Прибывши к тестю, после обычных приветствий, тысяцкий требует поднос, который и вручает молодому, а сам кладет на него те или другие подарки (обычного типа: что-нибудь из одежды — материю на пиджак, брюки, женщинам — полушалки, платки и проч.), которые молодой относит кому следует, начиная, конечно, с тестя. В отдарок молодому кладут на поднос деньги, которые принимает от него тысяцкий, а сам кладет следующий подарок и т.д. Когда молодой одарит всех кого надо, его и тысяцкого угощают вином, чаем и пр.

Обыкновенно молодой остается до тех пор, пока не соберутся к тестю все его гости. Тогда он приглашает их всех на «блинчатый стол» и ведёт к себе. В отсутствие мужа, молодая, в свою очередь, также одаривает мужнину родню, начиная со свёкра. Каждому на подносе даётся предназначенный заранее подарок, за что и ей, также в отдарок, кладут на подносе деньги.

По прибытии молодого с тестем и его гостями, начинается обед, на котором первым блюдом подают те блины, которые утром принесла сваха, почему этот стол и называется «блинчатым». А затем идет обычное угощение тем же порядком, что и накануне, с той лишь разницей, что молодые не садятся за блинчатый стол, а в качестве хозяев только потчуют гостей. Угощение, как и всегда, затягивается до глубокого вечера.

На третий день бывает так называемый «почётный

стол». Если молодые состоятельны, то пируют «на хозяйско», а если бедны, то устраивают складчину, кто сколько даст, и на эти деньги покупают, главным образом, водку, закуску же к ней предоставляют обыкновенно сами молодые.

Вечером в третий день у молодых бывает вечерка, на которую приглашаются все те девушки, что были на девишнике как у жениха, так и у невесты, парни же являются без особых приглашений, как и на всякую сургутскую вечерку.

Этой вечеркой у молодых и заканчивается свадьба, а затем начинается обычная трудовая, будничная жизнь, и, в большинстве случаев, с первых же дней очень несладкая для молодой...

В заключение мы считаем не лишним сказать ещё несколько слов о семейных отношениях у сургутян.

Фактически главою семьи у сургутян является отец, но, по местным обычаям, мать считается важнее отца, и сургутяне указывают массу случаев такого привилегированного положения матери. Так, например, они говорят: «С матерью нельзя идти в суд — судиться по какому-либо поводу (из-за наследства или ещё о чём), а с отцом можно». На мать нельзя занести руку, а на отца можно, если, конечно, он вызвал на это. Но мать во всяком деле права перед сыном (о дочери и говорить нечего). Дети обязаны кормить мать, а не отца. Проклятие матери считается самым страшным проклятием. В случае смерти мужа, наследством заведует его жена, и если у них есть дети, то от неё (матери) зависит: выдать детям какую-нибудь часть или пустить их голыми. «Не даст — и ничего не поделаешь, не имеешь права взять насильно», — говорят по этому поводу сургутяне и указывают несколько случаев, как мать (вдова) завладевала всем имуществом умершего отца и выдавала детям, даже совершеннолетним и взрослым, лишь то, что ей вздумается. В связи с этим стоит здесь обычай по матери называть семью, таковы, например, уличные фамилии*: Гла-

* У сургутян почти все имеют по две фамилии: одну, так сказать, официальную, по паспорту, и другую уличную — прозвище, причём вторая известна лучше первой.

фириных (по имени бабки Глафиры), Глашихиных (по имени бабки Глашихи-Глазковой) и т.п.

Сургутяне думают, что и писанный закон (по вопросу о тяжбе с матерью) на их стороне, т.е. в то время как в тяжбе, например, сына с отцом будет вестись следствие, причём сын может ещё избежать наказания, в тяжбе же с матерью, по первому заявлению последней, судья (исправник*) сразу постановляет решение в пользу матери, и непокорный сын строго наказывается. К сожалению, мы не можем подтвердить, действительно ли полицейские власти в Сургуте всегда так относились к заявлениям матерей и сразу принимали их сторону, так как при нас не было ни одного случая тяжбы детей с родителями, каковые тяжбы, а тем более с матерями, здесь встречаются крайне редко.

Такое правовое главенство матерей сургутяне объясняют тем, что «мать из-за нас болезнь принимает, смертность, от этого и в пословице говорится про мать: «чужой век понеси, а свой положи»... Это понимают и начальники (т.е. судьи)...

Это уважение к матери прекрасно, однако, уживается у сургутян с величайшим деспотизмом мужей над их женами. И вообще положение замужней женщины в Сургуте представляется далеко не завидным. Недаром же сами сургутяне говорят по этому поводу: «Замуж пойти — не ветку ломить, тут тебя заставят скакать и плясать и всякому сноровлять... По мостовине-то, — говорят, — иди, а на другую не переступай... Не так живи, как хочется, а как придётся»...

Переходя затем к некоторым ненормальным явлениям семейной жизни, следует прежде всего отметить, что столь распространённое в крестьянской среде «снохачество» совершенно неизвестно в Сургутском крае. Ни теперь, ни раньше сургутяне не могут указать ни одного случая сожительства свёкра со снохой и даже самого слова «снохач» нет в сургутском обиходе, и оно им непонятно.

Но зато сургутяне указывают несколько случаев — и

* При нас в Сургуте не было никакого другого суда, кроме полицейского.

ныне существующих, и практиковавшихся в прежнее время — сожителств родного брата с родной сестрой. Случаи эти, правда, теперь крайне редки и обыкновенно их скрывают. Общественное мнение относится к ним не совсем одобрительно, хотя и нельзя сказать, чтобы очень строго. Но раньше такие ненормальные сожителства встречались, по-видимому, гораздо чаще и даже пользовались покровительством и поощрением со стороны родителей, как на это указывает существующий у сургутян такой рассказ: дочь говорит матери: «Мама, отдай меня замуж, я хочу замуж пойти»... «А, дура, — отвечает мать, — зачем за чужого мужика ходить, вон свой брат на полатах лежит»...

Так было в старину, говорят рассказчики, но теперь этот обычай выводится. Зато в здешнем крае решительно не считаются предосудительными связи «братанников» с «сестреницами» (двоюродных братьев с двоюродными сёстрами), и такие связи среди молодёжи встречаются очень нередко. На связи же в дальнейших степенях родства, а тем более свойства, не обращается никакого внимания, так как эти родственники и свойственники считаются почти совершенно чужими друг другу. О таком родстве здесь существует такая поговорка: «эка велика родня! У бабушки подол горел, а он пришёл да руки погрел»...

В заключение расскажем ещё об одном любопытном обычае, который, по словам сургутян, существовал будто бы здесь даже не в особенно давнем времени. Как только девушка подрастала настолько, что могла считаться невестой, родители будто бы водили её по городу, по всем домам, где были холостые парни, и предлагали в жёны... От этого, впрочем, очень сомнительного, обычая теперь осталась здесь только поговорка. Так, нередко можно услышать как, например, бабы, встретившись на улице, ведут между собой такой разговор: «Ну что, мать моя, замуж не отдаёшь дочку-то?» — спрашивает одна. — «Я за кого её отдам, — отвечает другая, — разве по Сургуту поведу... Нет жениха — не отдашь за быка»...

VIII. Обычаи и обряды при различных случаях обыденной жизни и разные суеверия и приметы

Мы говорили уже выше (в первой главе) о некоторых обрядах, существующих у сургутян при постройке нового дома. Теперь мы расскажем о том, с какими обрядами сургутяне переходят в новый дом и переводят скотину из старой загороди в новую.

Как только выстроенный дом будет окончательно готов — сложены печи, вставлены рамы, перенесена мебель, — назначается особый день для перехода и приглашаются гости. При этом в новых горницах пол устилается сеном, а у икон зажигают свечи. Гости собираются прямо в новый дом раньше хозяев и ждут их, причём обыкновенно стараются устроить так, чтобы среди гостей был хоть один опытный старый человек, который умел бы принимать хозяев.

Некоторое время собравшиеся гости молча и с торжественным видом сидят и ждут. Затем появляются хозяева, причём хозяин несет хлеб с солью и икону, а хозяйка — кошку, курицу и квашёнку. Когда они придут и станут у дверей стучать, изнутри их спросят: «Кто там стучит?» На что они должны отвечать: «Хозяин с хозяйкой идёт, за собой детей ведёт, и скотину ведёт, и святую икону несёт*». Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» За дверьми на это добавляют: «Аминь». А хозяева говорят: «Спасибо на аминь». Этот диалог повторяется до трёх раз. В третий раз говорящий изнутри после «аминь» прибавляет: «Милости просим на вечную вашу жизнь, дай вам Бог тут вечно жить и быть»... После этого хозяева входят в дом и начинается пировье. Пируют обыкновенно три дня, причём в первую ночь непременно удерживают ночевать сторонних людей.

* По другим рассказам, хозяева отвечают: «Хозяин с хозяйкой, с хлебом-солью, с петухом и курицей, с кошкой и суседушкой». О переводе в новый дом старой соседки мы уже говорили раньше, в гл. I.

При перемене старой загороди на новую, скот ведут через разостланную шерстяную «опояску» (пояс), пекут маленький хлебец и кладут в новой загороди под матку с обычным причетом: «Вот тебе, матушка-соседушка, хлеб да соль, а ты соблюди нашу скотинушку»...

В загородах держат воткнутыми в стену маленькие рябиновые вилы или просто рябиновый прут: хорошо, говорят, будет скоту.

Здесь будет кстати сказать о святых, которым сургутяне приписывают особенное покровительство той или другой скотине. Такими богами здесь считаются Флор и Лавр — конские «боги». Когда лошадь жеребится или опасно заболит, им ставят свечи в церкви (на святцы) или носят свечи в тот дом, где имеется икона этих святых.

Модест и Власий — коровьи «боги». Им тоже ставят свечи в тех же случаях, как Флору и Лавру. Когда телёнок играет, то, чтобы его не сглазили, его крестят и при этом говорят: «Власий святой над тобой! Чего это ты разыгрался?..»

Кирик и Улита считаются куриными «богами», а Акиний Праведный — овечьим «богом».

При поездке куда-нибудь, хотя бы даже не очень далеко, например, на весновку, верст за 10—15 от города, здесь считается необходимым присесть на короткое время, причём в тот день, когда кто собирается в отлучку, не метут избы, пока он не уедет и не пройдет после его отъезда часа или двух.

Если отправившийся на промысел встретит «пустого» человека (не несущего чего-нибудь) — худая примета — ничего не добудет, а если повстречается человек с ношей — пустой не вернется с промысла. Поэтому отправляющимся на промысел сургутяне высказывают пожелание: «С полным встречу!» И встретившегося такого человека (с ношей) обыкновенно благодарят и обещают дать ему что-нибудь из добычи за то, что попался «полным».

Если, когда снаряжаешься в дорогу, на промысел или ещё за чем, идет дождь или снег, вообще начинается ненастье, — это предвещает счастливое и успешное окончание пути и предприятия.

А если, отправившись на охоту или на промысел, что-нибудь позабудешь и вернёшься с дороги домой — промысел или охота будут неудачны. «Воротился, — говорят в таких случаях, — так пути не будет»...

То же, если заяц перебежит дорогу.

Встреча с попом* всегда худа: идёшь ли на промысел или в гости — успеху не бывать. Если же хочешь, чтобы был успех, то не следует проходить мимо, а нужно подойти к этому человеку, если это поп — под благословение, а если дьякон, то просто поздороваться за руку. Если же пройдёшь мимо, то лучше вернуться: успеха не будет.

В случае избавления от какого-нибудь несчастья, например, бури на реке, благополучного возвращения после блуждания по лесу или во время тумана на реке, а также после выздоровления от какой-нибудь тяжкой болезни, сургутяне дают обет (по-местному, «обвет», «обещание») отслужить молебен тому или другому святому или той или другой иконе, причём, в случае излечения от болезни, делают литые изображения тех частей тела, которые болели, и привешивают их к иконам.

При несчастьях дают обеты завести какую-нибудь икону или почитать тот день, в который случилось несчастье; если это небольшой праздник, «кладется каята», чтобы празднично проводить этот день, а не в делах и работе.

При разделе семьи здесь исполняется такой обряд: перед дележом все участвующие садятся за стол, на стол кладётся каравай хлеба, и старшие разрезают его на части по числу делящихся, а затем приступают к дележу, который соразмеряется с разрезанным хлебом.

Когда начинают садить на огородах репу (чем занимаются здесь исключительно женщины), то обыкновенно приговаривают: «Господи, благослови — на вора, на майора и на разбойничка»... Но практикуется ли этот причет и при посадке других овощей, мы не можем ска-

* Или вообще со всяким человеком в рясе.

зять. Что же касается воровства с огородов овощей, то оно здесь широко распространено и отнюдь не считается преступлением, причём этим делом сплошь и рядом занимаются не только дети, но и взрослые. Этим, между прочим, сургутяне объясняют то, что на огородах они ничего не сажают, кроме картофеля и редьки, изредка и «скрадом» (тайно) лука и репы, хотя здесь могли бы хорошо родиться также огурцы, морковь, горох и проч. «Не для чего садить, все раскрадут, не дадут созреть», — жалуются сургутяне и продолжают по-прежнему засаживать огороды одним только картофелем и редькой.

В некоторых деревнях и сёлах Сургутского округа существует обычай заповедывания кедровых орехов, именно: строго воспрещается (как взрослым, так и детям) сбивать кедровые шишки ранее 15-го августа, Успеньева дня, — времени полного созревания орехов. В этот же день все жители выходят в близлежащие кедровые рощи и производится шумный и веселый сбор шишек, конечно, только для собственного потребления, так как сбор ореха на продажу (кедровый промысел) начинается позже и происходит на сравнительно отдалённых от селений кедровых островах. К сожалению, в самом Сургуте нет этого прекрасного обычая и кедровые шишки в окрестных кедровниках (так называемых «кедровых саймах») околачиваются задолго до их созревания, причём нередко практикуется варварский обычай срубать молодые кедринки, на которые нельзя влезть за шишками.

Во время пожара вокруг горящего дома обносят икону, а в огонь бросают «петушиное яйцо», которое, по словам сургутян, петух несёт перед своей смертью (по другим рассказам — через каждые три года).

Если ничего не добудешь в «перевесе» (сеть, которою ловят уток), в то время как другие, сидящие рядом, добыли, это значит, что «перевес изурочили» (сглазили). В таком случае к камням на «ушах» перевеса (которые тянут сеть вниз) привязывают в тряпочке богородской травы или же обкуривают этой травой весь перевес (в поварёнку

берут жару, сыплут туда богородской травы и обносят вокруг перевеса).

Чтобы в молоке было больше «снимку» (сливок), палят подойник осиным гнездом. Нашедши где-нибудь в поле осиное гнездо, осторожно набрасывают на него платок и, завернувши в него, кладут гнездо на печку, где оно высыхает, а осы умирают. Тогда в подойник наливают кипятку и опускают туда высушенное осиное гнездо, а затем подойник плотно прикрывают чем-нибудь часа на два, на три, пока не остынет вода, чтобы он хорошенько напрел, после чего подойник приобретает будто бы силу сообщать молоку большой снимок.

С тою же целью горшок, в котором держат молоко, моют кислым квасом с солью (на горшок полгорсти соли) и ставят в печку, чтобы он хорошенько прогрелся.

Чтобы вывести из дому клопов, поступают так: берут 9 клопов, завязывают их в тряпочку и на утренней заре бросают в реку. Так делают до трёх раз, и клопы будто бы выводятся. Кроме того, существует ещё следующий заговор от клопов: «Я сам себе гость, тело моё, как кость, кровь моя — смола кипучая, клоп клопа ешь, сам себя съешь». Заговор произносится шёпотом над кроватью до трех раз, причём воспрещается рассказывать об этом другому, иначе заговор теряет свою силу. От клопов помогают также стружки, получившиеся при тесании гроба. Их собирают и втыкают под матку, после чего клопы будто бы разбегаются.

Если потерялась собака, то нужно позвать её по имени до трёх раз через печную трубу в то время, когда из только что затопленной печки выходит первый дым, и собака явится.

Не следует возить собаку на лошади, иначе лошадь «взопреет» и «пристанет». Собака, хотя бы и самая маленькая, необыкновенно будто бы «парит» лошадь, словно невесть какая тяжесть.

То же бывает, если в возу случайно окажется мышь. Подобно собаке, она также сообщает возу необыкновенную тяжесть.

Приметы из обыденной жизни

Лоб чешется (зудится, свербится) — кланяться.

Глаза (или «подглазицы» — скулы) — плакать.

Брови: правая — хвалят, левая — хают.

Переносица — к покойнику.

Кончик носа — выпить или смотреть на пьяного.

Ноздри: правая — кто-нибудь родит сына, левая — дочь.

Губы или ус — гостинцы есть, в гостях быть.

Борода — целоваться.

Язык «стрекчется» (зудится) — с «ветрянным» говорить, т.е. с таким, кто пришёл с ветру, с незнакомым.

Лицо или уши горят — кто-нибудь пересушивает.

Правая ладонь чешется — «корысть», деньги получать, левая — отдавать.

Локоть — упасть на него.

Правая подошва — «любого» (любимого) гостя встречать или «в любы гости идти», левая — обратно.

«Сердце» (под ложечкой) чешется — к досаде, спина или живот — к печали.

«Ичется» (икается) — поминают, легко ичется — хорошо поминают, тяжело — ругают.

Поперхнёшься — кто-нибудь торопится.

Если сахар расколется при кусаньи на части — к прибылому, кто-нибудь придёт («и не ждёшь, да будет»).

Если крошки невзначай выпадают изо рта — к покойнику.

Если в чашке после чая останется спитой чай, это предвещает «корысть» (прибыль).

Закусанный зубами кусок нельзя оставлять после себя: человек худеет от этого, а непременно следует сейчас же его доесть, если же кусок большой и видно, что сразу его не съесть, то не надо брать весь кусок, а нужно отломить или отделить потребную часть руками.

Уголья из печки «выпрядывают» (выбрасываются) — к прибылому.

Петух днем в 12 часов пропоет — к покойнику.

Если «перевесник» (паук) спускается прямо против глаз

или против лица, это предвещает письмо (получение в скором времени какого-либо интересного письма).

Корова ночью ревёт — к покойнику.

Собаки воют — к неблагополучию.

Если случайно надеть одежду наизнанку — быть побитым или будешь пьяным и упадёшь.

Если заговорят враз двое или трое — к прибылому.

Ножик тыльём стоит — «на свежу рыбу ворожить» (предвещает добычу рыбы).

Если в комнату залетит какая-нибудь птица — к неблагополучию.

Если на человека прыгнет мышь или ночью забежит к нему под одежду или в волосы — к большому несчастью (к болезни его самого или к смерти кого-либо из близких родственников).

Если ночью кто умочится — к «притче», к неблагополучию.

Если ночью кто вздрагивает — к росту, растёт.

Если при игре в карты выпадают у кого из рук карты, тому «остаться» (в проигрыше).

Если в именины хозяйки замешанное ею тесто удаётся хорошо, то предстоящий год она проживет благополучно.

На «женату постель» нельзя садиться постороннему: жену с мужем разлучишь. Того, кто сел, считают любовником, т.е. как будто бы жена предоставила ему право, ввиду близких взаимных отношений, садиться на кровать.

Если в перевесе добудешь «мужичка» — гуся (самца, гуси крайне редко попадают в перевес), то жена родит мальчика, а если «жёнку» (самку) — то девочку.

Чинить или зашивать одежду на человеке нельзя: «зашьёшь память».

Если при шитье узлы вяжутся: «несноровный» человек, кому шьётся одежда.

Если кто ночью во сне «скорчагает» (скрипит) зубами — недолговекий.

Рыжий человек — «урочливый»: он может «уркнуть», «изурочить» (сглазить) в красоте, в удаче, в здоровье.

Чёрный — счастливый.

У кого волосы жёстки — злой (скупой).

У кого волосы низко растут (на шее) — «семейный», будешь иметь большую семью.

Кто боится щекотки — ревнивый.

Безбородый — крепкотелый.

У кого карие глаза — лукавый, хитрый.

Если ребёнок смеется во сне или спит только наполовину закрывши глаза — недолговекий.

Не следует из печи выбрасывать головни — это служит приметой, что и всегда они будут оставаться.

Разгадывание снов

По поводу сна у сургутян есть поверье, что глаза человека выскакивают иногда по ночам из своих «глазниц» (орбит) и блуждают по земле. Что они увидят, то и будет сновидением.

По мнению сургутян, сны рассказывать не следует — не будут больше сниться.

Если видишь во сне, что поднимаешься на гору, это значит, «на горе», т.е. к горю, к печали, спускаешься с горы — «с горя», т.е., если было какое горе, значит, горя не будет, к радости.

Видеть во сне сено — будет с кем-либо ссора, шум; муку — будет мука, неприятность; попа или образ — к немочи; нож — друг добра желает; лошадей — враг будет; коров — «короводство» — с кем-нибудь короводиться, иногда — «смутни»; ситец или холст — будет дорога.

Видеть кого-либо в чёрной шубе — будет досада или печаль, новые сапоги — новое подворье, т.е. на новую квартиру или в новый дом переселиться; печь — к печали.

Если увидеть, что в печи упало чело — в доме будет покойник; то же, если во сне увидишь, что выпал зуб, и если при этом было больно, шла кровь — умрет кто-нибудь из близких (кровных) родных, в противном случае — из дальних.

Если жена увидит, что потеряла головной платок или его снесло с головы ветром, то скоро умрет муж.

Видеть во сне медные деньги — к слезам, бумажные — к счастью; баню — «к басне», к новостям; девок — к диву; бруснику — к радости, чёрну ягоду — к слезам.

Когда видишь во сне, что целуешься с кем-нибудь, то нужно, проснувшись, сейчас же укусить подушку (край ее). Если этого не сделаешь — заболит губа, а когда укусишь подушку, то губа заболит у того, с кем во сне целовался.

Плакать во сне — к радости, парня родить — к «корысти», воду черпать — к слезам, причём, если во сне видишь, что черпать приходится из проруби или из реки, то — чужое горе, в чужих людях плакать, а если из кадки дома, то предвидится какое-нибудь свое горе.

Если во сне увидишь, что поймал утку — к свадьбе; видеть пароход или лодку — к покойнику; пожар или покойника — к морозу.

Поверья о кладах и о разных способах сделаться богатым и удачливым

У сургутян есть такая поговорка: «богаче Строгановых не будешь». В объяснение того, как разбогатели Строгановы, здесь существует такое поверье.

Давно когда-то жили два брата Строгановы. Оба они были промышленники. Раз на промысле ночевали они вместе. Одному не спалось. Вдруг он видит: катятся по земле две звёздочки. Он за ними. Чтобы не забыть дороги, он стал строгать палку, стружки и указывали пройденный путь. Звёздочки, наконец, прикатились к сундуку и затем повернули обратно к тому месту, где ночевали братья, и здесь исчезли. В это время как раз проснулся другой брат и говорит первому: «Ах, какой я дивный сон видел! Будто в лесу под деревом стоит сундук, а в нем много-много денег»...

Наутро оба брата пошли по стружкам и нашли огромный клад. С тех пор и разбогатели.

Такие случаи внезапного обогащения встречаются, однако, крайне редко и выпадают на долю лишь немногих счастливицков, но, по мнению сургутян, и всякий человек может приобрести себе богатство, если он раздобудет только «неразменный рубль» или «шапку-невидимку». Правда, добыть эти вещи очень трудно, но, во всяком случае, не невозможно.

Чтобы достать «неразменный рубль», обладающий свойством всегда возвращаться к своему собственнику, если хоть копейка от этого рубля осталась в его кармане, прежде всего необходимо запастись чёрной кошкой. Дело это, однако, нелегкое, так как нечистый обыкновенно забирает себе всех чёрных кошек сейчас же при их появлении на свет. Поэтому приходится очень зорко следить за какой-нибудь беременной кошкой, и лишь только у ней появится чёрный котенок (совершенно чёрный, без малейшей иной шерсточки, что случается весьма редко), сейчас же надо взять его в руки. Раз кошка побывала в руках человека, нечистый уже не может воспользоваться ею. Потом с этой кошкой нужно пойти в Христовскую заутреню в церковь и стать на паперти, и когда священник, после обхода вокруг церкви, выйдет на паперть и возгласит: «Христос воскрес!» — то следует все три раза отвечать: «У меня чёрная кошка есть»... Тогда к обладателю черной кошки явится нечистый (сургутяне не объясняют, в каком виде) и станет требовать себе эту кошку, обещая за нее горы золота и всякие блага. Тут-то у него и надо требовать неразменный рубль. А когда он даст его, нужно как можно скорее уходить с этим рублем из церкви, причём зажжённую пасхальную свечу следует нести бережно, чтобы не погасла до самого дома, здесь ставят её в передний угол под стол, дверь запирают и кропят святой водой, чтобы не мог зайти нечистый. А он непременно погонится, чтобы отнять обратно неразменный рубль, но будет уже поздно. Чтобы задержать нечистого, прежде чем нести кошку в церковь, её перевязывают верёвкой со множеством крестообразных узлов, и в таком виде вручают нечистому. Получив кошку, нечистый затрудняется этими узлами, и, пока возится с ними, счастливый обладатель рубля успевает добежать до дому и принять все означенные меры против вторжения нечистого.

По другим рассказам, неразменный рубль добывается несколько иначе. Именно: берут обыкновенный рубль (депозитку) и кладут его во время чтения в церкви «Деяний» на каменку в чёрной бане, а затем, когда вокруг церкви пойдут с крестным ходом, следует взять этот рубль, обте-

реть им чёрную кошку и пойти с ним в церковь (самую же кошку в церковь не носят), где, ставши на паперти точно так же, как и в первом случае, на возглас священника: «Христос воскрес!» — ответить три раза: «У меня неразменный рубль есть» (в рифму с «воскрес»). После этого рубль этот приобретает свойство «неразменного», т.е. всегда возвращается к своему хозяину в целости, лишь бы только он получил на него хоть грош сдачи.

Но, однако, есть и средство лишить этот рубль его свойств: для этого нужно проткнуть (приколоть) его иглой или насадить на проволоку, и тогда уж он не убежит и не вернется к своему прежнему обладателю. А узнать его и отличить среди прочих рублей очень нетрудно: он всегда шевелится или, как говорят сургутяне, «имеет трепетания», как живой...

По некоторым рассказам, неразменный рубль, кроме свойства возвращаться в целости к своему хозяину, обладает ещё способностью вытягивать те деньги, с которыми он бывает положен: поэтому, если замечено (по трепетанию), что среди денег есть неразменный рубль, то не следует его класть в кошелёк к своим деньгам, иначе он их уведет.

Здесь будет не лишним привести одну сургутскую примету относительно денег. По мнению сургутян, чтобы деньги водились и дольше держались в кошельке, их нужно непременно складывать лицевой стороной наружу и оборотной внутрь, в противном же случае они скоро убегут.

Есть другой ещё способ разбогатеть, кроме обладания неразменным рублем, это — достать *папоротников цвет*. Добывается же он так: заметивши заранее где-нибудь в лесу папоротник, следует в ночь на Ивана Купала прийти в лес и, очертившись Васильевским огарком, сесть около куста папоротника и караулить, когда он зацветет. Расцветает же он в самую полночь. Тогда нужно его сорвать и, молча и без оглядки, нести домой. По дороге будут попадаться разные люди — знакомые и родные, которые станут заговаривать, будут страшать, но на них не следует обращать никакого внимания, иначе цветок потеряет свою силу. Пришедши домой, нужно сейчас же, ночью, положить этот цветок в церкви под престол, где

он должен лежать до Крещенья. Когда в Крещение из церкви пойдут на иордань, следует заскочить в алтарь и из-под престола вытащить цветок и идти с ним на реку. Тут явится нечистый и станет во что бы то ни стало добиваться этого цветка. Тогда-то и следует требовать от него чего хочешь, и он ни в чём не откажет, даст какое угодно богатство...

В полночь на Иванов день делают ещё вот что: доставши совершенно чёрную кошку, варят её в котле в чёрной бане. Затем, когда кошку разварят до костей, начинают перебирать все её кости перед зеркалом таким образом: возьмут кость, оботрут её полотенцем, посмотрят через неё в зеркало и откладывают в сторону. Через некоторое время будто бы непременно дойдешь до такой кости, что когда станешь смотреть в зеркало, то ничего не увидишь — ни себя, ни кости. Эту косточку и берут: она имеет свойство скрывать человека вроде шапки-невидимки, и у кого она есть, тому легко проникнуть куда угодно, совершенно не будучи невидимым другими.

Впрочем, у сургутян есть поверье и относительно шапки-невидимки.

Добывается, по их словам, она так. Нужно одеться во все совершенно новое и в крещенское водосвятие зарыться на загороди в сено, но это сено должно быть особым манером заготовлено ещё с лета, а именно: оно должно быть накошено совершенно новой литовкой, на коей не должно быть решительно ничего старого, до черена включительно, сгребено новыми граблями и сношено новыми носилками. В загороди явится нечистый и начнет всячески выпроваживать из сена, пустит в ход ласки, обещания всяких благ и т.д., но выходить не следует, иначе нечистый тут же вилами и задавит. Нужно требовать от него шапку-невидимку. Когда он её даст, из сена можно выйти без всякого вреда*.

* По другому рассказу, чёрт на Крещение зарывается в такое сено, и во время водосвятия следует идти с лучиной в загородь и стараться зажечь это сено, тогда-то нечистый и взмолится, чтобы не зажигали сена, тут с него и надо требовать шапку-невидимку.

Хорошо также иметь, в видах обогащения, «разрыв-траву». Она уничтожает всякие преграды вроде замков, запоров и т.д. и дает свободный доступ к чужому добру. Добыть же её можно так: надо отыскать гнездо дрозда (дрозд кладется в дуплах деревьев), вход в это дупло заколотить, а кругом под деревом разостлать простыню. Дрозд, чтобы проникнуть в гнездо, неизвестно откуда принесет разрыв-траву, приложит её к затычке, и последняя разлетится, а трава упадёт на простыню и станет достоянием искателя.

Эта трава добывается ещё таким способом: если при косьбе сломается литовка, то траву, о которую она сломалась, нужно подобрать и сейчас же нести на реку: часть её всплывёт и пойдёт против течения, другая потонет. Первая и есть именно разрыв-трава.

Расскажем теперь о тех средствах, которые, по мнению сургутян, сообщают человеку удачу в том или другом отношении, например, в игре, в охоте, в добыче дичи и пр.

Чтобы быть удачливым в карточной игре и никогда не проигрывать, советуют сделать вот что: положить в кошелек копейку и с этим кошельком пойти в полночь на кладбище к тому покойнику, чьё имя носишь, и попросить у него «землицы на картёжную игру». Затем, взявши с могилы земли, поспешать домой, отнюдь не оглядываясь назад, чтобы там не представлялось (иначе покойник задавит). И, имея при себе эту землю (в кошельке), никогда не будешь проигрывать.

Чтобы была хорошая добыча дичи, советуют, отправляясь на охоту, не умываться, Богу не молиться, стельки в броднях перевернуть с носков на пятки и ни с кем не разговаривать — и тогда вернёшься с большой добычей.

Если змеиной шкурой промыть ружьё, то тогда оно будет бить без промаха, только то место почернеет, куда ударит заряд.

Моют ружьё перед Христовской заутреней, и во время заутрени делают из него холостой выстрел. Тогда это ружьё будет хорошо бить: далеко брать, метко попадать и наповал убивать.

Если сглазят ружьё, то его с заговором (каковой нам не удалось записать) ставят на три дня в ручей, где люди

не ходят, казёнником по течению, чтобы вода протекала сквозь ствол.

Не позволяется женщинам старше 22—15 лет перешагивать через ружьё, сети, невод и пр.: не будет удачи в охоте или в промысле. Девочкам — можно.

Если у змеи вынуть «жало» и зашить его в руку (сделав надрез на руке и вложив туда «жало»), то никто не удержится против кулака: «кулак будет смертный».

Суеверные воззрения сургутян на природу и на разных представителей животного мира

«О громе никто не может знать, кроме Ивана Предтечи, да и тот начал было рассказывать о громе Божией Матери — и язык прикусил», — так отзываются сургутяне всякий раз, когда их расспрашиваешь о явлении грозы, грома и молнии. Но, во всяком случае, они полагают, что это — Илья-пророк разъзжает по небу в огненной колеснице и на огненных конях, от этого мы слышим гром, а от колесницы сыплются искры, это и есть молния. В дальнейшие же пояснения не входят, считая эти явления совершенно необъяснимыми.

Во время грозы зажигают свечи у всех икон и молятся Богу, при этом непременно закрывают трубу и выгоняют из дому кошек и собак, а на окна и в продушины кладут камни (булыжник), так как думают, что через камень не может проникнуть в дом «громова стрела».

Что же касается этих громовых стрел, то мы уже видели, что это те стрелы, которыми Бог время от времени и по сей час поражает дьявола. По мнению сургутян, громовая стрела ищет дьявола, гонится за ним и ударяет его, а он в это время старается принять вид какого-нибудь животного: в поле или в лесу — вид мыши или какой-нибудь гадины, а среди жилых поселений — вид кошки или собаки, вот почему этих последних (в особенности черных) и выгоняют во время грозы из дому, чтобы они своим присутствием не навлекли на дом громовой стрелы. У Бога будто бы на этот счёт был во время оно разговор с дьяволом. Бог пригрозил однажды

дьяволу и сказал: «Буду я посылать на тебя громовые стрелы»... «А я за раба твоего (т.е. за человека) спрячусь», — возразил дьявол. «Я и рабом не пощажу», — ответил Бог. «Я за лик твой (т.е. за икону) спрячусь», — сказал тогда дьявол. «Я и ликом своим не пощажу», — во гневе заключил Бог... И с этих пор, по словам сургутян, всегда можно видеть, как во время грозы начинают бегать около человека и жаться к нему разные животные: в поле — мыши, а дома кошки или собаки. Это и есть дьявол, который в образе мыши или кошки прячется за человека от громовой стрелы...

По словам сургутян, целая громовая стрела — вроде птицы: и нос, и крылья — все, как у птицы. Но в таком виде она встречается редко, а чаще попадаются лишь осколки от нее вроде длинных камней — снаружи чёрные, а как поскоблишь, то белые, как мука, и столь твёрдые, что только самый хороший ножик берет их скоблить.

Если молния разобьет дерево, это значит, что в него попала громовая стрела, которая через тридцать лет выйдет из земли, из того места, где ударила в дерево. При этом сургутяне тщательно собирают всякий раз с разбитого молнией дерева всякие щепочки и кусочки, которые имеют значение в народной медицине. Если громовую стрелу положить в переднем углу под белую чистую скатерть, то можно заметить, как во время грозы она будет двигаться под скатертью. Вообще, сургутяне считают громовую стрелу «божьим даром», к которому следует относиться с большой почтительностью.

Относительно грома здесь существует такая примета: если гром два раза ударит над стоящим на одном месте человеком, то непременно нужно отойти (переменить место), а то в третий раз — убьёт.

Не менее загадочными, чем явления грома и молнии, представляются для сургутян те пятна, что бывают видны на Луне.

По мнению сургутян, это два брата — Каин и Авель, и Авель сидит верхом на Каине (как бы отмщая ему за своё убийство).

Если пристально и долго смотреть на Луну, то с неё может спуститься человек (один из этих двух братьев*) и оторвать голову смотрящему. Чтобы избежать этого, нужно поступить так: как только заметишь, что человек начнёт сходить с Луны, так сейчас же следует бежать домой, накрыть стол скатертью, как бы приготавливая закуску, и на стол поставить пустой горшок, а самому спрятаться под стол. Тогда человек, что сойдет с Луны, войдёт в дом, отыскивая того, кто на него смотрел, и, увидя горшок, примет его за голову, схватит обеими руками и разобьёт вдребезги, а сам исчезнет.

Другие советуют в таком случае спрятаться под поганое корыто (в котором моют бельё), откуда тоже лунный человек не может достать смотревшего.

Вообще, по мнению сургутян, во избежание этих неприятностей, не следует смотреть на Луну слишком долго и пристально. Точно так же нельзя мочиться против Луны: будет голова трястись.

Обращаясь к суеверным воззрениям сургутян на различных представителей животного мира, мы расскажем прежде всего поверье о рябчике, объясняющее его сравнительно малую величину, но большой шорох, производимый им при полёте.

Раньше, по словам сургутян, впрочем, очень давно, когда ещё Божья Мать жила на земле, рябчик был такой же большой птицей, как и глухарь, и с таким же белым и нежным мясом, как и сейчас у него. Но вот однажды шла Божья Мать по лесу и крепко о чем-то задумалась. Вдруг вспорхнул рябчик и как сумасшедший бросился в чашу и своим «порхотом» испугал Владычицу... Тогда она сказала ему: «Будь же ты отныне малой птицей, но с большим шорохом, чтобы всякий охотник мог скорее отыскать тебя». А его нежное белое мясо поделила между всеми птицами и животными, оставив самому рябчику самую малость. Вот почему у каждой лесной птицы, у каждого животного, даже у рыб есть клочки белого мяса. Это «рябчиково наследство», поделённое между всеми Божьей Матерью...

* Или даже сама луна может спуститься с неба.

О кукушке существует у сургутян два поверья.

По одному, это — превращённая царская дочь, проклятая своей матерью. Проклята же она за то, что раз, сидя у окна и шая, все говорила: «Ку-ку, ку-ку»... И сколько ни останавливала её мать, она все повторяла свое «ку-ку». Тогда мать рассердилась и прокляла её, сказав: «Век бы тебе в лесу куковать и гнезда не свивать» (по другому варианту: «Век бы тебе государственного гнезда не вить и все время в лесу жить»)... После этого царская дочь и превратилась в птицу кукушку, которая каждую весну «так-то ли жалостно кукует». И когда она кукует, то плачет, и на листьях тех деревьев, где обыкновенно садится кукушка, после этого плача появляются маленькие красноватые наросты, это — «кукушкины слёзы». А сами листья от этого вянут и блёкнут.

По другому рассказу, о котором нам приходилось уже упоминать раньше в главе II, кукушка проклята Богом за то, что на Благовещение вздумала гнездо себе вить. От этого она теперь и летает по чужим гнездам.

Кукушка считается «вешей» птицей, т.е. способной предсказывать будущее. Так, если в первый раз услышишь кукованье кукушки впереди себя, это предвещает счастливый год, если в правое ухо — сытый год, т.е. будет хорошая добыча всего: рыбы, дичи, зверя; в левое ухо — несчастный год, а если сзади себя, то к смерти. Она же предсказывает, сколько кому осталось жить. Для этого надо подойти к дереву, где она сидит, и спросить: «Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить?» Она в это время замолчит, а потом станет куковать. Сколько раз она прокукует, столько лет и жить.

Лягушка тоже считается у сургутян превращённой царской дочерью. Но как это произошло, нам не удалось узнать от рассказчиков. Указывают только, что у лягушки «основа» такая же, как у человека, те же пять пальцев на руках и сзади ноги, и голос походит на человеческий.

Больше же всего, по мнению сургутян, походит на человека по своему обличью медведь. Он обладает и

значительной понятливостью, едва ли не превосходящей даже понятливость самого человека, но о суеверьях сургутян, касающихся медведя и, по-видимому, замешуемых ими от остяков, мы уже говорили выше, в главе III.

Метеорологические приметы

По мнению сургутян, перемены погоды, главным образом, связаны с рождением и ущербом месяца. Именно: если месяц родился днем, то до ущерба простоит хорошая погода, если ночью — будет худая, но опять-таки до ущерба. А с ущерба нужно ждать новой перемены погоды, которая определяется по тем же признакам: если ущерб начнётся днем, жди хорошей погоды до новолуния, ночью — будет дурная.

Восточный ветер (по местному, «сток») — «ненастливый» («Сток задул, — говорят сургутяне, — мало доброго будет»): зимой — к бурану, летом — к дождю.

Полуденный ветер — «вёдрый» («ветер полдень — либо запад — надо быть вёдру»).

«Шелонник» — Ю.-З. — «разведривать».

«Глубник» — С.-З. — ненастливый.

«Обеденник» — Ю.-В. — хуже всех ненастливый.

«Полуночник» — С.-В. — ни то ни сё.

Если ветер переменяется в таком порядке, что после, например, западного дует южный, а за ним восточный и т.д., то сургутяне говорят: «Ишь ветер переменялся не по-божьи, жди ненастья; в противном же случае, т.е. когда ветер переменяется в обратном порядке, — «по-божьи», «по солнцу», с запада переходит на север, на восток и т.д., сургутяне ждут хорошей погоды.

С какой стороны раздается эхо на вечерней заре, с той на завтра будет ветер.

Точно так же замечают: куда «лицом» на ночь садится куропатка, с той стороны на следующий день будет ветер.

Если облака идут в одну сторону, а ветер дует в другую, предвещает перемену ветра, и именно: с той стороны, откуда идут облака.

Если после ненастья ветер перешел на запад или на «глубник» — «будет проясняться».

Если на севере показался «синий морок» (синие тучи), летом — к ненастью, зимой — к теплу («морочает с сиверу, надо быть, оттеплет» — говорят зимой).

А появившиеся на севере белые просветы предвещают холод («все забелелось в сиверу-то — холод будет»).

Если солнце «закатается» в тучу — к ненастью, чисто — к ведрому, «жарко» (оранжевый закат) — к ветру.

Солнце «в рукавицах» (ложные солнца) или в столбах — утром к холоду, вечером к теплу.

Если солнце взойдёт чисто и сразу попадёт в тучу, день будет плохой.

Если над солнцем дуга рогами в противоположную к солнцу сторону, алого и голубого цвета, — к снегу и к морозу, а если белого и голубого — к снегу и к теплу.

Месяц в кругу — к бурану.

Если новый месяц «рогом стоит» — к холоду, а если «котлом весится» — к теплу.

Звезды сыплются (падают) — к холоду.

Если роса выпала холодная — к ведру, тёплая — к ненастью.

Если дождь начнется с раннего утра, то к полдню проведрит, по этому поводу сургутяне говорят: «Ранний дождь — до обеда», — а если он начнется близ полдня, то весь день не перестанет.

Где ухает ночью филин, оттуда днём будет ветер.

Собаки траву щиплют — к ненастью.

Кошки или собаки катаются по траве — к ненастью, по снегу — к бурану.

Кони «харапают» — к бурану, ложатся — к теплу.

Куры «щиплются» (ошипывают на себе перья) — к бурану, а если поколачивают носом в курятнике, клюют стены — к морозу.

Кошки «чишут» (чихают) — к ненастью, к бурану.

Куры встряхиваются: зимой — к снегу, летом — к дождю.

Куры «горюют» — к холоду.

Коровы кверху поднимают «норку» (ноздри), нюхают воздух — к хорошей погоде.

Сороки клюются — к морозу.

Если вороны каркают и отряхиваются — к теплу, а если сидят молча, нахохлившись, — к холоду или бурану.

Если в ясную погоду вороны садятся на «сушину» (на верхушки сухих деревьев) — к ненастью, а если в ненастную погоду они садятся на «сырой» (зелёный) лес, это предвещает перемену погоды к лучшему.

К ненастью обыкновенно, по наблюдениям сургутян, появляются стадами какие-то маленькие «пташки» и начинают насвистывать: «Пи-пи-пи», или, как сургутяне говорят, «пить, пить, пить». Появление этих плавающих или просящих пить пташек вернее всего предсказывает перемену погоды к худшему.

Если «коршунья» поднимаются кверху и покрикивают — к хорошей погоде, а если летают низко — к худой.

Гагара стонет или плачет как ребёнок — к ненастью, гагара гогочет («ко-ко-ко») — к ведру.

Если насекомые (комары, мошки и пр.) поднимаются кверху — жди ненастья.

Если быть хорошей, ведрой погоде, то лягушка — холодна как лед, а к ненастью она становится тепла, как будто её кто-нибудь согрел.

Мочка уха чешется — к теплу.

В ухе «сера кипит» (в ухе зудится, «гамазит» — скопится «сера») — к теплу, если человек родился в тёплое время — к теплу, к холоду, если родился в холод.

В челе сажа горит — к морозу.

Если лес «белеет» — к холоду, к бурану, зеленеет — к теплу.

* * *

Все до сих пор переданные нами метеорологические приметы сургутян касаются, главным образом, ближайших перемен погоды, но здесь есть целый цикл примет, по которым сургутяне узнают о более отдалённых моментах и которые предвещают характер це-

лых времен года, например, указывают, какова будет весна, осень, лето и т.д. В особенности здесь много существует примет, по которым сургутяне предугадывают характер наступающей весны и количество имеющей быть «полой» воды (весеннего половодья). Нужно заметить, что это последнее обстоятельство — характер весеннего половодья — имеет чрезвычайную важность для местной промысловой жизни. Обыкновенно весенние промыслы — ловля рыбы, ружейная охота и ловля сетями («перевесами») уток и гусей и пр. — все эти промыслы тесно связаны и в сильнейшей степени зависят от того или иного разлива воды и от тех или других особенностей весны, а потому знание таковых или возможность предугадывания их являются для сургутян крайне важными, столь же важными, как для крестьянина-земледелца приметы, касающиеся сельскохозяйственных периодов. И сургутяне действительно выработали (может быть, конечно, и позаимствовали отчасти от аборигенов-инородцев) целый ряд относящихся сюда примет.

По замечаниям сургутян, вода в Оби начинает прибывать с 1 апреля, с какового момента здесь считается наступление весны, но прилёт весенних птиц начинается несколько раньше. Первой весенней птицей, вместо наших жаворонков или грачей, которых там нет, в Сургуте считается ворона, которая улетает на зиму (хотя, впрочем, зимует не особенно далеко от Сургута — в Тобольском уезде) и прилетает в 10-х числах марта. Март здесь так и зовется «вороньим месяцем» — прилетает ворона. За нею, к Благовещенью или около того, появляются лебеди так называемой «большой стаицы» и «селезни» (кряковые утки). Они сплошь и рядом прилетают так рано, что на реках не бывает ещё полой воды, и первое время ютятся около «живцов» (при впадении в реку быстрых и теплых ручьев, где обыкновенно лед бывает очень тонкий и рано тает) или около незамерзающих всю зиму полыней. 1 апреля прилетает «мартышка» (чайка). С этого времени начинает прибывать вода и появляются кой-где «закраины»

(полая вода на реке близ берега). «Закраины» эти все более увеличиваются, и к Василию Парийскому (12 апреля) вода прибывает около аршина. Появляются гуси, сначала «большой станицы» — буряк, лех, а затем и малой — «казарка», «чиквой», — и лебедь «малой станицы» — «лайка». За ними прилетают утки, сначала «серая утка»: чирки (которых сургутяне называют «крестьянами»), вострохвостые («казаки»), «свези» («мещане»), плосконосые («стяки»*), а потом и «чёрные»: гоголи («почтари»), черняди, головни, кархали, сав-кулики, лутки и многие другие. Потом прилетает болотная птица: зуйки, кулики, бекасы и пр.

Вместе с утками (в 10-х числах апреля), когда на полях появятся уже небольшие черные «плешки» оттаявшей изпод снега земли, прилетает «мышелов» (сова), который тоже улетает на зиму. На зиму улетают отсюда и другие лесные птицы: орёл, коршун (обратно прилетают в феврале, когда здесь стоит ещё полная зима, и потому не считаются весенними птицами), и остаются только тетери («глухарь» — самец, и «пеструха» — его самка, «косач» — самец, и «полюшка» — его самка), куропатки и рябчики да разные мелкие «пташки» — дятлы, сороки, снегири и др. Кажется, на зиму остается ещё и ворон.

Последней весенней птицей прилетает кукушка к Николину дню (9 мая), это уже конец весны. Птица садится на гнезда или пролетает далее на север. И хотя промысел — ружейный и сетями на уток и гусей — продолжается, но главный «лёт» уже прошёл. Ещё неделя-две, и начинают снимать «перевесы» на уток и убирать «станки» на гусей и лебедей. Но, конечно, бывают такие «протяжные» весны, когда промысел захватывает и начало июня, обыкновенно же он оканчивается в 20-х числах мая. Все зависит от того, велика или мала бывает вода, и какова вообще весна. Об этом сургутяне «загадывают» ещё с осени и уже тогда начинают следить за своими приметами.

* «Селезни» (кряковые утки) у сургутян известны под именем «купцов».

Если осень поздняя, то и следующая за нею весна тоже будет поздняя.

Если снега больше, то и вода весной будет большая. При этом у сургутян существует замета: сколько снега выпадет до Николина дня (6-го декабря), столько — и после него, в течение всей зимы.

Если на Крещение вода выйдет из «иордани» (проруби) и затопит крест, большая вода будет, а если не затопит — быть малой воде.

Если у шук потроха зимой жирные — весной будет большая вода.

Если мыши зимой выют себе гнезда высоко в стогах — к большой воде.

Какова ночь на Авдотью (1 марта), таковы ночи будут и всю весну. Ночь наблюдается здесь потому, что весенние промыслы в Сургуте (ловля в «перевесах» уток, ружейная охота на «лывах», в гумнах и лебединых станках и пр.) производятся ночью — на утренней и вечерней зорях, и здесь особенно важно, будет ли ночь тихая и «скромная» или ветренная и бурная, когда нельзя сидеть в «перевесах», да и ружейная охота бывает неудачная.

Впрочем, говорят и так: «Каков Авдотьин день, такова и весна».

Если в те числа, когда в феврале было тепло, и в марте тепло, то весна будет ранняя и тёплая.

Наблюдают по снегу: если в котле от снега образуется много воды (наполненный снегом котел при таянии на огне даст $\frac{2}{3}$ и более воды), это предвещает большую воду, а если воды от снега при таянии получится меньше $\frac{2}{3}$ котла — к малой воде.

Если сороки начнут «топтаться» (спариваться или, иначе ещё, «роститься») в феврале — к ранней весне, в марте — к поздней.

Если «желна» (большой серый дятел) начнет «трещать» (колотить носом в дерево) в марте или в феврале — весна будет ранняя, а если в апреле — то поздняя.

Если «желна» при этом бьет носом часто — весна бу-

дет «скороматная» (короткая), а если редко, то — «протяжная», долгая.

С Алексея Божьего человека (17 марта) «лед от воды, снег от земли загорается» (тает). При этом сургутяне замечают: если на снегу рано появится корка («наст») и внутри образуются пустоты, например, в середине марта, тогда как обычно «наст» появляется здесь лишь в начале апреля, это предвещает малую воду, а если снег всю весну лежит сплошной, без «наста», это — к большой воде, в первом случае, по словам сургутян, снег тает от земли, во втором — от солнца.

Если «соски» на крышах появятся рано, весна будет поздняя, если они при этом малы и коротки, «скороматна» весна, долги — протяжна.

Если весной с крыш спускаются большие снеговые навесы — к большой воде, а если «свесу» нет — к малой.

Если ранней весной (когда только что стает снег и когда в здешней местности далеко ещё нельзя определить, большая или малая будет вода, так как она прибывает здесь до конца июня) в бору появится много мышей и кротов, это предвещает большую воду.

По приметам сургутян, большая вода бывает по три года подряд, а затем сменяется на неопределённый срок малой или средней водой.

Чем раньше начинает прибывать вода, тем меньше она бывает.

Если вода сначала прибывает тихо и понемногу, например, по вершку-по два в сутки, это предвещает большую воду, а, в свою очередь, быстрая и большая сразу «прибыча» воды, например, по 1/4, по 1/2 аршина в сутки, указывает на малую воду, и про нее говорят в таком случае, что она скоро «прокатится».

* * *

Приведем теперь приметы сургутян, касающиеся других времен года.

По словам сургутян, если Сидоров день (14 мая) ведрый, то и лето будет вёдрое.

Если в конце августа у снятых с белок шкур обнару-

жится белая мездра, это предвещает «скороматну» осень и указывает, что белка «дошла» (до нормы), так как у «дошлой» белки вся шкура споднизу бывает бела, а если не вся бела, то шкурка, значит, не дошла. Их так и продают здесь вывороченными шерстью внутрь и голой шкуркой наружу, по которой торговцы и определяют её «дошлость».

Семенов день (1 сентября) — хороший, и вся осень хороша.

Если осенью на деревьях появится большой «куржак» (иней) — будет урожайный год (на ягоды, на кедровые орехи и пр.).

Если снег на «талую» землю пал — хворый год будет для людей и скота.

Если скотина зимой, выходя из загороди, несёт во рту «волот» (объедки сена), или даже осенью, идя с поля, несет во рту траву, это значит, что она «чует голод» — в следующем году будет голод для скота.

Если у весенних уток «коробки» красные — будет урожай ягод.

Если первый весенний гром ударит тогда, когда народ ещё голоден, например, ночью перед утром, то это предвещает голодный год, а если гром загремит, когда люди уже поедят насыто, то год будет «сытый».

Если первый гром ударит на лед, т.е. когда на реке стоит ещё лед, — это предвещает «рыбный год» — обильную добычу рыбы.

IX. Народная медицина*

Сделаться знахарем (или лекарем), по мнению сургутян, вовсе нехитро. Стоит только взять Васильевский огарок и, отправившись с ним ночью на Иванов день (23 июня) в лес, забраться в самую чашу, где больше всяких разных трав, и, очертивши этим огарком широкий круг,

* Настоящий очерк в несколько измененном виде был уже напечатан в «Литературном сборнике в память женщины-врача Е.П. Серебренниковой», С.-Пб., 1900 г. Здесь он перепечатывается с некоторыми дополнениями.

засесть в него и дожидаться полуночи... А что будет в полночь, об этом сургутяне рассказывают так: «В полночь заговорят травы, и всякая трава начнёт сказывать своим голосом, от какой она болезни лечит. Та скажет: «Я лечу от хрипоты», — другая: «А я от ломоты»... И пойдут промеж них разговоры, всякая трава начнёт как бы хвастаться, а ты только сиди да слушай, да запоминай. А потом, расчертившись (огарком в обратном направлении тому, как очерчен круг), нарви себе этих трав и будешь большим знахарем, будешь доподлинно знать, от какой болезни какая трава помогает»... «Но только, — прибавляют обыкновенно рассказчики, — для этого большая сметливость нужна... Жутко в лесу сидеть одному до полуночи, а как заговорит всякая трава по-своему и начнут на них прыгать огоньки — на всякой траве свой огонёк: то зелёный, то синий, то красный, такой страх нападёт, что не выдержишь, только успеешь расчертиться и убежишь»...

Так рассказывают сургутяне об ужасах Ивановской ночи, и в эту ночь действительно боятся ходить в лес, а лекарственные травы предпочитают собирать днём, но непременно накануне Ивана Купала. Этим делом обыкновенно занимаются старухи-лекарки, которые и лечат потом безвозмездно или за самое скромное вознаграждение — «чем поблагодарят», всех обращающихся за их помощью больных. К врачу или фельдшеру сургутяне обращаются редко, с большой неохотой и только в тех случаях, когда переберут все свои домашние средства и последние окажутся бессильными побороть болезнь. А в деревнях и селах, где, как мы видели, нет никакой медицинской помощи, кроме жалких оспопрививателей, и поневоле приходится прибегать только к доморощенным лекарям и лекаркам (последних здесь больше) и лечиться «своими средствами».

Эти последние здесь столь разнообразны, что нечего и думать о том, чтобы описать их в сколько-нибудь систематическом порядке. Вместе с лекарственными травами тут идет в дело масса других разнообразнейших средств, начиная какой-нибудь «молчаной водой»

или «переносной землей» и кончая «Сном Пр.Богородицы». Ниже мы представим лишь ряд наиболее распространенных в здешнем крае болезней и все известные нам местные способы их лечения. При этом мы будем придерживаться исключительно воззрений самих сургутян, так что в ряду этих болезней, с одной стороны, могут оказаться и некоторые проблематические, вроде, например, болезни, появляющейся, по словам сургутян, от того, что съешь какую-нибудь пищу, которую понюхала собака или кошка, а с другой — в этот ряд могут не попасть и некоторые очень существенные болезни, скрываясь в таких неопределённых выражениях, как простуда или ломота в костях. Вообще, нужно заметить, что сургутские болезни, по-видимому, несложны, по крайней мере по определению самих сургутян. Так, они различают следующие болезни: «лихорадочную болезнь, которая берет жаром и дрожжом», иначе она называется здесь «лихоманкой» или «кумахой»*, «сердечную болезнь», под которой разумеют отнюдь не болезнь сердца, а какое-то желудочно-кишечное расстройство (боль под ложечкой сургутяне называют «сердце болит»), «гортанную болезнь» (болезнь горла), «нутрянну боль», или «болезнь по внутренностям», «безумку» (сумасшествие).

Наиболее распространенными в Сургутском крае болезнями являются лихорадки, ревматизмы и вообще простудные заболевания, что объясняется как климатическими и почвенными условиями местности, так и образом жизни населения края. Европейскому жителю трудно даже представить себе то обилие воды, какое появляется здесь летом, когда разольётся Обь. Нам уже приходилось говорить выше, что вода в Оби начинает прибывать с 1-го апреля и прибывает без перерывов вплоть до Петрова дня (29-го июня), т.е. без малого в течение трёх месяцев, тогда как в европейских реках разлив продолжается не более

* Что значит слово «кумаха» и какого оно корня, мы не знаем, но в Сургуте есть даже песня, где поется: «Кумаха меня не трясывала, громовая не колачивала»... Кроме того, употребляются такие выражения: «подь ты к кумахе!» «А кумаха её знает!» и т.п.

2—3 недели. Затем некоторое время Обь стоит на одном уровне, и лишь с середины июля вода начинает сбывать, чтобы только к сентябрю стать «в трубу». Таким образом, помимо естественных болот, которых здесь тоже достаточно, Обь своими разливами делает болотистыми на летнее время (по спаде воды) и все затопляемые ею окрестности и этим создает, конечно, благоприятную почву для всевозможных лихорадочных заболеваний. Кроме того, этому же способствуют и местные промыслы, особенно рыбные, которые происходят здесь, главным образом, весной и осенью, при суровом и крайне непостоянном сургутском климате и при необходимости все это время бродить в воде, эти промыслы, конечно, немало содействуют развитию ревматических и всяких простудных заболеваний. Словом, для развития «костной болезни», как выражаются сургутяне, куда они относят и лихорадку, так как от неё кости ломит, здесь слишком даже достаточно причин. И действительно, трудно встретить сургутянина, который в той или иной форме не отдал бы дань лихорадке или не страдал бы ревматизмом, особенно под старость, не говоря уже о лёгких простудных заболеваниях, которым, впрочем, сургутяне не придают значения и обыкновенно не принимают против них никаких особенных мер: сходят в баню и постараются, если есть возможность, отлежаться дома. Но что касается лихорадки, то здесь её считают одной из самых злых болезней, от которой уж не отделаешься одной баней, и против неё сургутяне употребляют массу всевозможных средств. А о самой болезни здесь существует даже поверье, что это — целая семья, состоящая из 12 сестер, которые трясут и колотят человека, причём, когда наступает особенно сильный пароксизм болезни, это действует самая главная сестра — 12-я*. Все

* Эти 12 сестер лихорадки напоминают другую болезнь, которая бывает в Сургуте на скота, и известна здесь под названием «ноготь крутой». Болезнь эта, по словам сургутян, бывает как у коров, так и у лошадей, и выражается в том, что у скотины голова «стынет», и скотина не может ходить, тащить задние ноги, а затем ложится, не ест и околевает. По мнению сургутян, «ноготь крутой» тоже, подобно лихорадке, состоит из 12 «ногтей». Последний — 12-й, самый сильный. Если знахарь вылечит 12-й «ноготь», то сам должен помереть.

эти 12 сестер — порождение знаменитой Иродиады, жены Ирода, потребовавшей голову Иоанна Крестителя. В силу этого же поверья специальным целителем лихорадки считается Иоанн Креститель, или, как чаще зовут его сургутяне, Иван Предтеча, которого обыкновенно величают в таких случаях «многомилостив и исцелитель всей костной болезни!»

По мнению сургутян, лихорадка может принимать иногда даже и человеческий образ и вообще действовать как какое-то особое живое существо. Поэтому одним из самых радикальных средств от лихорадки сургутяне считают лечение в чёрной бане. Сущность этого лечения состоит в том, что больной на время приступа лихорадки должен в бане (обязательно чёрной) залезть на каменку и лежать там безмолвно и неподвижно. Во время приступа лихорадки к нему в баню явится сама лихорадка в человеческом образе (только, по словам сургутян, лица у ней не видно) и начнёт всячески страшить больного, будто его задавит «банна суседка» или что вот на него упадёт печка и задавит его камнями и пр. И станет эта «лихорадка» всячески вызывать больного на разговор или на какое-нибудь действие. Но больной должен всё время молчать и лежать как мёртвый, и даже не может перекреститься. Если он выдержит это испытание, то «лихорадка» разозлится, что не сумела никак потревожить больного, облюёт ему всё лицо и убежит. После этого у больного лицо «опрыщавеет» (покроется прыщами) и ему станет легче. Значит, лихорадка его бросила. Но если же больной как-нибудь пошевелится или что-нибудь проговорит на застрашивания «лихорадки», то последняя примется ещё злей и тошней его трепать.

Второе средство от лихорадки — уйти в погреб, причём идти на погреба обязательно нужно «взапятки» (задом), и просидеть там все это время одному взаперти. По-видимому, это значит просто скрыться от лихорадки, конечно, с известными предосторожностями (взапятки, чтобы след шёл от погреба). Но лихорадка тем не менее будет искать больного, и если не найдет, то больному бу-

дет легче. Если же в это время, несмотря на запоры, кто-нибудь явится к больному в погреб, это значит, пришла лихорадка в человеческом образе, которая, разыскав свою жертву, станет ещё больше её мучить. С этой же целью скрываться от лихорадки советуют под опрокинутую кадку или накрывают больного во время пароксизма «погатым» корытом (в котором моют бельё и которое здесь имеет какое-то особенное значение и употребляется при некоторых гаданиях).

Впрочем, по понятиям сургутян, лихорадка может принимать и не только человеческий образ. Так, если во время пароксизма болезни на больного сядет муха, то советуют сейчас же ловить эту муху и садить её в какой-нибудь кожаный мешочек (предпочтительно в «пузырь» от тетерки — опорожненный тетеревиный желудок). А затем этот мешочек с мухой бросить в печку, и когда он сгорит, то болезнь, по словам сургутян, будет вырвана с корнем.

Обращаясь теперь к другим средствам, которые употребляют сургутяне от лихорадки, в нижеследующем списке я отнюдь не думаю исчерпать их все, а привожу лишь наиболее известные. Вот эти средства

1) Если тихо подкрасться к тому дереву, на котором кукует кукушка, и взять из-под дерева землицы или отколупнуть с этого дерева кусочек коры, то эта землица или кора помогают от всех болезней, но «наипаче от лихоманки».

Специально же от лихорадки употребляются следующие средства:

2) Пьют настой полыни (такой консистенции, чтобы она была «жаркого» цвета). Если с полыни вырвет больного, то этой рвотой обмазывают ему всё тело, до лица включительно. После этого, по словам сургутян, на теле и на лице больного должны появиться прыщи и другие «больнушки». Это значит, что лихорадка «оплевала» больного и бросила, после чего больной обязательно должен выздороветь. Вообще, если больной лихорадкой «опрыскавает», это всегда служит симптомом выздоровления. С этой же целью во время пароксизма напиваются до рвоты вином и затем мажут себя этой

рвотой, после чего больной будто бы должен «опрыска-
вать» и выздороветь.

3) Дают пить больным настоянный в водке нюхатель-
ный табак с сырым яйцом (чем крепче, тем лучше).

4) Пьют настоянный в теплой воде порошок мамон-
тового рога.

5) Поят больных редечным соком, выжатым из тер-
той редьки, с каким-то наговором.

6) Пьют детскую мочу (от детей не старше 5-летнего
возраста), мужчины — от мальчиков, женщины — от де-
вочек.

7) Пьют медвежью желчь, настоянную в водке.

8) «Нахлёбываются», сколько можно вместить, про-
стокваши.

9) Пьют настой в воде или в водке (густой, как смо-
ла) осиновой коры, причём, однако, в дело идет не вся-
кая осина, а отыскивают группу непременно из трёх осин
и с одной из них берут кору.

10) Ложатся спать на навозной куче.

11)купаются в холодной воде.

12) Окачивают врасплох больного холодной водой.

13) Пугают больного, например, стреляют из ружья
близ сонного.

14) Мажут дёгтем руки, ноги и спину больного (крес-
тообразно).

15) Дают глотать катышки чёрного хлеба, с каким-то
наговором на бумажке, завёрнутой в хлеб.

16) Кладут под подушку или вообще под постель вы-
сушенную змею или надевают на шею больному зашитый
в тряпочку змеиный «кожух» (оставленную ею кожу при
линьке, которую иногда находят в лесу).

17) Дают есть больному пирог с начинкой из сороки.

18) Кладут под подушку кости падали так, чтобы боль-
ной не знал об этом.

19) Прячутся в печь перед приступом лихорадки.

20) Пьют настой «троецветки» (травы с тремя цветка-
ми «шишечкой» — голубым, алым и жёлтым), в воде или
водке настоянный до тех пор, чтобы получился «жаркой»
цвет. Настой в вине считается более полезным.

21) С дерева, разбитого молнией, берут щепки и обкуривают ими в комнате больного или кладут их больному под подушку.

От *простуды*, выражающейся в появлении большого жара, часто сменяемого ознобом, ломотой костей и проч., пьют настой багульника вместо квасу. Пьют ещё от простуды настой пихты. С тонких веток пихты соскабливают кожицу и вместе с иглами настаивают на водке. Пьют настошак по рюмке и больше. Настой пихты пьют ещё и от чахотки*.

От *ломоты в ногах* простудного происхождения делают «муравейну ванну». Приносят из лесу в мешке муравьев и всыпают их в кадку с горячей водой, чтобы они околели. Затем охлаждают воду до того состояния, чтобы было «в утерп» (можно было терпеть), и ставят туда ноги, закрывши их одеялом, и держат их до тех пор, пока не остынет вода. Делают это до трёх раз через день. Кроме того, от той же болезни употребляют ещё ванны из кислой гуши из-под квасу, «ёлочек» (хвои) пихты и конского кала. Все эти ванны готовят тем же способом, как и описанная выше «муравейна ванна».

Наконец, от *ревматизма* в ногах носят в стельках (на дне обуви) волчье лыко или кладут ноги в свежие березовые листья. Далее, от *ломоты в костях* втирают в больное место размоченную в воде бодягу или, как её называют сургутяне, «вотягу», «вишь».

Прикладывают к больному месту лютик (растение, известное и сургутянам под именем лютика же) — средство вроде мушки, но сильнее. Как и при мушке, от лютика нарываёт водянистый пузырь. Действует только свежий, только что сорванный с корня.

При *ломоте в костях* и боли в спине или в груди, или в голове (простудного происхождения) «жгут ядно». На больное место кладут кусочек сырого трута величи-

* От чахотки же, к слову сказать, весьма мало распространённой в Сургутском крае, пьют ещё «дёгтеву воду». Дёготь кладут в отварную воду, потом воду сливают и процеживают сквозь чистую ветошку и затем пьют по три рюмки в день.

ной с кедровый орех и зажигают. Когда трут прогорит, образуется рана, которую прикладывают свежей зайчиной с мылом. Рана загнаивается и из неё вытекает «дурь», по объяснению сургутян, это «кровь перегнаивается и делается дурью», её протирают ветошкой и затем вновь накладывают заячьей шкурой с мылом. Первая зайчина лежит сутки, но в течение этого времени её несколько раз снимают и «обихаживают»: sprыскивают свежей водой и вновь намыливают. Когда рана начнёт заживать, больному станет легче. Средство это употребляется здесь вместо банок или пиявок для пускания крови.

При *ломоте в пояснице* встряхивают больного так, чтобы у него «хрупнуло» в спине. Если в спине при этом «хрупнет», то, по словам сургутян, больному станет легче.

Кроме того, при боли в пояснице носят ещё на теле медвежий зуб, так, чтобы он лежал на пояснице.

От *ломоты в руке*, когда говорят, что «рука развилась», обвязывают руку у кисти или у плеча (смотря по тому, где сильнее чувствуется боль) ниткой, свитой «наотмашь» (за спиной).

От *зубной боли*, которая здесь тоже очень распространена и, вероятно, всего чаще вызывается простудой, сургутяне употребляют следующие средства: прикладывают к больному зубу завёрнутый в ветошку толчёный чернильный орешек, кладут на зуб, тоже в ветошке, листовой табак или трубочный сок, прикладывают к зубу репчатый лук, советуют есть мышинные объедки, т.е. обгрызенный мышами хлеб или что-нибудь подобное, и употребляют ещё какие-то наговоры.

* * *

После простудных болезней, которые мы только что рассмотрели, наибольшее распространение в Сургутском крае имеют болезни, так сказать, бытовые, т.е. обусловленные самим образом жизни и обстановкою быта сургутян. Сюда можно отнести кожные болезни, обуславливаемые, главным образом, грязью и нечистоплотностью как домашней, так и промысловой обстановки, травматические повреждения, вызываемые промысло-

вым образом жизни, и расстройство кишечно-желудочного канала. Эта последние тоже вызываются чисто местными условиями и, прежде всего, недоброкачеством воды, которая летом почти везде получает болотистый характер. Кроме того, у сургутян есть скверный обычай есть гнилую, совершенно протухлую и разложившуюся рыбу (так называемую, по-местному, «загорелую»), которая издаёт такое зловоние, что даже мимо того дома, где едят эту рыбу, нельзя пройти, не затыкая носа. А между тем рыбу в таком состоянии сургутяне едят отнюдь не от недостатка и бедности, но считают её лакомством, находя в ней какой-то особенный вкус.

Мы не говорим уже о том, что сургутяне, подобно всем вообще сибирякам, с большим удовольствием едят сырую рыбу, как мерзлую (так называемую «стружанину», или, по-сургутски, «патанку»), так и только что пойманную из воды, причём её сплошь и рядом тут же на ваших глазах распарывают и съедают. А благодаря всему этому, кроме катаральных расстройств желудка, здесь нередко случаи солитера и глистов.

Обращаясь к кожным болезням, мы прежде всего встретимся с разнообразными средствами, употребляемыми сургутянами для лечения *чирьев* и *прыщей* на лице. Так, для устранения их, моются «четверёжной» (иначе, «четверговой») солью.

Когда нарывает чирей, отыскивают какой-либо сук и крестят по суку безымянным пальцем, приговаривая: «Как сук сохнет, так и чирей сохни», — до трёх раз. Затем, приговаривая то же самое, чертят тем же пальцем по чирью.

Иногда просто протирают по чирью безымянным пальцем, приговаривая: «Как безымянному пальцу имени нет, так и тебе, чирью, места нет».

Прикладывают к чирью овечью шерсть со сметаной. Прикладывают также свежую зайчину, небольшой лоскуток, шкуркой к чирью, шерстью вверх.

Наконец, отыскивают таракана, разрывают его и мажут чирей.

От *рябин* (пятна на лице) мажут лицо березовым со-

ком. По мнению сургутян, если утереться тем же полотенцем, которым утирается больной этими рябинами, то пятна могут перейти, но только со старшего на младшего по летам или на ровню, а не наоборот: с младшего на старшего пятна не переходят. Так же переходят, по мнению сургутян, от старшего к младшему и те пятна, что бывают на лице у беременных женщин (так называемые «матежи»), но только переходят они с женщины на женщину же, причём могут перейти и к небеременным, если утереться полотенцем, которым утирались женщины с «матежами». Чтобы избавиться от них, советуют пойти в баню с той женщиной, от которой перешли «матежи», и тайком от нее утереться воротником её белой рубашки, которую она принесла на перемену в баню.

От *коросты* мажутся дёгтем или сметаной с толчёным купоросом. Это же средство (сметану с толчёным купоросом) употребляют и от венерических болезней*, когда появляются струпья. Кроме того, струпья от венерических болезней присыпают ещё солью.

К *нарывам*, отчего бы они ни происходили, прикладывают рубленую морковь (летом свежую, зимой обмоченную в воде) — вытягивает жар и способствует заживлению.

Прикладывают ещё кашу из солдатской крупы на молоке, тёплую, и, когда она остынет (высохнет), заменяют её свежей и тёплой. Где быть провалу, там почернеет, тогда на это место прикладывают чего-нибудь «ядучего» — особую лепёшку на меду или на постном масле. Если нарыв не прорвется и после этого, то кладут на него какую-нибудь серебряную вещь: например, монету. Когда сделается провал, тогда варят жёлтый воск на деревянном масле, вроде пластыря, и прикладывают его на ветошке к больному месту — вытягивает жар и живит.

* Вопреки общераспространённому мнению, среди русского населения Сургутского края сифилис и вообще венерические болезни встречаются очень редко, что, вероятно, объясняется совершенным отсутствием в этом диком крае продажной проституции.

Если же нарывы бывают под мышками, что сургутяне называют «собачьи титьки» (отчего они происходят, сургутяне не объясняют, мне же не доводилось их видеть), то лечат их, прикладывая к нарывам кислое тесто на ветошке. При этом употребляют какой-то наговор. Хлеб потом бросают собаке.

От «притки» (опухоль и краснота на ногах или на щеках) прикладывают красное сукно, натёртое мелом. (А от «колки» (колотья) в груди прикладывают к больному месту синее сукно или синюю сахарную бумагу и пьют синьку).

От язвы, которая бывает на пальцах и известна у сургутиан под именем «змеевца», прикладывают к больному месту свежий человеческий кал и, когда он подсохнет, заменяют его новым.

Обвязывают также палец нюхательным табаком. О самой болезни сургутяне думают, что в пальце зарождается какой-то мохнатый червь, который, если вовремя его не уничтожать, вырастает и может «щениться», и от него пойдут мелкие черви. Поэтому, пока «змеевец» (иначе — «волосень») в самом начале, надо его «заморить», опуская больной палец в горячую воду и держа его там сколько можно терпеть.

От «ячменя» (на глазу) пекут небольшой караваешек из кислого теста, разламывают его и горячим паром от него подпаривают «ячмень», а затем хлеб этот бросают собаке (причём непременно почему-то суке).

От летучего огня, или когда губы трескаются (по местному, «переветривают»), мажут «серой» из ушей. «Летучий огонь» ещё пересекают искрой: подставив легонько плашку (огниво) к больному месту, высекают над последним огонь и стараются так, чтобы искры попали на «больнушку», отчего будто бы она проходит.

От «золотухи» собирают листья смородины и настаивают их в воде (полгоршка листьев и половина воды). Горшок этот замазывают пресным тестом, вроде покрышки, и ставят на сутки в печку. Настояем мочат голову, если золотуха выражается в головных сыпях, и

затем завязывают голову чем-нибудь тёплым, чтобы она охлаждалась. Кроме того, пьют этот настой вместо квасу.

При этой болезни, по словам сургутян, нельзя есть «щучины», яиц, чёрного хлеба, свинины, солёного и нельзя пить кислого кваса. Если золотуха выражается в нарывах, то к этим нарывам кладут тонкую лепёшку из крупчатой муки на меду или на деревянном масле. Нарыв тогда лопаётся и выходит «дурь». Медовая лепёшка скорее «прорывает», а с деревянным маслом скорее «заживает» рану.

Пьют ещё от золотухи окуневый жир и им же смазывают опухоли. Обращаясь теперь к рассмотрению лечения травматических повреждений, мы расскажем здесь об употребляемых сургутянами средствах для заживления переломов и порезов, а также и о лечении разных укусов, уколов и проч.

При *порезах* для остановки кровотечения присыпают рану солью или толчёным углем; прикладывают также к ране лист «попурника» (подорожника).

Для остановки послеродового кровотечения, если такое бывает очень сильным, употребляют пережжённые и истолчённые в порошок мышинные экскременты. С этой целью пьют ещё настоянные в воде и точно так же предварительно пережжённые и истолчённые в порошок так называемые «лягушичы ящики» (раковины каких-то слизняков, которые во множестве покрывают берега здешних рек по спаде воды). Это последнее средство пьют и от «резачки» (перелоя).

Для заживления ран (вообще) и чтобы они не гноились, мажут их медвежьим салом.

При *переломе костей* у людей и у животных дается внутрь красная медь. В дело идут предпочтительно старые монеты, их скоблят и порошок разбалтывают в воде. О целебной силе меди в данном случае у сургутян существует поверье, что медь, принятая внутрь, охватывает излом кольцом, образуя таким образом как бы спайку кости. Говорят, как выпьешь меди, то сразу почувствуешь, что она начинает ходить по телу, отыскивая больное место. Ударится туда, сюда и, как только дойдет до излома, сразу остановится.

При переломе костей или при вывихе для уничтожения жара и опухоли прикладывают к больному месту тряпку, намоченную в человеческой моче, вроде компресса. Как только она высохнет, её снимают и заменяют сажей*.

Точно так же для вытягивания жара прикладывают к больному месту тертый картофель или гуцу из-под кваса с глиной.

При *головных болях*, явившихся в результате ушиба головы, например, при падении с какого-нибудь места, когда опасаются, что мозг сотрясен, «правят мозг». Правёж этот заключается в следующем. Обвязывают голову поясом и делают на нём в четырех местах по значку: на лбу, на затылке и на висках. Потом повязку снимают и складывают её надвое так, чтобы значки лба и затылка пришлись ровно на концах повязки, затем повязка складывается ещё поперек, так, чтобы височные значки приходились на концах сложенной повязки, т.е. повязка складывается сначала по продольной линии головы, потом по поперечной. В первом случае значки лба и затылка будут на концах повязки и височные значки должны совпадать, во втором случае — наоборот. Если значки в том и другом случае совпадают — сотрясения нет, если же не совпадают, думают, что мозг сотрясён. Тогда лекарка берет голову больного в руки и сильно встряхивает, отчего у больного сыплются искры из глаз. Потом голову туго стягивают платком и кладут больного в постель, «чтобы был покой». Примерно через полчаса платок развязывают.

От *ознобов* лучшим средством считается кошачье сало. Употребляется также и сало лисы.

* Здесь кстати будет отметить и о других целебных свойствах человеческой мочи, по понятиям сургутян. Выше мы видели, что детскую мочу сургутяне пьют от лихорадки. Кроме того, человеческая моча считается у сургутян лучшим средством от опьянения, и её ~~настойку~~ ^{настойку} вливают в рот бесчувственно пьяному для отрезвления. Наконец, мочей же лечатся и от болезни глаз. Весной от снега, по выражению сургутян, «глаза скрадывает», т.е. глаза делаются воспалёнными, красными, мутными, все время слезятся и болят. Страдающий этим все видит как бы в тумане, а в крайнем случае, даже вовсе некоторое время не видит. От этого лечатся тем, что часто смачивают больные глаза своей собственной мочой.

Если *укусит собака*, то советуют выстричь у этой собаки клочок шерсти, сжечь его и пепел прикладывать к больному месту, предварительно обкурив больное место этой же шерстью. Собачий зуб считается худым зубом: укушенное им место долго не заживает.

Если *уколоть руку ершовой костью*, и от этого образуется в руке сильный лом и пойдет кровь, то советуют больным местом потереть об этого ерша «против шерсти» и от этого боль утихнет.

От *укуса змеи* (здесь говорят, что змея «ужалила»), когда образуется опухоль, чтобы прекратить её дальнейшее распространение, перевязывают опухшее место чем-нибудь шёлковым, например, ниткой или платком, или же женскими или конскими волосами. По словам сургутян, через шелковинку или волос опухоль не переступит. Затем стараются во что бы то ни стало вынуть из укушенного места «жало». Что здесь принимают за «жало», трудно сказать, но нам самим пришлось видеть, как однажды вынимали у укушенного змеёю человека «жало», причём за таковое сошла просто какая-то соринка, оказавшаяся в ране.

Если укусит змея, то сургутяне думают, что она сейчас же побежит к воде и её следует «упредить», т.е. раньше неё окунуть в воду укушенное место. Если это удастся, то змея пропадет, если же нет, то человеку трудно будет вылечиться.

Вместо воды можно пользоваться и слюной, и следует сейчас же поцеловать укушенное место.

Для того же, чтобы вынуть «жало», советуют наскоблить «громову стрелу» и посыпать рану этим порошком, и тогда «жало» само наверх выйдет.

В заключение этой главы расскажем ещё о лечении сургутянами желудочных болезней.

От *поноса* сургутяне употребляют следующие средства:

1) Пьют настой зверобоя — дети в воде, взрослые предпочтительно в водке, первые по чайной ложке часа через 2—3, взрослые по три чашки или по три рюмки в день.

2) Пьют настой «троспёрки» (трилистника), способ употребления тот же, что и зверобоя.

3) Ржаной пережжённый хлеб толкут в порошок, обваривают его затем кипяченой водой из самовара и «хлебают» вместе с водой.

При *болях в животе* очень распространённое средство — нашатырь в воде или молоке.

От *икоты* пьют золу в воде. Это же средство употребляют от кликушества (истерических припадков), вообще крайне редкой в этом крае болезни.

От *изжоги* (в Сургуте говорят: «сердце горит») едят мыло или же держат во рту что-либо медное, например, крест, деньги и т.п.

* * *

Теперь мы скажем о лечении детских болезней. Из детских болезней сургутяне признают только «испуг», грыжу, «собачью старость» и особенно так называемые «уроки» и «призоры», т.е. болезни, обусловленные «дурным глазом». И хотя в Сургуте каждое лето по спаде воды (июль — август) умирают десятки людей от дизентерии, но этой болезни сургутяне не придают особого значения. Ещё меньшее значение придают они дифтериту, который появился в Сургуте впервые в 1889 году и произвел целый переполох среди немногочисленного здесь культурного общества и врачей (незадолго перед этим в Сургуте появилось два врача: один для города, другой для округа). Сейчас же врачами были приняты все доступные здесь меры для локализации болезни.

Но сургутяне относились с эпическим спокойствием к этой неведомой для них «гортанной болезни», и в конце концов по поводу некоторых принятых врачом и полицией мер у сургутян произошло даже столкновение с подлежащими властями, нечто вроде антидифтеритных беспорядков. После того дифтерит уже не переводился в Сургуте (до нашего отъезда в 1891 г.), появляясь периодически то там то сям, но не заставляя, однако, сургутян обращать на себя большее внимание, чем на всякую

другую «гортанную» болезнь. Впрочем, вообще мы вынесли впечатление, что сургутяне в массе довольно равнодушно относятся к детской смертности, отчего бы она ни происходила. Если же и придают некоторое значение вышеперечисленным болезням, то нам, думается, единственно потому, что все эти «испуги», грыжи и «уроки» отражаются на последующей судьбе ребёнка и, быть может, даже на всей последующей жизни, что и заставляет относиться к этим болезням не столь индифферентно, как к тем, которые прямо ведут к смерти.

Если ребёнок не спит по ночам без достаточных оснований, кричит, плачет, не ест и пр., то сургутяне обыкновенно предполагают здесь «испуг» и думают, что ребёнок чем-нибудь испуган, каким-нибудь громким криком или стуком, страшным видом и т.п.

«Испуг» считается у сургутян серьезной болезнью, и если его своевременно не лечить, то ребёнок может на всю жизнь сделаться «пугливым» — раздражительным, слабосильным, нервным. Поэтому сургутяне сейчас же стараются принять против испуга свои меры. Прежде всего, как бы следуя старинному медицинскому правилу: *similia similibus curantur*, в случае, если ребёнок испуган громким криком, носят его под колокольный звон. Если это не помогает, лечат внезапным обливанием так называемой «молчанной» или «колокольной» водой. Вода эта добывается таким образом: в 12 часов ночи мать больного ребёнка берёт воду в заранее намеченном месте при слиянии трёх ручьев. С этой водой она *молча* отправляется на колокольню. Здесь она обливает принесённой водой большой колокол (по другим рассказам — три колокола) и стекающую с колокола воду собирает в особую посуду, после чего эта вода приобретает целебную силу.

Вся процедура проделывается обязательно молча, никакие разговоры и вопросы встречных не должны вызывать ответа, иначе вода потеряет свои целебные свойства.

Затем испуганных детей обкуривают корнем чертополоха. Умывают лицо детей «четверёжной» солью, о способе приготовления которой было говорено выше.

Дают пить больным детям настой чёрной травы. Эту траву настаивают в водке трое суток в плотно закупоренной бутылке или запаривают на воде в печи, в наглухо закрытом сосуде. Дают пить по две ложки в день: утром натощак и вечером перед сном. Это средство считается очень сильным, и думают, что большая доза может повредить.

От *грыжи*, которая в Сургуте является среди детей довольно распространённой болезнью, сургутяне употребляют следующие средства.

Дают пить ребенку «серу горючу» (обыкновенно желтую серу), истолчённую в порошок и разведённую в материнском молоке, приблизительно золотник серы на 5 чайных ложек молока. Дают по две ложки в день, утром и вечером.

Поят детей ягодами волчьего лыка, тоже разведёнными в материнском молоке. Одну ягоду разрезают на 5 частей, каждая часть на одну чайную ложку молока. Это лекарство считается очень сильным и ядовитым, и его дают ребёнку только раз в день.

Мажут детей поросычей желчью, причём для мальчиков берётся желчь от «мужичка» (так здесь называют самцов всех животных), а для девочек от «жёнки» (самки). У мальчиков мажут пупок и мошонку, у девочек тоже пупок и около лобка.

Дают пить детям «кучелебу», настоянную или в молоке, или в вине (приблизительно, на стакан того или другого полагается одна ягода), по полчайной ложки в день, — считается тоже очень ядовитым лекарством. Ягода эта различается сургутянами на мужскую и женскую: мужская — «попуречками», женская — «ямочками», и дают мужскую мальчикам, а женскую девочкам.

Принимают внутрь медвежью желчь, а равно и куриную. Это средство от грыжи употребляется и взрослыми.

Дают детям киноварь в материнском молоке в очень небольших дозах (говорят, с неё зябнут дети).

Дают пить брусничный сок, по чайной ложке два раза в день.

Настаивают в воде листовничную губу и этим настоем поят детей.

При грыже прокалывают у детей в мочках уха дырочки и заставляют носить серьги как девочек, так и мальчиков, думая, что это помогает от грыжи. Наконец, детей, у которых замечена грыжа, никогда не пеленают целиком, как всех прочих, а свивают их только до пояса, думая, что через это проходит грыжа, но зато у таких детей, по словам сургутян, бывают кривые ноги.

Если родится худосочный, бледный, старообразный ребёнок, то говорят, что он «подвержен» «собачьей старости». Чтобы «выправить» такого ребёнка, надо его три дня садить на лопате в печь на несколько минут. При этом существует какой-то наговор. После того приготовленным заранее хлебом обтирают всего ребёнка, а хлеб бросают собакам. В этом и состоит все лечение «собачьей старости» (вероятно, рахитизма или английской болезни).

«Уроки» и «призоры» — если человек «с дурным глазом» посмотрит на ребёнка в то время, когда тот ест, и при этом скажет, что он много ест, то этим он может сглазить ребёнка, или, как говорят сургутяне, «изурочить», «уркнуть», «озинуть на пище», и у ребёнка вследствие этого появляются «уроки в животе»: живот станет пучить, а ребёнок много ест и пьёт, но сам будет все худеть и хиреть.

Точно так же, если «урочливый» человек посмотрит на женщину, когда та кормит грудью ребёнка, и при этом заметит, что у нее большие груди, или сравнит её с коровой, то может и женщину «озинуть на молоке», и у нее после этого «доспеются» (сделаются) «уроки в груди»: груди будут болеть и перестанут давать молоко.

По мнению сургутян, женщины могут также подвергнуться «призорам» и во время месячных очищений (которые называются здесь «красками»); поэтому обыкновенно советуют скрывать «краски» от посторонних женщин и даже близких родных и все нужное проде-

лывать тайно. Но в особенности следует скрывать самое первое появление «красок», так что молодым девушкам строго наказывается не открывать первое появление у себя регул даже матерям. Думают, что от постороннего глаза могут быть большие изнурительные крови.

Кстати, у сургутян есть странное поверье о «месячных». Так называют они мужчин, которые будто бы месяц бывают «мужиками» (со всеми атрибутами мужского пола), а месяц — бабами со всеми бабьими атрибутами, причём каждый такой «месячный», после того как месяц пробудет мужчиной, вбирает в себя все свои мужские принадлежности, вместо коих затем образуются женские. И сургутяне глубоко уверены, что такие люди действительно существуют на свете.

«Изурочить» на еде можно и взрослого, у которого «уроки в животе» выразятся теми же симптомами (пучение живота и пр.), что и у ребёнка, но взрослые менее «подвержены» этим «урокам» и «призорам», чем малолетние, и особенно грудные дети, почему этих последних всегда и стараются кормить грудью где-нибудь наедине, чтобы посторонние не могли их видеть и «изурочить»

Наконец, урочливый человек, если подивуется на «красовитого» ребёнка, то может «доспеть» «призоры» на лице, т.е. у ребёнка появятся на лице пятна, разные «попури», лишай и пр.

Самым радикальным средством от «уроков» и «призоров» считается так называемая «четверёжная соль», о которой уже не раз приходилось говорить выше. От «уроков в животе» эту соль разводят в воде и дают пить детям и взрослым, от «уроков в груди» раствором соли женщины моют себе груди, а от «призоров» умывают детям лицо.

Кроме того, от «уроков» лечатся ещё так называемой «переносной землей»: с потолка трёх домов, непременно таких, которые были перенесены со своих мест в другие, берут землю в определённой мере с каждого дома и эту землю дают пить больному в воде. После неё, по словам

сургутян, у больного «уроками в животе» «доспеется» понос, желудок очистится и придёт в своё нормальное состояние.

От «уроков в груди» у женщин прикладывают к грудям тёртый картофель, который уничтожает лом.

«Призоры на лице» «сживают» ещё тем, что мажут лицо у ребёнка сметаной и затем приносят щенка — если «призоры» у мальчика, то «мужичка» (кобеля), а если у девочки, то «жёнку» (сучку), и дают щенку слизывать сметану.

Так делают несколько раз, и «призоры» будто бы проходят: «их слижет с лица собака».

Во всех этих случаях, т.е. и от «уроков», и от «призоров», употребляется ещё такое средство: у того человека, который «изурочит», вырезают из какой-нибудь одежды (обыкновенно из самой лучшей и дорогой, чтобы тому её было особенно жаль) лоскут на спине против сердца и этим лоскутом обкуривают изуроченного, причем это делается так, чтобы собственник испорченной одежды не знал, кто у него вырезал лоскут, иначе это средство не помогает.

Здесь нельзя не видеть аналогии, почти тождества, с тем средством, которое употребляют от укуса собаки. Там тоже выстригают у собаки клочок шерсти и обкуривают им укушенное место*.

Любопытна ещё одна аналогия между «урочливым человеком» и собакой. Если собака (или кошка) понюхает пищу, то человек, употребивший её, заболеет, чем — сургутяне не объясняют. Но уверены, что заболеет так же, как и с глаза «урочливого» человека, и заранее лечатся «переносной землёй».

* * *

В заключение мы считаем не лишним сказать ещё несколько слов о разных приметах и обрядах, касающихся больных и имеющих в некоторых случаях как бы профи-

* Скажем ещё один аналогичный случай обкуривания. Если заболеет скотина, то у хозяйки этой скотины вырезают в некотором месте волосы и обкуривают скотину.

лактический и диетический характер. Вообще, нужно заметить, что эти профилактические и диетические правила в сургутской народной медицине крайне скудны и состоят обыкновенно из ряда отрывочных советов и примет, где, как и в сфере лечения болезней, некоторые правила разумного эмпиризма теряются среди пережитков первобытных воззрений.

Выше нам приходилось говорить о сургутской диетической пище при золотухе, но это, кажется, единственная болезнь, при которой сургутяне рекомендуют некоторый пищевой режим, хотя бы в виде отрицательных советов не употреблять той или другой пищи.

Но вообще на пищу сургутяне не смотрят ни как на источник болезней, ни как на средство, при разумном употреблении которого можно побороть болезнь, и в этом отношении не придают ей особенного значения, позволяя почти при всех болезнях есть всё, что только может вынести натура.

Причем как общее правило при всех болезнях рекомендуется побольше есть: «будешь здоровей», а на тощий желудок и болезнь сильнее действует.

Гораздо большее внимание обращается, по-видимому, на сон. Хороший сон, когда, по выражению сургутян, «и рука спит, и нога спит», считается первым условием здоровья. Здоровым же сном считается так называемый «чёрный сон», «чёрный сон — до полуночи».

Ловя этот «чёрный сон», т.е. сон по закате солнца, сургутяне удивительным образом приспособили свою жизнь и привычки к местным географическим условиям. Как известно, весь этот край расположен севернее 61-й параллели (Сургут лежит под 61 град. 17 мин. сев. шир.) и летом здесь ночей почти не бывает. Солнце заходит за горизонт всего на каких-нибудь 2—3 часа, и все это время так светло, что можно свободно читать книгу. Зато зимой уже в третьем часу дня приходится зажигать огонь. И вот заезжий турист наблюдает такую картину: зимой сургутяне ложатся спать необычайно рано, так, в 6—7 часов вечера уже все туземное население города спит и встает приблизительно в те же часы утра, когда здесь

ещё совершенно темно, так что в общей сложности сургутяне зимой спят чуть ли не двенадцать часов в сутки. Но затем, по мере того как солнце подымается над горизонтом, время сна отодвигается все дальше и дальше, и летом сургутяне не ложатся спать раньше 11—12 часов ночи, а встают часа в 3—4 утра, т.е. спят не более четырёх часов в сутки.

Правда, такое продолжительное бодрствование не по силам человека (нужно заметить, что и рабочий день в Сургуте, например, для плотников, тянется летом около 20-ти часов, за небольшими вычетами на завтрак, обед и чай), и сургутяне обыкновенно ложатся ещё в полдень на час или два отдохнуть, но вообще, по их понятиям, спать днём не следует: может приключиться болезнь.

В особенности же не следует спать днем весной*. Также нехорошо спать и при закате солнца. Вообще, если человека начинает клонить в сон не вовремя, или, как здесь говорят, «сном давит» не в обычное время, то это предвещает какое-нибудь несчастье или даже близкую смерть. Что же касается бессонницы, то от неё сургутяне употребляют такое средство. По мнению сургутиян, в голове у налима есть «сон». Это, по их объяснению, две маленькие косточки, кругленькие, которые находятся по ту или другую сторону налимого мозга и благодаря которым налим «дремлет». По другим рассказам, «сон» есть и у окуня. Эти две косточки из внутренней полости окуневьего или налимого черепа и кладут больному бессонницей под подушку. Это средство употребляют от бессонницы взрослые; бессонницу же у детей (кроме тех случаев, когда бессонница вызвана «испугом», о чём говорилось уже выше) сургутяне объясняют появлением на голове какой-то скалки, вроде дробинки. Это и есть «бессонница» — её

* Все весенние промыслы (ловля сетями уток, ружейная охота и рыбная ловля) происходит здесь ночью, главным образом на вечерней и утренней зорях, приблизительно от 10—11 часов вечера до 2—3 часов утра. Потом, вернувшись с промыслов, спят часов до 8—9 утра, что не считается дневным сном.

обязательно нужно срезать, иначе с ребёнком замаяшься.

Этими предупреждениями относительно дневного и весеннего сна, кажется, и ограничиваются все, так сказать, профилактические советы сургутян. Впрочем, здесь следует упомянуть ещё о том, что при эпидемиях (вообще) в виде предохранительной меры делают на дверях домов дёгтем кресты и им же обкуривают помещения. То же делают и при эпизоотиях с «загородями» (хлев, где помещается скотина), причём здоровый скот обмазывают дёгтем.

Обращаясь теперь к тем правилам, которые рекомендуется соблюдать больным (что можно бы назвать народной диетикой), следует сказать, что и эта часть правил так же скудна, как и рассказанные выше профилактические средства сургутян.

Больным (чем бы то ни было) запрещается смотреться в зеркало. Далее, запрещают больным причёсывать волосы и стричь ногти: усилится болезнь. Это запрещение стричь ногти, может быть, стоит в связи с существующим у сургутян обычаем — сохранять обстригаемые ногти, так как они пригодятся «на том свете». По словам сургутян, «на том свете» грешников заставят лезть на какую-то крутую и высокую гору и вот, чтобы удобнее было карабкаться на эту гору, следует иметь ногти.

Больным, у которых есть жар, нельзя ходить в баню, жар может усилиться. Утопленников никогда не следует класть на голую землю, а непременно на доски, иначе с ним не отводиться. А отваживаются сургутяне с утопленниками обычным способом, как и везде в простонародье, т.е. откачивают их, положивши на простыню или на какую-нибудь подходящую одежду.

При трудных болезнях, чтобы узнать, выздоровеет ли больной, употребляют воду с образа св.Пантелеймона: образ обливают водой, если вода с него скатится вся, то больной выздоровеет, если же часть её останется на образе, больной умрёт. Эту воду дают потом

больному пить. Действие её таково: когда, на основании предыдущего испытания, видно будет, что больному суждено умереть, то выпитая вода ускорит агонию и больной скорее начнёт «страдать» (отходить). Если же больному суждено выздороветь, то он тотчас же почувствует облегчение. Образ этот ставят иногда в головах больного. При сильных болезнях кладут больному под голову «Сон Пр. Богородицы» (апокрифическую рукопись, имеющую какую-то таинственную и целебную силу). Если больной выздоровеет, то он после этого будет спать и почувствует облегчение, если же умрёт, то станет «страдать». Если больной перед смертью всё смотрит на потолок и на руки, то говорят: «скоро умрёт». Точно так же, если больной всё «ошипывается», т.е. щиплет руками одеяло, или вдруг пожелает с кровати лечь на пол, это тоже служит признаком его скорой смерти. Если опасно больной быстро или, поспугутски, «устремно», глядит — помрёт, а у кого взор томный, этот выздоровеет. Больных сургутяне обыкновенно кладут поперек пола, а покойников непременно вдоль.

В случае избавления от болезни, сургутяне дают «обвет» (обет) отслужить молебен тому или другому святому. При этом делают святые изображения из металла, кому какой по средствам, тех частей тела, которые болели, например, руки или головы, или сердца. Эти изображения подвешивают к иконам и жертвуют в храмы.

Х. Погребальные обряды и суеверия о мёртвых

По мнению сургутян, за некоторое время перед смертью к человеку, которому предстоит умереть, является смерть. Она приходит и к больным накануне их смерти, и к совершенно здоровым людям, которые, однако, в скорости непременно должны будут умереть. Чаще всего она при этом не принимает никакого определённого облика и не всегда даже входит в дом, а

только подойдет к дверям и постучит. Если такой, по-видимому, беспричинный стук в двери повторится несколько раз, в то время как в доме лежит больной, это значит, приходила смерть и звала его к себе... Но иногда она принимает вид птицы (по большей части сороки), которая залетает в комнату через трубу или окно и тоже предвещает, что в скорости умрёт кто-нибудь из домашних. Иногда её видят и слышат только окружающие больного, а самому больному она не показывается, но бывает и так, что больной видит и даже разговаривает со смертью, а присутствующие ничего об этом не знают. В этом случае смерть является то в образе какого-нибудь старичка, то приходит в виде скелета в белом саване, становится у изголовья или у ног больного, и между ним и смертью нередко завязывается неслышный для посторонних разговор... «Что ты за человек?» — спрашивает больной. «Я — смерть твоя и пришла за тобой», — слышится в ответ... После этого смерть исчезает, а больной рассказывает окружающим, что за ним приходила смерть и звала его к себе. Тогда прекращается всякое лечение и делаются окончательные приготовления к смерти: дают знать попу, приглашают разных «благочестивых» старушек в качестве сиделок, сообщают всем близким родственникам, а если умирает женщина, начинают шить так называемое «смертное» платье. Мужчин хоронят в их обычной одежде, а для женщин непременно шьют сарафан (хотя обыкновенно здесь не носят сарафанов): пожилым женщинам — из чёрной материи, а для молодых и девушек — из белой.

Если умирающий долго мучится в предсмертной агонии, то в подполье, против того места, где он лежит, вбивают два осиновых кола. От этого, говорят, умирающему бывает легче: он мучится меньше и скорей умирает. С тою же целью поднимают в это время князёк крыши и кладут под него осиновое полено.

Когда больной совсем кончается, зажигают у передней иконы свечу, а на столе у постели умирающего ставят чашку с чистой водой.

В это время не следует ничем тревожить умирающего: ни плачем, ни причитаньями, ни стуком, иначе, если больной заметит, что кто-нибудь плачет, или услышит причитанья окружающих, он не может спокойно умереть и будет долго мучиться, причём его мучения могут принимать крайне тяжелые формы: он станет вскакивать с постели, бросится бежать и не скоро успокоится.

Когда человек умирает, то проходящие мимо того дома, где он лежит, легко могут заметить, как в переднем углу этого дома стоит кто-то в белом и как будто кого-то караулит... Это смерть поджидает свою жертву. Многие из сургутян видели её «своими глазами»...

После обычного омовения тела надевают на покойника «смертное платье», причём у девушек распускают волосы, а у замужних женщин заплетают их в две косы, на шею надевают крест, а женщин иногда наряжают в серьги и кольца. Эти серьги и кольца, а равно и крест, непременно должны быть медными, так как сургутяне думают, что класть с покойником вещи из какого-нибудь другого металла, кроме меди, грешно, и обыкновенно таких не кладут. Затем покойника переносят на лавку (реже на стол) в передний угол под образа, и кладут всегда вдоль пола, так, чтобы ноги «гласили» на дверь, причём ноги связывают ниткой, чтобы они не расходились. Эта нитка, будучи взята от покойника, имеет, по понятиям сургутян, какую-то волшебную силу и употребляется для чего-то здешними колдунами, но подробнее об этом нам не удалось узнать.

Гроб покойнику обыкновенно делает кто-нибудь из его родных или близких знакомых, и всегда даром. Стружки и щепки от гроба здесь имеют особое значение: часть их, вместе с листьями от сухого веника, кладут на дно гроба, а остальные вывозят на «пашню», за город, куда вывозят также и навоз из загородей, но ни в коем случае не сжигают: жечь эти стружки нельзя. Подушку набивают всегда «венишными» листьями (от сухого веника) и ничем больше.

Состоятельные нанимают «псалтырщика», за что полагается известная плата — от 2 до 3 рублей за все трое суток, что лежит покойник в доме. Кроме того, псалтырщику дается ещё тот платок или полушалок, которым бывает покрыт небольшой стульчик или какая-нибудь пустая перевёрнутая коробка, стоящая на столе перед образами, чтобы выше и удобнее было читать.

Прежде сургутяне не держали так долго покойников в доме и нередко хоронили их в день смерти или, в крайнем случае, на другой день, но теперь, вследствие предписаний начальства, держат обыкновенно три дня, если только смерть не последовала от какой-нибудь заразной болезни.

Сургутяне очень боятся покойников и, чтобы не испытывать этого страха, употребляют такой прием: берут покойника за ноги и приговаривают: «Не я тебя, страх, боюсь, а ты меня, страх, бойся», и затем «взапятки» (задом) отходят к порогу. После этого покойник будто бы уже не будет более внушать страх.

Неотпетый мёртвый, по мнению сургутян, слышит всё, что происходит или говорится около него, и лишь когда над ним в последний раз пропоют вечную память, опуская его в могилу, он утрачивает всякое сознание, но тем не менее душа его до сорока дней навещает обыкновенно свой дом.

Если сделанный для покойника гроб случайно окажется слишком длинным или если покрывало (холст или миткаль) длиннее гроба, это служит дурной приметой: умрёт кто-нибудь из того же дома. Точно так же, если у покойника, когда его поднимут класть в гроб, ноги и руки закостенеют, спина окажется «талой», или если он умочится, лежа на столе, — это предвещает, что умрет кто-нибудь из родных.

Когда покойника вынесут из дома, то в передний угол, где он лежал, кладут камень (булыжник).

С кладбища обыкновенно все провожавшие тело умершего приглашаются на особое поминальное угощение, причём созывают также и нищих, которым подаётся три

милостыни: если хлебом, то по три каравая, по три пирога, по три шаньги каждому, а если даётся деньгами, то, например, по три копейки и т.д.

Характерными кушаньями на поминках, кроме кутьи, которую приносят из церкви и едят сейчас же по возвращении с кладбища, являются каша и блины, которые подают к чаю, а затем идет обычное угощение, «по состоянию глядя».

Покойников поминают в Сургуте на 6-й день смерти (3-й день похорон), на 9-й, 20-й, 40-й (6 недель), наконец, через полгода и год. Точно так же справляют и именины умершего. День смерти и именины справляются потом каждый год, но, конечно, только самых близких и уважаемых родственников, каковы отец, мать, муж, жена, крестные, но детей, братьев, сестёр и т.д. скоро забывают и именин их обыкновенно не празднуют.

В день поминок заказывают панихиду или обедню, ходят на могилы и причитают, а потом обычным порядком созывают гостей и нищих.

На святой неделе ходят христосоваться с покойниками, катают на могилах яйца и, обращаясь к покойникам, говорят: «Христос воскрес!».

Чтобы избежать тоски по тем или другим умершим, берут с их могилки щепотку песку и кладут себе на грудь за пазуху.

Вдовам не полагается носить серёг. Как только умирает муж, жена сейчас же снимает с себя серьги и кольца. Но если вдова молодая и недолго ещё жила с мужем, то, спустя некоторое время после его смерти, ей советуют опять надеть серьги. По мнению сургутян, серьги помогают вдовым женщинам от грыжи («чтобы их не прогрызло», «чтобы им не хотеть мужика»).

Относительно повесившихся и вообще кончивших жизнь самоубийством сургутяне думают, что сам по себе (по своей воле) человек никогда не давится: на него нападают черти и задушивают его. Это, конечно, может произойти только тогда, когда на шее у того или другого человека нет креста, а в кресте человек не задавится.

Если покойник долго не гниёт, то думают, что это или мощи, или проклятый матерью или Богом.

В заключение приведём для образца одно из причитаний Сургутского края, именно — причитание по отцу:

Мать сыра земля, расступися,
Гробница белодубовая, раскройся,
Родитель мой, убудися,
Раскрой свои очи ясные,
Распечатай свои уста сахарные,
Раскинь свои белые рученьки,
Промолви со мной единое словечко...
Куда ты, мой родитель, скрылся
И куда ты, мой родитель, удалился
Со моих с очей ясных?
Али ты удалился, мой родитель,
За леса за тёмные и за горы высокие?
Не могу тебя, родитель, нигде узрети,
Ни на каких на путях, на дороженьках,
Ни на матушке на быстрой реке,
Ни во тёмном лесе,
Ни в пирах и ни в беседах
Не могу с тобой, родитель,
Нигде свидеться и нигде встретиться...
На кого ты, мой родитель, так прогневался?
И что тебе на свете белом так не взмилось?
Без тебя, мой родитель, мне быть невыносимо.
Не могу такого друга и такого благодетеля себе
изобрати,
Как тебя, мой родимый батюшка.
Встречал ты меня за три поля, за три чистые,
И гостил ты меня, из гостей гостью дорогую,
Ублажал ты меня своей родительскою ласкою
И берёг ты меня от ветру и от вихрю,
Не давал ты на меня ветру дунути
И частому дождю капнути...
и т.д.

Хотя все эти похоронные причитания произносятся обыкновенно экспромтом и являются как бы импровиза-

цией, но в действительности они хорошо известны всем сургутянам, и в особенности женщинам, так что содержание их (варьирующееся по предмету «плача») и общий строй являются почти настолько же установленными, как содержание и строй любой песни. Специальных плакальщиц в Сургуте нет, и обыкновенно после смерти кого-либо, как только станут обмывать тело, в доме сейчас же поднимаются плач и причитанья всех присутствующих здесь женщин (мужчины редко принимают в этом участие) и «воют голосом». Но особенной интенсивности причитания достигают тогда, когда покойника из церкви несут на кладбище, а также и на самом кладбище, на могиле.

В другие дни (поминовения усопших) нам не приходилось слышать причитаний, но, кажется, они бывают на Пасхе и на радунице, когда ходят на могилы служить панихиды или (на Пасхе) христосоваться с умершими родственниками.

Записки Зап.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. Кн. XXX.
Омск, 1903. 230 с.

Н. Сколзубов

Народный календарь

*Поверья, приметы о погоде
и сроки сельскохозяйственных работ
у крестьян Тобольской губернии*

Народные приметы о погоде в последнее время обратили на себя внимание метеорологов. Ими стали интересоваться, стали проверять их богатым, накопившимся за много лет материалом по метеорологии. Оказалось, что многие из примет имеют глубокие основания и правильно, разумно применённые действительно позволяют с некоторой вероятностью судить о погоде наступающего периода года. Правильно установленные приметы — это ясно, образно сформулированный вывод из массовых непосредственных наблюдений народа метеорологических условий. Поэтому представляется очень интересным ближе познакомиться с существующими в каждой данной местности приметами. Правда, большинство примет есть достояние всего русского народа — они широко разнесены по Руси календарями; но, думается, в каждом отдельном районе из общей массы примет на первый план выдвигаются лишь те, которые к условиям этой именно местности подходящи. Не думаем, чтобы среди крестьян, например, Астраханской губернии была в ходу примета: *«до Благовещенья неделю не доездишь — неделю переездишь»*, а у нас эта примета очень распространена. Точно так же поговорка *«Благовещение — вороний день»*, имеющая смысл на севере, в Берёзовском крае, конечно, не в употреблении на юге, например, в Курганском округе.

Опыт собирания сведений о приметах, поговорках, связанных с днями святых, празднуемых православной церковью, предпринят был нами в 1896 году, когда вопрос о приметах введён был в программу по текущей сельскохозяйственной статистике для добровольных корреспондентов тобольского губернского статистического комитета.

К сожалению, ответов получено мало, мало дано и сведений о приметах. Решаемся, однако, публиковать собранный материал, надеясь, что обработка его в печати

вызовет желающих продолжить собирание сведений и дополнить наш список примет.

ЯНВАРЬ. 1 — *Если день весёлый, весь год будет весёлый (*Петуховская вол. Ишимского округа*). В Новый год прибудет дня на воробыный шаг (*Кошукская вол. Туринского окр.*). На Новый год звёздная ночь — к урожаю ягод (*Табаринская вол. Туринского окр.*). В Новый год мороз — будет непримолотный овёс (*Бегишевская вол. Тобольского окр.*). Если в Новый год или Крещение снег — к урожаю (*Сычёвская вол. Курганского окр.*). В которой стороне в Новый год и Крещение «морок» (тучи) — в той стороне и урожай (*Сычёвская вол. Курганского окр.*).

6 — На Крещение туман и морок — нажнёт крестьянин пшеницы лишних суслонов сорок (*Бегишевская вол. Тобольского окр.*). Ясные звёзды породят белых телят (*Логиновская вол. Тарского окр.*). Месяц на ущерб — воды не будет (*Казанская вол. Ишимского окр.*). Если на Крещение ясная ночь — к большому урожаю по осени белки и телят (*Табаринская вол. Туринского окр.*). День тёплый — хлеб хороший (*Петуховская вол. Ишимского окр.*). На Крещение ясно, но не звёздно — ягод не будет (*Сыропятская вол. Тюкалинского окр.*). На Крещение метель — к урожаю (*Макушинская вол. Курганского окр.*). Какова луна в Крещение — в такую луну всегда будет хороший улов рыбы (*Табаринская вол. Туринского окр.*). В Крещение тепло — в хлебе темно (густой хлеб) (*Терсюкская вол. Ялуторовского окр.; Кошукская вол. Туринского окр.; Логиновская вол. Тарского окр.*). В Крещение при водосвятии мороку нет и ветер с востока — худой будет год (*Сыропятская вол. Тюкалинского окр.*).

7 — Если вода из иордани выходит — к большеводью, а если во время крестного хода на иордань на юге морок, то к хорошему году (*Плотниковская вол. Курганского окр.*).

8 — Прп. Емилиана. Если на Емельяна подует с юга — лето будет грозное (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

* Отмеченные звёздочкой приметы и пословицы автором статьи зарегистрированы также в Красноуфимском уезде Пермской губернии.

16 — Поклон. веригам ап. Петра. Петра — полукорма (*Петуховская вол. Ишимского окр.; Логиновская вол. Тарского окр.*).

18 — Св. Афанасия. В Афанасьев день береги нос (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*). В Афанасьев день у коровы бок к стене припрёт (*Томиловская вол. Ялutorовского окр.*). Береги нос в Афанасьевский мороз (*Логиновская вол. Тарского окр.*).

20 — Если в полдень солнце — весна будет ранняя (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

22 — Ап. Тимофея. Тимофеевские морозы — ползимы (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

24 — Прп. Ксении. На Оксинью полузимницу-полухлебницу делят пополам корм и хлеб (*Бегишевская вол. Тобольского окр.*). На Оксинью-полузимницу дорогу переметёт — корм подметёт. Какова Оксинья — такова весна (*Каменская вол. Ишимского окр.*). Оксиньи-полузимницы; с этого времени требуется две трети хлеба до нового и треть сена (*Гилеволитовская вол. Тюменского окр.*). С Оксиньи-полузимницы хлеба надо половину, а сена — третью часть (*Адбазжская вол. Тобольского окр.*).

25 — Перелом зимы (*Логиновская вол. Тарского окр.*).

ФЕВРАЛЬ. В феврале полоз сам покатится, у коровы бок припрёт (*Терсюкская вол. Ялutorовского окр.*). *Февраль воду подпустил, а март подберёт (*Кошукская вол. Туринского окр.*).

2 — Сретение Господне. На Стретенье снежок — весной дожжёк (*Липчинская вол. Тюменского окр.*). На Встретенье зима с летом встречается. Какова погода на Встретенье — такова и весна (*Покровская вол. Тюменского окр.*).

3 — Пр. Анны. На Анну-пророчицу тепло — медведь в берлоге поворотился; крестьянин об молотье должен заботиться (*Бегишевская вол. Тобольского окр.*).

11 — Свм. Власия. В феврале семь крупных утренников: три до Власия, четыре после Власия (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

12 — Св. Алексея. На Алексея потёки были, должна рыба ловиться (*Уватская вол. Тобольского окр.*).

15 — Ап. Онисима. На Онисима зорнят пряжу (выстав-

ляют под утренник, от этого пряжа белится). (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

24 — Обретение главы Иоанна Крестителя. На обретенные птица гнездо обретает (*Логиновская вол. Тарского окр.*).

28 — Пр. Василия. Василия-капельника — с крыш капель (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

Если на масленице валится снег, то будет хороший урожай хлебов (*Глядянская вол. Курганского окр.*).

МАРТ. Ни в марте воды, ни в апреле травы (*Броницковская вол. Тобольского окр.; Гилеволитовская вол. Тюменского окр.*). В марте курица из лужицы напьётся (*Кошукская вол. Туринского окр.; Аромашевская вол. Ишимского окр.*). Если в марте на осинах разовьётся мочка, то ранний свет яровых хлебов будет хороший (*Табаринская вол. Туринского окр.*).

1 — Мч. Евдокии. На Евдокию снег — к урожаю; ветер тёплый — лето мокро; сиверко — лето холодно. Отколь ветер в Евдокию — оттоль и всё лето (*Макушинская вол. Курганского окр.*). *Евдокия метёт — весь корм замедает (*Плотниковская вол. Курганского окр.*). На Евдокию ветер — хлеб плохой, тихо — хлеб хороший (*Сычёвская вол. Курганского окр.*). На Евдокию не замёрзнет — быть ранней весне, а замёрзнет — поздней (*сл. Чёрная Абатской вол. Тобольского окр.*). Какая Евдокия — такое лето; какое Благовещение — такова Пасха и весна (*Бегишевская вол. Тобольского окр.*). Если в Евдокию и Федота (1 и 2 марта) ветер — сена не хватит (с полей сдует) (*Рыбинская вол. Тарского окр.*). День Евдокии красный — на огурцы и грузди урожай (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*). Если тихо, то корму нужно менее, т.е. будет ранняя весна (*Глядянская вол. Курганского окр.*). Евдокия красна — и весна красна (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*). Если в Евдокию ветер будет с полдень — весна будет тёплая, если же с севера — холодная (*Такмыкская вол. Тарского окр.*). Если на Евдокию с севера ветер — не род огурцам (*Абалакская вол. Тобольского окр.*). Если первого марта пригреет, напьётся воробей — будет ранняя весна (*Табаринская вол. Туринского окр.*). Евдокия ветреная — летом не будет сена (*Исетская вол. Ялуторовского окр.*). С какой стороны ветер — с

той стороны большей частью бывает ветер и весной (*Покровская вол. Тюменского окр.*).

2 — Свм. Феодота. На Федота занос — долго травы не будет (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*). Если на Федота со снегом буря подует, то дорогое весной сено будет, ленивый хозяин без дров будет (*Бегишевская вол. Тобольского окр.*).

4 — Преп. Герасима. Герасим грачевник — грачи прилетают (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

7 — Свм. Василия. Василия-капельника — с крыш капает, а за нос царапает (*Терсюкская вол. Ялutorовского окр.*).

9 — 40 мучеников. На сорок мучеников день с ночью меряется (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*). Сорок мучеников — сорок утренников (*Кошукская вол. Туринского окр.*).

12 — Прп. Феофана. На Феофана туман — урожай на лён и коноплю (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

17 — Св. Алексия, человека Божия. *С Алексея, Божьего человека, загорает лёд от воды и снег от земли, и пойдут с гор ручьи (*Покровская вол. Тюменского окр.*). На Алексея потоки были, должна рыба ловиться, а хлебу местами надород (*Уватская вол. Тобольского окр.*).

19 — Мч. Дарьи. Дарьи — нечистые проруби (*Еланская вол. Тюменского окр.*).

25 — Благовещение Пресвятой Богородицы. На Благовещенье замёрзнет, так будет сорок утренников, а не замёрзнет — так скоро стает снег (*Адбажская вол. Тобольского окр.*). На Благовещенье ночью лужи не замёрзнут — год хороший (*Петуховская вол. Ишимского окр.*). Благовещенье мокро — грибов будет много (*Красноярская вол. Ишимского окр.*). *Если на Благовещенье дождь — нажимная будет рожь (*Кошукская вол. Туринского окр.; Бегишевская вол. Тобольского окр.*). Если на Благовещенье дождь, то лето будет ненастное, а если ведро — лето будет хорошее (*Абалакская вол. Тобольского окр.*). Мокрое Благовещенье — грибное лето (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*). *До Благовещенья неделю не доездишь на санях или неделю переездишь (*Терсюкская вол. Ялutorовского окр.*). *В тот день недели, в какой было Благовещенье, в продолжение все-

го года крестьянин не начнёт никакого дела, не решится даже хлеба посеять (*Ражевская вол. Ишимского окр.*). Благовещение — вороний день, вороны пролетают (*с. Мужы Берёзовского окр.*).

27 — Мч. Матроны. Матрёны-наставницы — шука хвостом лёд разбивает (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

Если ветер на шестой неделе великого поста дует с севера — весна тёплая будет (*Марайская вол. Курганского окр.*).

АПРЕЛЬ. Мокрый апрель — хорошая пашня, изобилие сена (*Покровская вол. Тюменского окр.*).

1 — Пр. Марии египетской. Если разлив на Марию египет., то травы будет много (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

5 — Мч. Феодула. Если в этот день ветер с тёплой стороны, то хлеб не замёрзнет на полях, если же ветер северный, холодный, то замёрзнет от холода в первых числах июня или от инея в конце июля (*Ражевская вол. Ишимского окр.*).

16 — Мч. Ирины. Орины — урви берега; лёд на реке делается опасным (*с. Бронниково Тобольского окр.*).

23 — Влм. Георгия победоносца. *Егорий с теплом, а Никола — с кормом (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*). Георгий с водой, а Никола — с травой (*Абалакская вол. Тобольского окр.*).

25 — Ап. Марка. На Марка прилёт певчих птиц (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

30 — На 30-е апреля ясный выход солнца — вёдрое лето (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

Если на Пасхе снег — к урожаю. Если Пасха сухая — всё лето сухое (*Адбажская вол. Тобольского окр.*). Если на Пасху земля замёрзнет, то будет сорок утренников холодных (*Абалакская вол. Тобольского окр.*).

МАЙ. Холодный май — много сена, мало хлеба. Частые громы — к изобилию. Великие громы знаменуют тяжкое время для скота. Если к концу месяца дождливо, то хлеба будет мало (*Покровская вол. Тюменского окр.*). Если в мае гуси летят высоко, то овёс будет высок, если низко, то овёс будет низок (*Тугулымская вол. Тюменского окр.*).

1 — Прор. Иеремий. *Еремея запрягальника — начинают пахать (*Бронниковская вол. Тобольского окр.*). Коли на Еремея погоже — будет уборка хлеба пригожа (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

5 — Вмч. Ирины. *Ирины рассадницы — начинают сеять рассаду (*Бронниковская вол. Тобольского окр.*).

9 — Перен. Мощей св. Николая чудотворца. С Николы вешнего сажай картофель (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

13 — Мч. Гликерии. Лукерьи комарницы — в это время бывает много комаров (*Бронниковская вол. Тобольского окр.*).

14 — Если в этот день холодно — не будет огурцов (*Гилеволитовская вол. Тюменского окр.*).

ИЮНЬ. 13 — Мц. Акилины. Окулины — задери хвосты; в это время бывает много паутов (*Бронниковская вол. Тобольского окр.*).

24 — Рождество Иоанна Предтечи. Сильная роса на Ивана — к урожаю огурцов (*Каменская вол. Ишимского окр.*).

ИЮЛЬ. 20 — прор. Ильи. До Ильина дня в сене пуд мёду, после — пуд навозу (*Кошукская вол. Туринского окр.*). Ильин день без грома не обходится (*Абалакская вол. Тобольского окр.*).

24 — Мч. кн. Бориса и Глеба. Борис и Глеб — поспел хлеб (*Каменская вол. Ишимского окр.*).

29 — Мч. Калинника. Калинник поморозил калину (*Такмыкская вол. Тарского окр.*).

АВГУСТ. Если в августе, во время посева озими, пар покрыт паутиной, то к урожаю ржи, а нет паутины — к неурожаю (*Тугулымская вол. Тюменского окр.*).

3 — Если в это день гром гремит — предвещает слякоть (*Покровская вол. Тюменского окр.*).

6 — Преображение Господне. Пришёл 2-й Спас — настал всему час (*Маслянская вол. Ишимского окр.*). *Во 2-й Спас бери рукавицы про запас (*Каменская вол. Ишимского окр.*).

21 — Если 21 августа стоит ясный день, то четыре недели будет погода (*Покровская вол. Тюменского окр.*).

25 — Полёт журавля на юг — к ранней весне (*Маслянская вол. Ишимского окр.*).

СЕНТЯБРЬ. Тёплый и ясный сентябрь обещает изобилие хлеба, а холодный и мокрый — на неурожай. (*Покровская вол. Тюменского окр.*).

1 — Пр. Симеона столпника. *Если 1 сентября ясно, то и сентябрь будет ведренный и осень будет ведренная (*Гагарьевская вол. Ишимского окр.*). Если журавли крутятся высоко, то снега не будет долго (там же). *Если гуси летят высоко, то долго не будет снега, а если низко, то скоро выпадет (*Каменская вол. Ишимского окр.*). Если 1 сентября день ясный и тянется паутина — осень будет продолжительная и тёплая (*Такмыкская вол. Тарского окр.*).

14 — Воздвижение Креста Господня. Воздвиженье шубу с зипуном «вздвигает» (*Каменская вол. Ишимского окр.*). *Не жди, мужик, Здвиженья — режь репу; не жди, баба, Покрова — секи капусту (*Кошукская вол. Туринского окр.*).

25 — Прп. Сергия Радонежского. Сергиев день ведренный — санного пути не будет до Михайлова дня (*Рыбинская вол. Тарского окр.*). Если на Сергия снег, то зимний путь установится после Михайлова дня (*Маслянская вол. Ишимского окр.*).

ОКТАБРЬ. Октябрь — грязник; ни колёс, ни полоз не любит. Поздний листопад — на тяжёлый год; если лист опал с берёзы чисто — лёгкий год, не чисто — к строгой зиме (*Бронниковская вол. Тобольского окр.*). Сколько будет дней от первого выпавшего снега до нового месяца, столько будет в зиме слякоти и снега (*Покровская вол. Тюменского окр.*).

1 — Покров Пр. Богородицы. *Каков Покров — такова и осень (*Каменская вол. Ишимского окр.*). Если Покровская наголе, т.е. без снега, то и Дмитриевская наголе (*Абалакская вол. Тобольского окр.*). До Покрова избу вычини. Ветер холодный с востока — зима будет холодная (*Каменская вол. Ишимского окр.*). *Если покровская пятница наголе (без снега), то и Дмитриевская наголе (*Гагарьевская вол. Ишимского окр.*).

22 — Казанской иконы Божьей Матери. На Каменскую дождь лунки нальёт — зиму приведёт (*Каменская вол. Ишимского окр.*).

26 — Влмч. Дмитрия Солун. Если Дмитрий на лодке, то и Георгий на коне — и наоборот (*Табаринская вол. Туринс-*

кого окр.). Дмитрий Солунский перевозу не просит (*Гагарьевская вол. Ишимского окр.*). Если Дмитриев день по снегу, то и Святая по снегу (*Аромашевская вол. Ишимского окр.*).

НОЯБРЬ. Если в начале месяца будет дождь, то в будущий год редко бывает плодородие (*Покровская вол. Тюменского окр.*). Если в ноябре часто бывает куржак — будет хороший урожай (*Сычёвская вол. Курганского окр.*). Снегу надуёт — хлеба прибудет. Вода разльётся — сена наберётся. Коли лёд на реке стал горами — и хлеба будет горами (*Бронниковская вол. Тобольского окр.*).

1 — Космы и Дамиана бессребренников. Коли Кузьма и Демьян закуют, Михаил раскуёт (*Каменская вол. Ишимского окр.*).

15 — Мч. Гурия. Гурий — на пегой кобыле (грязь и снег) (*Каменская вол. Ишимского окр.*).

ДЕКАБРЬ. Большой иней, бугры снега, глубоко промёрзлая земля — к урожаю.

1 — Каков день 1 декабря — такова и зима (*Малокрасноярская вол. Тарского окр.*).

6 — Св. Николая Мирлики. чудотворца. Савва вострит, а Никола гвоздит (*Бронниковская вол. Тобольского окр.*).

12 — Свт. Спиридона. *Солнце — на лето, зима — на мороз (*Каменская вол. Ишимского окр.*). Со Спиридона-солнцеворота к Новому году дня прибудет на воробыный шаг (*Абалакская вол. Тобольского окр.*).

25 — Рождество Иисуса Христа. Ясный день — к урожаю (*Каменская вол. Ишимского окр.*). Куржак на деревьях — урожай на хлеб (*Каменская вол. Ишимского окр.*). Если от 25 декабря по 6 января погода будет пасмурная — не к добру: в будущем году надо опасаться болезней (*Покровская вол. Тюменского окр.*).

Приметы, которыми определяют, каков будет урожай хлебов

Если весной осина пушится, то и *гречиха* родится. Если берёзовая шишка натрое весной, то *овёс* хорошо родится. Если из облака вошь падает на снег, то *горох* хорошо родится. Если вода большая да берега моет, то *горох* ро-

дится. Если муравей весной выйдет сытый и чистый, то пшеница родится (с. Романовское Томиловской вол. Ялutorовского окр.). В какой день падёт первый весенний дождь — в эти дни горох не сей, его съест вошь (Н. Алабуга Курганского окр.). Если по окончании покосов отавы большие, то озимям не год; если же отав нет, тогда от озимей, посеянных около 1 августа, можно ждать урожая (Ражевская вол. Ишимского окр.). Если весной казарка (утка) высоко пролетает (на ходу) — овсы высоки будут; низко летает — низки. Если зимой снег ложится ровно, сей весной гуще; ложится грядами, надувами — сей реже (в первом случае — лето сухое, во втором — сырое). Чтобы узнать, какой хлеб лучше сеять, в марте месяце берут пробы семян в ростило; когда появятся всходы, оставляют их два дня без поливки и смотрят, на каких всходах появится больше росы — этому хлебу ныне и будет урожай. Если первый гром слышится глухими раскатами — будет смочное лето (или урожай), а резкими — сухое (Заводоуковская вол. Ялutorовского окр.). Если осенью во время посева озими пар покрыт паутиной, то к урожаю ржи, а нет паутины — к неурожаю (д. Юшкова Тугулымской вол. Тюменского окр.). Если последний день масленицы весёлый (ясный) — сей пшеницу (Адбазская вол. Тобольского окр.). Свиньи шибко роют поляну в поле осенью — к худому году, к неурожаю или повальным болезням (Тугулымская вол. Тюменского окр.). Если с зимы к весне дорога бугром — урожай, логом — неурожай (Сычёвская вол. Курганского окр.). Весной на осине и берёзе хорошая мочка — будет хлеб ядрёный (Бронниковская вол. Тобольского окр.). Частый и обильный куржак зимой — урожай будет хорош (Петуховская вол. Ишимского окр.). Если на Новый год на лесу кухта, то год будет урожайный. Если кукушка прилетит на голый лес, то год будет неурожайный (Абалакская вол. Тобольского окр.). Если на лесу кухта, то к хорошему урожаю хлеба (Безруковская вол. Ишимского окр.). Если замёрзнет лёд тёмный — к урожаю, светлый — к неурожаю (Томиловская вол. Ялutorовского окр.). Мышь ест хлеб снизу вверх — цена на хлеб поднимется (Уватская вол. Тобольского окр.).

Приметы, по которым определяют, каким севом хлеб сеять

Если в щуке весной сенёк к хвосту толще, сеять последним севом лучше — лето будет дождливое (*Лыбаевская вол. Ялуторовского окр.*). Всят куриные яйца: которое тяжелее, т.е. первородное или второе и третье, тем севом и сеять (*Маслянская вол. Ишимского окр.*). На осинах лист полон — и сеять полно (*Гагарьевская вол. Ишимского окр.*).

Приметы о погоде

Если луна в кругу — будет буран (*Безруковская вол. Ишимского окр.*). Если птица летит высоко, то осень будет долгая, а если низко — короткая (*Терсюкская вол. Ялуторовского окр.*). Лебедь летит высоко, то до зимы далеко, а низко — близко (*Тевризская вол. Тарского окр.*). Если летом вечерняя заря подгорает — к дождю (*Безруковская вол. Ишимского окр.*). Если лист с малой берёзы опал чисто, то будет лёгкий год для молодых, а если с большой берёзы — то для старых. Кошка лежит и морду прячет — к дождю (*Бронниковская вол. Тобольского окр.*). Свиньи визжат — к ненастью. Караси кровяные — к ненастью (*Ражевская вол. Ишимского окр.*). Если утки весной прилетели жирные — весна холодная, долгая (*Заводоуковская вол. Ялуторовского окр.*).

Ежегодник Тобольского губернского музея.
Тобольск, 1899. Вып. IX. С. 69–80.

П.А. Городцов

Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда

Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда

В крестьянской среде Западной Сибири до сих пор сохраняются и ежегодно исполняются многие обряды, которые хотя и приурочены к христианским праздникам, но несомненно представляют собой остатки дохристианских верований и обломки древнего языческого ритуала. В европейской России такие обряды уже давно стали предметом научного исследования и давно описаны разными лицами, в Сибири же таких исследований и описаний сделано меньше, и потому я полагаю, что предлагаемые очерки будут иметь значение, хотя бы чисто местное.

Приступая к описанию народных обрядов, я далёк от мысли дать исчерпывающее изложение предмета и полагаю, что такое исчерпывающее описание дать невозможно или по крайней мере трудно по многим причинам. Так, прежде всего надо указать на то, что обрядность, сопровождающая некоторые празднества, поражает своим разнообразием, и часто бывает так, что не только в соседних деревнях, но в одной и той же деревне, только в разных улицах, и даже в соседних домах одной из той же улицы данный обряд совершается различно. Чем вызвано такое поразительное разнообразие в обрядах, касающихся одного и того же предмета, объяснить трудно. Затем, деятельность исследователя при изучении настоящего предмета чрезвычайно затрудняется тем недоверчивым и даже подозрительным отношением, какое встречает наблюдатель в массе крестьянского населения. Крестьяне неохотно передают таинственные подробности обрядов; порой бывает прямо-таки трудно вызвать крестьянина или крестьянку на откровенность и убедить их рассказать какие-либо подробности интересующего обряда. Так крестьяне поступают, очевидно, потому, что опасаются встретить

профанацию и несерьёзное отношение к их заветным верованиям со стороны лиц посторонних и чуждых их среде и понятиям.

Настоящий труд вызван желанием спасти от забвения многие интересные обряды, вращающиеся в народном обиходе. Надо сказать, что народные обряды быстро, на наших глазах, исчезают из памяти народной и выходят из народного употребления, и уже недалеко то время, когда от разнообразной и яркой народной обрядности останутся одни лишь смутные воспоминания.

Место наблюдения и изучения обрядов — Тюменский уезд, главным образом в его северной и восточной части, это так называемый Тавдинский край, расположенный по реке Тавде, а также селения, лежащие по реке Тоболу, при впадении в него реки Тавды. Тавдинский край — это глухой и малокультурный угол Тюменского уезда, и, может быть, благодаря его культурной отсталости, здесь, в этом краю, в наибольшей чистоте и цельности сохранились до наших дней народные предания и обряды, которые и отправляются народом аккуратно каждый год. Время наблюдения — 1906—1908 годы; в эти годы я проживал в сибирской деревне, что дало мне возможность произвести непосредственные личные наблюдения народной жизни с её таинственными обрядами, и результаты этих наблюдений я предлагаю теперь вниманию читателей.

Все описанные праздники и обряды я наблюдал лично, но многие, и притом очень ценные, сведения мне сообщены сельскими учителями и особенно учительницами, которые вообще оказали мне огромную услугу в деле изучения народного быта и в деле собирания произведений народного творчества, за что я и приношу им здесь мою глубокую благодарность.

І. Семик и Троица

Семик и Троица тесно связаны между собой единством и тождеством обрядности, а потому не представляется возможным изучать обрядности каждого из этих дней в

отдельности: в Семик выполняется начало обряда, а в Троицу — конец его. Но всё-таки надо сказать, что главная часть обряда выполняется в Троицу, а Семик представляет собой как бы подготовительную стадию при отправлении обряда. Этим, конечно, объясняется то обстоятельство, что празднование Троицы сопровождается большей торжественностью и пышностью и большим праздничным оживлением и весельем, чем Семик.

Семик празднуется в четверг перед Троицей.

В Семик, в послеобеденную пору, девушки, по праздничному одетые, собираются на деревенской улице и с песнями идут за селение, в лес или в бор, и там «завивают венки» и «запирают ворота». Нужно заметить, что обряд завивания венков и запираания ворот есть обряд чисто девический, и в нём парни, и вообще мужчины, не могут участвовать; пока девушки собираются на улице или на площади, парни могут принять участие в их играх и забавах, парни же сопровождают девушек с песнями за деревню, но там, за деревней, парни отдаляются и поворачивают назад, и дальше в лес идут уже одни девушки. Обряд завивания венков и запираания ворот совершается всегда в местах наиболее укромных, чтобы завитые берёзки не бросались в глаза прохожим и не подвергались бы порче. Впрочем, народ свято чтит обряд завивания венков и редко бывают случаи порчи их, может быть, из суеверного страха, что такая порча может навлечь беду на голову самого портящего.

Придя в лес, девушки рассыпаются в разные стороны и выбирают себе берёзку для завивания, причём на одной и той же берёзке могут завивать венки, при желании, две и три девушки; разумеется, каждая девушка должна сама завить на такой берёзке свой особый венок, она не может пользоваться готовым венком своей подруги. Завивание венков совершается так: девушка на излюбленной берёзке выбирает сучок или несколько близлежащих сучков и скручивает их в виде жгутика, причём старается не сломить сучков и веточек на нём и не смять листиков; затем жгутик сгибается в форме круга-венка и скрепляется с его собственным стволиком; для прочности можно при-

крепить вершинку венка к стволу лентой или лоскуточком. При завивании венка девушка наговаривает и загадывает в такой форме: «Если я, раба Божия (имя рек), нынешний год проживу благополучно, то расцвети, моя берёзка, а если ж умру, то посохни и поблётни». Это наговорное слово произносится три раза. В зависимости от цели и предмета гадания, этот наговор можно перефразировать так: «Если я, раба Божия, в нынешнем году выйду замуж, то расцвети моя берёзка, а если останусь в девушках, то посохни и поблётни» и т.п.

Девушке позволительно завивать венки и загадывать не только на себя, но и на членов своей семьи, например, на брата, на сестру, хотя бы и на женатых, а даже на посторонних лиц, например, на парня, к которому девушка равнодушна.

Разумеется, девушки держат в тайне и никому не говорят, на кого завиты венки и что они на венке загадали.

Мне известно, что завиванием венков и загадыванием на них занимаются и замужние женщины, и даже немолодые, но они делают это без всякого торжества и без всякой праздничной обстановки, в одиночку, в тишине и в тайне. Пойдёт замужняя женщина в лес, как бы за тем, чтобы собрать домой скотинку или наломать веников для бани, — и там завьёт на берёзке венок, попоёт, вспоминая свои девичьи годы, песни и тихо возвращается домой, а в Троицын день такая женщина опять тихо и незаметно пойдёт в лес, сорвёт свой венок и бросит его где-либо в укромное место — в реку или в озеро — с гаданием.

Обряд «запирания ворот» совершается так.

Девушка выбирает две соседние небольшие берёзки, подгибает их вершины друг к другу и вершинки эти перевивает друг с другом в форме жгута и при этом трижды наговаривает так: «Если выйти мне замуж, отворитесь ворота, если в девушках остаться — затворитесь ворота». Таким образом, ворота могут служить только для одной девушки и нельзя запереть ворота на другое лицо, как это допускается с завиванием венков, равным образом девушка не может пользоваться воротами своей подруги.

Венки и ворота остаются в покое в лесу три дня, до

Троицы. Покончивши с венками и с воротами, девушки собираются в круг и с песнями возвращаются домой; там, на деревне, к ним присоединяются парни, и молодёжь веселится и забавляется до ночи.

В Троицын день, после обеда, на сельской улице опять собираются девушки весёлым хороводом, и к ним присоединяются парни. И на этот раз уже все — и парни и девушки — соединённым хором с песнями идут в лес заламывать венки, завитые в Семик. В лесу девушки быстро подбегают к своим берёзкам и к воротам, с большим вниманием осматривают их и принимаются толковать их значение. Если венок остался свежим и зелёным, то это считается добрым признаком: исполнятся все заветные думы и желания девушки, и сбудется её гадание. Если же венок завял и засох, повреждён червями или скотиной, или надломлен и растрепан ветром и бурей, тогда в этом видят худые приметы и грозные знамения: в этом случае девушка может остаться в девушках не только на этот год, но и навсегда, может потерпеть всяческие несчастья, заболит, и даже умрёт.

Затем смотрят ворота: если ворота отворилась, т.е. если вершины берёзок развернулись, развились и приняли свободное положение, тогда девушка выйдет замуж, если же нет, то останется в девушках до следующего года.

Когда венки осмотрены и обсуждение их окончилось, тогда девушки «заламывают» свои венки, т.е. отрывают венки или отрезают их от ствола берёзки, а затем девушки украшают венки полевыми цветами и надевают их себе на головы.

Покончивши с заламыванием венков, девушки начинают обрядовать берёзку, т.е. приступают к выполнению обряда берёзки. Для этого девушки всего чаще берут такую берёзку, на которой завивали венки, при этом стараются выбрать «развитую берёзку», т.е. такую, ствол которой на вершине раздвояется в форме развилины, т.е. оканчивается двумя равными стволиками. Такую берёзку срубают и отсекают от неё лишние сучки; развилины её сгибают в форме жгута или обычного венка; это делается для изображения головы берёзки. Поперёк берёзки привязы-

вают палку или же на ней отводят два противоположных сучка для рук. Затем на голову берёзки надевают головной убор — кокошник, сетку или платок; в верхней части на берёзку надевают кофту, а в нижней — юбку и фартук; шею берёзки украшают монистами и бусами; кроме того, голову берёзки украшают лентами и полевыми цветами. Когда берёзка готова, тогда под юбку берёзки подлезает девочка-подросток лет 10–12, какая пошустрее, известная плясунья; девочка эта держит за ствол берёзку и с нею движется и пляшет, и благодаря этому получается иллюзия живого существа — девочка эта тоже называется «берёзкой».

Вокруг обряженной берёзки парни и девушки составляют хоровод и сначала поют проголосные хоровые песни, берёзка одна в кругу степенно ходит в разных направлениях. Но вот проголосные песни сменяются плясовыми, и в круг влетают в бешеной пляске пары парней и девушек, а с ними пляшет и неистово вертится «берёзка».

Когда парни и девушки напелись и наплясались вокруг берёзки, тогда все с пением возвращаются домой; впереди всех идет «берёзка», которую под руки поддерживают две взрослые девушки. На селе молодёжь, предводимая «берёзкой», с песнями обходит по улицам всё селение, а затем «берёзка» и все участники хоровода начинают ходить по гостям в дома тех девушек, которые участвовали в хороводе и в обряде. Обыкновенно это хождение «берёзки» по гостям ведётся по заранее установленной очереди, но всё-таки очередная девушка, по требованию этикета, должна приглашать к себе берёзку и гостей: «Белая берёзонька, милости просим к нам в гости, — говорит с поклоном девушка, — не побрезгуй нашим хлебом-солью. Красны девицы, добры молодцы, заходите».

«Берёзка» и гости идут в горницу; там из-под юбки выбегает девочка, и берёзку ставят в передний угол, а девушка-хозяйка начинает угощать берёзку и гостей. Перед «берёзкой» ставят столик или табуретку, или даже обрубок дерева, покрывают чистой скатертью и ставят на стол угощение: стакан домашнего пива, а если есть, то и стакан или рюмку вина, а затем на тарелочках по кусочку

тех печений и сластей, которыми угощаются гости. Хозяйка девушка кланяется «берёзке» и приглашает её попить и покушать, что Бог послал. Гости же в это время садятся за свой стол, пьют чай с печеньем и сладостями, в богатых домах гостей обносят стаканом вина и домашнего пива. Погостивши у одной девушки, «берёзка» и гости переходят в дом другой девушки, и там угощение берёзки и гостей обставляется теми же церемониями.

Когда «берёзка» обойдёт всех девушек, тогда её несут в особо приготовленный для неё дом, обыкновенно у какой-нибудь одинокой старушки или бобылки, но часто бывает и так, что «берёзку» оставляют там, где кончились её визиты; тут «берёзка» остаётся до вечера, причём и на этот раз перед берёзкой накрывается стол с «яствами сахарными и питьями пьяными». Девушки же и парни расходятся по домам.

Вечером, на закате солнца, молодёжь — парни и девушки — опять сходятся на деревенской улице с венками на головах, и все с песнями идут на квартиру «берёзки», там приветствуют «берёзку» и кланяются ей и с почётом выносят её из угла; девочка-берёзка опять подлезает под юбку и несёт «берёзку» впереди молодёжи. С проголосными песнями ведут «берёзку» сначала по улицам селения, а затем за селение, на берег реки или озера. Там, на берегу, над «берёзкой» начинают петь жалобные и печальные песни — это называется «отпевать берёзку». Когда таким образом отпоют берёзку, тогда под пение грустных же песен начинают раздевать «берёзку»: с берёзки снимают все ценные украшения — платье, ленты и бусы, а затем раздетую берёзку девочка бросает в воду и так наговаривает: «Коли мне жить, то поплыви, берёзка, коли умереть, то потони».

Все остальные девушки в это время снимают с головы свои венки и бросают их в воду с наговорным словом и с гаданием: «Если я, раба Божия, в нынешнем году помру, то потони, мой венок, в самое дно, а если проживу благополучно, то поплыви, мой венок, поверх воды». Так же гадают о замужестве, соответственно перефразируя наговорное слово.

Покончивши с берёзкой и с венками, молодёжь с песнями возвращается домой и проводит время обычным праздничным порядком: водят хороводы, поют, пляшут и часто веселятся всю ночь напролёт.

II. Яичное заговенье

Так называется заговенье пред Петровым постом; оно бывает неделю спустя после Троицына дня — в воскресенье. Яичное заговенье соответствует русальскому заговенью крестьян европейской России — это праздник Ярилы, бога солнца, бога весны, как источника весеннего обилия и плодородия.

В некоторых селениях Тавдинского края обрядовое празднование этого дня начинается очень рано. Так, в селе Тавдинском, Антроповском и других смежных, рано утром, на заре, парни и девушки собираются в кружок, все идут за село к реке и вместе купаются, причём иногда не нагие, а в нижнем белье, в рубашках, и тем купальщики как бы подчёркивают свои благие намерения и ритуальный характер купального обряда, но обычно празднование начинается с полудня, а купанье совершается вечером, на вечерней заре.

С утра в этот день высыпают на улицу умытые и причёсанные ребятишки в праздничных нарядах и оживлённой беготнёй и криком оглашают и приветствуют наступление праздника, а затем постепенно на деревенской улице появляются группы одетых по праздничному парней и девушек; но собственно празднование начинается с обеденной поры; в ту пору из каждого дома выходят хозяйки и женщины с котелками или с чугунами, наполненными свежими яйцами; иногда соседние семьи составляют компанию и забирают яйца вместе. Все идут на берег реки или озера и там разводят костры, на которых варят яйца, причём почти всегда красят их в буровато-жёлтый цвет луковичными перьями; к кострам собираются все члены семьи, причём мужики всегда приносят с собой водку. Яйца готовы, начинают их есть и пьют водку, пьют все — мужчины и женщины, взрослые и дети.

Накушавшись яиц, парни и девушки берут по яйцу и начинают катать яйца, как это делается у крестьян центральной России на Пасхальной неделе, и также для катанья приспособляют особый лубок из коры тальника. Мужики и бабы тем временем начинают ходить от костра к костру и взаимно угощаться водкой и яйцами. Постепенно растёт оживление и веселье, смех и движение. Молодёжь бросает катанье яиц и составляет хоровод; парни и девушки поют песни и пляшут под гармонику.

Между тем мужики и бабы наугощались и наелись яиц до отвала, а яйца всё ещё остаются, тогда оставшимися яйцами начинают бросаться: бабы бросают яйца в мужиков, а мужики — в баб, причём этому бросанию яиц придаётся какой-то таинственный и непристойный смысл. Поднимается хохот, визг, шум и беготня. Несомненно, праздник получил своё название от того, что в нём большую роль играют варёные яйца.

Затем мужики и бабы составляют свой хоровод и поют песни, а глядя на них, подгулявшие старички и старушки составляют свой отдельный хоровод и тоже поют песни.

Оживление и веселье на деревенской улице растёт всё крепче и разгорается всё ярче. Но вот на улице появляются мужики, вооружённые ружьями, и начинают стрелять в воздух холостыми зарядами, и подъём праздничного настроения достигает своего высшего напряжения; костры и стрельба из ружей придают народному празднеству бодрое и воинственное настроение и вызывают в народе отчаянный разгул и размашистое веселье — упоение весельем.

Стрельбе из ружей придаётся важное значение, ибо выстрелами прогоняются от селения злые духи и отгоняются болезни от людей и скота, и потому порох для ружей почти всегда покупается на общественные деньги.

В разгар веселья женщины и девушки начинают устраивать бега взапуски, а после бегов замужние женщины начинают борьбу между собой, девушки же в этой борьбе не участвуют; глядя на женщин, начинают борьбу и

мужики, причём обязательно борются мужики с холостыми парнями.

Среди забав, свойственных только этому дню, обращает на себя внимание такая забава, участницами которой могут быть только девушки. Две девушки становятся друг против друга и берутся за руки, другая пара девушек, также схватившись руками, становится рядом, и так образуется длинный коридор; крайняя пара берёт к себе на руки какого-нибудь малыша — мальчика или девочку — и перебрасывает его на руки соседней пары, а эта пара в свою очередь перебрасывает ребёнка к соседней паре и т.д. А между тем первая пара опять берёт к себе другого малыша и опять его перебрасывает, и таким способом перебрасывают на руках всех деревенских детей, но бывает и так, что бросают на руках не только детей, но и подростков и даже взрослых девушек. Эта забава вносит большое оживление.

Вообще в этот день деревенская молодёжь под открытым небом на деревенских улицах и площадях предаётся самым разнообразным играм и забавам. Так, в некоторых селениях в большом развитии игры с завязанными глазами, и делается это так. Кладут на землю в разных местах деньги или небольшие вещи: трубку, портмоне и т.п., а затем одному или нескольким игрокам завязывают глаза, и они должны искать разложенные вещи, и если кто из них какую вещь найдёт или случайно наступит на неё, то берёт её себе; после этого игрок снимает повязку и раскладывает свои вещи и деньги, а его партнёр с завязанными глазами ищет их.

Затем вбивают на площади шест или кол и вершине шеста привязывают длинные верёвки, концы которых свободно свешиваются вниз; к этим свободным концам верёвки привязывают по одному человеку, причем всем игрокам завязывают глаза; одному из игроков в руки дают опояску или просто верёвку, и он старается ударить кого-либо из игроков, привязанных к верёвке, и когда ударит, то передаёт ему бич, и тот, уже в свою очередь, начинает гоняться за другими, чтобы ударить кого-нибудь. Эта игра также сопровождается большим оживлением и весельем.

Так, в забавах и играх и в бурном веселье, крестьяне проводят весь этот день, когда же день начинает склоняться к вечеру и солнце низко садится, тогда вся деревенская молодёжь составляет хоровод и с песнями направляется за деревню, на берег реки или озера; там, на берегу, раскладывают огромные костры и стреляют из ружей; часто деревенскую молодёжь туда сопровождает взрослое население деревни.

В это-то время в большинстве селений совершается общее купание; когда солнце сядет и когда костры разгорятся ярким пламенем, тогда все — мужчины и женщины, старые и малые — раздеваются и бегут в реку купаться. После купания всё взрослое население возвращается домой, и на берегу остаётся только молодёжь — парни и девушки, которые затягивают веселье в ночь и иногда при свете костров целую ночь напролёт водят хороводы, поют и веселятся.

В некоторых селениях празднование яичного заговенья начинается общественным богомолем и открывается общественным столом-пиршеством. Уже заранее крестьяне селения готовят к этому пиру и на общественный счёт покупают провизию для пира: мяса, муки, водки и сластей, и приспособляют особыхстряпух, которые и принимаются варить пиво, жарить и готовить всё, что нужно для предстоящего пира.

В день праздника не рано — в предобеденную пору, после того как все хозяйки успели управиться с их хозяйством и печами, всё население, от мала до велика, идёт в часовню и там молятся: читают псалмы и евангелие и поют молитвы и народные стихи. Затем из часовни все идут на площадь; там под открытым небомстряпухи уже приготовили столы, накрыли их скатертью и устали винами, кушаньями и сладостями; все садятся за столы и начинают пить и есть, сладостями оделяют главным образом детей и подростков. Пир проходит оживлённо и весело, но солидно и скромно, бесчинство за столом не допускается.

После стола начинается народный праздничный разгул, как это описано выше.

III. Осеннее заговенье

Осеннее заговенье бывает перед Филлиповским постом, т.е. 15 ноября; этот день во многих селениях Тавдинского края празднуется, и почти везде праздник этот открывается мирским столом и общественным пиром, и потому праздник этот заслуживает внимания.

Для устройства общественного стола крестьяне заранее делают надлежащие приготовления: покупают мясо или даже убивают для этого случая скотину и заготавливают всякого другого провианта, покупают вина, закусок и сластей и выбирают особых стряпух, которым платят, а иногда обязанности стряпух отправляются крестьянками по очереди; выбранные стряпухи варят домашнее пиво, готовят обед и пекут печенье. Для этого пира заранее нанимается особое помещение.

В день праздника всё население деревни собирается в это помещение на общественных пир, все садятся за столы и начинают пить и есть. В некоторых селениях этому пиру предшествует общественное богомолье в деревенской часовне, как это делается в яичное заговенье.

После общественного стола взрослые люди — мужики и бабы — собираются группами и ходят друг к другу в гости и гуляют по домам, а молодёжь — парни и девушки — строят вечёрку, причём парни составляют складчину и нанимают дом для вечёрки и покупают вин и сластей для угощения девушек и веселятся на вечёрке всю ночь.

* * *

Этим заговеньем открывается в деревне осенний сезон, весёлая полоса в жизни деревенской молодёжи. В эту пору крестьянские парни и девушки по воскресным и праздничным дням часто устраивают вечёрки. Вечёрка — это нечто вроде деревенского бала; вся деревенская молодёжь ждёт вечёрки и задолго к ней готовится: девушки готовят наряды и украшения, а парни приспособляют помещение для вечёрки, составляют складчину, покупают вина, сладких наливок и сластей для угощения девушек.

Деревенский этикет требует, чтобы парни накануне

вечёрки, и вообще заранее, обошли всех девушек деревни и поимённо пригласили их на вечёрку; считается великим позором и обидой, если какую-нибудь девушку обойдут таким приглашением. Случается, что парни выезжают в соседнюю деревню и приглашают парней и девушек этой деревни к себе на вечёрку в качестве гостей.

Вечёрка собирается вечером, с наступлением тёмного времени, при огнях, обычно в праздничный или воскресный день. В этот день на склоне дня, в сумерках, девушки группируются в доме одной какой-нибудь подруги, тут же собираются их матери и пожилые женщины, и когда девушки уже совсем готовы, матери и пожилые женщины напутствуют девушек таким стишком, который они не поют, а произносят «нараспев», т.е. речитативом:

На море, на окиане,
На острове Буяне
Собиралися орлы орловичи,
Соколы соколовичи,
Сизо пёрышко оброняли;
Красны девушки подбирали,
В горшок клали,
На печь ставили.
Сизо пёрышко
Сквозь печь кануло,
В горшок ляпнуло.
Как из этого горшка
Кормили молодцов,
Чтоб на вечёрочки ходили,
Красных девушек любили,
На коленочки сажали,
В уста сахарны целовали.

(Эту песенку-стишок сообщил посказитель Лука Леонтьевич Заякин).

Когда девушки готовы и собрались в полном составе, тогда они выходят на улицу и с песнями совершают прогулку по всему селу, к ним подходят парни. После прогулки все направляются в приготовленное помещение, и вечёрка открывается.

Принимать участие в играх и забавах вечерки может только подрастающая молодёжь — парни и девушки, дети же и взрослые не участвуют, но присутствовать на вечерке могут все, кому угодно — и малые и старые, насколько позволяет помещение.

IV. Масленица

«В году есть три больших праздника: семик да масленица, да жена именинница». Таким юмористическим присловьем крестьянин-сибиряк определяет значение масленицы в народном быту. «Широкая масленица», «честная», «весёлая» — всё это обычные эпитеты масленицы в разговорной речи крестьянина. Блины, катанье с гор и катанье на конях по улицам селения — всё это необходимые атрибуты масленицы; обильное взаимное угощение, размашистый разгул и безграничное веселье в среде взрослого населения, хороводы, песни и игры в среде деревенской молодёжи — так обычно проводится масленица в деревне.

Нет сомнения, что в сибирской деревне, так же, как и в европейской России, крестьяне совершают встречу масленицы и приветствуют её прибытие соответствующими обрядами, играми и причетами, но я, к сожалению, не имел времени и возможности остановить своё внимание на встрече масленицы и не мог описать этого, безусловно, интересного момента её прославления. Мне удалось с некоторой обстоятельностью наблюдать и исследовать лишь «проводы масленицы». Следует сказать, что встреча масленицы в сибирской деревне совершается очень скромно и не бросается в глаза наблюдателю. Другое дело — проводы масленицы, они всегда сопровождаются большими обрядами и всенародным весельем.

Проводы масленицы крестьянами сибирских селений всегда совершаются в последний день масленицы, в воскресенье, носящее название «целовник»; этот день масленицы получил такое название от распространённого обычая ездить в этот день к своим родным, знакомым и соседям, чтобы помириться с ними и испросить у них

прощения в своих грехах, причём взаимное прощение во грехах всегда запечатлевается братским поцелуем.

Масленица в народной разговорной речи чаще всего произносится как «маслянка». Масленица — это проводы старухи зимы и встреча весеннего солнца, источника весеннего изобилия, праздник пробуждения природы от зимнего умирания. Масленичный блин есть не что иное, как наглядное изображение солнечного диска и являет собой достойное посвящение возвращающемуся солнцу.

Масленице посвящена вся сырная неделя, но собственно празднование её в крестьянской среде начинается с половины недели, примерно с четверга, хотя деревенская молодёжь, особенно дети, чувствуют себя по-праздничному уже с понедельника, и всю неделю, с утра до вечера, они катаются с гор. С половины недели начинается усиленное печение блинов и катание на конях по улицам селения.

Здесь нелишне отметить одну крайне симпатичную особенность сибирской деревни: катание на конях всегда открывается катанием детишек самого малого возраста, иногда грудных; после того как дети с утра накушаются блинов, мужик берёт большую кошеву, запрягает в неё смирную лошадь и сажает в кошеву своих и соседских детей, причём закутывают всех шубами, тулупами и одеялами; вожжи дают тоже малышу, какой порасторопней, и отправляют кататься. В раннюю пору дня на улицах деревни можно видеть несколько таких кошев, наполненных детьми, причём, в подражание взрослым, дети иногда громко поют песни своими детскими нестройными голосами.

Спустя некоторое время, выезжает на деревенскую улицу уже взрослое молодое поколение — парни и девушки, а главным образом молодые женатые люди — мужики и бабы, и особенно молодожёны, т.е. поженившиеся в текущем зимнем сезоне, которым деревенским этикетом вменяется чуть ли не в обязанность катание на масленице. Затем появляются на улице уже сами хозяева — большаки, кондовые и богатые крестьяне; деревенские детишки к этому времени уже убираются с улицы. Деревенские богатеи выезжают на катание на тройках, на парах и на сто-

ялых жеребцах, все кони убираются лентами и цветами, к дугам привязывают платки, полотенца или куски цветной материи, сани драпируются тюменскими коврами и цветной материей. Тут начинается соревнование в красоте и ценности коней, в красоте и добротности украшений.

Катание обычно продолжается весь день до вечера и с наступлением вечерней зари прекращается. То обстоятельство, что катание совершается только днём, до зари, также не лишено значения: очевидно, нужно, чтобы солнце видело катающихся.

Обыкновенно население деревни задолго начинает готовиться к празднованию масленицы. Мужики готовят и подкармливают коней и правят сани и сбрую, бабы готовят всё, что нужно для блинов, а парни строят горы, или, по местному выражению, катушки, катушки эти делаются обыкновенно на больших и высоких помостах, а там, где есть неподалёку река, для катушки приспособляют крутой берег реки; катушки иногда обставляются флагами, а по вечерам — фонарями.

Заранее же подготавливается всё, что нужно для составления поезда к проводам масленицы, заранее намечаются участники этого поезда и распределяются роли, заранее же приготавливаются все принадлежности этого поезда: чучело, изображающее масленицу, и экипаж для неё.

«Масленица» изображается в форме чучела разных размеров, иногда чучело делается небольшое, в размере небольшого ребёнка, а иногда оно делается, наоборот, очень больших размеров, много больше взрослого человека. Чучело делается из негодного тряпья, и вообще из такого материала, который за негодностью не жаль выбросить или уничтожить; чучело набивается соломой, сеном и тряпьем. Это чучело должно изображать женщину-старуху, голову чучела делают из белой тряпки, на которой разрисовывают углём глаза, нос и рот. Костюм для масленицы также составляют из ветхих и старых вещей, совершенно негодных к употреблению. На голову надевают платок, а иногда сверх платка надевают ещё рваную мужицкую шляпу или шапку, вокруг головы спускаются разноцветные клочки в форме лент; затем на «маслянку» надевают коф-

ту и юбку, а иногда, кроме юбки, на неё надевают рваные мужицкие штаны.

Вообще надо установить, что при изготовлении чучела для «масленицы», мастера её стараются достигать той цели, чтобы чучело было страшно и до смешного отвратительно, и надо отдать справедливость крестьянам — они с невероятным искусством достигают этой цели: на «маслянку» нельзя смотреть без смеха и отвращения. Это — отвратительная и всем надоевшая старуха-зима, которую побеждает вечно юное и могучее солнце и которую надо осмеять, опозорить, разорвать в клочки и втоптать в грязь, и даже сжечь.

Экипаж для масленицы обычно делается так. Берут откуда-нибудь из задворок выброшенные за негодностью сани-дровни, а иногда на эти сани ставят другие худые сани, головками к заду; на сани кладут старый и выброшенный по негодности бат, т.е. челн, выдолбленный из цельного дерева, или же небольшую лодку. В задней части бата или на санях делается помост из старых и гнилых досок, а на помосте сиденье — трон для масленицы. Над троном строится «балаган», нечто вроде балдахина. В середине бата ставится мачта, к которой сверху прикрепляется старое колесо, негодное к употреблению; от вершины мачты в разные стороны саней протягивают верёвки, как это делается с мачтами на пароходах; вершина мачты, колесо и верёвки увешаны разноцветными флажками. Часто к вершине мачты, к колесу и верёвкам, идущим от мачты, привешивают колокольчики и бубенчики.

Для поезда масленицы подбирается худая и старая кляча — лошадь, едва передвигающая ноги; её снаряжают приличным случаю способом: в хвост и в гриву ей вплетают цветные клочки наподобие лент, на передние ноги ей надевают старые и рваные чамбары, т.е. широкие штаны, которые местные крестьяне, отправляясь в зимнюю дорогу, надевают на себя поверх сапог и в которые заправляют даже полы полушубка; на передние же ноги надевают старые пимы и при этом обязательно разные — белый и чёрный. Конечно, в таком наряде лошадь может идти только шагом.

Обычно в поезд масленицы впрягают только одну лошадь, но бывают и возможны случаи, что впрягают в поезд две, четыре и даже шесть лошадей, гусем, по две лошади в ряд, причём на передних лошадях сажают верхами мальчиков — форейторов. В таком случае этих мальчиков снаряжают, как провожатого, а коней обряжают так же, как описано выше. Дуга лошади украшается колокольчиками и бубенчиками, а равно старыми платками или же лоскутками цветной материи.

Так составляется поезд для масленицы. На приготовленный трон сажают «честную масленицу», т.е. чучело её, причём в одну руку ей дают метлу, а в другую — платок или цветной лоскут. На помосте перед троном масленицы ставят две банных шайки с берёзовыми банными вениками; вещи эти нужны для исполнителей при отправлении обряда. Сбруя для лошади готовится подходящая: обычно она делается из обрывков мочальных верёвок и из негодных ремешков. Поезд готов, начинают готовить личный состав поезда «честной масленицы».

Что касается личного состава поезда «честной масленицы», то надо сказать, что он далеко не представляет собой что-либо установившееся и определённое, и в разных местах состав поезда бывает разный; обязанности и функции отдельных лиц в составе поезда крайне неопределённые и часто непонятны; нельзя также сомневаться в том, что в прежнее время личный состав поезда был значительно полнее и разнообразнее, чем в настоящее время, и, конечно, функции их были понятнее и определённое, чем теперь.

В настоящее время масленичные обычаи, так же, как и другие, быстро, на наших глазах, исчезают из памяти народной и из жизненного обихода народа, и этим, конечно, объясняется то, что строгие требования ритуала в настоящее время даже не могут правильно исполняться, ибо уже нет людей, знающих подробности масленичного обряда: старые люди умерли или выведены из строя, а молодёжь уже критически относится к старым заветам и обычаям и не склонна воспринимать и выполнять стародавние ритуалы и обряды.

В настоящее время деятельность лиц, сопровождающих масленицу, очень часто представляет собой просто ломанье и кривлянье подгулявших мужиков, лишённое всякого смысла и имеющее целью только посмешить народ. Ранее же обряду масленицы, несомненно, придавалось действительное значение религиозного и мистического обряда.

Для исполнения главной роли в обряде масленицы обычно приглашается крестьянин, опытный в своём деле и хорошо знающий все подробности обряда; такой крестьянин должен быть вообще хорошим знахарем, хорошим сказителем и певцом народных песен и стихов. Такой исполнитель в обряде вполне представляет своим лицом лицо «масленицы» и даже отождествляет себя с нею, он говорит и действует именем «масленицы»: «я — честная масленица», «у меня, у честной масленицы» и т.п. К этому главному исполнителю предъявляются высокие требования, он должен быть находчивым и остроумным, он должен суметь вовремя дать остроумный ответ на вопросы, предлагаемые ему при совершении обряда из толпы народа, ответить остротой на остроту толпы.

Этому главному исполнителю даётся сподручный или помощник, который называется «воевода честной масляницы», он также является непосредственным исполнителем обряда масленицы. Оба эти деятеля, по существу, представляют собой жрецов «честной масленицы» и при исполнении обряда должны быть одеты одинаково: в белую холщовую рубаху, в белые холщовые низики, без опоясок, с непокрытыми головами и босые; рубахи и низики бывают обыкновенно старые и рваные. В таком лёгком одеянии эти исполнители бывают во всякую погоду — и в мороз, и в снежную бурю — и так остаются во всё продолжение обряда. При появлении на деревенскую улицу при начале масленичного действия оба этих главных деятеля — «честная масленица» и воевода её — занимают место на помосте под балдахином, по обе стороны трона «масленицы», и держатся всё время стоя на ногах.

Необходимым лицом в поезде масленицы является провожатый масленицы, или возница её. Это совершенно

безгласный участник обряда — он правит конём, везущим поезд масленицы, и этим ограничивается его роль. В противоположность двум главным исполнителям обряда, возница бывает одет очень тепло. На голову возница надевает серую и рваную шапку, увешанную цветными клочками, спускающимися вниз в форме лент, одет он бывает в старую шубу или тулуп, обязательно вывороченный наизнанку, овчиной вверх, на ноги надевает старые пимы, и притом разные — белый пим и чёрный и, следовательно, у него та же обувь, что и на лошади, запряжённой в поезд масленицы. Опоян возница обрывком старой верёвки, на которую кругом талии иногда также навешиваются цветные лоскутки в виде лент или бахромы; на руках у возницы старые рукавицы, или исподки. Возница вооружается длинным кнутом, сделанным для данного случая из обрывка верёвки и из суковатой палки. На лицо провожатый надевает маску, сделанную из лоскута белой материи или из бумаги, в ней делаются отверстия для глаз; маска эта всегда разрисовывается углём, вырисовываются глаза, нос и рот. Обязанности провожатого обыкновенно отправляет парень или нестарый мужик.

Поезд масленицы сопровождают «казаки», или вершники. Это парни или молодые мужики, сидящие верхами на лошадях, одеты они бывают так же, как и провожатый масленицы: в вывернутых наизнанку шубах, в рваных шапках и в старых пимах или броднях. Необходимой принадлежностью казаков является полотенце, перекинутое через плечо наподобие генеральской ленты. Лошади для казаков подбираются такие же худые клячи, как и для самой масленицы. Казаки составляют как бы почётное сопровождение и конвой «честной масленицы». Казаки гарцуют с открытыми лицами, без масок.

Нужно указать ещё на то, что все без исключения лица, участвующие в поезде масленицы и принимающие участие в её обряде, всегда бывают сильно пьяны, и нет сомнения, что это состояние опьянения есть обязательное требование ритуала.

Когда, таким образом, составлен поезд «честной масленицы» и скомплектован весь личный состав участников

этого поезда, тогда приступают к выполнению самого обряда масленицы и при этом поступают так.

В воскресенье, в целовник, днём, примерно около часу дня, в самый разгар уличного движения и катания, на конце улицы селения появляется поезд масленицы в сопровождении её казаков. Тихо и медленно движется поезд по улице, мелькая флажками и позванивая колокольчиками и бубенчиками; громоздкая громада его сейчас же привлекает к себе общее внимание всей деревни, и весь народ бросается к масленице, окружает её и, загораживая путь, останавливает её. Сначала все внимательно и с любопытством осматривают масленицу и по адресу масленицы и её окружения делают остроумные замечания, а затем из толпы народа раздаются голоса:

— Вы кто такие? Что вы за люди, зачем пожаловали на нашу деревню?

На это главный исполнитель отвечает:

— Я — «честная масленица», пожаловала к вам в деревню поздравить честной народ с праздником, с радостью, весельем, с широкой масленицей, хочу с вами попить, погулять, блинков покушать, по улицам вашим покататься. Я — широкая масленица!

— Откуда нам знать, что ты честная масленица, — продолжают допрашивать из толпы народа. — Есть ли у тебя пачпорт?

— Есть у меня пачпорт.

— А ну-ка, покажи свой пачпорт, масленица.

— Воевода, читай мой пачпорт, — приказывает масленица.

И воевода начинает громко, на весь народ, произносить следующий «паспорт» масленицы:

В Картамышевской деревне
Таловской слободы
Жил Яковской блин,
Маркитан-господин
Славной, главной, вышний,
Большеносый барышник.
По нынешнему году он
Многое множество скота набирал,

Бьёт, а на дому ни единого пуда не продавал.
Приходят господа обыватели
Свежину торговати,
А он не хочет продавать,
По пяти алтын отдать:
Лучше я свезу в Екатерин-город
И отдам копеек в сорок.
Нанимал Архипка Ховрина,
Федотка Кокорина;
Они зиму-то продоржали,
Молотьбы-то не измолотили,
Стала талица заниматься,
Они со свежиной отправляться.
Лыва да вода:
На сани сять нельзя.
Криво неправо — добились
До Екатеринбургху городу,
До рынку до базару,
И всю свежину в кучу склали.
Яковский блин,
Маркитан-господин
Сидел на этой куче,
Целый день глаза пучил,
Не мог на калачи огоревать.
Запрягал он свово доброго коня,
Садился на колёса,
Поднимал руки под небеса:
Батюшка Никола — бурлацкий бог,
Донеси меня до двора,
Да до Шадрина двора —
Ста полтора.
Шадрин перевоз дорог,
Отдать копеек сорок,
А у меня денежки нет,
До Исеть-то реки доплывали,
Лягушку-то отрывали,
Телега-то не мазя,
Скрипит да ревёт,
Яковскому блину назолу даёт.

Повстречался тут ему малый брат:
Братец, ты братец,
У нас в доме большое несчастье.
Какое там несчастье?
Большой брат в ослаблении лежит.
Какое это несчастье?
Вот моё несчастье.
Осердя да головы остались,
Не знаю, их куда девать.
Вывозил на поле,
Склал в кучу.
Собаки объедались,
На людей бросались.
Старый ты плут,
Да почто ты склал тут?
Взяли его под суд.
Мишка Маслов судил,
На трёх рублях помирил.

Этот паспорт масленицы вызывает в народе самое весёлое настроение, слышится смех и хохот и острые замечания, и народ, расступаясь, даёт дорогу масленице и приветствует её:

— Честная масленица, широкая масленица, милости просим на нашу деревню, попить, погулять, блинков покушать и по нашим улицам покататься.

Поезд масленицы медленно продвигается вперёд, и народ толпой, с шумом и смехом, сопровождает её некоторое время, а затем просит масленицу:

— Маслянка, маслянка, спой нам старинку.

— Старинку спеть можно. Надо потешить честной народ. Ну-ка, воевода, запевай старинку!

Затем поезд останавливается, и «честная масленица» и воевода её начинают петь такую старинку:

— Князь Белогорский поехал в Москву,

Засватал у Кострюка-Мастрюка да родную сестру,
Родню сестру Милитрису Кирбитьевну.

Кто бы в большой колокол бил,

Чтобы слышно было по всей Москве,

По всей Москве, по всей ярманке.

Собралися б к царю на двор
Бела хлеба рушати,
Белой лебеди кушати,
Зелена вина чарами пить,
Побороться—побарахтаться.
Выходили два де молодца,
Два Андрея Андреевича,
Они брали князя за большие отворотички,
Они вызднили его повыше себя,
Отпустили пониже себя.
Златы пуговики пукнули,
Шёлковы петли треснули,
И его брюшина скрозь прошла*.

(Стихи и былина записаны мною со слов посказителя Луки Леонтьевича Заякина).

Заслуживает внимания факт, что былины поются при выполнении обряда масленицы. Приведённая былина очень интересна и оригинальна, по крайней мере я не встретил такой былины у Гильфердинга в его онежских былинах. Поются и другие песни.

Затем поезд снова трогается и достигает середины селения. Тут «масленица» и её воевода дают народу целое представление с диалогами и причётами, причём центральной фигурой этого представления является «честная масленица», в честь которой произносились эти длинные «причёты». К сожалению, мне не удалось записать со слов посказителей, передававших мне подробности этого обряда, ни одного диалога и причёта, мне лишь сказали, что все эти диалоги и причёты носили непристойный характер и были наполнены сальностями и даже похабщиной. Я полагаю даже, что этих диалогов и причётов мне посказители не передали из чувства ложного стыда передо мной, как человеком посторонним и чуждым их среде.

По окончании представления весь поезд подворачивает к дому богатого мужика, а масленица с воеводой и со

* Эта былина записана мною в деревне Артамоновой Гилеволиповской волости в трёх вариантах посказителей, причём лучший вариант принадлежит несомненно посказителю Фёдору Ларионовича Созонову, который даже спел мне эту былину; посказитель же Л.Л. Заякин спеть былину не мог, так как по старости лет совершенно лишился голоса.

всеми казаками идут в дом к нему, причём забирают с собой и чучело масленицы. Возница же остаётся на улице при лошади.

Хозяин и хозяйка дома встречают «масленицу» и всех сопровождающих её поклоном и приветом и затем обносят всех водкой, домашним пивом и угощают блинами; вознице выносят угощение на улицу.

Угостившись в этом доме, все выходят и переезжают в другой дом богатого мужика, и там происходит тоже угощение.

Объехавши с такими визитами всех богатых и имени-тых мужиков на деревне, «масленица» вновь выезжает на деревенскую улицу, и тогда «масленица» и её воевода заявляют, что теперь, после такого гулянья, следует в баньку сходить, попариться и омыть своё тело. И с этими словами оба они раздеваются, остаются совсем голыми и проделывают на глазах народа все манипуляции банного купания: берут шайки, поддают пар, хлещутся вениками и окатываются водой. Эти банные манипуляции вызывают в народе большое оживление и смех.

Все эти представления, игры и визитации масленицы занимают много времени — до самого вечера. С приближением вечера главный исполнитель заявляет:

— Довольно я, «честная масленица», погостила и погуляла, попила, поела, блинов покушала, добрых людей посмешила и себя потешила. А теперь пора гостям со двора. Прощайте, добрые люди, честной народ!

— Прощай, госпожа честная масленица, напередки к нам жалуй. Приезжай к нам на будущий год.

Но рядом с этими добрыми пожеланиями и напутствиями масленице приходится тут же выслушивать и враждебные выражения, и часто ей кричат:

— Убирайся вон, рваная старуха, грязная! Убирайся вон, пока цела!

И всё это сопровождается шумом и смехом. Так, под шум и крики толпы, масленица направляется за селение. Толпа народа мирно сопровождает масленицу через всё селение до самой околицы, но как только масленица вышла за пределы деревни, за околицу, так вся толпа народа,

словно по сигналу, бросается на масленицу, стаскивает чучело с трона, разрывает его в клочья и разбрасывает по дороге. Затем разрушают и разбрасывают трон, помост и балдахин масленицы, иногда разрушают и разбрасывают лодку и сани, и всё это потом складывают в костёр и поджигают. Обычно же лодку и сани не уничтожают, а сберегают до следующего года.

С уничтожением масленицы кончается праздник масленицы. Быстро участники обряда и весь народ из-за околицы возвращаются на деревню и расходятся по домам, и улица смолкает и пустеет.

Дома хозяйка хлопчет с ужином, а после ужина выполняет обряд целовника. Хозяин дома — большак — садится на лавку, к нему подходит жена, хозяйка дома, делает земной поклон и просит:

— Прости меня, грешную.

— Бог простит.

Затем с таким же поклоном и с такими же словами подходят к хозяину все его дети и вообще все члены его семьи. После же всего этого поднимается сам хозяин-большак и делает жене и детям общий земной поклон со словами:

— Прости меня, жена, простите, милые детушки.

— Бог тебя простит, родимый батюшка.

После этого все молятся Богу, по обычаю, тушат огни и ложатся спать.

Деревня затихает.

* * *

Из одного очень крупного селения, лежащего в северо-западной части Тюменского уезда, мною было получено описание обряда проводов масленицы, заслуживающее внимания.

В этом селе имеется озеро, и на этом озере совершается обряд масленицы. Заранее в лёд озера вделывают и вмораживают шест, на вершине которого привязывают головные платки в виде флагов и бутылку водки. Платки же жертвуются, по-видимому, молодожёнами, и потому по количеству платков можно знать, сколько было свадеб в

минувший сезон. Неподалёку от этого шеста выдалбливают во льду большую яму, которую наполняют водой, а сверху закрывают соломой, и таким образом устраивают нечто вроде волчьей ямы.

В последний день масленицы, в целовник, в послеобеденный час, весь народ направляется на озеро к шесту и там сейчас же раскладывают и зажигают костёр неподалёку от шеста. Сначала молодёжь забавляется тем, что вталкивает в яму с водой кого-либо, чаще всего туда попадают пьяные мужики, а затем стараются залезть на столб, причём призом являются бутылка водки и платки, привязанные на шесте.

После этого к костру подсаживаются два или три старых крестьянина, слывшие в местности за опытных знахарей и даже колдунов; такие знахари известны в селе под странным названием «вежливцы». Все эти знахари бывают пьяны до последних пределов; они усаживаются около костра, и к ним приносят падаль: дохлых кошку, хомяка, курицу, ворону и т.п., и старики берут эту падаль и, опалив на огне костра шерсть или перо, пожирают эту падаль на глазах всего народа, вызывая этим шумный смех и веселье собравшегося народа; при этом многих тошнит и рвёт.

В справедливости этого сообщения сомневаться нельзя. Но если это так, то следует констатировать, что в данном случае мы имеем дело с пережитком жертвоприношения и жертвенного пиршества. Можно пожалеть, что присланное мне сообщение страдает крайней неполнотой и недоговорённостью и что мне не удалось лично проверить этого обряда на месте.

V. Дмитриев день

Дмитриев день бывает 26 октября, этот день посвящён памяти Дмитрия Солунского, по народному произношению — «Салымского». Во многих селения в этот день бывает «съезжий праздник», соответствующий престольному или храмовому, но и в тех селениях, где не бывает съезжего праздника, сибирские крестьяне всё-таки праз-

днуют этот день. Вообще этот день в народном быту выделяется и отмечается даже в пословицах, так о нём говорят: «Дмитрий Салымский не кличет перевоза». Этой пословицей народ отмечает, что с наступлением Дмитриева дня осенний сезон кончается и наступает зима, сковывающая реки и болота, и минует нужда кликать перевоза.

С наступлением зимы настанёт пора усиленной молотбы хлеба и сушки его в овинах, и потому овин является центром хозяйственной жизни и деятельности крестьянина, и потому с наступлением этого времени овины подлежат чествованию, и чествование овинов в большинстве селений приурочено к Дмитриеву дню, что и выражено в народной пословице: «На Дмитриев день — овины именинники». Помимо празднования, крестьяне встречают и провожают этот день обрядами, заслуживающими внимания.

В полночь на Дмитриев день, т.е. в ночь на 26 октября, хозяин дома — большак — берёт с собой свежее испечённый пшеничный хлеб небольших размеров, круглой формы; хлеб должен быть «удачный», т.е. хорошо пропечённый, ставит на хлеб солонку с солью, а затем забирает с собой бутылку водки и стакан и со всем этим идёт в овин; хлеб и соль он несёт в руках, а бутылку и стакан прячет в карман. Подойдя к овину, хозяин трётся спиной об угол овина и произносит слова: «Овин, овин, возьми мой утин, чтобы спина не болела. Аминь». Утин — это болезнь поясницы и спины, происходящая от тяжёлых полевых и сельскохозяйственных работ; крестьяне верят, что при выполнении описанной обрядности болезнь «утин» проходит. Иногда, вместо трения спины об угол, делают так. Хозяин подходит к овинному окну, становится спиной к нему, а головой и верхней частью туловища перегибается назад себя, в глубь овина, и произносит приведённые слова наговора. Овинным окном называется большое отверстие в стене овина, через которое выходит дым при топке овина; окно это имеет четырёхугольную форму, размерами иногда значительно больше окон, имеющих в крестьянских избах; в овинном окне не бывает ни рам, ни стёкол и вообще никаких заграждений, и обычно такое окно всегда остаётся полым.

После этого хозяин идёт в овин через дверь, но входит в дверь не лицом, а спиной — задом; войдя в овин, хозяин говорит так: «Овинница, я тебе принёс хлеб и соль, чтоб ты меня не пугала, когда приду в овин. Аминь». Затем хозяин кладёт хлеб и соль посередине овина, делает поясной поклон вглубь овина и произносит так: «Вот тебе, батюшка овин, хлеб и соль, пшеничная булка. Как булка хороша, тако ж урождай дай хорош, сам двадцать, чтоб птица не клевала, чтоб ветры не вздували, чтоб градом не сбивало, чтоб дождём не высекало и солнцем не сожигало. Аминь, аминь, аминь».

После всего этого хозяин вынимает из кармана бутылку с водкой и стакан и подходит к переднему углу овина; передним углом овина называет левый передний угол при входе в овин. Подойдя к углу и стоя лицом к нему, хозяин наливает в стакан водки и выпивает сам, говоря: «Вот эвто мне». Затем наливает другой стакан водки и водку эту выливает — выплёскивает в угол овина со словами: «Вот эвто, батюшка овин, тебе, чтоб ты не загорался. Как вино горит и не сгорает, так и ты, овин, не сгорай. Аминь». Так хозяин проделывает во всех четырёх углах овина с произнесением тех же слов, причём переход от угла к углу делается крестообразно в такой форме: от левого переднего угла крестьянин переходит к правому заднему углу и от правого переднего угла — к левому заднему.

Обойдя все углы, хозяин становится посередине овина и наливает последний стакан вина, выпивает его и произносит слова: «Спасибо тебе, батюшка овин, что мой хлеб хранил». После этого хозяин разбивает бутылку, остатки водки выливает на землю, а разбитую бутылку выбрасывает вон. Затем хозяин берёт хлеб, разламывает его на куски, солит их солью и куски бросает под овин, в овинную яму, или же разбрасывает снаружи вокруг овина и при разбрасывании хлеба произносит: «Аминь, аминь, аминь». Выходит хозяин из овина уже как следует, лицом вперёд.

Обряд посещения овина кончен. Хозяин приступает к гаданью на урожай следующего года, и для этого он ходит по гумну и в темноте подбирает соломинки с земли, ка-

кие попадутся, числом 12 штук; соломинки эти хозяин берёт себе под мышку и несёт их домой, а там раскладывает соломинки на столе в переднем углу — по три соломинки в каждом углу и, раскладывая, произносит: «Аминь». На следующий же день хозяин старается встать раньше своей семьи, как только блеснут первые лучи утренней зари; подойдя к столу, он рассматривает соломинки и старается проникнуть в смысл гадания. Если в переднем углу оказались колоски с зёрнами в большем количестве, чем в других углах, то урожай в этом году будет хороший, если зёрен окажется больше во втором углу, то урожай будет второстепенный и т.д.; по обилию зёрен можно судить об обилии урожая. Если же на соломинках не окажется ни колосков, ни зёрен, то предстоящий год будет неурожайный и голодный.

Нужно сказать, что такое посещение овина и гадание в некоторых селениях совершается в ночь на Козьму-Демьяна, т.е. в ночь на 1 ноября, но это бывает, несомненно, реже, чаще же выполняется этот обряд в ночь на Дмитриев день.

Некоторые крестьяне выполняют обряд посещения овина в более простой форме, а именно так. В ночь на Дмитриев день хозяйка дома топит печь, печь хлебы можно из пшеничной или ржаной муки, причём желательно, чтобы мука была свежего умола. Хлебы должны быть готовы рано, задолго до утренней зари. Хозяин — большак — берёт такой хлеб, ещё горячий и дымящийся, ставит на него солонку с солью или же просто сыплет горсточку соли на хлеб, и идёт к овину для того, чтобы поздравить овин с праздником или с именинами. Войдя в овин с хлебом и солью, хозяин обходит его кругом и затем становится посередине овина, лицом в глубь овина, делает низкий поклон и произносит: «Поздравляю тебя, батюшко овин, с праздником, желаю тебе долгого стояния, сушить хлеб в добром здоровье, а нам бы в добром здоровье работать и молотить хлебушко».

После этого хозяин возвращается домой и ставит хлеб и соль на стол в переднем углу, где он и остаётся до утра и съедается на следующий день как обыкновенный хлеб. Но

признаётся полезным куски этого хлеба с солью давать скотине: лошадям, коровам, мелкому скоту. Через это Бог даёт скотине здоровье и предохраняет её от заболеваний.

* * *

Здесь я признаю уместным дать описание обряда первой посадки хлеба в овин и первой сушки его. Это потому, что обряд этот нередко приурочивается к Дмитриеву дню и совершается по истечении этого дня, с наступлением ночи, т.е. в ночь на 27 октября.

Приступая к первой посадке хлеба в овин, для сушки его, крестьянин берёт первый сноп, несёт его в овин, становится посредине овина и произносит: «Помяни, Господи, Царя Давыда и всю кротость его. Разлучи, Господи, мой хлебец с дымом. Аминь». И затем кладёт этот сноп на место и приступает к дальнейшей посадке. Когда посадка хлеба закончена, хозяин спускается в овинную яму и зажигает дрова, заранее приготовленные, и когда дрова загорелись, хозяин встаёт и произносит: «Вставай, Царь Огонь и Царица Искра. Царю Огню и Царице Искре нет воли во всём овине, вот вам воля на сём месте. Помяни, Господи, Царя Давыда и всю кротость его. Разлучи, Господи, мой хлебец с дымом. Аминь». Когда дрова в овине сгорят, хозяин перстосложенной рукой крестит оставшиеся и ещё тлеющие угли и произносит: «Спи, Царь Огонь и Царица Искра. Аминь».

Этим заканчивается обряд освящения первой посадки хлеба в овин. Крестьяне верят, что выполнение этого обряда охраняет здание овина и посаженный в него хлеб от пожара и вообще от порчи и гибели.

Выполнять обряд посещения и поздравления овинов в разговорной речи крестьянина называется «править овины».

В жизни деревни часто бывает так, что овин принадлежит не одному, а нескольким крестьянам — двум, трём и более. В таком случае крестьяне «правят овины» по очереди: один год правит один крестьянин, а на другой год — другой и т.д. Но при посадке хлеба в овин заговор первого снопа и огня обязательно выполняет каждый крестьянин особо, для своего хлеба.

VI. Великий четверг

Среди народных праздников и обрядов совершенно особенное место занимает Великий четверг с его многочисленными и крайней своеобразными обрядами и наговорами. Великий четверг — это четверг Страстной недели Великого поста. Все обряды и наговоры этого дня приурочиваются и выполняются, собственно, в ночь со среды на четверг Страстной недели.

В ночь на Великий четверг, по мнению сказителей, добрый хозяин и заботливый крестьянин совсем не должен спать, чтобы не пропустить и не проспять утренней зари, добрый хозяин должен встретить утреннюю зарю в бодрствованном состоянии и на ногах. Набожные люди горячо в эту ночь молятся Богу в своём доме перед иконами. Советуют в эту ночь положить двенадцать сотен земных поклонов (т.е. 1200 поклонов), ибо столько поклонов положил Иисус Христос в Гефсиманском саду пред своей смертью; такому человеку Бог даст счастья во всём: в хозяйстве, в скотинке и во всех его делах.

Многие крестьяне признают полезным в эту ночь идти за деревню к реке и искупаться в ней, если река уже тронулась или дала окраины, в противном случае достаточно просто умыться в проруби.

В ночь на Великий четверг крестьянки, хозяйки дома, прежде всего озабочиваются заготовлением «молчаной воды» на целый год. И делается это так. С наступлением ночи, когда совсем стемнеет, крестьянка берёт ведро и тихо, стараясь быть никем не замеченной, идёт к реке за водой, при этом она старается выбирать такой путь, где бы её никто не встретил и не увидел, и идёт она не туда, где обычно крестьяне забирают себе воду, не к общей проруби, а куда-либо подальше от общей проруби; часто для этой цели крестьянки идут даже не на реку, а либо на озерко, известное своей чистой и вкусной водой, либо на какую-нибудь небольшую речку, лежащую в стороне от деревни. Подойдя к реке, крестьянка черпает воду, не размахивая ведром, а тихо погружая его в воду, и, черпая, произносит слова молитвы: «Утренняя заря Марья,

вечёрная Маремьяна. Пресвятая Богородица, Господь Иисус Христос, дай мне водицы на доброе здоровье. Господи, благослови». Или же она произносит только Иисусову молитву, которую крестьяне обычно произносят при начале всякого дела: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Господи, благослови». Особого наговора для этого не требуется. Но требуется, чтобы крестьянка произносила молитву молча, т.е. про себя или шёпотом, а не вслух, и молча же она должна черпать воду. Зачерпнув воды, крестьянка тихо и молча возвращается домой.

В том случае, если бы крестьянке встретился на пути какой-нибудь человек, то она ни в каком случае не должна с ним разговаривать и отвечать на его вопросы и приветствия. Самое название воды указывает на то, что она должна быть заготовлена в полном молчании, и нарушение молчания при её заготовлении совершенно лишает воду её целебных свойств.

Крестьянке, отправившейся за «молчаной водой», на дороге могут встретиться в большинстве случаев только свои же крестьяне-односельцы, который отлично знают и понимают смысл и значение такого хождения и заготовления «молчаной воды», и обычно сами же стараются избежать встречи с такой крестьянкой и обойти её стороной. Но если встречи избежать нельзя, тогда встречные люди делают вид, что они не замечают женщины с водой и молча проходят мимо неё, чтобы своими разговорами не вводить её в соблазн. Но в жизни возможны и бывают случаи грубого нарушения этого народного этикета, и встречные не только вступают в разговор с такой крестьянкой, но даже бранят и «зевают» на неё за её молчание и за то, что она не отвечает на поклон и приветствие. В таких случаях некоторые крестьянки не признают за водой силы «молчаной воды», ибо она подверглась «озевищу» со стороны «встречного и поперечного», и идут вторично за «молчаной водой». В крестьянском общежитии такие грубияны всегда встречают решительный отпор и осуждение, ибо ходить одинокой женщине за водой в ночную пору в отдалённое место — подвиг нелёгкий.

Принесённую воду хозяйка переливает в соответствующую посуду: в бутыль или в горшки — и ставит на место, и тем ограничивается обряд заготовления «молчаной воды». Но иногда для придания воде большей силы и значения хозяйки поступают так. Разливши воду в бутылки или в горшки и, не закупоривая бутылок и не покрывая горшков, хозяйка несёт их в баню и ставит на печь так, чтобы дым из банной трубы охватывал, окуривал посуду с водой, при этом баня для этого случая растапливается не простой лучиной, а щепочками, заранее собранными на деревенской улице с земли около десяти крестьянских домов — при три щепки от каждого дома, причём желательно, чтобы эти щепки собирались против передних углов этих десяти домов. Такое окуривание возможно, разумеется, только в банях «по чёрному», т.е. построенных без трубы.

И только так выдержанная и окуренная банным дымом «молчаная вода» приобретает целебную силу. Утром, в Великий четверг, все члены семьи, благословясь, пьют эту воду по несколько глотков для здоровья. А затем эту воду наглухо закупоривают и ставят в укромное место, обычно в подполье — для хранения впрок на целый год. Вода эта признаётся полезной и целебной во многих болезнях, особенно происходящих от глаза, при уроках и призорах и при испугах; способы употребления воды довольно разнообразны: этой водой больного поят, вспрыскивают, умывают и даже моют, особенно малых детей.

Во многих местах «молчаная вода» заготавливается в ночь на Крещение, а в случае крайней необходимости, её можно заготовить и во все другие, даже будничные дни, и во всякое время года, зимой и летом, ибо для её заготовления важно и существенно соблюдение лишь одного требования — чтобы вода была заготовлена в полном молчании; но всё-таки признаётся более уместным и подходящим заготавливать воду именно в ночь на Великий четверг, а не в какой-либо другой день года.

В эту же ночь заготавливается «четверговая соль», за которой так же, как и за «молчаной водой», признаётся в народном быту важное значение и большая целебная сила;

заготовление «четверговой соли» совершается уже совсем просто, а именно: с вечера на стол в переднем углу под образами ставят обыкновенный круглый хлеб, ржаной или пшеничный — это безразлично; на хлеб ставят солонку с солью или даже чашку с солью, и всё это оставляют до утренней зари. И «четверговая соль» готова, хлеб также называется четверговым.

Сибирские крестьяне очень часто покупают на базаре соль, не промытую и не размолотую, имеющую вид больших и грязных комьев; в таком виде соль признаётся неудобной и неподходящей для обряда. Для заготовления «четверговой соли» следует эти соляные комья хорошо промыть и истолочь в ступке.

Наутро, с рассветом, хозяин режет четверговый хлеб на ломти, посыпает их четверговой солью и по небольшому кусочку даёт хлеб всей скотине в своём дворе: лошадям, коровам и мелкому скоту — для здоровья; остальной хлеб на другой день съедается за столом как простой хлеб. Соль же оставляется впрок на целый год.

Помимо всего этого, хозяйка дома с вечера же на стол рядом с хлебом и солью ставит крынку с коровьим маслом, которая и остаётся на столе также до утра; этим достигается благополучие в молочном хозяйстве дома, чрез это в доме всегда будет молоко, сметана и масло.

Четверговая соль помогает от многих болезней. Заболит ли у кого-нибудь желудок и появятся схватки и резь в животе, надо взять кусочек хлеба, посолить четверговой солью и дать скушать больному. Сердце начинает мутить и слюна начинает течь, или когда давит под ложечкой, и в этих случаях надо дать больному кусочек хлеба с четверговой солью — и помогает.

Здесь я нахожу уместным указать применение четверговой соли при первом выгоне рогатого скота на подножный корм ранней весной. Весной, в день первого выгона скота на подножный корм, рано утром хозяин берёт заслонку от русской печи, раскладывает на ней небольшие кусочки хлеба, обильно посоленные четверговой солью, и несёт в ограду, и там хлеб с солью даёт скотине есть прямо с заслона, с тем расчётом, чтобы каждой скотине

досталось хотя бы по одному куску хлеба. Давая скотине хлеб, хозяин в это время произносит такой наговор: «Как заслона от цола* не отстаёт, так бы и моя христовая скотинушка не отставала от моего двора, ходила бы в тёмных лесах, в зелёных лугах, а моего дома не забывала бы, и мой двор у ней с ума бы разума не сходил. Вот тебе, скотинушка, мягкие пригоны и крытые дворы. К чужому двору пень да колода, а к моему двору раба Божия (имя хозяина дома) путь да дорога. Ключ и замок сам Иисус Христос. Аминь мои слова заключает».

После этого скотину выгоняют на подножный корм, и по силе этого наговора скотина ежедневно по вечерам сама возвращается домой и не приходится ходить за ней ежедневно по выгону.

Четверговая соль в некоторых местах носит ещё название «девятильная соль», чем объясняется это последнее название — неизвестно, подсказители этого объяснить не могли.

В ночь же на Великий четверг хозяйки дома, всего же чаще знахарки и повивальные бабки, заготавливают особую нить для употребления её в течение года и при этом поступают так. Крестьянка прядёт шерстяную нить и конопляную нить, а затем берёт равной длины две нити шерстяных и одну конопляную и «ссыкает», т.е. скручивает, или сучит, все три нити в одну нить, при этом поставляется в обязательное условие, чтобы все нити — шерстяные и конопляная — прялись не на правую сторону, как это обычно делается при прядении пряжи, а в обратную сторону, т.е. в левую, и таким же способом следует «ссыкать» нити, т.е. их следует скручивать и сучить не на правую сторону, а наоборот, на левую.

Приготовленная таким образом нить являет собой хорошее профилактическое средство: она охраняет и ограждает от порчи, испуга, озевища, от уроков и призоров. Способ употребления этой нити таков. Нитью опоясывают человека по голому телу в пояснице, в талии, и концы нити наглухо завязывают; такую нить людей оставляют на теле навсегда и носят её всю жизнь или до тех пор, пока

* Цоло — это устье печи.

она сама не спадёт, а снимать с себя нить не полагается; такую нить повязывают часто на талию невесте перед венцом, чтобы её не изурочили и не испортили. Всякий мужчина или женщина, если они замечают, что какой-нибудь хулой человек замышляет против них что-либо недоброе, могут повязать себя такой нитью по пояснице, и чрез это они ограждают себя от порчи и от злых умыслов своих врагов и худых людей.

Из всех обрядов, выполняемых в ночь на Великий четверг, важнейшим, несомненно, является тот, который в народном обиходе известен под названием «взять скотинку в круг». Обряд этот выполняется с чрезвычайной важностью и в полной тайне; никто из посторонних не должен видеть выполнения этого обряда и никто не может при этом присутствовать, даже из членов своей семьи. Совершать этот обряд может только хозяин дома, глава семьи, а потому каждый домохозяин должен знать порядок совершения этого обряда и должен знать наговорные формулы. Нельзя просить соседа выполнить этот обряд в своём доме. Лишь знахарь, как лицо, обладающее познаниями высшего порядка и одарённое сверхчеловеческой силой, может совершить этот обряд в чужом дворе по просьбе хозяина его, и в этом случае домохозяин может присутствовать при выполнении обряда, ибо в данном случае он не признаётся лицом посторонним и сам знахарь в обряде является лишь представителем и заместителем хозяина.

Цель этого обряда — оградить себя, членов своей семьи, а равно свой дом, хозяйство и всю скотину от бедствий и заболеваний наступающего летнего времени — «тяжёлой поры», по выражению крестьян. Летняя тяжёлая пора несёт с собой многочисленные опасности: дому и имуществу угрожает пожар, людям и скоту грозят тяжкие и страшные болезни, свойственные только летней поре, появляется опасность от злых людей и от диких зверей. Обряд «взятия в круг» охраняет и ограждает от всех этих опасностей и бедствий.

Этот обряд записан мною со слов трёх известных в местности посказителей, старцев преклонного возраста,

причём каждый из них в выполнение обряда вносит некоторое изменение и разнообразие, настолько существенное, что их обряды в сущности представляют собой три отдельных варианта одного и того же обряда, представляющих самостоятельный и большой интерес, а потому описание этого обряда я поведу со слов каждого из этих рассказчиков в отдельности.

I. По рассказу Ф.Л.С., обряд «взятия скотины в круг» совершается в ночь на четверг Страстной недели за полночь и должен быть закончен до утренней зари. Для совершения обряда нужно заранее сделать некоторые приготовления, а именно: за 12 дней до четверга нужно достать воск от запрестольной свечи, такой воск обычно легко достаётся через церковных служителей. Кроме того, надо иметь в запасе «пасхальную» свечу, т.е. такую, с которой молящиеся стоят в «Христовскую» утренью.

Затем, накануне обряда, с утра, хозяин дома, готовясь к исполнению обряда, должен подготовить катышки для привязывания их животным, и катышки эти делаются так. Берётся небольшой кусочек «запрестольного» воска и разминается в руках или же держится в тёплом месте. И когда воск размягчится, то из него делается пластинка, края этой пластинки подгибаются в форме коробочки, и в эту коробочку вкладывают небольшой кусочек, вернее, крошку, ржаного хлеба, щепоть соли и щепоть обыкновенного охотничьего пороха, а затем края восковой коробочки вплотную закрывают, чтобы содержимое не могло высыпаться. Так получается катышек, или шарик с начинкой. Такой шарик завёртывают в небольшую тряпку — белую, льняную и чистую; края и углы этой тряпочки собираются и перевязываются суровой, т.е. небелёной ниткой, и, таким образом, шарик получает вид маленького узелка. Таких шариков-узелков надо заготовить по числу голов крупного скота, имеющегося в хозяйстве.

С наступлением глубокой ночи, обычно после полуночи, когда всё в деревне успокоится и везде будут погашены огни, и когда все на деревне уснут, тогда хозяин дома зажигает пасхальную свечу, становится в переднем углу и делает три земных поклона, а затем снимает с божницы

икону, берёт её на руки и выходит в ограду своего двора, где весь скот: лошади, коровы и мелкий скот — выгнаны из хлевов и собраны в кучу. Держа в руках икону и зажжённую свечу, хозяин обходит вокруг своей скотины три раза посолонь и произносит такую молитву-заговор: «Всё упование моё яко на Тя возлагаю, Матерь Божия, спаси и сохрани всю мою скотинушку, христовую животинушку, закрой, защади своимя ризами нетленными, пеленами христовыми, поставь ограду чаще гребенчатых зубьев, сделай железный тын от земли и до небеси, на каждой тынинке — по крестику, на каждом крестике — по ангелу. Мать Пресвятая Богородица, жги и пали всякие скверны, ветренны болезни, мокрую жабу, сухую жабу, быструю пулю, винорезную язву, ветренную болезнь, напрасную смерть. Аминь».

«Батюшко Фрол-Лавер, конский пастырь, спаси, помилуй и сохрани мою христовую скотинушку, крестьянскую животинушку, от всякой скверны и от всякой болезни, спаси и сохрани от мокрой жабы, от сухой жабы, от быстрой пули, от винорезной язвы, от ветренной болезни, от напрасной смерти, от уроков, от призоров, от хитрых, хитких озевищев. Ключ в море, замок в рот. Аминь».

При совершении обряда возможна всякая погода, может быть и ветер, и дождь; дождём заливает свечу, а ветром задувает её, и свеча может погаснуть. Но это обстоятельство не должно служить препятствием к продолжению обряда — из-за этого прерывать обряд нельзя и надо закончить его в совершенной темноте.

Сделавши три круга и прочитавши заговор, хозяин подходит к каждой лошади и привязывает ей в криву вышеописанный катышек так, чтобы это не приходилось под хомутом и не служило бы помехой при запрягании лошади; катышек привязывается к гриве теми нитками, которыми завязана тряпочка на катышках. Привязывать катышки надо так, чтобы они не бросались в глаза и чтобы снаружи их совершенно не было видно, это для того, чтобы катышки не вызвали пустого любопытства и чтобы «люди не озевали».

Эти катышки так и остаются в гривах коней, так кони

их и износят. Такие же катышки привязывают и в чёлку коровам, но мелкому скоту обычно катышков не привязывают. Даже не признаётся обязательным привязывать катышки всем коням; часто в хозяйстве бывает суровая и бойкая лошадь или же маленькая жеребушка, которых нелегко изловить и обуздать, таким можно и не привязывать катышков. Но признаётся необходимым, чтобы при совершении обряда был подвязан восковой катышек в гриву хотя бы одной лошади в хозяйстве.

По окончании обряда хозяин возвращается со двора в избу ставить на божницу икону и зажигает перед ней свечу, если она погашена ветром, и делает земной поклон.

После этого хозяин берёт мелкую медную монету — копейку или даже грош — и бросает эту монету под русскую печь с таким наговором: «Вот тебе, суседушко-батанушко, гостинцы от меня. Аминь».

Требуется, чтобы обряд этот был окончен до утренней зари.

В этот же день, в четверг, рано утром хозяйка дома затапливает печь и готовит три маленьких хлебца-булочки из ржаной муки; когда же эти хлебцы готовы и вынуты из печи, тогда хозяин берёт их и несёт на задний двор и там кладёт их где-нибудь в укромном месте: на столбе или же в неровности стены — и произносит: «Вот тебе, суседушко-батанушко, гостинцы от меня. Аминь». Эти хлебы можно приносить в Великий четверг во всякую пору дня: утром и днём — это неважно. Эта хлебная жертва всегда приятна домовому. Замечено, что хлебы эти очень быстро исчезают — их немедленно пожирает домовый.

Почему домового называют «суседкой», «буканушкой» и «батанушкой» — этого посказитель Ф.Л.С. не мог объяснить, и на вопрос мой об этом он сказал так: «Бог его знает. Это не от нас, а от старых людей».

II. По указанию Д.Н.П., обряд взятия скотинки в круг совершается также в ночь на Великий четверг, за полночь, и должен быть окончен до утренней зари. Для совершения этого обряда нужно заранее сделать некоторые приготовления, а именно: прежде всего надо иметь в за-

пасе три сорта ладана — простой кадильный ладан, росной и земляной. Земляной ладан получается из корня боровой травы, известной в народном обиходе под тем же названием «земляной ладан»; эта трава обладает той особенностью, что корень её, по уверению посказителя, пахнет ладаном. Корень этой-то травы и идёт в употребление под названием земляного ладана. Перед употреблением в дело корень земляного ладана высушивается и затем или размельчается в порошок, или ножом стругается в форме мелких стружек.

Затем, заранее заготавливается и наговаривается воск, и делается это так. Берётся воск от пасхальной свечи, с которой стояли в «Христовскую» утреню, а всего лучше взять «капельный воск», т.е. такой воск, который в Пасхальную утреню натекает от свечей на подсвечники, стоящие в алтаре за престолом или перед местными иконами, или же просто взять «запрестольную свечу». При этом надо обратить внимание на то, что ни запрестольной свечи, ни капельного воска ни в какой случае нельзя брать задаром и нельзя брать воровски — от такого воска пользы не будет; надо всякий раз заплатить церковному служителю за взятый в церкви воск 5—10 копеек; служители всегда с охотой дают такой воск, и препятствий с этой стороны не бывает. Воск приводят в размягчённое состояние путём разминания его в руках или просто ставят его в тёплое место; затем берут щепоть охотничьего пороха и по щепоти всех трёх сортов ладана — простого, росного и земляного, причём простой и росной ладаны предварительно растираются в порошок, и всё это — порошок и ладаны — вминается и втирается в вещество воска, и делается это до тех пор, пока воск с порошком и ладанами не сольётся в одну общую массу. Для придания воску действительной силы его надо наговорить, и для этого поступают так: берут воск в одну или в обе руки, подносят к устам и затем шёпотом произносят пять молитв и наговоров: «Да воскреснет Бог», молитву Архангелу Михаилу и другие; молитвы и наговоры эти читаются при обходе вокруг скотины, в ограде, и все они приводятся ниже.

Так приготовленный и наговорённый воск становится

пригодным как для обряда в Великий четверг, так и для всех других случаев жизни, и может идти в употребление на многие годы, на неопределённо долгий срок, пока не израсходуется весь.

Когда ладан и воск готовы, тогда хозяин дома должен взять чистый глиняный горшок, всего же лучше для обряда взять новый горшок; в этот горшок из загнетки русской печи кладут горячих углей, а сверху на угли, как в кадильницу, сыпят тройной ладан: простой, росной и земляной. Хозяин берёт в левую руку горшок с углями и ладанами, а в правую берёт обыкновенную кухонную клюку и выходит из избы в ограду, где уже собрана вся домашняя скотинка: лошади, коровы и мелкий скот — и начинает обходить скотинку кругом, идя посолон, причём носком клюки он проводит борозду, которая, образуя полный круг, должна сомкнуться. Делая обход вокруг скотины, хозяин читает следующие молитвы и наговоры.

№ 1. «Да воскреснет Бог и расточатся врази его и да бежат от лица его ненавидящие его, яко исчезает дым да исчезнут, яко тает воск от лица огня, також да погибнут беси от лица любящего Бога и знаменующего крестным знамением и весельем глаголющим, прогоняем беса и сила, на тебя пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сошедшего и поправшего всю силу дьявола дорогавчого* нам твой честной крест на прогнание всякого врага и супостата. Радуйся всечестный и животворящий Кресте Господне, помогай мне со святою воспожею с девою Богородицей, со всеми святыми небесными. Во веки веков. Аминь».

№ 2. Молитва Архангелу Михаилу.

«Пошли, Господи, Михаила Архангела на помощь мою. Господи Боже наш! Великий Архангел Михаил, демонох сокрушитель, сокруши всех врагов, борющихся со мной, сотвори их яко овцы, сопрети их яко прах пред лицом ветра. Господи Боже наш! Великий Архангел Михаил, шестикрылатый, первый князь и воевода небесных сил, херувим и серафим, будь ты мне помощник во всех обидах, скорбях и печалях, в пустынях и на распутьях, на

* Слово «дорогавчого», несомненно, испорченное слово и обозначает «даровавшего».

реках и на морях тихое пристанище. Господи Боже наш! Великий архангел Михаил, излей мира благого на раба своего (имя рек), да молящаяся тебе, да призываю имя твоё святое, да ускорь на помощь мою. Услыши, Господи, молитву мою Пресвятому Пречистому Твоему кресту Господнему. Молитвы Пречистой Богородицы, всех ангел-архангел, всех небесных сил, апостолов, великого Николая Чудотворца, Ильи пророка, Никиты, Егстафия, Харлампия, Власия и всех преподобных мучеников и мучениц и спасите и сохраните раба Божия (имя рек), закройте, зашадите своими нетленными ризами, пеленами Христовыми, от ереси и прелести дьявольские, от нечистого духа, от ветренной болезни, от напрасной смерти, от смертоносного язва и ото врага лстивого, от страха ночного, от беса полудного, от труса, потопа, от огня и меча, от бури наносной, от злого человека, от нечистого духа, от колдуна, от колдуницы, от еретника, от еретницы, ото всей супротивной силы дьявольской и от утреннего зорника и от вечёрного. Господи Боже наш! Великий Архангел Михаил! Свят день Господен, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

№ 3. «Стану я, раб Божий (имя рек), благословен, пойду перекрестесь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в широко раздолье, под восточную сторону, под буйные ветры, под красное солнце, под светел месяц, под кудрявое облако, под утренну зорю и под вечёрную. Утрена зоря Марея, вечёрная Маремьяна. Пойду я, раб Божий (имя рек), на море на океан, среди океана-моря стоит буен остров, на этом острове лежит латырь-камень, на этом на камню стоит святая соборная апостольская матушка Божья церковь, в этой церкви стоит злат престол, на злате престоле сидит Матушка Пресвятая Богородица со Истинным Христом. Помолюсь и покорюсь Пресвятой Богородице Матушке и Истинному Христу Батюшке и милости попрошу. Закройте, зашадите меня, раба Божия (имя рек), и мою христовую скотинушку, крестьянскую животинушку своими нетленными ризами, пеленами Христовыми от ереси, от прелести дьявольской, от нечистого духа, от ветренной болезни, от напрас-

ной смерти, от смертоносного язва и от врага льстивого, от страха ночного, от беса полудного, от труса, потопа, от огня и меча, от бури наносной, от злого человека, от нечистого духа, от колдуна, от колдуницы, от еретника, от еретницы, от всей супротивной силы дьявольской и от утреннего зорника и от вечёрного. Именем Господним, крестным знамением, крестом животворящим заграждаются все супротивные силы дьявольские, ерести и прелести и нечистый дух и ветренные болезни. Как на горах белые снега тают, с гор быстрые реки льют, и так бы скатывались, сбегались с меня, раба Божия (имя рек), и с моей христовой скотинушки, крестьянской животинушки, уроки-призоры, шшипота и ломота из белого тела, из ретивого сердца, из ясных очей, из печени горячей, из семидесяти семи суставов, со всей стопы человеческой. Будьте мои слова крепки и лепки, крепче камню, вострей булату. Рот мой — ключ, губы — замок. Кину ключи в морскую глубину, замки — в небесную высоту. С веку до веку. Аминь».

№ 4. «Господи Боже наш! Великий Архангел Михаил, Гавриил Архангел, Иван Златоуст, Спас Многомилостив, Егорий Храбрый, Хрол-Лавёр, Власий-святой угодник, Николай Чудотворец, Илья Пророк, Никита, Егстафий, Харлампий, Власий и все преподобные мученики и мученицы. Спасите и сохраните, закройте и защадите меня, раба Божия (имя рек), и мою христовую скотинушку, крестьянскую животинушку своими нетленными ризами, пеленами Христовыми от ерести и от прелести дьявольские, от нечистого духа, от ветренной болезни, от напрасной смерти, от смертоносного язва, от врага льстивого, от страха ночного, от беса полудного, от труса, потопа, от огня и меча, от бури наносной, от злого человека, от нечистого духа, от колдуна, от колдуницы, от еретика, от еретницы, от всей супротивной силы дьявольской и от утреннего зорника и от вечёрного. Именем Господним, крестным знамением, крестом животворящим заграждаются все супротивные силы дьявольские, ерести и прелести, нечистый дух, ветренные болезни. Как вечёрная заря потухает, так бы и у меня, раба Божия (имя рек), потуха-

ли ерести и прелести, нечистый дух и ветренные болезни, уроки и призоры, шшипота и ломота в белом теле, в ретивом сердце, в печени горячей, в семидесяти семи суставах, во всей стопе человеческой. Будьте мои слова крепки и лепки, крепче камню и вострей булату. Рот мой — ключ, губы — замок. Кину ключи в морскую глубину, замки — в небесную высоту, с веку до веку. Аминь».

№ 5. «Крест креститель, крест хранитель всея вселенные, крест красота церковная, крест ангелов слава, крест царю держава, крест нам, христианам, утверждение, крест демонох язва. Заграждаются все супротивные силы дьявольские, ерести и прелести, нечистый дух, ветренные болезни. Именем Господним, крестным знамением, крестом животворящим, будь вокруг меня, раба Божия (имя рек), и вокруг моего добра и всей моей скотинушки, христовой животинушки, огненная река, каменная стена, булатный тын, кругом обгорожен, на каждой тынинке по ангелу сидят, в трубы трубят; в воротах стоит истинный Христос, жжёт и палит ерести и прелести, нечистый дух, ветренные болезни, не допускай до меня, раба Божия (имя рек), до моего двора и дома и до христовой скотинушки на сто на сорок сажень. Будьте мои слова крепки и лепки, крепче камню, вострей булату. Рот мой — ключ, губы — замок. Кину ключи в морскую глубину, замки — в небесную высоту, с веку до веку. Аминь».

Взявши, таким образом, скотинку в круг, хозяин берёт небольшие кусочки наговорного воска и вкатывает их в гриву лошадям и в чёлку коровам, можно при желании вкатать воск и в чёлку овцам, причём вкатывание это совершается путём налепливания воска прямо к волосам гривы или чёлки животных. После всего этого хозяин идёт в избу и высыпает угли из горшка в загнету. Этим обычно заканчивается обряд.

Но в тех случаях, когда крестьянин переходит на новую усадьбу или в новый дом, следует заканчивать этот обряд так. Обойдя вокруг скотины и прочитавши наговоры, хозяин идёт на средину ограды и вырывает в земле яму, ставит в неё горшок с углями и затем сверху горшка кладёт крестообразно дощечки или палочки и накрывает

чистой тряпкой, а затем горшок крестит перстосложенной рукой с произнесением молитвы: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». И затем горшок зарывает землёй. Горшок должен быть зарыт на достаточной глубине, чтобы не попортить его при проезде на телегах и при уборании навоза.

Покончивши с этим обрядом, хозяин приступает к выполнению другого обряда, и при этом поступает так. Хозяин берёт с собой четыре небольших куска свежего мяса и идёт с ними на «расстань», т.е. на перекрёсток двух пересекающихся дорог за селением; там он становится в крестовине расстани, а куски мяса раскладывает неподалёку от себя на четырёх путях и затем становится лицом на восток, делает поясной поклон и произносит трижды такой наговор: «Чёрные лютые звери, серые волки, принёс я вам питание-еду, не надейтесь более на меня. Аминь». Затем хозяин последовательно поворачивается лицом на запад, север и юг, делает поясные поклоны и на каждой стороне трижды произносит те же слова наговора. И после этого возвращается домой. Наговор этот надо выполнить, во всяком случае, до восхода солнца и в глубокой тайне; признаётся, что всего удобнее этот наговор выполнить при первом отблеске утренней зари. Этим наговором ограждается домашний скот в предстоящий летний сезон от нападения волков и медведей.

III. По указанию посказителя Л.Л.З., обряд взятия скотинки в круг совершается также в ночь на Великий четверг, за полночь, до утренней зари. Для выполнения обряда требуется заранее приготовить воск. Воск готовится из пасхальной свечи, с которой стояли в Христовскую утреню; в размягчённый воск кладётся щепоть чёрного охотничьего пороха, и воск с порохом хорошо смешивается и разминается. Особого наговора при этом не полагается. Перед началом обряда зажигается восковая свеча перед иконами в переднем углу, и свеча эта горит в продолжение всего обряда; перед иконами хозяин делает три земных поклона и затем выходит во двор, где уже собрана вся скотина, и обходит скотину кругом посолон, делая

только один круг, при этом хозяин произносит такой наговор: «Стану я, раб Божий (имя рек), благословесь и перекрестись, умоюсь чистою водою, утрюсь Христовою пеленою, отцово-материно благословенье и крёсново-крёсно с собой возьму. Пойду я, раб Божий (имя рек), под восток, под восточную сторону, к океану-морю; на океане-море бел-Латырь камень, на бел-Латыре камне стоит святая соборная апостольская церковь и в той святой соборной апостольской церкви злат престол, на златом престоле сидит Матушка Скорбящая Пресвятая Богородица, Михаил Архангел, Фрол-Лавёр — конские пастыри. Я, раб Божий (имя рек), подхожу близко, кланяюсь низко; Матушка Скорбящая Пречистая Богородица, Михаил Архангел, Фрол-Лавёр — конские пастыри, сохраните и помилуйте меня, раба Божия (имя рек), и мою христовую скотинушку от волка серого, от медведя чёрного в тёмных лесах, в зелёных лугах, в мягких пригонах. Батюшко Михаил Архангел, поставь вокруг меня, раба Божия (имя рек), и вокруг моей христовой скотинушки тын медный от земной широты до небесной высоты, на каждой тынинке — по кресту, на каждом крестике — по ангелу, по архангелу, по хранителю. Сохраните и помилуйте меня, раба Божия (имя рек), и мою христовую скотинушку от тлетворного ветра, от смертоносной язвы, от опасной болезни, не льнула бы и не приставала бы ко мне и к моей скотинушке эта болезнь, на воздухе бы иссыхала от моих слов, от земли зубов, от моего языка, отныне до веку, от земли и до неба. Ключ и замок сам Иисус Христос. Аминь мои слова заключает».

Взявши скотину в круг и прочитавши наговор, хозяин вкатывает, т.е. прилепляет, к волосам наговорный воск, в гриву коням и в чёлку коровам и мелкому скоту, а затем возвращается в избу и делает земной поклон перед иконами. Этим обряд взятия скотинки в круг кончается.

В эту же ночь совершается заговор муравьёв. Муравьи, по народному представлению и преданию, во времена стародавние были царями и богатырями, и лишь силой какого-то волшебства с незапамятных же времён они обращены были в насекомых — в муравьёв. Муравьям при-

писывается значительная роль в деле устройства крестьянского благополучия. Так, разведённые в домах и в жилых помещениях, муравьи полезны тем, что уничтожают в доме клопов, в скотных дворах муравьи полезны тем, что охраняют скот от заболеваний и от худых влияний. Особенно же полезны муравьи в овечьих хлевах, ибо увеличивают приплод овец.

Многие крестьяне в Великий четверг утром приносят из лесу гнездо муравьёв со всем с сором и высыпают муравьёв в овечьем хлеву без всякого наговора, и от этого одного бывает польза.

Но правильнее поступать так. Хозяин идёт в лес, вырубает пень — обрубок того дерева, у корневища которого муравьи сделали себе гнездо; такое дерево надо найти заблаговременно; из этого обрубка там же, в лесу, делается топором небольшое корытце. Затем хозяин берёт муравьёв со всем гнездом или же только с частью гнезда и несёт муравьёв домой; там, в овечьем хлеву, хозяин ставит вырубленное из пня корытце, наливает в него воду, а в воду высыпает муравьёв с их гнездом и со всем сором, и эту воду наговаривает такими словами: «Как эти муравьи плодятся, так бы у меня, раба Божия (имя рек), плодились овечки беленькие, чёрненькие и пегонькие. Ключ и замок сам Иисус Христос. Аминь».

Наговорную воду с муравьями хозяин даёт пить овцам. Сделанное в лесу корытце можно при желании изготовлять на каждый год, но обычно таким корытцем пользуются неопределённо долгий срок, в течение многих лет, пока оно не обветшает. По окончании обряда корытце хранят до следующего года где-либо в укромном месте, обычно в том же овечьем хлеву под крышей, и заботятся лишь о том, чтобы оно не было в постороннем хозяйственном употреблении.

Помимо всего этого, хозяин берёт первое яйцо, снесённое в эту весну курицей, несёт его в лес и там кладёт в муравьиное гнездо, чтобы муравьи его съели; в том же случае, если хозяин принёс муравьиное гнездо к себе во двор, тогда яйцо можно положить в это гнездо и при этом произнести такой наговор: «Вот тебе, царь Муравей, для разговенья первое яйцо, а мне дай приплод добрых овец

— белых, чёрных и пегих. Ключ и замок сам Иисус Христос. Аминь».

После всего этого хозяин берёт в загнетке русской печи немного золы — горсточку или даже щепоть, несёт золу в амбар, сыпет в сусек с хлебом и произносит такой наговор: «Как эта зола в загнетке не переводится, так бы и в моих сусеках хлебушко не переводился. Ключ и замок сам Иисус Христос. Аминь».

Этим последним наговором достигается и обеспечивается хлебное обилие и довольство в доме.

VII. Новоселье

Новосельем, в собственном смысле, называется переход семьи в новый дом, поставленный на новой усадьбе, т.е. на новом земельном участке. Посему, если семья переходит в новый дом, поставленный на старом земельном участке, что бывает в тех случаях, когда старый дом разрушается и ломается по его ветхости или же продаётся на снос, или же уничтожается пожаром, то в таких случаях не будет новоселья, в собственном значении слова, и при таком неполном новоселье не выполняются все те обряды, которыми обычно сопровождается переход семьи из старого дома в новый.

При переходе семьи в новый дом на новую усадьбу обряды новоселья имеют в виду перенесение «загнетки» как домашнего очага на новое место и перевод духов, покровителей дома и двора, на новое место — в новый дом и в новый двор.

Обряд перенесения «загнетки» на новоселье наводит нас на вопрос о значении русской печи в крестьянском доме и хозяйстве. Русская печь — это домашний очаг крестьянской семьи; русская печь — это место, окружённое благоговейным почитанием всей крестьянской семьи; она является источником существования и благополучия крестьянской семьи; печь — место чистое. А потому никакая крестьянка не допустит того, чтобы в печи сжигалось что-либо нечистое: какая-либо грязная тряпка, кухонный отброс или даже просто сор с пола; всё же подлежащее унич-

тожению вывозится за деревню и там выбрасывается или сжигается на костре. Считается большим грехом и кровной обидой дому и семье, если бы кто-либо плюнул в печь, особенно в то время, когда там горят двора и готовится пища.

Устройство русской печи крайне просто и несложно. Русская печь обычно делается в заднем углу избы, в правом или в левом углу — это безразлично. Для устройства печи в углу над полом строится деревянная клетка, высотой от пола до $3/4$ аршина, называемая опечьем или подопечьем. На этой клетке делается настил из кирпичей, служащих основанием печи и называющийся «подом». Над подом во всю длину его из кирпичей выводится полукруглый свод, в задней своей части свод этот наглухо закладывается кирпичами в форме прямой стены. В передней же своей части печь также закладывается стеной из кирпича, но не сплошной стеной, а с небольшим отверстием, обычно имеющим полукруглую форму, настолько значительным, чтобы через него можно было ставить в печь чугуны, корчаги и сковороды; отверстие это, являющееся устьем печи, в народной речи называется «цоло». Цоло закрывается снаружи особой крышкой, обычно сделанной из железного или чугунного листа и называющейся заслонкой.

Передняя стенка печи строится не на самом краю пода, а с некоторым отступлением от края в глубь печи, так, что между передней стенкой и краем пода остаётся некоторое свободное пространство, которое называется «шестком». Шесток этот нужен для практического удобства хозяйки — стряпухи, над шестком строится дымовая труба, выходящая через потолок на крышу дома. Таким образом, шесток помещается под дымовой трубой и при топке печи дым выходит из печи через устье над шестком в трубу.

В поду печи, прямо за передней стенкой её, по правую и по левую сторону устья делаются два небольших углубления, обычно в размер кирпича, а иногда несколько больше, в зависимости от размеров печи; углубление, расположенное по левую сторону устья, называется «загнеткой», другое же углубление, по правую сторону устья,

называется «задорогой». На поду печи кладутся дрова и, так сказать, разводится костёр — очаг, для варки и приготовления пищи для семьи. Но не под является главным и существенным местом печи и хранителем очага, а таким местом в печи является «загнетка», ибо в ней хозяйка дома поддерживает непрерывный и постоянный огонь очага. Дело в том, что каждая хозяйка дома озабочена тем, чтобы поддерживать в своей печи непрерывный огонь, и огонь этот поддерживается не на поду печи и не в другом её месте, а именно в загнетке. И делается это так.

Когда печь истоплена, тогда хозяйка дома — стряпуха — клюкой отбирает угли, какие получше и покрупнее, и сгребаёт их в загнетку, остальные же угли и золу она загребает в задорогу, а под начисто замётает особой метёлкой, сделанной из берёзового веника, а чаще из веток хвойного дерева: если, пихты и лиственницы, и даже из сосны, так как метла из хвойного дерева даёт хороший аромат. Угли, собранные в задороге, могут гаснуть, но угли в загнетке погаснуть ни в коем случае не должны, в загнетке должен поддерживаться и храниться жар до следующего утра. Наутро же хозяйка, наложивши дров в печку, берёт лучину и зажигает её от углей в загнетке и затем уже зажигает дрова и растапливает печь. Через это достигается непрерывность и постоянство домашнего очага. Если недосмотром или небрежностью хозяйки в загнетке потухнет огонь, это признаётся тяжким грехом и признаком грядущих бедствий и испытаний в доме.

Иногда крестьянину приходится со всей семьёй оставлять свой дом надолго, на несколько дней; обычно такие отлучки бывают в страдную пору для уборки отдалённых полей и лугов, для рыбного и лесного промысла и проч.; в таких случаях на время своей отлучки хозяйка дома оставляет особую домовницу — какую-нибудь старушку, которая наблюдает за тем, чтобы огонь в загнетке не прекращался. Если же такой домовницы достать негде, тогда хозяйка просит какую-нибудь соседку досмотреть за её печкой.

Русская печь обычно ставится вплотную к стенам избы; снаружи печь обделывается так, что имеет вид большого

кирпичного ящика, бока и верх которого имеют вид ровных плоскостей. К русской печи сбоку её, обращённому вглубь избы, строится особый помост, в уровень с верхней плоскостью печи; помост этот делается из деревянных столбов и из досок, помост этот называется «голбцем». Голбец представляет собой не что иное, как деревянную кровать, пристроенную к печи на одном уровне с нею. Голбец делается во всю длину печи, ширина же его определяется размерами помещения — обычно около двух аршин; от полу до самого верху сбоку голбец заделывается досками; чтобы забраться на голбец, делается особая лесенка. Под голбцем иногда делается ход в подполье, закрывающийся особой крышкой — западнёй. Таким образом, голбец представляет собой как бы деревянное продолжение печи и составляет с нею одно целое.

Русская печь как хранительница домашнего очага есть место священное, и потому тёмной и нечистой силе не дано власти над нею. Человеку, желающему избавиться от бесовских козней и от силы вражьей, стоит только залезть на русскую печь или на голбец, и он будет в полной безопасности; бесы будут летать вокруг печи, скакать и прыгать, будут злобно рычать и скрежетать зубами, но достать человека на печи они не могут. Случается иногда, что знахарь или знахарка вызывают таких духов, с которыми справиться они не могут, и духи нападают на самого знахаря или знахарку, терзают их, мучают и даже убивают. В таких случаях знахарки спасаются от нападения бесов и от нечистой силы на русской печке и на голбце.

Набожный и истовый крестьянин, кондовый житель Сибири, очутившись на чуждой стороне в чужой деревне, войдя в дом незнакомого крестьянина, прежде всего молится Богу и делает поклон хозяину и членам его семьи, а затем подходит к русской печи и ладонями обеих рук прикасается к ней и этим как бы отдаёт себя под особое покровительство и ставит себя под охрану домашнего очага. Такого чужестранца и незнакомца, который прикосновением к русской печи призывает покровительство домашнего очага, хозяин дома и его семья встречают с полным доверием и радушием.

Таким образом, русская печь в качестве домашнего очага является местом священным, и естественно, что она вызывает к себе бережное и благоговейное отношение со стороны крестьян и особенно крестьянок-стряпух, которым с ней приходится ежедневно иметь дело. Русская печь обслуживает важнейшие потребности человеческого существования: она обогревает жилище и готовит пищу; помимо того, русская печь является лабораторией для изготовления всяких лекарственных составов, идущих на пользу болящего люда. Всякие настойки, приправы и питьё для больного приготавливаются только в русской печи. В таких случаях, когда для лечения требуются угли и зола, таковые всегда берутся только из загнетки русской печи.

В начале зимы, перед молотьбой хлебов, первый овин должен быть затоплен от углей, взятых в загнетке русской печи. Каждый день по утрам хозяйка дома — стряпуха, приступая к приготовлению кушанья и затапливая печь, при появлении огня и дыма должна перстосложенной рукой перекрестить устье русской печи и произнести следующий заговор:

«Встань, царь Огонь. Царю Огню не иметь воли в моём доме, а иметь волю в одной вольной печи. Ключ и замок сам Иисус Христос. Аминь».

Ввиду такого значения русской печи в народном быту неудивительно, что русская печь часто фигурирует в народных сказках, во многих обрядах и заговорах, и не только печь, но и отдельные «печи́ны», т.е. кирпичи, взятые из печи. Эти наговоры нами будут указаны в другом месте в своё время.

Здесь же я укажу лишь один способ пользования «печи́нами» и русской печью вообще при наговорах — это при наговоре присухи, или, как часто выражаются посказители, при наговоре «на любовь». Девушка, заинтересованная в том, чтобы склонить к себе любовь парня, должна поступить так. Она своим платком утирает пот с лица того молодца, которого она хочет приворожить. Сделать это всего удобнее на вечерке в разгар веселья, когда молодёжь разгорячается, или же на полевых работах в страд-

ную пору — это уже вопрос практического удобства. Но проделать это девушка должна так, чтобы не обратить на себя внимания посторонних людей. Отеревши пот, девушка кладёт платок в карман и уже не даёт ему другого употребления.

На следующий день поутру, при растопке русской печи, девушка этим платком ловит первый дым, т.е. дым, появляющийся при самом начале топки печи, и при этом произносит наговор: «Как этот дым рвётся и извивается, так бы и у раба Божия (имя рек) сердце по мне, рабе Божьей (имя рек), рвалось и извивалось. Аминь».

После этого девушка из поду русской печи вынимает печину, т.е. кирпич; от нижней части кирпича девушка отламывает очень маленький кусочек, который и вкладывает в наговоренный платок, а затем девушка вкладывает платок и расстилает его на дне того углубления, которое образовалось из-под вынутого кирпича, и после всего этого кирпич вставляется на своё место, т.е. кирпич укладывается на подстилке из платка. Уложенный так платок не может сразу сгореть, а будет постепенно тлеть, пока не превратится в пепел. Это-то именно и нужно, ибо если платок сразу сгорит, то наговор не будет иметь силы и не достигнет цели. Уложивши таким образом платок под печину, девушка произносит:

«Как этот платок сохнет-блекнет и тлеет, так бы и сердце у раба Божия (имя рек) сохло бы и блекло и тлело бы обо мне, рабе Божьей (имя рек). Аминь».

Платок так и остаётся там, под печиной, пока не превратится в прах.

* * *

Переход на новоселье следует совершать при свете молодого месяца, хорошо выполнить его и в полнолуние. Но ни в каком случае не следует переходить на новоселье на ущерб месяца, ибо переход в такое время обуславливает собой верный ущерб в хозяйстве, его расстройство и даже гибель. Особенно не следует совершать новоселья в безлунную тёмную ночь, т.е. в период новолуния, или, по

местному выражению, «в перекрой месяца», ибо такой переход обрекает крестьянское хозяйство на тёмное, мрачное и тяжёлое существование.

Когда новый дом приведён в такое состояние, что в нём можно готовить пищу и поместиться хозяину с его семьёй, и когда двор приведён в состояние, пригодное для содержания в нём скота, тогда хозяин дома на семейном совете решает совершить переход на новоселье и назначает день такого перехода. За день, за два до новоселья крестьянская семья приступает к переносу и перевозке своего имущества из старого дома в новый, но делает это не зря, а в известном порядке и постепенно. Так, прежде всего хозяйка дома на склоне дня, под вечер, берёт мучное корыто и ковш и несёт их в новый дом и там спускает в подполье. И это единственное имущество, которое в первый день переносится на новоселье, никакого другого имущества в этот день в новый дом не переносят. С наступлением ночи хозяин дома берёт с собой ковригу хлеба и соль, а также петуха, и с ними идёт в новую избу на ночлег и спит в избе совершенно один. Это делается для гаданья: сон, который приснится хозяину дома в эту ночь в новой избе, всегда носит вещий, пророческий характер, сон этот скажет хозяину, будет ли для него и для членов его семьи в новом доме жизнь благополучная и счастливая, или же наоборот — его ждёт в новом доме жизнь тяжёлая и безотрадная.

На следующий только день, с утра, крестьянская семья начинает перевозить и переносить из старого дома в новый всё своё имущество, и иногда в один день перетаскивает весь свой скарб. В этот же день переводится и весь скот со старого двора на новый, но это ещё не новоселье, ибо загнетка остаётся в старой печи. Перенесение загнетки совершается лишь на следующий день утром, перед топкой печи, и совершается это так.

Утром хозяйка дома берёт «чистый» глиняный горшок, всего лучше для этого взять совершенно новый горшок, не бывший в употреблении; хозяйка из загнетки старой печи выгребает все уголья так, чтобы в ста-

рой загнетке совершенно не оставалось жару, и угли эти высыпает в горшок; горшка этого наглухо закрывать не следует, чтобы не погасли угли, можно лишь слегка сверху закрыть горшок чистым холстом. Держа горшок в руках хозяйка обходит всю опустевшую старую избу кругом посолон, затем становится посредине избы, лицом в передний угол, хотя бы там уже не было ни божницы, ни икон, и делает низкий поясной поклон, а затем поворачивается лицом к русской печи и также делает поясной поклон; поклоны эти хозяйка-крестьянка делает молча и молча же она выходит из старого дома и идёт в новый. Там, в новом доме, хозяйка также обходит всю избу кругом посолон и затем ставит горшок с углями на стол в переднем углу и кладёт перед иконами три земных поклона, а затем снова берёт горшок в руки, поворачивается лицом к печи и высыпает угли из горшка на шесток (но не в загнётку), от этих углей хозяйка зажигает лучину и растапливает первую печь в новом доме; при затопке печи хозяйка дома перстосложенной рукой крестит печь и произносит наговор, приведённый выше, а затем знаменует себя крестным знамением, и с нею вместе знаменуют себя крестным знамением все члены семьи.

Загнетка перенесена, непрерывность и постоянство огня в ней соблюдены и сохранены.

Требуется, чтобы хозяйка дома в первой печи в новом доме испекла хлебы или по крайней мере хлебные лепёшки — это затем, чтобы семья перешла в дом «на хлебный дух», ибо этим достигается обилие и благополучие в доме.

Когда первая печь в новом доме истоплена и завтрак или обед готов, тогда хозяйка дома приступает к совершению обряда перевода духа-покровителя, суседки и букана из старого жилища на новое, и при этом поступает так. Хозяйка берёт петуха и идёт с ним в старый дом, уже совершенно заброшенный и с опустевшей загнеткой; там, держа петуха в руках, она обходит кругом посолон всю избу и затем становится посредине избы, лицом в глубь избы, делает низкий по-

ясной или даже земной поклон и произносит: «Дедушко-буканушко, милости просим к нам на новоселье, переходи к нам в новый дом и будь добр и ласков к нашей семье, как ты был добр и ласков к нам в старом доме».

Нужно сказать, что эти слова обращения к домовому-букану не носят характер строгой заговорческой формулы и допускают перифраз, согласно разумения крестьянки, хозяйки дома, но смысл обращения тот, который приведён мной и который записан мной со слов двух рассказчиков.

После того хозяйка дома с петухом в руках выходит из старого дома и идёт в новый; войдя в новую избу, хозяйка обходит её кругом посолон и затем делает поясной или земной поклон вглубь избы и произносит: «Милости просим, дедушко-буканушко, к нам на новоселье, живи в нашем новом доме и будь добр и ласков с нашей семьей, как ты был добр и ласков к нам в старом доме». И затем хозяйка выпускает петуха из рук на середину пола.

Так совершается перевод духа покровителя, домового и букана из старого дома в новый. После перевода суседки старый дом признаётся заброшенным и нежилым.

Перевод дворного духа и суседки совершается уже хозяином дома и обязательно в ночную пору, причём желательно, чтобы при выполнении этого обряда на небе светила луна; для выполнения этого обряда требуется присутствие при хозяине дома другого постороннего лица, обыкновенно для этого приглашается какой-нибудь соседний старый крестьянин. С наступлением ночи, когда стемнеет и на деревне всё успокоится, тогда хозяин дома берёт хлеб и на него ставит солонку с солью, или же просто на хлеб сыплет горсть соли, и с хлебом и солью идёт в свой старый дом, а приглашённого для выполнения обряда старика ставит в своём новом дворе у ворот, наглухо закрытых. Войдя в свой старый двор, хозяин с хлебом и солью в руках обходит весь свой двор кругом посолон, а затем, подойдя к воротам, хозяин становится лицом в глубь двора

и делает поклон: земной или поясной — это безразлично, это зависит от усердия его, и, делая поклон, хозяин произносит: «Дедушко-суседушко, пожалуй с нами на новое место, жалеи и береги нашу христовую скотинушку и охраняй наш благословенный дом». Затем хозяин выходит за ворота старого двора и идёт в свой новый двор; подойдя к закрытым воротам своего нового дома, хозяин громко произносит Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». На это приставленный к воротам старик со двора отвечает: «Аминь», и того же разу отворяет настежь ворота и встречает хозяина дома с поклоном и ласковым словом: «Милости просим, хозяин, заходи на новое место. Дай Бог добрый час» и т.п.

Войдя в свой новый двор, хозяин также обходит весь свой двор и пригоны посолон, а затем, подойдя к воротам двора и обращаясь в глубь его, делает поклон — земной или поясной (по желанию), и произносит те же слова обращения к дворному, а затем идёт в избу и там кладёт хлеб и соль на стол в переднем углу под образами и делает три земных поклона пред образами.

Так совершается обряд перевода дворного из старой усадьбы в новую. Но всем эти обряды новоселья ещё не заканчиваются, и наутро следующего дня выполняется, так сказать, заключительный обряд новоселья, и справляется он так.

Утром, когда печь уже истоплена и хозяйка дома уже прибралась около печи и всё приготовила к обеду, хозяин дома одевает приглашённого для выполнения обряда старика в новую овчинную шубу, хотя бы дело было в жаркую летнюю пору, и даёт ему в одну руку кринку с маслом, а в другую — хлеб с солью, причём в этом случае могут фигурировать те самые хлеб и соль, с которыми накануне хозяин дома переводил суседку дворного; со всем этим старик спускается в подполье избы, а хозяин дома, тоже одетый в шубу, остаётся в избе у открытой западни. Хозяин сверху громко спрашивает стоящего в подполье старика: «Кто там ходит?» И на это старик снизу отвечает: «Сам Иисус Христос в

новой шубе, с кринкой масла, с хлебом-солью, тебе, хозяин, желает доброго здоровья на новом месте. Аминь».

Этот вопрос и ответ повторяются три раза. После этого старик вылезает из подполья, ставит хлеб с солью и кринку с маслом на стол, а затем кланяется хозяину и хозяйке дома и поздравляет их с новосельем.

С этого момента обряд новоселья считается законченным и хозяева принимают поздравление с новосельем.

Ежегодник Тобольского губернского музея.
Тобольск, 1916. Вып. XXVI. С. 1–65.

Н.О. Осипов

Ритуал сибирской свадьбы

Ритуал сибирской свадьбы

К числу самых ранних проявлений культурной жизни человечества принадлежит, без сомнения, институт брака: древность его можно считать почти одинаковой с древностью религии. И это естественно: по мнению многих учёных, семья была первой ячейкой, размножение которой создало человеческое общество; и если это справедливо, то, конечно, брачный союз между мужчиной и женщиной не мог избежать общественного контроля, выражающегося в совокупности самых разнообразных и многочисленных формальностей и обычаев, которыми обставляется заключение брачного союза. Само собой разумеется, что характер всех этих обычаев и формальностей зависит от культурного уровня того общества, среди которого они возникают. Христианство значительно упростило эти обычаи, ограничив их только заключением брака в церкви, и не иначе, как её служителем; институт так называемого гражданского брака, принятого в некоторых государствах Европы, ещё более сократил количество брачных формальностей, считая брак вполне законным, если условия его занесены в книгу местного нотариуса; а общественное самосознание уничтожило в некоторых странах, например, в Англии, и все те пиршества и празднества, которыми сопровождался брак в прежнее время, установив как обычай свадебное путешествие новобрачных тотчас по совершении брака.

Среди возникших классов, однако, сохраняется множество брачных обычаев, являющихся, без сомнения, остатками самой седой, и притом языческой, старины; среди нашего народа, несмотря на простоту православного брака, ни одно событие частной и общественной жизни не обставлено таким множеством формальностей, какие сопровождают заключение брачного союза до и после

его освящения церковью. Можно сказать, что самый важный акт брака — венчание — просто теряется среди обилия тех обычаев и формальностей, которыми полна деревенская свадьба. Трудно сомневаться в том, что эти пережитки давно исчезнувших общественных форм жизни представляют значительный бытовой и даже научный интерес. Автору этих строк пришлось познакомиться довольно близко с ритуалом сибирской свадьбы, и он позволяет себе предложить свои наблюдения вниманию публики.

Обычаи сибирской свадьбы таковы, что они представляют ещё специальный интерес: они, во-первых, носят несколько азиатский оттенок, и, во-вторых, могут считаться до некоторой степени источником обеднения сибирских крестьян.

То, что мы называем азиатским оттенком, заключается в обычае «запроса», который сами крестьяне называют татарским словом «калым»: жених должен заплатить за невесту известную сумму денег, чтобы она могла сделаться его женой. Правда, деньги эти возвращаются в семью жениха, так как невеста не оставляет их своему отцу, а заводит на них такие предметы приданого, которых она не выработала своим домашним трудом или которых ей не дают родители; «запрос», «калым», почти весь идёт на покупку предметов роскоши: «дипломатов», «ботинок», шёлковых платьев и платков, шерстяных шалей и т.п. С другой стороны, если женщина приносит с собой калым обратно в семью мужа, то всё-таки он считается её личной собственностью и в случае смерти мужа остаётся не в его семье, а у вдовы; и если она вторично выходит замуж, то калым не отбирается у неё.

Обычай этот, вероятно, возник частью от соседства с киргизами-кочевниками, а более всего — первоначального характера колонизации Сибири: при малочисленности населения, когда рабочая и производительная сила женщины особенно ценится, при значительном наплыве в Сибирь разных удальцов, конечно, бессемейных, при обоих этих условиях немудрено возникнуть обычаю калыма как выразителю численного преобладания мужчин над женщинами. В настоящее время, когда население Сибири

всё более и более увеличивается благодаря всякого рода колонизации — вольной и невольной, организованной и беспорядочной, — обычай «запроса», «калыма», начинает исчезать: крестьяне, особенно небогатые, женятся «убегом», т.е. тайно от родителей; тайна эта, однако, не составляет для последних секрета; обыкновенно это делается с согласия родителей той и другой стороны, хотя и с неохотой со стороны отца невесты, которому в этом случае всё-таки даётся «за руку» вино. Такая свадьба «убегом» избавляет жениха не только от калыма, но и от большей части расходов по угощению родственников и знакомых: «убег» всё-таки считается неприличным, и на такую свадьбу приглашают только самых близких людей, причём празднование совершается очень скромно — без всякого шума, звона и треска.

Что касается до разорительности сибирской свадьбы (главным образом, впрочем, для семьи жениха), то это можно видеть из следующих цифр, относящихся к той местности, свадебные обычаи которой мы будем далее описывать. Расход жениха состоит из следующих статей: 1) «запрос», или «калым», невесте — 80 руб.; 2) отцу невесты «за руку» (т.е. за согласие) вина 4 ведра по 6 руб. — 24 руб.; 3) для гулянки в доме жениха водки 6 вёдер — 36 руб.; 4) венчание — 10 руб.; 5) родне невесты на подарки (пряниками и мылом) около 3 руб.; 6) рыбы для пирогов не менее двух пудов по 2 руб. — 4 руб.; 7) масла коровьего один пуд — 7 руб.; 8) мяса два пуда по 1 руб. 50 коп. — 3 руб.; 9) чаю два фунта по 1 руб. 50 коп. — 3 руб.; 10) сахару десять фунтов по 20 коп. — 2 руб.; 11) орехов, пряников и карамели на 2 руб.; 12) муки пшеничной четыре пуда по 70 коп. — 2 руб. 80 коп.; Всего будет стоить свадьба для жениха — 176 руб. 80 коп. Заметим, что все цифры взяты для крестьянина среднего состояния; богатые крестьяне тратят вдвое и втрое более вышеприведённых цифр: один калым увеличивается до 200—300 рублей и доходит иногда до 500 рублей.

Но свадебные расходы не исчерпываются издержками одного жениха; будущий тесть устраивает у себя такую же гулянку, как и семья жениха; водки ему покупать не надо

— её он получит «за руку» от свата; но всякое угощение: рыба, мясо, масло, пряники, чай, сахар и т.п. — всё это он должен купить в том же размере, как и жених, потому что число пирующих в его доме то же самое, как и в доме жениха; поэтому тестю гулянка стоит не менее 24 рублей.

Свадебные гости, которые «гуляли» у жениха и невесты и которых с той и с другой стороны приблизительно по шесть человек, также устраивают гулянки, на которые приглашаются молодые с их ближайшими родственниками; эти гулянки, конечно, обходятся уже дешевле, потому что и число пирующих меньше, и происходят они в течение одного только дня, да и пьют тут сравнительно меньше (например, водки — одно ведро); по сделанным расчётам, такие гулянки обходятся около одиннадцати рублей для каждого из свадебных гостей; а так как их бывает около 12 человек, то в общей сложности расход на эти гулянки доходит до 132 рублей.

Повторяем, что мы взяли везде средние цифры для средне-зажиточных крестьян, и мы видим, что свадебные расходы достигают очень солидных цифр: жених истратит до 177 рублей, тесть — до 24 рублей, гости — не менее 132 рублей, т.е. всего около 333 рублей.

Попытаемся сосчитать, во что обойдётся стоимость свадьбы для целого селения. Для примера мы возьмём деревню Нагорскую Утякской волости Курганского округа Тобольской губернии*. В этом селении около 1000 наличных душ обоего пола, дворов — 157, в которых 485 наделённых по земле и по податям душ; всех налогов (казённых и мирских) приходилось в 1888 году по 4 руб. 46,65 коп. с души, а всего с 485 душ — 2.166 руб. 25¹/₄ коп. Ежегодно в этом селении играется от восьми до девяти свадеб; считая в среднем 8¹/₂ свадьбы и помножая эту цифру на 333 руб., получим ежегодный свадебный расход селения в 2.830 руб. 50 коп., т.е. на ¹/₄ часть больше общей

* Обычаи сибирской свадьбы, которые мы будем дальше излагать, сообщены нам крестьянином именно этого селения Василием Фёдоровичем Бобковым, человеком зажиточным, обстоятельным и хорошо знающим свадебные обычаи, так как сам он на свадьбах играет почётную роль «вежливца», или церемониймейстера. Считаем долгом благодарить здесь В.Ф. Бобкова за подробные рассказы нам о всяких сибирских обычаях.

суммы всех налогов, которые платит крестьянская земля в пользу казны и на общественные по волости и селению расходы*.

Может представиться возражение, что наш расчёт неверен потому, что мы относим свадебные расходы на одну деревню, между тем как, в случае «привода» невесты из другого селения, значительная часть расходов со стороны невестиной родни падёт на другое селение; но если д. Нагорская берёт известное число невест из других мест, то столько же приблизительно отдаст туда своих девиц; и, следовательно, расчёт остаётся таким, как бы все свадьбы происходили между жителями одной только д. Нагорской.

Мы видим, какое громадное чисто экономическое значение имеет брак среди сибирских крестьян: расходы на свадьбы значительно превышают всё податное обложение их земель; хозяйственно-экономическое значение этих трат ещё более возрастёт, если мы примем во внимание, что они единовременны для всех участников свадьбы, в то время как податная тяжесть раскладывается на всех домохозяев сообразно количеству владеемой каждым земли, свадебные расходы падают, главным образом, на домохозяйство жениха. Понятно, что в случае отсутствия сбережений, это домохозяйство неизбежно должно входить в долги, уплата которых производится в течение нескольких лет, причём, конечно, платятся ростовщические проценты. Явление это можно считать почти обычным, так как самая характерная черта сибирского крестьянина, воспитанная трёхвековым земельным привольем, состоит именно в отсутствии бережливости. В прежние времена — лет 50—100 тому назад — быть может, свадебная расточительность была вполне уместна и естественна, так как земли были свежи и не выпажаны, да и пространства их столь обширны, что можно было выбирать любой участок

* В настоящее время — после двухлетней голодовки в Курганском округе — расходы крестьян на свадьбы значительно сократились. Наши цифровые сведения о ценах на продукты, о податях и т.п. относятся к 1889 году, когда мы производили хозяйственно-экономическое исследование Курганского округа по распоряжению г. Министра Государственных Имуществ.

для распашки и посева. Прибавим к этому, что исчезнувшее в настоящее время обилие лесов было громадным резервуаром влаги, предохранявшим земледелие от тех губительных засух, которые в настоящее время составляют бич земледелия южной полосы Западной Сибири и приводят к страшным голодовкам (особенно для скота) на громадных пространствах.

В описываемой местности, т.е. в Курганском округе (да и в близлежащих около него Тюменском, Ялуторовском и Ишимском), земельный простор, позволявший вести залежное и переложное хозяйство, составляет уже предание довольно далёкого прошлого; в средней сложности по всему Курганскому округу едва ли найдётся более 12—13 десятин всех угодий на наличную душу мужского пола; и есть волости, где приходится уже не более девяти десятин на наличную душу. Если принять ещё во внимание то обстоятельство, что, благодаря уничтожению лесов, климат делается всё более и более резким и земледелие превращается просто в лотерею, то становится понятной необходимость продовольственных запасов не только для людей, но и для скота, и притом не на один год, а на два, потому что здесь бывают неурожай по два и по три года сряду, как, например, 1890 и 1891 гг. в юго-западной части Курганского округа и в 1882, 1884 и 1885 гг. во всём округе.

Из предыдущего видно, что привычки, воспитанные земельным простором, свежестью пахатных земель и сравнительной обеспеченностью урожаев, совершенно уже не соответствуют ни хозяйственным, ни экономическим условиям настоящего времени. Ясно, что если прежде можно было ради свадеб залезать в долги в расчёте на богатство природы и на щедрую оплату крестьянского труда, теперь, когда надвигается со всех сторон земельное утеснение (мы говорим о юго-западной части Тобольской губернии) и когда природа сделалась до последней степени скупа, теперь свадьбы надо делать не только на сбережение предыдущих лет, но и вообще следует сокращать эти расходы, во всяком случае, как увидим ниже, непроизводительные.

Если бы свадебные расходы заключались главным об-

разом в гулянках и пьянстве, если бы они вытекали исключительно из одного желания повеселиться по случаю радостного события для двух крестьянских семейств, то в таком случае сокращение свадебных расходов зависело бы исключительно от одного только развития бережливости в среде сибирского крестьянства. Дело, однако, обстоит совершенно иначе: оказывается, что выработанный веками свадебный ритуал не только крайне сложен, но вместе с тем и обязателен, если только брачующиеся желают, чтобы их свадьба считалась приличной. А строгость, с которой крестьяне относятся к соблюдению приличий, может быть сравниваема только с обычаями high life'a; конечно, это очень смешно, что тот же крестьянин, который на улице «матерится» трёхэтажными ругательствами и нередко пьяный безобразно валяется около кабака, — этот же самый мужик, когда придёт в гости или сам принимает гостей, становится чрезвычайно щепетильным и обидчивым, если не соблюдёт мельчайших вежливостей и церемоний, освящённых веками. Но смешно или не смешно это — несомненен только тот факт, что у крестьян есть своё представление о «хорошем тоне», соблюдение которого столь же обязательно, как в самом чопорном обществе.

Само собой понятно, что если «хороший тон» обязателен при обыкновенных приёмах гостей, то такое торжество, как свадьба, требует уже настоящих церемоний. И действительно, церемонии сибирской свадьбы настолько сложны и многочисленны, что жизнь выработала даже особых знатоков свадебного ритуала, настоящих церемониймейстеров, которых народ называет чисто русским словом — «вежливец», «большак». Необходимо, однако, заметить, что вежливец не вполне соответствует понятию церемониймейстера; роль эта есть остаток древнейших суеверий, предполагающих, что брак окружён влиянием тёмных сил, которые могут повредить счастливому супружеству. Судя по сознанию самих крестьян и по тем манипуляциям, которые производит вежливец и которые будут описаны впоследствии, вежливец, или большак, считается до некоторой степени колдуном, предохраняющим

течение свадьбы от влияния других колдунов, действующих или по собственной злобе на брачующихся, или по подговору их врагов. Не пригласить на свадьбу вежливец — это значит, по мнению крестьян, не только запутаться в сложных обрядностях свадьбы и сделать множество неприличий и бестактностей по отношению к самым близким и почётным лицам; это значит не только сделаться посмешищем целого селения, так как вся свадьба вышла бы «не по людски», — неприглашение вежливец ведёт ещё, по всеобщему мнению крестьян, к тому, что сам брак будет несчастлив, что в нём не будет супружеской любви, независимо от того, что в течение самой свадьбы может случиться какое-нибудь несчастье.

В виду всего изложенного, на каждую свадьбу приглашается вежливец, который заведует всем церемониалом, играет самую почётную роль и получает от невесты самые лучшие дары.

Когда через свах становится известно, что родители девушки согласны выдать её замуж, то отец жениха приезжает к ним в дом для переговоров о материальной стороне брака. Для родителей невесты не считается обязательным давать девушке приданое; всё, что она уносит из дома отца, она приобрела сама: или денежным заработком на летних работах, или пряжей и тканьем из собственного льна. Надо заметить, что когда лён сеется крестьянином не для продажи, а для собственных домашних надобностей, то обыкновенно он засекает столько «лех», или «загонов»*, сколько в семье женщин-работниц; этот лён находится в полном распоряжении женщин, и всё, что останется после постройки необходимого для семьи белья, считается полной собственностью женщин; из них замужние продают холсты, а девушки берегут их себе на приданое.

Если родители дают что-нибудь девушке, то это считается добровольным их даром и называется «благословением»: «родитель мне благословил корову да телушку», выражается невеста о таких подарках.

* Леха, или загон — известная часть десятины, зависящая от размеров последней; если десятина имеет 2500 кв. с., то леха = $5 \times 50 \times 250$ кв. с.; если десятина 3600 кв. с., то леха $5 \times 60 = 300$ кв. с., т.е. в этой десятине 12 лех, или загонов, а в десятине 2500 кв. с. — только 10 лех.

Так как родители невесты приданого не дают, то суть переговоров на так называемом «сосватании» главным образом сосредоточивается на величине калыма, или «запроса», и на размере количества вина, которое даётся будущему тестю «за руку», т.е. за согласие. Само собой разумеется, что все эти переговоры имеют вид настоящего торга, в котором каждая сторона стремится выгадать свои интересы; надо заметить, что отец невесты оказывается всё-таки более уступчивым в величине калыма, чем в количестве ведер водки, следующих ему «за руку». Это естественно: калым идёт в пользу невесты, которая нашьёт себе на него наряды и, конечно, унесёт их в дом жениха; деньги же за руку идут исключительно в пользу тестя, хотя, впрочем, на совершенно определённый предмет — именно: на покупку водки для свадебного торжества в его доме; если он получит «за руку» мало денег, то он должен будет устроить скудную гулянку и «осрамиться» перед соседями; а если не захочет сражаться, то должен приложить своих денег. Бывают поэтому случаи, когда сваты, согласившись в размере калыма, расходятся из-за суммы денег «за руку»; даже в тех случаях, когда свадьба совершается «убегом» и когда калым женихом не платится, всё-таки тесть получает некоторую сумму «за руку», хотя уже и в меньшем, против обыкновенного, размере, потому что в этих случаях гулянка делается самая скромная.

Сосватание и все переговоры, сопровождающие его, всегда ведутся в присутствии третьего лица, которое называется «сватовщиком»; когда будущие сваты во всём согласились, то перед иконами зажигаются восковые свечи, все молятся Богу и совершается рукобитие между отцами жениха и невесты. С этого момента девушка считается просватанной и начинается снаряжение приданого.

Необходимым свадебным праздником является в Сибири, как и везде в России, девичник, на который приглашаются по зову отца невесты его родственники, а по зову её матери — соседние девушки или вообще её подруги. Число приглашённых родственников зависит от обилия родства; обыкновенно их бывает около шести человек.

На девичник является и жених со своими родителями; невеста одаривает жениха как своими изделиями (скатерти, полотенца, ковры, одеяла и т.п.), так и покупной «цветниной» — шальями, подшалками, платками; все эти подарки жениху впоследствии, после замужества девушки, переходят к ней назад и считаются её собственностью. Такие же подарки невеста подносит и свёкру со свекровью, эти подарки ей после замужества не возвращаются и остаются в собственности родителей жениха. Как жених, так и его родители тут же одаривают невесту, кладя на поднос деньги.

После окончания процедуры одаривания начинается пирушка, причём родители жениха занимают самое почётное место, а сосватанные садятся между ними. Жених и невеста вина не пьют, прочие же увеселяются по мере сил, так что иногда бывает, что кто где сидел, тут и уснул. Словом, настоящая попойка, в которой, впрочем, молодёжь не участвует; девушки обыкновенно выходят с парнями на улицу и катаются на жениховых лошадях. Возвратившись в избу, девушки поют так называемые «припевки», за которые получают деньги от восхваляемых припевками лиц. Содержание припевок очень однообразно и заключается в похвалах красоте и достоинству мужчины или женщины; кроме того, в них выражаются различные пожелания: холостому — чтобы его полюбила та девушка, которая ему нравится, женатым и замужним высказываются пожелания счастья от детей, причём и последние восхваляются. Впоследствии мы приведём несколько таких припевок.

По окончании девичника жених, свёкор со свекровью и все гости разъезжаются по домам, а девушки остаются в доме невесты до самой свадьбы, помогая ей снаряжать приданое. Девушки живут у своей просватанной подруги неделю, а иногда и более, словом, до самого момента венчания. Так как число приглашённых девушек и подруг невесты простирается иногда до десяти, то кормить их в течение 7—14 дней составляет, конечно, большой расчёт для семьи невесты, тем более что, как мы выше видели, весь строй сибирской свадьбы приспособлен к наименьшим

тратам невестинной семьи. Для того чтобы приглашённые девушки не обременяли семьи своей подруги, выработался следующий обычай. После сумерек все девушки (кроме, конечно, невесты) отправляются на лошадях её отца под окна к кому-нибудь из приглашённых на свадьбу и бывших на девичнике гостей; одна из девушек принимает на себя роль невесты и причитает, а остальные в так её причитанию поют песню: «Отказал родимый батюшка мне от хлеба и от соли, и мне теперь горе-горькой скитаться по миру, по крещёному» и т.д. Затем входят в дом и говорят стишок: «покатилось колесничко вдоль по тесничке* — по пиво, по шаньге**, по мягкий хлеб» и т.д. Хозяин дома наделяет девушек чем-нибудь съедобным: окороком мяса, рыбой и т.п., а на другой день хозяйка дома стряпает гостинцы, для невесты и для девушек особо, и к обеду сама сносит приготовленное в дом невесты. Вечером девушки опять приезжают под окна этого дома и поют хотя жалобные причитания, но уже в благодарственном смысле, а затем отправляются к другому двору из приглашённых на свадьбу и повторяют ту же историю. Так и пропитываются девушки во всё время между девичником и венчанием.

На другой день после девичника отец жениха созывает своих родственников «смотреть дары», которые были поднесены невестой на девичнике. В этом собрании никакого угощения не делается; оно имеет, во-первых, то значение, чтобы родственники и знакомые знали, кто из них приглашается к участию в свадьбе: которые не были приглашены на смотрение даров, не будут участвовать в свадьбе; во-вторых, родители жениха оповещают о дне свадьбы и просят всех быть готовыми к этому дню. После родственников приглашаются соседние девушки покататься на лошадях жениха, а затем помочь его матери стряпать пельмени и коральки***.

До самой свадьбы в доме жениха не совершается ни-

* Тесница, тесничка — узкая тонкая дощечка.

** Шаньга — лепёшка из кислого теста: скоромная делается на коровьем масле и сверху намазывается смесью творога со сметаной, постная — на постном масле, а сверху намазывается смесью тёртого картофеля с постным маслом; очень вкусные лепёшки, особенно горячие.

*** Маленькие сдобные крендельки: у богатых из крупчатки, у бедных — из обыкновенной пшеничной муки.

каких церемоний, даже девушки никаких песен не поют. Зато отцу жениха, как говорится, хлопот полон рот, особенно если невеста из другого прихода: в этом случае необходимо достать метрическую справку о летах невесты, за что платится в пользу причта от 4 до 10 рублей. Со своим причтом также немало хлопот: свадьбы — это особенно доходная статья священников, из которой они стараются извлечь возможно больше пользы. Надо заметить, что хотя в Сибири священники получают жалованье и имеют в размежеванных волостях земельный надел в 99 десятин на причт, тем не менее во многих местностях они ездят с «побором» до шести раз в год; не все крестьяне щедры в этих добровольных подаяниях священнику, и последние замечают особенно выдающихся скряг; и вот если такому крестьянину придётся делать свадьбу, то уж ему припомнят его скупость при поборах и возьмут за венчание весьма приличную сумму — до 20 и более рублей. Конечно, оно отзывается вымогательством, но в защиту священства надо сказать то, что сибирский крестьянин крайне равнодушен и к религии, и к нуждам её служителей. Нам известен, например, такой случай: один священник, уже пожилой и весьма почтенный, послужив в разных местах Тобольской епархии, возвратился к себе на родину, занял место своего покойного отца — тоже священника. Желая уничтожить неприятный обычай торга за венчание, он при первой же свадьбе, как раз в доме одного из богатейших крестьян, сказал на вопрос о цене венчания: «Сколько дашь, столько и ладно». По окончании венчания богатый предложил священнику... рубль! А прежде с такого богача взяли бы не менее 30—40 рублей; когда священник пристыдил свою духовную овцу, то она расщедрилась... трёшницей.

В день свадьбы или сам отец жениха, или один из его родственников приглашают сначала тех, которые должны участвовать в свадебном поезде, а затем и всех тех, которые должны принимать участие в гулянках, словом, всех, бывших на «смотре даров». В день же свадьбы приглашается и вежливец, который с этого момента является руководителем всего свадебного распорядка и всех цере-

моний. Вся изба застилается соломой, к дугам подвязываются колокольчики, и запряжённые для поезда лошади привязываются к протянутой через двор верёвке в том порядке, который указывается вежливец.

После того как все приглашённые на свадьбу соберутся, вежливец размещает их в следующем порядке: жених садится за столом в переднем углу на той лавке, которая стоит поперёк избы; рядом с ним на лавке, расположенной вдоль избы, садится тысяцкий, которым должен быть преимущественно крёстный отец; стол становится также поперёк избы так, что тысяцкий сидит на конце стола. По правую руку жениха, на поперечной же скамейке, садится сваха, которой должна быть преимущественно крёстная мать; от тысяцкого на продольной скамейке садятся «большие бояра», т.е. ближайшие и старейшие родственники и почётные лица; от свахи на поперечной скамейке садятся «меньшие бояра» — дальние родственники и менее почётные лица. Сам вежливец не садится на лавке, а «притыкается» где-нибудь у края стола на стуле или табуретке; несмотря на своё почётное звание, ему нельзя залезть за стол, потому что ему часто приходится выходить из избы.

Когда гости все уселись по чину, сваха уводит жениха за занавеску и подаёт ему подвенечную рубашку, которая должна быть её подарком; затем она выводит жениха из-за занавески и одевает его при всей публике в подвенечный костюм — сюртук, жилет и шаровары; затем он садится на своё место. Во время одевания жениха девушки поют первую в его доме песню: «Кто тебя (имя жениха) хороша народил? Народил меня родимый батюшка свецу (имя отца). Кто тебя (имя жениха) на бел свет пустил? Пустила меня родима матушка свецу (имя матери). Кто тебя (имя жениха) набело умывал? Умывал меня крёстный батюшка свецу (имя крёстного). Кто тебя хорошо снаряжал? Снаряжала меня крёстная матушка свецу (имя крёстной)». Очевидно, что эта песня напоминает жениху о начале его телесной и духовной жизни. Вторая песня девушки обращена к родителям жениха: «Не лежи, бобёр, во крутом берегу, не сиди (имя отца) в высоком терему; не пора сидеть, пора свадьбу сряжать.

У меня свадьба снаряженная, сорок комоней иззапряжённые, сорок ковров изнакиданные. Не лежи, бобриха, во крутом берегу, не сиди (имя матери) в высоком терему; не пора сидеть, пора свадьбу сряжать. У меня свадьба снаряженная, сорок печей калачей испечено, сорок пирогов изготовлено, сорок станов испоставлено, сорок скатертей изнакидано».

Во время пения этой песни на дворе, по распоряжению вежливец, запряжённые телеги или сани расставляются в следующем порядке: первый от крыльца экипаж — для большого боярина и вежливец, второй — для тысяцкого и жениха, третий — под сваху, четвёртый — под отца жениха с младшим боярином. Пока на дворе вежливец расставляет по порядку лошадей, хозяйка дома в избе кладёт на стол хлеб для благословения новобрачных и рядом с ним ставит кружку пива или квас; эти предметы в течение всей свадьбы никем с места не трогаются; кроме того, наблюдается, чтобы стол, на котором они лежат, оставался неподвижным.

Вежливец по возвращении со двора подаёт жениху поднос с двумя рюмками, в которые наливает вино и вызывает прежде всего родителей жениха; затем вызывает тысяцкого со свахой; наконец, вызываются и все поезжане к выпивке, все пьют и поздравляют жениха «с начатием дела». Во время этой церемонии девушки поют: «Волга река разливается, желта тафта расстилается, (имя жениха) на коне разгуляется (отчество жениха), себе полк прибирает, где кому быть, в большом месте сидеть». Далее в песне поётся, кому быть хозяином дома (отцу жениха), кому быть хозяйкой дома (матери жениха), кому быть тысяцким, большими и меньшими боярами, кому быть резвым дружкой (вежливцу), словом, в песне указывается место каждого из поезжан и гостей; каждый член называется поимённо, и песня начинается для каждого из них с самого начала со слов «Волга река».

Под конец песни хозяйка дома подаёт на стол непременно рыбный пирог, и притом неразрезанный и неоткрытый; открыть и разрезать его лежит на обязанности вежливец. После пирога подаются щи, а затем закрытое

тарелкой третье блюдо, которое вовсе не открывается. После этого подаётся еда «простая», которую едят уже безо всяких церемоний. Во время столования хозяин дома выходит из-за стола и подаёт званым гостям по рюмке водки; щедрый хозяин подаёт и незваной публике, которая всегда набирается на свадьбу, как на зрелище, и не участвует ни в каких церемониях и угощениях и которую всегда, в случае надобности, можно выпроводить без нарушения приличий. Каждый выпивший поздравляет родителей жениха с «начатием дела», а жениха — «с храбрым поездом»; жених вместе со свахой перед каждым встают и кланяются, а вежливец благодарит «на добром слове».

В том случае, если жених не имеет родного отца или матери, во время стола девушки поют самым заунывным тоном следующую песню: «Ты река, река быстрая, ты течёшь, не колыбнёшься ни в которую сторону — ни в восточную, ни в западную, ни в северную, ни в полуденную; ещё ходит добрый молодец, свет (имя и отчество жениха), он и кучится*, конается** милосердному братенку: уж ты, братец, милосердный, свет (имя и отчество припеваемого брата), ты сходи же, мой брателко, во завозню*** решётчатую, ты возьми же, мой брателко, уздечку тесьмёную; ты сходи же, мой брателко, во конюшню новую, дубовую, май-май же, мой брателко, ворона коня ступищатого; заседлай же, мой брателко, во седельце черкасское, поезжай же, мой брателко, ко матушке Божьей церкви; ты взойди, мой брателко, на колокольню белокаменную; ты ударь же, мой брателко, во самый большой колокол; подуди, мой брателко, моего родима батюшка (или матушку) свет (имя покойного отца или матери), как теперь мне его надобно — я задумал пожениться»; далее поётся, на какой девице хочет жениться и что покойник нужен ему для благословения на законный брак. Мелодия этой песни настолько печальна, что все женщины плачут навзрыд, да и жених не может удержаться от слёз.

По выходе из-за стола все становятся к нему лицом и

* Кучиться — просить, жаловаться.

** Конаться — от слова конь, определять порядок, жеребьёваться, рисковать.

*** Точное понятие завозни — экипажный сарай; в завозню складываются вообще все принадлежности езды.

жених впереди всех, вежливек подаёт отцу жениха благословлённую икону с зажжённой восковой свечой, матери же подаёт назначенный для благословения хлеб, который лежал на столе. Жених кладёт перед иконой два верховых поклона, а третий — земной; потом склоняется под благословение. Отец сначала благословляет его крестообразно иконой, потом передаёт её матери, хлеб же берёт от неё себе и трижды благословляет им жениха, делая крестообразные движения. После этого жених вновь делает три поклона перед находящейся у матери иконой, и мать благословляет его иконой и хлебом в том же порядке и тем же способом, как отец.

Во время благословения девицы поют: «Не стук стучит во тереме, не гром гремит во высоком, застучали столы дубовые, загремели скамьи новые, кипарисово дерево клонится; вон (имя жениха) Богу молится (отчество жениха), низко кланяется, он и просит благословение у родимого у батюшки, свет (имя, отчество отца)»; то же поётся по отношению к матери жениха.

По окончании благословения жених и все поезжане одеваются в верхнее платье, когда все готовы, жених кланяется в ноги отцу, матери, крёстному и крёстной, а затем старшим членам семьи: деду и бабке, дядьям и тёткам. После этого выходят на улицу в следующем порядке: впереди всех вежливек, за ним — тысяцкий, потом жених, сваха и бояре по старшинству; за боярами — отец жениха. Девушки сопровождают процессию песней: «Все кони под коврами, реди-реди-лада моя; один конь не под ковром, реди-реди-лада моя; что никто не любит коня* и никто не приголубит коня; (имя жениха) ходит вокруг коня; по крутым рёбрам треплет коня; уж ты конь ли ты, комонь мой, сослужи мне службу, сбегай в три дорожки». Эти три дорожки — одна в город за покупками невесте, другая к самой невесте, а третья — в церковь для венчания.

Выйдя на крыльцо, все становятся рядом — в том порядке, в каком выходили из избы; вежливек же обходит три раза весь поезд, читая про себя или молитвы, или разные «статьи», заклинания, которыми обороняется от

* Припевка «реди-реди-лада моя» повторяется после каждого стиха.

посторонних колдунов; затем сдвигает с места каждые сани или телегу, в знак того, что экипажи не приморожены никаким колдуном. Затем вежливек подходит к поезжанам, ведёт их всех сзади экипажей, указывая, где кому садиться. Прочие приглашённые гости, не участвующие в поезде, отвязывают лошадей и выпускают экипажи со двора в порядке, указываемом вежливым.

Поезд уехал, хозяйка дома начинает угощать всех оставшихся, но, разумеется, только тех, которые приглашены на гулянку; обыкновенные же зрители, хотя бы и сидели в избе, к угощению не приглашаются. Для угощения расставляются новые столы, так как за стол, где сидел жених, никому нельзя садиться; находящиеся на нём благословленный хлеб и кружка с квасом или пивом покрываются до приезда жениха другой скатертью; этот стол называется «княжеским престолом», да и сам жених во многих случаях называется «новобрачным молодым князем». Приглашённые на свадьбу девушки по отбытии поезда катаются по деревне на жениховых лошадях, которые все остаются дома, так как только под отца жениха с ящиком коралек и пряников запрягаются собственные лошади; под остальных же поезжан кони приводятся с разных дворов: под жениха, например, запрягает своих лошадей тысяцкий; под сваху — её проводник, большей частью муж; под вежлива — большой боярин и т.д.

Обратимся теперь в дом невесты.

Если она берётся из другой деревни, то свадебный поезд не приезжает прямо в дом невесты, а останавливается или у кого-нибудь из родственников невесты, или у «сватовщика» — того свидетеля, который был на сосватании и рукобитии. Заходят в избу без всяких особенных церемоний. Отсюда сватовщик и отец жениха едут в дом невесты узнать, когда будет она «поправна» (т.е. готова) и может ли принять свадебный поезд. Когда невеста «поправна», то её девушек приглашают к жениху, где их угощают водкой, пряниками, орехами и разными домашними закусками. Девушки, «опростав» рюмки, прячут их в карманы или просто под передники, «вымогая» деньги, которые платит им вежливек (конечно, в счёт жениха) и

«выкупает» рюмки. После этого девушек отвозят к невесте, девушки на прощание, кланяясь жениху, приглашают его к невесте со всем свадебным поездом. Если невеста живёт в одной деревне с женихом, то вышеописанная девичья проделка происходит у него на дому, так как всё равно без доклада к невесте свадебный поезд никогда не приезжает; иначе обидевшиеся родители невесты нарочно могут продержать поезд на морозе, подыскав для этого какой-нибудь благовидный предлог: «невеста-де ещё не готова, потому в избу впустить не можем».

Когда свадебный поезд въезжает во двор невесты, девушки стоят у крыльца и поют песню: «Кони те бегут (1), все с черна вороны (2), наперёд конь забегает (1), один лучше всех (2); голову конь несёт (1), гоголем да гоголем (2); очи конь несёт (1) — два ясных сокола (2); брови конь несёт (1) — два чёрных соболя (2), уши конь несёт (1) — два булатные ножа (2); гриву конь несёт (1) — тонкий парус (2); копыта конь мечет (1) — купачём да купачём (2); спину конь несёт (1) — дубовой скамеей (2); хвостом конь несёт (1) — трубеёй да трубеёй (2); разлуку конь несёт (1) — на седельной на луке (2); хочет разлучить (1) — (имя невесты) с родиной (2); хочет разлучить (1) — (имя невесты) — с отцом, с матерью (2)».

Вслед за этой поётся другая песня: «Вышел тесть на раскрашено крыльцо, вынес тесть сокола на руке, предложил тесть добру молодцу — то не моё, это не суженое, это не ряженое; вышел тесть на широкий двор, вывел тесть ворона коня, предложил тесть добру молодцу — это не моё, не суженое, не ряженое, вышел тесть среди горницы, вывел тесть красну девицу — это мое, это суженое, это суженое, это ряженое».

Пока поются эти две песни, свадебный поезд заворачивается на дворе, экипажи становятся в том же порядке, как на дворе жениха, а лошади также привязываются к протянутой чрез двор верёвке. Поезжане высаживаются из телег или саней и подходят к крыльцу в том порядке, в каком они сидели на поезде. Вежливек один входит в избу и спрашивает сваху с невестиной стороны. Вежливек просит её выйти на улицу со своим проводником и встретить

«женихову княжью свашеньку и новобрачного князя молодого с храбрым поездом». Невестина сваха берёт поднос с одной рюмкой, а её проводник (почти всегда муж) берёт бутылку с водкой, и выходят на улицу вслед за вежливец; здесь сваха становится впереди девушек, перед ней постилают ковёр или кошму (войлок). Жениховой свахе вежливец также подаёт поднос с одной рюмкой, а её проводнику — бутылку с водкой. Обе свахи становятся друг против друга, лицом к лицу, каждая касаясь постланного ковра только носками ботинок; проводники обеих свех стоят рядом с ними, но ковра (или войлока) не касаются, а наливают только по рюмке водки. Процедура эта называется «сходом свех»; каждая из них старается во что бы то ни стало или не подойти к другой, или подойти возможно медленнее, так, чтобы другая прошла большую половину ковра. Деревенские женщины придают особенное значение обряду «схода свех»: которая сваха подойдёт скорее к другой — та сторона супружеская будет в подчинении и покорности у другой. Деревенские люди думают, что каждая из свех находится под влиянием невидимой силы и, что сколько бы они ни упрямылись (а они, конечно, только об этом и заботятся), всё-таки подойдёт первая из них та, чьей стороне суждено быть в супружеском подчинении. Так или иначе, но свахи всё-таки сходятся, принимают друг от друга по рюмке водки, выпивают и потом целуются.

Во время схода свех девушки поют: «Приехала свашенька, она горда, спесива, не ступя, ступень ступила, нехотя слово молвила» — все слова повторяются по два раза.

После того как свахи поцелуются, каждая из них наливает по рюмке водки проводнику другой свахи; проводники пьют вино без всяких церемоний. Затем невестина сваха обносит водкой весь женихов поезд (кроме самого жениха, который с утра и до самого венчания ничего не ест и не пьёт); поднесение, конечно, производится в строгом порядке, по чинам, и начинается с тысяцкого. По окончании поднесения водки невестина сваха присоединяется к женихову поезду, и все входят в избу в указанном уже ранее порядке.

В избе за приготовленным столом сидит невестин брат с кнутом, если у невесты нет брата, то за столом сидит кто-нибудь из её родственников. Поезжане должны выкупить у него место, и пока оно не выкуплено — никто из поезжан даже не раздевается. Выкуп производится таким образом: наливают рюмку водки, кладут на неё пряник и подносят сидящему за столом; обыкновенно тот упрямится, не принимает этого дара; тогда на пряник кладут ещё деньги, и когда невестин брат перестанет «кобениться» и выйдет из-за стола, все поезжане раздеваются и садятся за стол по указанию вежливого. Порядок тот же, что и в доме жениха, только невестина сваха садится по правую сторону жениховой свахи, стало быть, выше меньших бояр. Отец и мать невесты сидят не за столом, а на стульях, и ничего не делают; отец жениха с кем-нибудь из меньших бояр вносит ящик с коральками и пряниками; невеста сидит в кути за занавеской с девушками, две из них сидят по правую и левую её стороны.

Поднимается тысяцкий с одним из больших бояр и идёт к невесте с «малыми дарами»: на одном подносе рюмка с вином, на другом, в руках большого боярина, — кусок мыла, зеркальце и гребень. Невеста принимает от тысяцкого водку, но сама не пьёт, а отдаёт одной из девушек; «послы» поясняют, что поднесённые ими дары — от жениха и что они пришли просить её «выйти на смотр», для чего принесли дары подходящие (т.е. чтобы она умылась, причесалась и оделась). Послы уходят, а невеста одевается; песен при этом одевании никаких не поётся. Когда невеста оденется, она выходит из-за занавески в сопровождении двух девушек, идущих по бокам; народ расступается, все три девушки выходят на середину избы, кладут три поясных поклона иконам, затем кланяются жениху и заворачиваются обратно за занавеску. Всё это делается молча, и в этом именно состоит «смотр».

Возвратившись со смотра к себе за занавеску, невеста начинает плакать и причитать, а девушки поют: «Ты, приезжая княжья свашенька (имя, отчество жениховой свахи), ты пожалуй, княжья свашенька, в тёмную куть ты за занавеску ко душам ко красным девицам; приступи-ка,

княжья свашенька, ко хорошей девичьей красоте, расплети-ка, княжья свашенька, уж ты мелкую трубчатую косу». Пение это выполняется протяжным и унылым тоном в такт к «причётам» невесты. Женихова сваха на этот призыв появляется за занавеску вместе со своим проводником, который приносит (конечно, на подносе) рюмку водки, а сваха несёт гостинцы: рыбный пирог, коральку и пряник, те же гостинцы даются и девушкам. Невеста принимает рюмку, по-прежнему отдаёт вино девушкам; взяв же гостинцы, принесённые свахой, кланяется ей в ноги; после этого сваха начинает расплестать у невесты косу, расплетание это продолжается довольно долго, так как девушки, заплетая невесте косу, стараются завязать заплётку самым мудрёным и тугим узлом, так что иногда сваха, пробившись долгое время над развязыванием узла, просто перекусывает его вместе даже с волосами; развяжет ли сваха заплётку или перекусит её — во всяком случае, она берёт её себе и прячет или в карман, или за пазуху, чтобы потом передать эту заплётку жениху как «повод» от невесты. Во время расплетания косы проводник свахи выходит из кути, девушки же «полонят» сваху, не пускают её из кути до тех пор, пока проводник не придёт вновь и не одарит девушек вином и деньгами.

По окончании расплетания косы жених с тысяцким идут за занавеску с «большими дарами» невесте: тысяцкий несёт на подносе рюмку водки, а жених несёт ботинки, шубу и шаль; невеста по-прежнему передаёт водку девушкам, а жениховы дары берёт себе; при этом он целует невесту и всех девушек по правую сторону от неё, затем опять целует невесту и всех девушек, стоящих влево от неё, наконец, целует её в третий раз. Пока жених занимается поцелуями, тысяцкий уходит, а девицы «полонят» жениха и щупают его волосы — узнают, будет ли он добрым или сердитым мужем: если волосы жёстки — значит сердит, если мягки — значит добр; жениха не выпускают, и тысяцкому приходится опять идти к девушкам с вином и деньгами — выкупать «полонённого» жениха.

Когда тысяцкий выручит жениха, невесту одевают в подвенечное платье и обувают в подаренные женихом

ботинки; после этого отец берёт её за руку и в сопровождении матери выводит на середину избы; жених выходит из-за стола и принимает невесту от своего тестя; порядок принятия таков: жених правой рукой берёт невесту за правую же руку, и притом старается взять её не с ладони, а с верхней части; правые руки жениха и невесты не пустые — в них непременно должны быть платки. Так совершается обряд выдачи родителями невесты в замужество. Жених ведёт её за стол и садит с собой по правую руку, рядом со своей свахой; все прочие остаются на своих местах. Девушки в это время поют песню: «Отставала лебедь белая от стада лебединого, приставала лебедь белая ко стаду гусей серых; уж вы гуси, гуси серые, не щиплите лебедь белую, не сама она залетела к вам, занесло её погодушкой, завело её неволюшкой» и т.д.

Затем начинается дарение невестиной родни; из жениховых бояр один берёт поднос для двух рюмок, в которые вежливеец наливает водку, другой берёт также поднос, на который отец жениха кладёт две коральки, два пряника, кусок мыла и некоторую сумму денег; прежде всего дары эти подносятся невестиним родителям — сначала вино, а потом подарки. Всё это проделывается по отношению к каждой паре (мужу и жене) родственников невесты по порядку старшинства и с постепенным уменьшением «даров» — именно: мыла и денег. Девушки поют: «Чьи дары дарят? (имя жениха). Чью родню дарят? (имя невесты)». Это повторяется по отношению к каждому одаряемому при поднесении даров. В течение всей этой процедуры жених и невеста не сидят, а стоят за столом, причём жених держит своей правой рукой (с платочком) правую руку невесты (также с платочком). Этому держанию невесты женихом придаётся, по мнению крестьян, большое значение: если он додержит её за руку до конца церемониала угощения и одарения гостей — как видно из предыдущего, довольно продолжительного, то значит жена «покорится ему всеми своими правами»; если же он оплошает и как-нибудь выпустит невестину руку, то жена будет непокорной и брак будет несчастлив.

По окончании даров жених и невеста садятся, здесь

опять примета: если невеста сядет несколькими мгновениями раньше жениха, и если он, сядясь, прижмёт её платье под своё сиденье, то он будет главой семейства; если же наоборот — то жена будет «верховодить» всем домом. Как жених, так и невеста заранее научены, как следует поступать в этом случае, чтобы соблюсти свои интересы; но перевес большей частью за женихом, если он только обладает хоть какой-нибудь смелостью: так как он держит невесту за руку во время церемонии даров, то обыкновенно он употребляет маленькое насилие для того, чтобы усадить её раньше себя, разумеется, это почти всегда ему удаётся, потому что невеста, как девушка, робеет при необычной для неё обстановке со множеством мало-знакомых людей.

Когда кончится одарение родни невесты, её родители начинают одарять женихову родню, конечно, с соблюдением того же чинопочитания, как и в первом случае; но подарки здесь другие: нет ни коралек, ни пряников, ни денег, вместо всего этого дарятся платки и подшалки. Самой собой разумеется, что водка подносится столь же аккуратно, как и невестиной родне. Девушки поют те же песни, как и на девичнике, и «вымогают» у приезжих гостей деньги.

После этого хозяйка подаёт неоткрытый и неразрезанный рыбный пирог, вскрытием которого, как и в доме жениха, заведует вежливец; за пирогом следуют щи, за щами — третье блюдо, закрытое тарелкой. За этими официальными кушаньями следует уже «простая еда», к которой относятся без церемоний; чай подаётся иногда, водка — всегда. Ни жених, ни невеста ничего не едят и не пьют до самого венца.

По окончании стола вежливец спрашивает будущего тестя, не желает ли он благословить жениха вместе с невестой. Если тесть не пожелает благословлять обоих, то подходит к своим родителям одна невеста и благословляется иконой и хлебом тем же порядком, как жених у себя дома. «Благословленная» икона завёртывается в скатерть и кладётся в сундук с приданым.

Пока совершались вышеизложенные церемонии, не-

вестино приданое всё уже вынесено, сложено на особую подводу и увязано под надзором одного из родственников невесты — «постельником», к которому иногда присоединяется особая женщина (обыкновенно его жена) под названием «постельничей» свахи. Воз с приданным стараются сделать возможно более громоздким (особенно если невеста не из состоятельной семьи), чтобы всем казалось, при проезде по улицам, что невеста богата. Во многих случаях постельник даже несколько раз объезжает свою и женихову деревню, так сказать, публично демонстрирует всё невестино достояние.

После благословения все поезжане начинают одеваться, равно как и невеста с женихом. Девушки в это время поют: «Погости любя гостыюшка у родима у батюшка (имя и отчество), у родымыя у матушки (имя и отчество матери); уж я рада бы погостила, да бояра все на ногах стоят» и т.д. Мотив пения очень печальный, так что невеста и мать её почти всегда плачут. Если жених был благословлён тестем, то после того, как все оденутся, он вместе с невестой кланяется в ноги сначала родителям её, а потом всем родичам её по старшинству; если же он не был благословлён родителями невесты, то последняя выполняет одна этот обряд, по окончании которого все выходят из избы в следующем порядке: вежливек впереди всех, за ним тысяцкий, жених, ведущий невесту правой рукой за правую же руку, невестина сваха вместе с жениховой, затем, по старшинству, поезжане, в числе коих и постельник со своей свахой. Выйдя из избы, все дожидаются, пока вежливек кончит свой троекратный обход всего поезда с шевелением каждого экипажа и встряхиванием ковров — то же, что он делал и на дворе жениха. Затем вежливек ведёт всех поезжан к концу поезда и расставляет всех у тех саней или телег, где кому садиться. Свадьба выезжает из ограды в таком порядке: 1) вежливек со своим боярином; 2) тысяцкий со своим боярином и женихом; 3) невеста со своей свахой и боярином; 4) женихова сваха со своим боярином; 5) отец жениха со своим боярином; 6) постельник со свахой на возу приданого; 7) прочие поезжане. Постельник не обязательно участвует в

свадебном поезде, он может ехать и раньше, и позже свадьбы, смотря по расстоянию до дома жениха, куда он во всяком случае должен поспеть раньше, чем приедут молодые от венца.

Когда на венчающихся будут надеты в церкви венцы, свёкор уезжает домой, чтобы встретить новобрачных; в доме тестя (который не сопровождает поезда) все приглашённые родственники угощаются «до сыта», как на просватании или девичнике.

В доме свёкра дожидаются прежде всего постельника с приданым; постельник, приехав, останавливается у крыльца, но с возу не слезает, а ждёт вместе с постельничей свахой угощения. Свекровь с кем-нибудь из родственников («подмогатель») выходит на улицу с подносами: на одном — стаканы и водка, на другом — пряники и закуски; но постельник со свахой «черемонятся, кобенятся, не принимают скоро угощения»; тогда кладут на поднос деньги, если они ещё кобенятся, то денег прибавляют; когда они удовлетворятся, то принимают угощение и слезают с воза, по приглашению свекрови входят в избу, а родственники жениха принимают воз, развязывают его и вносят всё приданое в дом.

Пока постельник ещё на возу, жениховы девушки поют: «Вот под яблонью кровать — да люли, под кудрявою тесова — да люли; на кровати-то постеля — да люли, на постели-то сголовье — да люли, на сголовье одеяло — да люли» и т.д., что под одеялом спит (имя жениха), а у кровати стоит (имя невесты) и будит его. Вслед за этим девушки поют другую песню: «Приплыли насады ко (имя свёкра) двору, тут (имя жениха) по насадам похаживает (отчество жениха), погуливает (имя невесты), за ручку поваживает (отчество невесты), за правую поддерживает» и т.д., что она у мужа отпрашивалась на час к батюшке сходить, забыла-де ключи от кована сундука, нечем-де отворить сундук и нечем свёкра и свекровь подарить.

Если есть постельная сваха, то она убирает или «снаряжает» постель; если её нет, то это делают девушки.

Свёкор, как сказано выше, приезжает раньше новобрачных и оповещает о скором прибытии свадебного по-

езда. Как только девушки слышат звуки колокольчиков, они выходят на крыльцо и встречают свадьбу следующей песней: «Соколы, соколы — соколы перелётные (2); бояре, бояре — бояре переезжие (2), вы куда, соколы, летали? Уж мы летали, соколы, с моря да на море; вы кого, соколы, видели? Мы видели, соколы, перепелицу во зелёном саду; вы о чём* её не поймали? Уж мы рады бы поймали, право крылышко заломили, кровь горячую пролили. Вы куда, бояре, ездили? Уж мы ездили, бояре, с города на город; вы чего, бояре, видели? Уж мы видели, бояре, красну девицу во высоком терему; вы о чём с собой не взяли? Уж мы рады бы взяли с собой, праву рученьку заломили, кровь горячую пролили».

Если погода благоприятствует, то благословение новобрачных происходит на открытом воздухе. Свёкор со свекровью выходят из избы, становятся от крыльца лицом к свадьбе и становятся на одну половину подстилки (кошма, на которой положен ещё ковёр). Свёкор держит икону с зажжённой восковой свечой, а свекровь — тот хлеб, которым утром благословляла сына; на другую половину подстилки становятся новобрачные, и благословение происходит тем же порядком, как и благословение жениха, о чём уже сказано было выше. Новобрачные кланяются в один поклон и под конец откусывают по кусочку благословенного хлеба; это хлеб изрезывается на кусочки, высушивается и хранится супругами всю жизнь.

Когда поезд войдёт в избу, девушки поют: «Красно солнце во терем катилось, за солнцем светел месяц, за месяцем светлы зореньки, за зореньками частые звёзды; красное солнце — князь молодой (имя новобрачного), светел месяц — новобрачная княжна молода (имя новобрачной)» и т.д., причём «светлы зореньки» — это свахи, а «частые звёзды» — бояре-поезжане. Свадьба вся раздевается, вежливец рассаживает всех по чинам в прежнем порядке, кроме только свах: в доме невесты рядом с невестой сидела женихова сваха, а невестина — далее; теперь наоборот: сваха невесты садится рядом с ней (по правую сторону), женихова же сваха садится далее. Перед

* О чём — почему.

иконами зажигают венчальные свечи, в знак непорочности невесты свеча новобрачного перевита голубой лентой, а свеча новобрачной — алой; это украшение делается в церкви перед венчанием невестиной свахой. В то время как свечи горят, происходит обряд «окручения» новобрачной: её сваха заплетает левую косу, а сваха новобрачного — правую; потом надевают шашмуру* и повязывают новобрачную платком по-бабьи; всё то делается под покровом полотенца, причём девушки поют: «Уж ты, друженька, друженька, не ходи, дружка, посеред (?), не секи из кремня огня, не подпаливай, друженька (имя новобрачной) трубчату косу (отчество новобрачной), русы волосы». Тотчас же поётся другая песня: «Селезенюшка косы вьёт, утица ухорашивается, бояре же дивуются; не дивуйтесь, бояре, вы моему хорошему; как моё-то хорошее разлучило со батюшкой, с родимою матушкою». Пока производится окручение, вежливек нащёптывает в зеркало, «чтобы новобрачные жили в любви»; по окончании обряда окручивания молодые поворачиваются лицом в передний угол, а вежливек, стоя позади их, заносит одной рукой нащёптанное зеркало перед их глаза; оба молодые смотрят в зеркало и видят друг друга; после этого они целуются и свечи гасятся**.

Одновременно с этим роль жениховых девиц оканчивается; они едут с молодыми парнями кататься по деревне на лошадях тысяцкого и жениховой свахи; возвратившись, они благодарят за лошадей и расходятся по домам. Оставаться девушкам теперь незачем: во-первых, жениха и невесты уже нет, а есть молодые; во-вторых, начинаются такие разговоры, которых девушкам слушать неприлично. Вместе с девушками расходятся и все зрители свадьбы, остаются только приглашённые родственники, которые должны участвовать в гулянке.

Ужин идёт попросту, молодые пьют и едят (они с самого утра голодные), поезжане и родственники пьют и поздравляют молодых с законным браком. После ужина убирается со стола благословенный хлеб и заветный квас (или пиво).

* Особый головной убор.

** С этого момента новобрачные называются молодыми.

Если дом состоит из двух жилых покоев (как большинство сибирских домов), то гулянка всегда происходит в избе (т.е. где «стряпчая» печь), а в горнице (где голландская печь) готовится кровать для молодых; в горницу никому не дозволяется входить без надобности, большей частью её запирают даже на ключ.

После ужина молодых ведут «на покой», «на подклет». Сначала в постельную комнату входит вся толпа пирующих на свадьбе, молодому дают бутылку с вином, а молодой — поднос с двумя рюмками; он наливает, она подносит всем попарно, начиная со свёкра и свекрови. Здесь опять поздравляют молодых с законным браком, желают им друг друга любить, детей народить; приговаривают, что вино горько, что его надо подсластить и т.д. Всевозможные пожелания и приговаривания сопровождаются столь прозрачными намёками на супружеские отношения, что «молодые хорошо знают, что им надо делать ночью». Наконец, из спальной горницы уходят все, кроме вежливец, тысяцкого и обеих свах — жениховой и невестинной. Тогда свахи раздевают молодую и с должной подробностью осматривают её рубашку; которая должна быть белая и ничем не запачканная. Наконец и тысяцкий со свахами уходит, с молодыми остаётся один вежливек; он укладывает молодых в постель и затем уже возвращается к народу в избу.

А в избе уже настоящая попойка, без всякого церемониала, т.е. специально свадебного; остаются только обыкновенные церемонии, которые соблюдаются, впрочем, по мере трезвости гуляющих. Поют, пляшут, словом, веселятся «во всю», иногда бывает и музыка; одни только бабы поберегают себя от выпивки: им на другой день надо рано вставать и заниматься стряпнёй, потому что все гости с раннего утра придут опохмеляться и закусывать, главным образом пельменями, приготовление которых очень хлопотливо и требует многих рук, особенно для такого числа гостей, которое бывает на свадьбе.

Когда на другой день все вчерашние гости соберутся, вежливек, тысяцкий и обе свахи идут к молодым; свахи

вновь осматривают рубашку молодой и, если на ней окажутся знаки непорочности, объявляют об этом свёкру и свекрови, иногда даже приглашая их самих удостовериться в справедливости своих заверений. Если свёкор и свекровь желают «опубликовать» поведение своей невестки, то приказывают свахам провести молодую по избе в одной рубашке, чтобы все гости удостоверились в хорошем поведении невестки до замужества. Молодая затем одевается в верхнее платье, ей дают поднос с двумя рюмками, а молодому бутылку вина, и оба они угощают всех по старшинству, начиная со свёкра и свекрови. Гости, выпивая водку, кладут на поднос деньги «на честь молодой», т.е. за её безупречное поведение. Очень нередко бывает при этом, что мужчины, выпив водку, разбивают рюмки и затем и всё, что попадёт под руки: горшки, латки, корчаги и т.п., словом, хрупкое. Женщины, зная об этом обычае, стараются в это время убрать всё, что получше, и оставляют только никуда не годные черепки; в этом непристойном обычае символизируется превращение девушки в женщину.

Закусивши и выпивши у молодых, гости начинают колобродить по деревне: ходят из избы в избу (но, конечно, только друг к другу, а не к тем, которые в свадьбе не участвуют), опять закусывают и выпивают, словом, настаёт настоящее свадебное пьянство. Молодые же и вежливец из дому не отлучаются, ждут почётных гостей — тестя и тещу.

Тесть и теща, едучи «на почётъе» к своей дочери, везут ещё и своих родственников; теща обязательно едет с блинами для зятя; как только они являются во двор свата, родители молодого, сами молодые и вежливец выходят из избы встречать дорогих гостей. Разумеется, появляется неизбежный поднос с рюмками и несколько бутылок водки. Первую «круговую» наливает свёкор и подносит тестю и теще, как только они возьмут в руки рюмки, молодые падают им в ноги, чем зять доказывает непорочность их дочери; родители же молодого благодарят сватьёв за «хорошее воспитание» дочери. Вторую круговую, или рядовую, подаёт уже свекровь, а третью — зять, каждый раз

начиная с тестя и тёщи и продолжая по старшинству. Таким образом, ещё на дворе все приезжие со сватами гости выпивают по три рюмки водки. Затем ведут всех в избу и угощают обыкновенным образом.

Пока идёт обыкновенное угощение приезжих гостей, один из членов семейства свёкра едет на лошади и приглашает всех участвовавших на брачном пире. Приглашение делается следующей официальной формулой — назвав домохозяина и всё его семейство поимённо, он говорит: «Прошу пожаловать к нашему батюшке на пир, на беседу». Эта форма приглашения считается самой изысканной, так как и торжество, на которое приглашаются гости, считается самым официальным в свадебном деле; пирушка после венчания считается до некоторой степени домашним делом, потому что на ней участвует только женихова родня; а на этой гулянке присутствуют все родичи невесты, и потому хозяин старается «не ударить лицом в грязь».

Приглашаемые прежде всего «ободряются» от утреннего похмелья, затем одеваются в самые лучшие наряды и вместе с жёнами идут на «столование» попарно; каждый двор несёт хлеб и кусок мяса или рыбину. Когда все соберутся, в избе расставляют столы по числу пирующих; молодые являются также разодетые, и вежливек размещает всю публику следующим образом: за стол в переднем углу садится на «княжое место» молодой, по правую его руку — молодая, рядом с ней — тесть и тёща, тысяцкий остаётся на прежнем месте — по левую руку жениха; рядом с тысяцким — вежливек. За передним же столом помещаются все приезжие гости, причём невестина сваха, как приезжая, садится на почётном месте рядом с матерью невесты. Жениховы бояре и сваха теряют теперь своё прежнее почётное положение, становятся обыкновенными гостями и садятся не за передним столом. Когда все усядутся, вежливек вызывает молодых на средину избы, молодому даёт поднос с двумя рюмками, а молодой — простой поднос, обтянутый белым платом, за молодыми из-за стола выходит и тёща с кошелём, в котором лежат дары для родни молодого. Затем вежливек вы-

зывает на средину избы свёкра и свекровь, молодой наливает им две рюмки, тёща кладёт на поднос молодой предназначенный им подарок. Когда они выпьют вина и примут дары, молодые кланяются им в ноги. После этого вежливек вызывает тысяцкого с женой, женихову сваху с мужем и т.д. — всю родню молодого попарно и по старшинству; все они пьют водку и одариваются тёщей, само собой разумеется, что достоинство и количество даров уменьшается по мере отдаления родства одаряемых лиц от молодой.

Когда одарение кончится, все вышедшие из-за стола (четверо) возвращаются на свои места, и тогда начинается столование. Все столы должны быть накрыты молодинами скатертями, и не по одной, а по две и даже по три; кроме того, столы должны быть кругом обтянуты полотенцами — также работы молодой. Женщины всё это подробно осматривают (впрочем, не подавая вида), потому что обычай этот имеет целью сделать выставку образцов работы молодой, чтобы все знали, что она хорошая рукодельница. Первое кушанье, которое подаётся невестиной свахой, это рыбные пироги, привезённые из дома; после свахиных пирогов свекровь подаёт свои — также рыбные, затем тёща подаёт зятю привезённые с собой блины и при этом на них кладёт какой-нибудь подарок — рубаху или штаны. Домашние подают молодому столько тарелок, сколько столов, на каждую тарелку он накладывает блины с таким расчётом, чтобы на каждого гостя хватило по крайней мере по одному блину; вежливек принимает тарелки от молодого и передаёт на столы, приговаривая: «Это тёщины блины от милого её зятя». Некоторые из гостей при съедении блинов начинают давиться, приговаривая: «Надо бы подмаслить»; другие делают вид, что их тошнит от блинов и приговаривают: «Горьки что-то блины — надо бы их подсластить»; в обоих случаях молодые должны целоваться. За каждым столом сидит так называемый «подавчий», который беспрестанно угощает вином своих собеседников. После нескольких простых кушаний, под конец столования, подаётся целиком зажаренный гусь. На обязанности тысяцкого лежит разрезать

этого гуся на столько частей, сколько столов; прежде всего тысяцкий вырезает из гуся дужку и передаёт её молодой, «чтобы она от души любила мужа»; для молодого вырезается гузка — «чтобы он увлекался любовью жены». Нарезанные части гуся кладут на тарелки и передают на столы, но спинка («хребтик») гуся отдаётся назад хозяйке, в знак того, что гусь остался целым и улетел обратно в путь. Подачей гуся оканчивается церемониальное столование и начинается простая гулянка, которая состоит в том, что сначала приезжие гости катаются на зятевых лошадях, а затем заезжают поочерёдно к родственникам его выпивать и закусывать. При этих частных попойках соблюдается только одно — чтобы молодые, равно как и тесть с тещей, занимали почётное место в переднем углу. Тысяцкий и вежливек оставляют свои роли и становятся обыкновенными гостями. Гулянка эта продолжается большей частью всю ночь напролёт.

Утром вся свадебная публика опять собирается к молодым, опохмеляются и закусывают пельменями. Молодوخа начинает первую работу в доме мужа — стряпать блины; конечно, свекровь заведёт их и начнёт работу, показывая молодой все подробности; молодая, приняв благословение от свёкра и свекрови и поцеловав мужа, продолжает начатую свекровью работу; блины тут же едят поочерёдно и кладут молодой за всякий блин деньги. После стряпни блинов молодая начинает другую работу — мести избу; опять кланяется в ноги свёкру и свекрови и получает от последней веник, причём свекровь приговаривает общеизвестную пословицу: «Избу мети, а сор на улицу не кидай». Молодая метёт избу, а присутствующие стараются опять насорить на выметенном месте, так что молодуха должна начинать работу сызнава; но ей это приятно: на сор бросают деньги — каждый по желанию и средствам; она подбирает деньги и кланяется бросившему их. На богатых свадьбах молодая «наметает» иногда до 25 рублей; некоторые из гостей денег не бросают, но «благословляют» скотиной, т.е. дарят молодым или корову, или тёлку, или овцу. Это бывает, впрочем, только на очень богатых свадьбах. Всё, что «наметёно», становится безусловной собственностью молодых.

После этого начинается опять гулянка по деревне и родне молодого; в этой гулянке молодые уже не участвуют, а остаются дома. В вечер третьего дня или утро четвёртого приезжих со сватами гостей провожают домой; все выезжают за околицу деревни, пьют на прощание вино и ломают рюмки и бутылки.

Через некоторое время происходит гулянка зятевой родни у тестя и его родственников, но уже без столования и без свадебных церемоний, остаются только общепринятые при приёме гостей приличия; гулянка у тестя и его родни продолжается два дня: так же катаются по деревне, так же переходят из дома в дом, и гости так же провожаются за околицу деревни, как и на гулянке у свёкра после столования. Тем и заканчиваются свадебные пиршества в обоих породнившихся крестьянских дворах.

Мы изложили с возможной для нас подробностью обычаи, соблюдаемые при сибирской свадьбе. Считаем излишним сделать некоторые оговорки во избежание недоразумений и в облегчение других исследователей сибирских обычаев. Во-первых, все вышеизложенные обряды и обычаи относятся только к Курганскому округу и были записаны в Утякской волости. Вполне возможно поэтому допустить, что в других местностях Сибири встречаются иные свадебные обряды и обычаи. Во-вторых, этнографический состав населения Курганского округа крайне однообразен. Всё это, судя по крайней мере по языку и внешнему типу, чистейшие великороссы. Значительное* переселение крестьян в этот округ в 40-х и 50-х годах почти вовсе не изменило этнографической физиономии округа, так как переселенцы приходили главным образом из Псковской, Орловской и Смоленской губерний. В-третьих, несмотря на постоянный и довольно значительный наплыв ссыльнопоселенцев, трудно допустить, чтобы этот элемент населения мог повлиять на свадебный ритуал сибиряков: во-первых, большая часть поселенцев нахо-

* В одну только западную часть округа в период 1840—1850 гг. было переселено до 30.000 ревизских душ (Матер. для изуч. экон. быта госуд. крест. и инор. VIII изсл. Осипова, ст. 100).

дится в безвестной отлучке; во-вторых, 90 процентов из них — люди бездомовые, бесхозяйные и бессемейные; в-третьих, наконец, они никогда не пользовались ни малейшим уважением в глазах местного населения, так что не могли никогда привить каких-нибудь обычаев, о которых они знали на своей родине. В-четвёртых, на всём протяжении Курганского округа, равняющегося доброй великороссийской губернии (около 2 $\frac{1}{2}$ миллионов десятин), нет ни одного инородческого посёлка, и, сколько можно судить по преданиям, их не бывало, по крайней мере в близком прошлом. Точно так же и временно проживающих в округе инородцев совершенно ничтожное количество, только в южной степной полосе округа довольно часто встречаются «кыргызы» (киргизы), проживающие у местных крестьян в работниках — главным образом в пастухах. В-пятых, сельское население Курганского округа почти исключительно земледельческое, в юго-восточной части к земледелию добавляется степное скотоводство, а в северо-восточной — по обилию лесов — некоторые лесные промыслы: дрововозный, углежогный, бочкарный и т.п. Здесь же расположено несколько стеклянных, очень небольших, заводов; отхожих же промыслов в округе вовсе не существует, следовательно, всё население оседлое, коренное занятие которого — земледелие. В-шестых, описанные выше обряды и обычаи относятся исключительно к православному населению округа, между тем довольно значительные группы населения принадлежат к старообрядцам различных толков, главным образом австрийского и беспоповского. В какой мере свадебные обычаи раскольников похожи на вышеизложенные — мы сказать не можем. После этих замечаний мы можем закончить изложение свадебных обычаев крестьян Курганского округа.

В заключение позволим себе, однако, сказать несколько слов относительно вопроса, которым мы начали эту статью. Мы видели, что средний расход на свадьбу у среднего крестьянина достигает весьма внушительной цифры — 333 рубля, из коих почти 180 рублей падают на дом жениха; мы видели далее, что в расчёте на целое селение

(д. Нагорскую), свадебные расходы превышают в полтора раза податной оклад — казённый и мирской. Изложение всего порядка свадьбы показало нам, из чего слагаются свадебные расходы, все они могут быть сведены в 4 рубрики: 1) калым — 80 руб.; 2) водка 22 ведра (6 вёдер тратит жених, 4 ведра — тесть, по одному ведру каждый из 6 лиц, принимающих участие с той и другой стороны, т.е. всего 12 вёдер), считая по 6 руб. за ведро — всего 132 руб.; 3) угощение пищей; 4) подарки. Следовательно, калым составляет 24%, а водка — 39,6% всех свадебных расходов, всё же остальное, т.е. подарки и пища, — только 36,4%. Чтобы понять размеры свадебного пьянства, мы сделаем расчёт, сколько водки приходится на каждого из пирующих. Как сказано было в своём месте, на свадьбу приглашается, в среднем, по шесть домов с той и другой стороны; следовательно, гостей — 24 человека (все приходят и даже приглашаются с жёнами); родители жениха и невесты — 4 человека, две свахи с провожатыми — 4 человека, тысяцкий с женой, вежливец и жених с невестой — 5 человек; всего, следовательно, участвующих до 37 человек, кроме девушек и сопровождающих парней, но парни вовсе не угощаются водкой, а девушки сами пьют очень мало, да и угощаются в крайне ограниченных пределах, так что их можно вовсе не считать участницами в попойках. Что касается до женщин, то, независимо от того, что они вообще пьют значительно меньше мужчин, они и «берегут» себя (о чём уже было сказано выше), так как на них лежат все хозяйственные заботы по угощению гостей пирогами, блинами, пельменями и т.д. — вообще пищей; поэтому не будет с нашей стороны преувеличением, если мы предполагаем, что женщины пьют на свадьбах вдвое меньше мужчин; следовательно, считая двух женщин за одного мужчину, «пьющих единиц» будет 28; водки выпивается в течение свадьбы 22 ведра = 440 бутылок, т.е. по $15\frac{5}{7}$ бутылок на единицу; так как свадьба продолжается 8 дней (один день девичник, 4 дня — пирушка у свёкра и его родни, 3 дня — у тестя и его родни), то приходится в день на каждую «пьющую единицу» почти две бутылки водки; говоря другими словами, каждый муж-

чина выпивает на свадьбе две бутылки, а женщина — одну бутылку водки в день. Но такая пропорция — 2 женщины = 1 мужчине — в области выпивки (особенно при выше-описанных условиях) всё-таки чрезмерно велика для женщин, и что для последних за глаза довольно по полбутылки в день на сестру, чтобы быть в хорошем «навеселе», то, следовательно, мужчины выпивают каждый приблизительно по $2\frac{1}{2}$ бутылки в день. А это уже такая цифра, после которой средний сибирский мужик «не годится», единственное обстоятельство, могущее умерить влияние такого количества спирта, состоит в том, что нередко водка разбавляется кабатчиками водой и что выпивка сопровождается весьма обильной едой, что значительно ослабляет опьяняющее действие спирта; но, с другой стороны, необходимо принять во внимание, что крестьянская водка крайне плохой очистки и содержит значительный процент сивушного масла, одурманивающего человека и производящего тяжёлое похмелье.

Так или иначе, но из предыдущего очевидно, что на сибирских свадьбах потребляется громадное количество водки, и расход на этот предмет составляет почти 40% свадебных расходов. Но если можно допустить, что такое потребление чрезмерно, то нельзя не видеть и того обстоятельства, что весь «чин», весь церемониал свадьбы всё-таки требует если не такого, как 22 ведра, то всё-таки очень значительного количества водки: мы видели, что выпивка на свадьбе — не простое кабацкое пьянство, где человек «нажрётся, нальёт zenки» без всяких закусок и без всяких церемоний столько, «сколько влезет», на свадьбе гость не сам наливает — ему подносят наравне с прочими, и он сделает хозяину обиду, если откажется от водки; только от тех это не считается обидой, о которых положительно известно, что они вовсе не пьют. Питьё водки на свадьбе есть, следовательно, бытовая черта, как всевозможные подарки, одаривания, песни и т.п. А стало быть, и искоренение свадебного пьянства возможно лишь при общем изменении бытовой стороны заключения сибирских браков, что должно сказать и об обычае калыма. И мы уже упоминали о начинающем распространяться

обычае «убега», при котором нет ни калыма, ни свадебных церемоний, а пирушка делается крайне скромной и неубыточной. Нельзя не пожелать, чтобы этот благодетельный обычай распространялся и укреплялся и чтобы духовенство приложило старания для реабилитации его в глазах сибирских крестьян.

Ноябрь 1891 г.

Живая старина. 1893. №1. —
Печатается по отдельному оттиску: С.-Петербург, 1893. 20 с.

М. Костюрина

Крестьянская свадьба

в подгородных деревнях г. Тобольска

Свадебные обряды и песни уцелели от древнейших времён и уже потому возбуждают глубокий интерес, но, как и многие другие обряды и песни, они мало-помалу исчезают из деревенской жизни, ритуал старинной русской свадьбы упрощается, смысл многих свадебных церемоний и то значение, которое они имели прежде, ныне утрачены, многие песни, связанные с ними, хотя и живут ещё в памяти народа, но на современных свадьбах поются редко или искажаются, теряя истинный смысл подлинника.

В нашей сибирской деревне, даже подгородной, обряды и песни старинной свадьбы сохранились ещё больше, чем в России, хотя ритуал местной крестьянской свадьбы уже менее сложен, чем, например, в заводах Пермской губернии и южных округах Тобольской губернии. В обширной литературе, касающейся крестьянской свадьбы, есть несколько очерков свадьбы в различных местностях Сибири: так, записана свадьба в Минусинском округе г. Григорьевым, в Курганском округе — г. Осиповым и т.д. Задача настоящего доклада — не сравнение ритуала местной свадьбы с ритуалом свадьбы в других местностях Сибири и России, а только ознакомление с ними, с тем, что здесь поётся на свадьбах, и как вообще справляется свадьба в местной деревне; для этой последней цели мы сочли лучшим пригласить местных крестьянок из деревень Башковой и Редькиной (Башкова находится от города в двенадцати верстах, а Редькина — в десяти) пропеть характерные из свадебных песен, чтобы члены музея могли ознакомиться не только с текстом, но и с мотивом этих песен. Весь ритуал и все песни записаны мной в д. Башковой от крестьян-старожилов — сибиряков.

Выбор невесты производится большей частью самим женихом, который знакомится с ней на вечёрках, в хороводах, на свадьбах в окрестных деревнях. О девушке,

которая понравится, предварительно наводятся точные справки родителями и вообще родственниками жениха, главным образом при этом руководствуют правилом: «*Выбирай не рожу, а природу*», в силу чего избегают брать девушек из семейств, страдающих тяжкими хроническими недугами, или из семей, известных порочной жизнью, воровством, пьянством и т.д. Когда же по обоюдному согласию жениха и его родителей девушка выбрана, к её родителям посылаются сват и сватья — обыкновенно дядя и тётка, или кто-либо из родственников жениха.

Сговор

Сват и сватья одеваются в праздничные платья и, приехав к невесте, начинают сватовство традиционной фразой: «У вас есть товар, у нас — купец, дозвоьте поторговаться, сватовство поиметь». Сваты весьма усердно начинают выхвалять жениха, его нравственные качества и его домашний достаток. Родители невесты, даже когда они ничего не имеют против жениха, считают необходимым долго не соглашаться, обыкновенно отговариваясь тем, «что невеста ещё молода, что далеко отдавать «неохота», и т.д., но, наконец, спрашивают согласия невесты. Бывает и так, что если свадьба заранее решена родителями жениха и невесты, то последнюю спрашивают только для соблюдения этикета — решающего голоса она тогда не имеет. Если жених сам раньше невесты не видал, сватается «понаслышке», то и он приезжает на сватовство, особенно если он «дальний» — живёт за 50—100 вёрст. Когда родители и невеста соглашаются, то молятся Богу, мать берёт за руку невесту, сватья — жениха и, накрыв руки платком, подают их друг другу, а сват меняет кольца — это называется «рукобитьем».

При сватовстве подробно выговаривается калым, или дары за руку невесты: например, на бедной сравнительно свадьбе мать невесты выговаривает рублей 15—20 денег на «справу» приданого — $\frac{1}{2}$ ведра вина, окорок сви-

нины или ножку телятины, или «полтелёнка». На богатой свадьбе калым доходит до 100–150 рублей, соответственно этому увеличивается и количество вина и провизии. После рукобיתья сват вынимает бутылку водки, а родители невесты угощают чаем с приличной «прикуской», т.е. с белым сдобным хлебом. Угостившись, сваты едут домой, предварительно условившись, когда быть «свиданкам».

Обыкновенно «свиданки» бывают дня через два-три после сговора. На свиданки приезжают жених и сёстры его (вообще девицы-родственницы), иногда брат жениха; невеста приглашает подруг, которые с самого рукобיתья гостят у невесты, помогая ей шить приданое. Кроме молодёжи, на свиданках никого не бывает. Жених привозит чай, сахар, конфеты, пряники и орехи, мать невесты ставит к чаю прикуску и угощает гостей водкой или дешёвой наливкой. Жених, невеста и девицы усаживаются за стол, причём девицы поют свадебные песни. После «стола» начинается обыкновенная вечерка с танцами и играми, где свадебные песни не поются.

Когда на свиданках сидят гости за столом, то поют следующие песни.

№ 1-й

Не по саду-садичку,
По зелёну виноградику
Тут ходил-гулял молодец.
Он чесал свою буйну голову
Дорогим-то частым гребешком.

Он чесал, сам приговаривал,
Со кудрями разговаривал:
«Прилегайте, кудри русые,
Ко моёму лицу белому,
Ко моёму ко румяному.

Привыкай-ка, душа-девица,
Ко моёму уму-разуму,
Ко обычаю молодецкому,
Ко понравью княжецкому».

№ 2-й

Во столовой, новой горнице,
Против зеркала немецкого
Тут стоял нов кипарисный стул,
Тут сидел молодец.
Не успел он речь окончить,
Вдруг двери отворилися,
На пяте остановилися:
Ниотколь взялась девица...
Проходи-ко, наша барыня!
Пролетай, косата-ласточка!

Если жених сирота, то при свидании поют:

№ 3-й

Много-много у сыра дуба
Много-много корней, отрослей,
Много листу, много навлисту!
Только нету золотой вершинушки...
Как у этого у молодца.
Много тётушек и дядюшек,
Много милых товарищей.
Снарядить-то его есть кому,
Благословить его некому!...

Если невеста сирота, то поют:

№ 4-й

Ты, рябина моя, рябинушка!
Золотая, (кудрявая) курчавая!
Много корней, много отрослей,
Много густых веточек,
Только нету золотой вершинушки...
Много тётушек и дядюшек,
Много милых подружек...
Снарядить-то её есть кому,
Благословить её некому!

После свиданок начинают усиленно шить приданое невесте на деньги, полученные от жениха. Невеста обыкновенно готовит, кроме платьев и белья, перину, самовар, чайную посуду, тарелки, ножи, вилки; мало-мальски состоятельная имеет две шубы — нарядную и простую, пальто, шали, платки на голову. Кроме того, невеста должна приготовить «дары» жениху: кашемировую или ситцевую рубашу, шаровары из плису, иногда поддёвку. Во время свадьбы — неделю, а то и две, к невесте ходят подруги помогать шить приданое, за работой свадебные песни поются очень заунывно.

№ 5-й

Ты, река ли моя, реченька!
Течёшь, речка, не всколыхнёшься,
С берегами не сравнишься,
Со песками не возмутишься.
Ты, душа ли красна девица!
Ты сидишь — не ухмыльнёшься,
Говоришь — не усмехнёшься!
«Уж вы, свет ли мои подруженьки!
Я чего буду смеяться?
Я чему буду радоваться?
Полна горница новых гостей...
Все-то гости были званые.
Один-от гость не званый был,
Гость не званый, не честливый!»

№ 6-й

Уж ты, мать ли моя, мамонька!
Государыня, боярыня!
Проходи, моя мамонька,
Во новую горницу!
Ты садись-ка, родима мамонька,
На моё любимое местечко —
На скамью под окошечко.
Посмотри, родима мамонька,
Сквозь немецкое стеколышко
На мою-то девью красоту.
Как я, млада, открасовалася

Во хорошей девьей красоте!
Отлетает девья красота
За моря, моря синие,
За леса, леса тёмные,
За горы высокие!
Садится девья краса
На горьку осинушку,
На известну кручинушку.
«Ты не плачь-ко, дочка милая!
Уж я дам провожатого,
Провожатого верного —
Твоего братца любезного».
Провожает брат милу сестру,
Провожает сам наказывает:
«Ты живи-ка, сестра, не старейся!
Ты носи платья, не снашивай!
Ты терпи горе, не сказывай!
Понося, платье сносится,
Потерпя, горе скажется,
Не морша, слёзы покатятся!»

Когда начинают убирать в комнатах перед свадьбой,
мыть пол также помогают подружки, причём невеста поет:

№ 7-й

Вы помойте, любезные подруженьки,
Во первы-то, во последний раз,
Во хорошей дивьей красоте!
Как я, млада, открасовалася
У родимого у батюшки,
У родимой своей матушки!

То же самое поёт невеста подругам, когда они водят
её перед свадьбой в баню. Придя из бани, невеста кланя-
ется в ноги отцу, матери, в это время поют:

№ 8-й

Спасибо, родимая матушка,
На пару и на баньке,
На шёлковом твоём веничке,

На канфарном на мыльце.
Последний раз я мылася,
Последний утиралася,
С родной маменькой прощалася!

Вытьё невесты

Каждую утреннюю и вечернюю зарю невеста обязана причитать, как говорят, »повыть«. Прежде этот обычай строго соблюдался, но теперь мало-помалу он выходит из употребления. Не повыть невесте считалось в высшей степени неприличным и было с её стороны чёрной неблагодарностью по отношению к родителям или заступающим их место: считали, что если невеста не воеет, то она с радостью выходит замуж, не ценит родного угла, не жалеет она отца с матерью и милых подружек. Вытьё обыкновенно рифмовалось, иногда оно было импровизацией, иногда же невеста пользовалась готовым образцом, которых несколько. Например:

№ 9-й

Вы вставайте-ка, родимый батюшко, родимая
матушка!

Умойтесь ключевой водой,
Утретесь белым полотенцем,
Сходите во Божью церковь,
Помолитесь Спасу Милостивому,
Спросите про зла разлучника:
Не мот ли он, не пьяница?
Не пропьёт ли он мою головушку?
Не заложит ли цветно платице?..
Вы красуйтесь, любезные поруженьки,
Во хорошей девьей красоте!
Как уж я-то, млада, открасовалася,
У родимого батюшки, у родимой матушки!

Мотив «вытья» очень заунывен, и невеста на самом деле не может удержаться от рыданий.

Смотрины

После «свиданок» назначаются «смотрины», они бывают накануне или за день до свадьбы и называются иначе «девичником» — это пир в доме невесты. На смотрины приглашается вся родня жениха и невесты — гостей на самых бедных свадьбах бывает не меньше 30—40 человек. Жених привозит с собой полведра или ведро водки, столько же покупают и родители невесты, всё остальное угощение делается ими.

Когда все съедутся, просят садиться за стол; в передний угол, «под иконы», сажают жениха и невесту, рядом с женихом садятся его родители, затем — сваты и вся его родня; родня невесты садится по её сторону. (Порядок этот строго соблюдается). Мать невесты всем гостям перед каждым блюдом подносит по рюмке водки — «по рядовой».

За столом подаётся, по этикету, не меньше девяти блюд на средних свадьбах, а на богатых — ещё больше. Блюда следуют в таком порядке: три холодных (студень, холодное мясо и холодная свинина или баранина); всё это подается по очереди, мясо накрошено мелкими кусочками, тарелок не полагается, а кладут только ножи и вилки. После холодных идут по очереди три горячих кушанья: щи и разные похлёбки; за ними следуют три «жарка», т.е. жарена телятина, баранина и мясо. После этого всё убирают со стола и ставят на него очень больших размеров круглый пирог с курицей, так называемый «курник», рядом с пирогом ставится большой поднос, на который все гости обязаны класть подарки невесте. Жених и невеста становятся рядом, невеста держит поднос с рюмкой, жених наливает, причём оба приговаривают: «Маменька с тятенькой, пожалуйста!» — и так перебирают по парам всех гостей. Гости выходят из-за стола, угощаются и кладут на поднос кто деньги (рубль, полтину — кто сколько может), кто на платье невесте или полотенца, скатерти и т.д. (Девушки опевают гостей, за что их дарят лакомством и деньгами). Когда все одарят невесту, её мать собирает все дары, а деньги даёт считать жениху; затем всё это отдают невесте, на стол же ставится жареный гусь, к этому гусю,

по этикету, нельзя прикасаться — ставят его только за тем, чтобы показать гостям, что угощение окончено и можно выходить из-за стола; главным же образом даётся знать жениху, что ему пора уезжать. Жених и вся его родня уходят в деревню. Как только они ушли, невесте распускают косу, мать выплетает косник, а девицы начинают вновь её плести, причём каждая девушка старается хоть немного подержать косу в руках, так как есть поверье, что и она тогда скоро выйдет замуж. После этой процедуры снова накрывают столы для девиц и тех вообще, кто за теснотой помещения не успел угоститься; когда же всё угощение окончено, посылают за женихом и его роднёй, и начинается опять вечерка с играми и танцами. Этим и кончаются смотрины, причём девицы ночуют у невесты.

Свадебных песен на смотринах почти не поют.

День свадьбы

Ранним утром невеста по обыкновению «привывает», до венца она ничего не ест, собравшимся же гостям и подружкам предлагается чай.

Перед одеванием к венцу невеста прощается с отцом, матерью («Благословите, тятенька с мамонькой, под злат венец, венчаться»), с подругами и всеми присутствующими, причём все плачут. Когда её начинают одевать к венцу, то поют:

№ 10-й

Волга-река разливается,
Широко-то расстилается,
Девушка в терему одевается...
Снарядилась, сама растужилась,
Своему батюшке разжаловалась:

«Молоду даёшь в чужие люди,
во незнаемые...

Как будет отстать прочь от тятеньки,
прочь от маменьки!

Как будет назвать чужого тятенькой,
чужую — маменькой!

Звать, назвать так не хочется,
Свёкром звать — так не водится,
Жаль своего сердца назвать их тятенькой,
назвать маменькой».

Большей частью бывает так, что жених со своими поезжанами заезжают за невестой и едут к венцу одним поездом.

Когда приезжает жених, поют:

№ 11-й

Все-то бояре на двор въехали,
Молодые-то на крыльцо взошли,
Со крыльца-то в нову горенку.

Перед отъездом невеста садится в передний угол, рядом с ней — сестра или подруга, которая держит на подносе рюмку. Тысяцкий подходит, кладёт в рюмку копеек 20 или больше «за косу» невесте. После выкупа косы происходит благословенье невесты и жениха отдельно, причём благословляют родители невесты, за неимением же их — крёстный отец с крёстной матерью. При этом поют жениху:

№ 12-й

Что не гром гремит во тереме,
Что не стук стучит во высоком,
Кипарисно древо клонится —
Что Иванушка Богу молится,
Удаленькой благословляется
У богоданного своего батюшки,
У богоданной своей матушки!

При благословении же невесты поют:

№ 13-й

Что не веточка к земле клонится —
Аннушка Богу молится,
Красавица благословляется
У родимого своего батюшки,
У родимой своей маменьки!

Затем поезд снаряжается в путь и уезжает.

Поезжане называются: жених и невеста — «князь и княгиня»; затем — «тысяцкий», «дружка», «подружье» и «бояре».

Родители жениха и невесты в церковь не ездят. Поезд располагается в таком порядке: дружка и подружье с иконой впереди, за ними — жених со своим крёстным отцом или дядей, затем — его провожатая, невеста с крёстной матерью, её провожатые и остальные «бояре».

Когда поезд отправится, снаряжают подводу с приданным невесты, с ним обыкновенно едет кто-либо из пожилых родственниц невесты; затем родители невесты ожидают приглашения «в новые гости», т.е. к жениху, так как за ними посылают по возвращении молодых из церкви.

Свадебный пир в доме жениха

После венца молодые едут вместе, длинный свадебный поезд едет с громкими бубенцами, на конях сбруя украшена медными бляхами, дуги украшены лентами, поезжане — в тележках или, чаще, просто в телегах, накрытых коврами. Со свистом и гиканьем влетает поезд в деревню, где товарищи жениха встречают молодых ружейными выстрелами.

Когда свадебный поезд, возвращаясь из церкви, подъезжает к дому жениха, девушки поют:

№ 14-й

Дружка бежит, дружка вести несёт!..

Здорово ли, дружка?

Здоров ли, князь молодой,

Князь молодой со княгинею?

Молодых, не вводя в дом, у крыльца благословляют мать и отец жениха. При благословении жениха поют:

№ 15-й

Что не гром гремит во тереме,

Что не стук стучит во высоком:

Кипарисно древо клонится,

Наш (имя) Ванюшка Богу молится,
Удаленький благословляется
У родимого своего батюшки,
У родимой своей матушки.

При благословении же молодой:

№ 16-й

Что не веточка к земле клонится,
Аннушка Богу молится,
Красавица благословляется
У богоданной своей маменьки!
У богоданного своего тятеньки!

Молодых вводят в дом и сажают за стол, который уже накрыт для чая, так как жениху и невесте до венца не дают есть; при этом молодые говорят: «Тятенька, маменька, благословите за стол сесть!» «Бог благословит», — отвечают им. Дружка также при этом говорит: «Тятенька, маменька, благословите нашего князя молодого со княгиней молодой за стол сесть, за скатерти браные, за напитки сахарные!» Все садятся за стол, пьют чай и закусывают; девушки стоят и поют, или, иначе, «опевают» сначала молодых:

№ 17-й

Вы, перильца, перильца мои!
Вы, перильца хрустальные!
Что по этим периличкам
Ходила, гуляла дорога наша сударыня,
В руках она носила
Дорогие два яхонта,
Со имя речь говорила:
«Уж вы, яхонты, яхонты!
Полежите малешенько,
Покуль я молодешенька!
Ты светел ли, светел месяц?
Ты весел ли, мой милый друг?»
«Я вечер во собраньи был

С енаралами, с полковниками...
Енаралы-то хвалятся:
«У меня, братцы, жена хороша!».

Затем опевают тысяцкого:

№ 18-й

Уж ты, тысяцкий, тысяцкий, сударь воевода!
Он едет в Москву со торгами —
С лисицами, соболями...

№ 19-й

Не летай-ка, сокол, высоко!
Не маши-ка крылом широко!
Он и чист, и речист молодец,
Лицо бело, как белый снег,
Щёчки алы, как маков цвет;
Брови чёрны, черней соболя,
Очи ясны, ясней сокола!
На нём сюртук дорогого сукна,
На капоте — дороже того!
Уж и слышишь ты, молодец?
Про тебя девицы песни поют,
Сударь, вас увеличивают...
Ты дари-ко девиц, не скупись,
С дорогим-то червонцем расступись.

После этой песни дружка (шафер) дарит девиц конфетами, пряниками и деньгами.

Затем опевают мать и отца невесты:

№ 20-й

Не по блюду-блюдечку,
Не по блюдечку серебряному
Катается, ровно сахар рассыпается!
Плавала чара, полным полна!
Полным полна, с крайми ровна!
Никто за эту чару не возьмётся!
Взялся, принялся один сударь,

Сам чару пьёт, жене подаёт:
«Кушай, жена, жена-барыня!»

После них опевают свёкра и свекровь, а затем невесту:

№ 21-й

По морю, по морю плавает лебедь,
Крылами бьёт об сине море,
Перья ронит на жёлты пески,
Голову клонит на круты бережки,
Жалобу творит всё на батюшку, на матушку:
«Будет зима холодная,
Позябнут лапки лебедины!»

Вслед за чаем подают ужин, перед ужином «окручивают», т.е. расплетают, косу молодой на две косы; это делают свахи, мужчины же на это время выходят вон. При этом девушки поют:

№ 22-й

Уж ты, семя моё, семечко!
Голубино мелко зёрнышко!
Я немножко семя сеяла...
Что немножко уродилось —
Два поля чистые,
 Два раздолья широкие!
 Как одно поле до Киева,
 Друго поле — до милого!..
 Как девья-то красота
 Лучше злата, лучше серебра,
Лучше месяца светлого!..
Как бабья-то красота
На печи в углу валялася,
Отымалкой утиралася.

На голову молодой надевается наколка или просто её повязывают платком по-бабьи, после того все садятся ужинать, а девушки уходят домой.

На другой день молодая печёт блины, причём на бли-

ны новая родня дарит её чем может; молодая также без подарков свекрови и близким родным мужа никогда не приходит в семью. Когда молодая метёт утром пол, то гости стараются сорить и в сор бросают мелкие деньги. Днём молодые и гости едут с визитом к родителям молодой — «к покорённой родне». Тёща угощает зятя тоже блинами, причём сидит на полу.

Этим заканчиваются свадебные обряды, и наступает обычный разгул: ходят из дома в дом «к боярам» в гости, и это продолжается три дня, а на богатых свадьбах — с неделю и больше.

* * *

Все эти свадебные обряды и песни ведут своё начало от древнейших времён родового быта; тогда же получили своё название и члены крестьянской свадьбы. Название новобрачных «князь и княгиня» произошло от того, что мужчины, вступая в брак, делались начальниками рода, старший же в роде назывался князем во времена родового быта. Название «тысяцкого и бояр» произошло позднее, когда родовой быт уступил место государственным формам, и при «князе» образовалась «дружина»: «тысяцким» назывался тогда вождь воинов, а боярами — старшие, лучшие члены дружины. Эти свадебные обряды, уцелевшие ныне только в деревне, были некогда общепринятыми на свадьбах всех русских людей, начиная с царской семьи. В XVI и XVII столетиях «тысяцкий» был главный чин на свадьбе со стороны жениха и обязан был наблюдать за всеми порядками свадьбы; теперь же «тысяцкий» является только материальной подмогой жениху, а значение его перешло к «дружке». В XVI и XVII веках существовала ещё на свадьбах роль «ясельничего», или «конюшего», на обязанности которого лежало оберегать свадьбу от всякого лиха и предохранять её от колдовства и порчи, позднее эта роль перешла так же к дружке и подружью, а нынче она совсем исчезла. Здесь по крайней мере «дружка» — просто более бойкий и распорядительный человек, который бывает зачастую и сватом. В отдалённые времена родового быта при разрозненности и враждебности родов

дружка помогал жениху похищать («умыкать») невесту. Наряду с умыканием существовал обычай «купли невесты», причём род, похитивший невесту, должен был заплатить «вено» — выкуп её роду. На это указывает и поныне существующий обычай «ряды» («торга») за руку невесты на рукобיתье, а также выкуп косы перед отъездом к венцу. Покорность невестиного рода выражается самим названием «покорённая родня» и смиренным обычаем (тёща угощает зятя блинами, сидя на полу или на коленях). Таким образом, бессмысленные ныне обычаи, непонятные самим крестьянам, так как они сами не знают, зачем и почему они всё это проделывают, — в древности имели глубокий смысл и большое значение.

«Умыкание», т.е. похищение невесты, существует и сейчас в местных деревнях, но происходит по соображениям экономического характера. Вышеописанная свадьба стоит очень дорого, обходится для обеих сторон никак не меньше 150—200 рублей, а то и больше и, следовательно, весьма разорительна; невесты победнее предпочитают выходить замуж «убегом». В этом случае, когда жених по соглашению с невестой украдёт её у родителей, то она поселяется в его деревне у кого-либо из родных, а жених со сватом едет к её родителям и объявляет свои условия калыма. Весьма редко случается, чтобы родители невесты, недовольные её выбором, настояли на возвращении дочери домой, обыкновенно, во избежание позора, они соглашались на свадьбу; последняя обходится далеко дешевле, так как тогда не бывает ни свиданок, ни смотрин, бывает только скромный свадебный пир, когда молодые вымолят прощение у родителей.

Заунывный характер свадебных песен и вой невесты, напоминающий вой по покойникам, объясняются, конечно, той тяжёлой предстоящей долей замужней женщины, которая рисуется невесте. В родной семье девушку берегут, жалеют, тяжёлой работы на ней почти не лежит; между тем с выходом замуж она делается хозяйкой дома, вся тяжёлая работа крестьянки ложится на её плечи; затем пойдут дети, явится забота о них, да ещё хорошо, если муж-то попадёт «не мот и не пьяница», хорошо, если

нет свекрови, старшей снохи и золовок, так как всегда молодая становится в подневольные отношения к ним. Поэтому в глазах невесты свадьба есть в то же время похороны её здоровья, красоты, молодости и свободы. Может быть, с народным просвещением наступит лучшая пора и для замужней женщины в крестьянской семье, в настоящее же время, как говорит Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого!..
Да вряд они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыба
Гуляет — Бог забыл!

Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск,
1899. Вып. IX. С. 1–16.

З.Т. Плотников

Крестьянская свадьба

(В Ялutorовском округе)

О начавшейся свадьбе в селе или деревне вдруг все узнают, и девки приходят в такое самозабвение, что по неделе остаются без пряжи и веретена в руки не берут.

Приехавшие от жениха сватовщики (сваты) входят в дом родителей невесты. Помолившись Богу, кланяются им низко, величают поимённо и по их приглашению усаживаются под образа на переднюю поперечную лавку, и старший из них заводит речь, что он послан сватом от Ивана Пантелеевича за дочку их Анну Артамоновну. Отец и мать невесты сначала ему отказывают — что ещё время не дошло выдать её, что у неё около себя ещё ничего нет и неисправна и что пусть ещё девкой посидит да ума накопит. Сватовщик пригорюнивается, но не вдруг оставляет, а ходит понавещать дня три, неделю и более, до тех пор, пока со стороны невесты не будет решительного отказа или согласия. По согласии же выговариваются с жениха подарки: невесте (калым) деньгами от 20 до 100 рублей ассигнациями, отцу за руку рублей 10, матери — чулки, брату — сапоги, а сёстрам — мыла с пряниками, да для гостей невесты пива, пряников, орехов и на закуску что Бог послал из съестного.

В случае же разлада в уговоре калыма про сватов есть старинная поговорка: «да у твоего жениха четыре коровы, обе и доят, а одна-то Даркина». Эту поговорку знают и помнят с того времени, когда спросили у одного неглупого свата: «Есть ли у жениха твоего скотина?» Он отвечал: «Слава Богу, есть чем жить, у него четыре коровы, обе и доят, а одна-то Даркина, а Дарка (Дарья) была родная сестра жениха».

Когда же благополучно во всём условятся, то зажигают перед образами восковую свечу, и, помолившись Богу, родные невесты дают свату руку и назначают день свадьбы, что и называется рукобитьем.

После рукобитья жених к высватанной невесте ходит,

а если из другой деревни, то ездит с гостинцами: пряниками, орехами — и угощает невесту и её подруг, которые в это время шьют ей приданое.

Через несколько дней у невесты назначается девичник, называемый «топить баню для невесты». Накануне девичника жених привозит к невесте мыла, а в самый девичник в истопленную баню ведут под руки невесту, которая при этом кланяется отцу и матери в ноги, а девки поют:

Благослови, родимый батюшка,
И родимая матушка,
Сходить в баню парушу*,
Во остальные, да во последни
И обмыть красу девью.
Когда же с крыльца сходят, поют:
Раскатися, баня-паруша,
По единому бревенчику:
И где венчик лежал —
Вырасти зелена роща,
А где колода-то стояла —
Протеки речка быстрая.

По выходе из бани иногда в этот же день бывает «смотренье», жених ещё дарит свою невесту, а она отдаривает. Созванных же гостей потчивают вином, пряниками, орехами, и все пьют и гуляют до утра. Поутру же, в день свадьбы, у жениха собирается поезд: из тысяцкого, дружка, подружья и прочих поезжан, которые здесь называются «боярами». Жених оболокается (одевается) летом в халат или хороший суконный зипун, а зимой — в тулуп, надевши прежде на шею шёлковый платок, а на плечи — в перевязку шаль. Тысяцкий же и прочие поезжане одеваются так же, а дружка и подружья к опояскам (кушкам) привязывают по обеим сторонам лучшие шали и платки. У кого нет своей «лопаты» (платья), то выпрашивают у соседей, что бывает и на богатых свадьбах. Обрядившись, едут за невестой. Жених садится с тысяцким, а дружка с подружьем — на верховых. Сваха же снаряжается в матерый или ситцевый сарафан, особо с девками. И весь

* От слова пар, париться.

поезд с песнями и бренчанием колокольчиков, ширкунцев и бубенчиков быстро бежит (едет) к невестиному двору; а дружка с подружьем во весь опор мчатся вперёд и, подъехавши к невестиному окну, дают знать, что приехали за невестой, спрашивают, исправна ли она? Им отвечают, что невеста «поправна», и с этим ответом возвращаются к своему поезду, с которым после и едут все вместе. Приехавших встречают на крыльце с припевом:

Не было ветров, не было ветров,
Вдруг навинули, вдруг навинули*,
Не было гостей, не было гостей,
Вдруг наехали, вдруг наехали.
Выметите улочку мётлами,
Устелите — ко двор коврами:
Приехал жених со боярами,
Иван Пантелеевич с молодыми,
За своей милой суженой,
Свет за Анной Артамоновной.

По окончании входят в избу, вперёд дружка с подружьем. А за ними тысяцкий с женихом, сваха и бояра, а девки поют:

Это что у нас не видно,
Да это что у нас не слыхано,
Во высокой терем вклонились,**
Среди полу становились,
Скоро Богу помолились,
На все стороны поклонились.
Как единой красной девице,
Свет Анне Артамоновне,
Уж как ей на особицу;
У нас Аннушка испугалась,
Она кидалась, бросалась
Из горницы в горницу,
В тёмную куть, за занавесу,
К душам красным девицам,
Ко любезным ко подруженькам:
«Вы спасите, сберегите меня
От чуждого чужанина, моего разлучника.

* От слова вить.

** Вошли.

Он хочет разлучить меня
Со родимым моим батюшкой,
Да с родимой моей матушкой».
Потом припевают жениха к невесте:
Уж ты яблочек, яблочек,
Ты наливная ягодка!
Ой люли! Ой люли!
Ты удалый добрый молодец,
Ты Иван Пантелеевич!
Ой люли! Ой люли!
Ты умён, хорош родиться*,
Хорошо снарядиться!
Ой люли! Ой люли!
Со тонка высокохонек,
Со бела кудреватенек.
Ой люли! Ой люли!
Как твоё лицо белое
Применить к снегу белому.
Ой люли! Ой люли!
Как твои щёчки алые
Применить к цвету алому.
Ой люли! Ой люли!
Как твои очи ясные,
Как у ясного сокола.
Ой люли! Ой люли!
Как твои брови чёрные,
Как у чёрного соболя.
Ой люли! Ой люли!
Походочка повинная твоя,
Речь лебединая.
Ой люли! Ой люли!
Припев тысяцкому:
Все хороши, все на выбор бравы,
А лучше всех старшой тысяцкой
Агафон Парамонович.
Кто-то его хорошо снаряжал?
Снаряжала его жена милая,
Афанасья Устиновна.

* Родился.

Кто-то ему буйну голову чесал?

Голову чесала ему милая дочь,

Пелагея Агафоновна.

Она волос к волосу перебирывала,

Она на всякой волос по жемчужинке
насаживала.

Припев женатым боярам:

В огороде трава,

Зеленым-зелена-зеленёшенька.

У Ивана жена у Ивановича

Молодым-молода, молодёшинька,

Хорошим-хороша, хорошихонька.

Мы такой красоты редко видывали,

Редко видывали, мало слыхивали.

Спороди* мне-ка сына, ясна сокола,

Отдадим мы его в Москву грамоте учить,

Не для ради учёбы, ради чести хвалы

И ради всей красоты...

Холостым боярам:

Кто у нас хороший,

Да кто у нас пригожий.

Розан, мой розан, виноград зеленой.

Меркулий у нас хороший,

Митрофанович пригожий.

Розан, мой розан, виноград зеленой.

По горнице ходит, манежно ступает,

Сапог не ломает, чулок не марают.

Розан, мой розан, виноград зеленой.

Ко зеркалу подходит, во зеркало смотрит,

Сам себе дивился — хорош уродился!

Розан, мой розан, виноград зеленой.

Хорош уродился, хорошо снарядился,

Манишка с брызжами, косынка с духами.

Розан, мой розан, виноград зеленой.

На крыльцо выходит, конь к нему подходит.

На коня садился, конём веселился.

Розан, мой розан, виноград зеленой.

На луг выезжает — луг-то зеленеет,

* Роди.

К морю подъезжает — море колыбает.

Розан, мой розан, виноград зеленой.
К саду подъезжает — сад-то расцветает
Всякими цветами с разными духами.

Розан, мой розан, виноград зеленой.
Домом приезжает, матушка встречает,
С коня сонимала, в горницу вводила.

Розан, мой розан, виноград зеленой.
На софу садила, речи говорила:
«Где ты сын гулял, где ты вспобывал».

Розан, мой розан, виноград зеленой.
«Матушка, гулял, невест примечал.
Которая белее, которая умнее».

Розан, мой розан, виноград зеленой.

В избе же перед приходом гостей за стол на обе лавки усаживают маленьких ребятишек, у которых приехавшие бояре должны себе место откупить. Дружка, вынудивши из-за пазухи платок с пряниками и орехами, насыпает их в тарелку, ставит на стол, и кто из ребятишек поудалее, тот, схвативши эту тарелку, выбегает вон из избы, а за ним и все остальные. После этого дружка усаживает за стол свой поезд, а сам остаётся на ногах. Девки же, по окончании описанных припевов и когда невеста станет прощаться с отцом и матерью и подругами, поют:

Приступил ко мне родимой батюшка,
Ко мне в куть бедной за занавесу,
Ко кручинной красной девице,
Ко кручинной, ко печальной.

Я не выйду, не выступлю
Из кути, из-за занавесы
Без родимого своего батюшки
И без родимой матушки.

Отец берёт свою дочь за руку, выводит из-за занавесы и садит за стол подле жениха, а девки припевают:

Отставала бела лебедь
От стада лебединого,
Приставала бела лебедь
Ко иному стаду лебединому.

Уж вы, гуси, гуси-лебеди,
Не щиплите лебедь белую,
Вы будете лебедь щипати,
Будет лебедь кричати.

Этот припев поют для того, чтобы невесту не били, а любили. В это время, если долго за столом засидятся, то дружка по приказанию тысяцкого берёт за руку жениха, жених — невесту со свахой, все встают и выходят из-за стола. Отец и мать невесты благословляют жениха и дочь свою образом, а девки поют песни.

Для жениха:

Не стук стучит во тереме,
Не гром гремит во высоком,
Кипарисовое древо клонится,
Иванушко Богу молится.
Он просит благословеньица
У богоданного своего батюшки
И у богоданной своей матушки
От желания ретива сердца.

Для невесты:

Не золотая верба клонится,
Аннушка Богу молится.
Она просит благословеньица
У родимого своего батюшки,
У родимой своей матушки
От желания ретива сердца.

Когда же благословят образом, жених усаживается с невестой в сани или тележку и со всеми боярами едут в церковь. От венца возвращаются во двор жениха, где на крыльце встречают их девки с припевом:

Соколы вы, соколы,
Перелётные ясны соколы,
Вы куда, соколы, летали?

Мы летали во матушку Божью церковь.

Жених, высадивши невесту из саней или телеги, вообще с поезжанами или боярами входят в избу. Тут отец и мать жениха опять благословляют их образом, а девки поют для них те же самые песни, какие пели в невести-

ном доме при благословении, и потом все садятся за стол. Тут сваха снимает с головы невесты платок и, расчесав волосы гребнем, заплетает их в две косы, а девки поют:

Симечко, симечко* голубиное,
Мелко зернышко, тебя немножко посеяно,
Многонько уродилось, три поля частые,
Три раздолья широкие.
Доселева Аннушка, доселева Артамоновна,
Она вставала поутру рано,
У ней первая была заботушка
Чесать буйную головушку
И плести трубчата** коса,
Вплетать ленту алую.

Сваха, убравши косу у невесты, надевает на её голову венец (шамшуру), или повойник, вышитый золотом с блёстками или канителью, а сверх его подвязывает узлом сложенный платок концами вперёд так, чтобы сзади блестел и венец. Потом подают молодым зеркало, и они, посмотревшись в него, целуются, а девки поют:

Про жениха:

Новображничает князь хороший,
Иван-то Пантелеевич пригожий,
Кто-то его хорошо снаряжал?
Аксинья Ивановна...
«Ты будешь, сын, на свадьбе,
Про тебя будут песню пети:
Ты дари девиц, не скупися,
Не полтиной дари, целою рублиной».

*Про тысяцкого
(Как про жениха):*

Младой тысяцкой хороший,
Агафон-то Парамонович,
Кто-то его хорошо снаряжал?
Снаряжала его молодая жена
Афанасья Устиновна.
Рыбьим гребешком голову чесала,
Вихрем кудри завивала,

* Семячко.

** Мелко.

И сама ему наказывала:

«Ты поедешь, друг, на свадьбу,

Про тебя будут песни петь,

Ты дари девиц, не скупися,

Не полтиной дари, целою рублиной».

Когда же жених или тысяцкий положат на поднос серебряных или медных денег, то им опять поют:

Благодарим тебя, молодой жених

(или тысяцкий),

Что дошли, дошли до нас твои дорогие дары.

Точно так же поют для дружки, подружья и свахи, которых называют: первого — большим боярином, а второго — меньшим, и каждый должен дарить что может.

Когда же кончится величание, то все девки на боярских конях едут кататься по селу или деревне и поют:

Не одна-то была в саду черёмушка,

Жалко её заломить;

Не одна-то была любезная,

Нельзя замуж её взять.

Я повыхожу, девушку повысмотрю,

Возьму замуж за себя,

Доставалась моя любезная

Иному дружку, не мне.

Что иному-то моя любезная

Соседу ближнему...

Что соседушке, товарищу моему,

Как на горочке, во зелёной дубравушке,

Пошумливает тёмный лес,

Не мою ли-то любезную ко венчанию ведут.

Женишок ведёт девушку за рученьку,

Её сваха за другую...

За столом жених потчует невесту с поклонами и величаниями, и едят вместе одной ложкой с одной тарелки; долго не сидят, а угостивши тремя или четырьмя «постухами» (переменами кушанья), новобрачных выводят из-за стола и вводят в горницу или особую комнату, где для них приготовлена постель. За ними несут ендову с пивом и поднос со стаканами. Ендова становится на стол или передаётся в руки жениха, а поднос — в руки невесты.

Жених наливает пиво в стаканы, а невеста подносит свёкру, свекровке и всем боярам, которые и поздравляют их с законным браком. После этого домашние старики уходят, а остаются поезжане, из них тысяцкий подводит жениха к постели, а сваха — невесту к жениху. Невеста, подошедши к мужу, творит молитву: «Господи Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя грешную. Иван Пантелеевич, прикажи разболокчи (раздеть)». Он молчит, она повторяет до трёх раз, и, наконец, он говорит: «Бог благословит!» Новобрачная снимает с него опояску, халат или зипун, перевязанную шаль, с шеи платок и всё это укладывает на одно место.

Жених садится на постель, а невеста, сотворивши опять эту же молитву, говорит: «Иван Пантелеевич, прикажи разуть». Он молчит, а она повторяет так же до трёх раз и после каждого повторения молитвы целует его, и, наконец, он говорит: «Бог благословит!» Когда же она возьмётся за сапог, чтобы снять, то он не даёт, она опять целует его. Снявши сапоги, в чулках его находит заложенный им денежный подарок, за который снова целует. После этого он ложится на постель, а она, повторивши описанную молитву, говорит: «Иван Пантелеевич, прими меня к себе в товарищи!» Он молит, и это повторяется также до трёх раз, потом, когда он скажет: «Бог благословит!», она с поцелуем и в сарафане ложится с ним на постель, а все бывшие тут бояра выходят из комнаты и оставляют их одних.

Поутру молодых поднимают с постели и поздравляют с законным браком. Поднявшиеся молодые идут в избу умываться. Молодая несёт с собой из горницы «бранный рукотерник» (полотенце) и, умывшись, начинает убирать из избы натасканную за сутки ранее солому, и чем более её вынесет из избы, тем более она прибывает. Тогда молодая догадывается и всех в избе целует, и её мучают до утомления. Потом молодого посадят на стул или скамью, а ей подадут гребень и заставят чесать у него голову, и лишь только она начнёт расчёсывать волосы, как их бояра «сполстят» (взьерошат); тогда она всех целует, и эти шалости и игры продолжаются до обеда. В этот день у богатых

сзываются все родные и родственники к столу и пьют, и едят до следующего утра.

За благополучное окончание свадьбы молодая дарит дружку холстом и сукном. На сырной же неделе, или масленице, родные молодых со среды гуляют друг у друга всю неделю, а в первый воскресный день великого поста тёща едет к своему зятю с напечёнными блинами и купленным более штофа постным маслом. Её встречают, угощают, а вечером за блины и масло она увозит свою дочь к себе домой с её золовками, а если их нет, то с соседними из родни девками, и дома у себя делает «посядок», или посиделки. Тут приглашаются родные с обеих сторон и собираются с прялками для пряжи, но не столько прядут, сколько едят. Особенно замечательно, когда сядут поужинать (полдничать), то проужинают часа три, потому что на стол ставят съестных постаух, или перемен, до 80, приготовленных из картофеля, капусты, моркови, свёклы, репы, разных ягод в сусле, пирожков, блинов и оладьев, и всего того, что в ум крестьянский ни взбредёт. Вторую же неделю поста ходят по родне с женой стороны, а во второе воскресенье муж приезжает за женой и увозит её домой вместе с гостями, где делают новый посядок.

Посядок не бывает только на двух неделях великого поста — на крестопоклонной и страстной.

Тобольские губернские ведомости.
1859. № 5. С. 42—47.

Ив. Шамаев

**Общий тип
деревенской
свадьбы**

в Тюкалинском уезде

Общий тип деревенской свадьбы

в Тюкалинском уезде

Ничто так не сопровождается у нашего тюкалинского крестьянина-старожила особенными обычаями, религиозными обрядами, суевериями и верованиями, как свадьба. Правда, вся эта обрядовая сторона при деревенских браках видоизменяется или заменяется с течением времени чем-нибудь новым, но во всяком случае, внешняя сторона деревенской свадьбы остаётся одна и та же и имеет свои характерные особенности, увековеченные самими старожилами-сибиряками и возведённые почти в религиозный культ, против которого трудно что-нибудь сделать или предпринять даже самому лучшему проповеднику. За последние десять лет мне пришлось иметь дело исключительно с Тюкалинским уездом, где между прочим, невольно удалось собрать весь тот материал, который я ниже беру смелость представить на суд читателей с целью дать целостное изображение всей свадебной жизни крестьянина-сибиряка, обнявшее все стороны этой жизни со всеми их более или менее важными и характерными чертами.

Свадьба в быту крестьян вообще, а у тюкалинцев в частности и в особенности, составляет собой довольно важное событие, сопровождающееся сложными заботами, денежными расходами, неподдельной радостью, песнями, особенными обычаями, слезами и причитаниями.

Трудно найти историческое начало всей обрядовой стороны нашей деревенской свадьбы: как вообще слагались все эти свадебные обычаи, порядки, кем слагались песни, не лишённые по своей специальной построенности и типичности своеобразного интереса; как

выработались известные суеверия и предрассудки, но во всяком случае, можно сказать утвердительно, что вся обрядовая сторона сибирской деревенской свадьбы слагалась постепенно, годами, а быть может, и столетиями, в чём нас весьма достаточно могут убедить те свадебные песни сибиряков-тюкалинцев, в которых воспеваются «бояре», «князья» и проч., а равно есть прямое основание предполагать, что некоторые свадебные песни тюкалинцев занесены во время оно из России, что видно из того, что в песнях этих упоминаются такие предметы, которые в Сибири отсутствуют, например: «павлин», «павуша», «сокол», «столы дубовые», терема и т.д.

Избегая излишних предпосланий к настоящему моему очерку, я намерен изобразить сибирскую деревенскую свадьбу Тюкалинского уезда в отдельных главах, содержание которых будет касаться главных моментов свадебной жизни сибиряка с придачей каждому отделу наименования соответствующего моменту события.

Смотрины

В Тюкалинском уезде почти всякий крестьянин-отец с нетерпением ожидает того времени, когда его сыну «минет 18 лет», а иной и до истечения церковного совершеннолетия по особому разрешению епархиального архиерея торопится найти «пару» своему сыну, чтобы «малый не баловался и не отлучался из дома по целым ночам».

Ещё заранее между семейными жениха идут деятельные переговоры и перечисляются все кандидатки для выбора в невесты, и в большинстве случаев невесты намечаются без всякого предварительного совещания с женихом, и родители объявляют ему своё намерение только тогда, когда уже вполне решили женить парня и наметили подходящую невесту. В некоторых случаях, когда сын отличается большой смелостью, то он сам уже намечает пред своими родителями избранницу своего сердца или намечает ту, с которой уже ранее

«слюбился». Немало в подобных случаях бывает и споров, и шума в семье жениха, и, придерживаясь традиционных обычаев, родители склоняют своего сына не брать за себя «гульную девку», а взять ту, которую они сами ему наметят, но большей частью такой сын всегда остаётся при своём упорном желании, и родители из опасения, чтобы сын их что-нибудь не наглупил и не набедокурил, соглашаются с ним и назначают день для «смотренья». Приглашается кто-нибудь из родственников или же сам отец с женихом отправляется «смотреть» заранее намеченную невесту, которая также заранее кем-нибудь предуведомлена об этом. Понятно, что отец или кто другой с женихом по прибытии в дом невесты пока ничего не говорят о цели своего приезда или прихода и принимаются как простые, случайные гости, хотя уже всем членам семьи невесты хорошо известно, что это приехали или прибыли «женихи»*, но во всяком случае, никто из присутствующих ни одним намёком не даёт понять, с какими намерениями прибыли гости. Приготавливается чай, и намеченная невеста сама угощает гостей, как бы случайно к этому делу приставленная. Здесь отец жениха или кто другой, взявший на себя обязанность посмотреть невесту, внимательно следит за каждым её движением, и если только невеста приглянулась, то по возвращении домой почти тотчас же или на другой день посылаются сваты, в противном случае таким же порядком отправляются смотреть другую, третью и т.д.

Сватанье

Вскоре после смотренья родители жениха приглашают кого-нибудь из своих хороших и близких знакомых и просят принять на себя труд «посватать за парня» избранную, или «облюбованную», невесту; причём проводы свата или свахи из дома жениха всегда сопровожда-

* На языке тюкалинцев о женихе выражаются во множественном числе: «женихи» приехали, «женихи» гуляют, «женихов» смотреть и т.д.

ются зажжёнными пред иконами свечами или лампадой и молитвой, а по окончании молитвы сват или сваха напутствуется от родителей жениха словами: «Ну, в добрый час да во святой!»

Сват или сваха, войдя в дом невесты, приветствует хозяев обычными словами: «Здорово ночевали!..», «здравствуйте!..», «ну как поживаете?» — и затем садится на стул или лавку и непременно, по суеверному обычаю, против потолочной балки (матки) и обращается к отцу невесты с обычными, заранее заученными словами: «Я к вам (называет по имени и отчеству) с добрым словом — со сватаньем». Отец невесты, не придавая особого значения вступительной речи свата или свахи, с притворным равнодушием тут же благодарит за оказанную ему честь, а затем, после повторения свата о цели своего прихода, отец невесты отвечает: «Дочь ещё не годится в невесты. Какая ещё она невеста... надо погодить. Надо посоветоваться с матерью»...

Мать невесты, конечно, находится тут же и пока в роли простой зрительницы прислушивается к разговору свата с её мужем, но лишь только муж коснулся её словом, и она находит жениха вполне соответствующим своей дочери, советует мужу не удерживать свою дочь, а благословить её. Тут же родители спрашивают о согласии и саму невесту: «Нравится ли тебе жених? Хочешь ли ты нынче выходить замуж? Мы тебя неволить не будем». Ответ невесты почти всегда выражается в такой форме: «Воля ваша, родимые батюшко и матушка, я из-под воли родительской выступать не буду».

После таких переговоров, продолжающихся не очень долго, и заручившись согласием невесты, отец изъявляет своё согласие на замужество своей дочери и тут же вступает со сватом в ту постыдную торговлю, которая в Тюкалинском уезде называется «запросом» или «калымом». На вопрос свата или свахи отец невесты запрашивает 30, 40, 50 и даже 100 рублей и более, смотря, конечно, по состоянию жениха, и при этом непременно выраживается несколько вёдер водки. Сват или сваха предлагает свою цену, и, таким образом, рядятся очень долго.

В тех случаях, когда родители не желают почему-либо отдать свою дочь за предложенного жениха и не желают оскорбить его своим отказом, запрашивают такую сумму, какую жених дать уже не в состоянии, или же отец невесты заканчивает все обычные переговоры «сватанья» такими словами: «Нонче отдавать не буду: ещё рано, молода ещё ... пушай порастёт и ума покопит».

Сам обычай сватанья заканчивается обыкновенно тем, если только родители согласны на замужество своей дочери, чтобы отец жениха, а равно и последний сами пожаловали к ним для окончательных переговоров: «Скажите им, что мы не отказываем, пусть сами пожалуют нашего хлеба-соли покушать».

Здесь нелишне отметить то обстоятельство, что сват или сваха в доме невесты угощается непременно водкой, но только в том случае, когда уже родители решились просватать свою дочь, в противном случае ограничиваются одним чайком.

Рукобитье

Таким наименованием у крестьян Тюкалинского уезда отмечается тот момент, когда родители жениха и невесты окончательно сговорятся между собой относительно сватовства и жених с невестой ударят по рукам, а отсюда и сам момент этот получил название «рукобитье».

Рукобитье у крестьян Тюкалинского уезда обставляется особенными формами и обычаями и уже отличается некоторой торжественностью и празднеством. В доме невесты замечаются движение и суeta, как будто здесь совершилось что-то важное и необыкновенное.

В общем обрядовая сторона рукобитья такова: лишь только родители жениха получили от свата или свахи известие о согласии родителей невесты на брак её, тотчас же собирают свою ближайшую родню — крёстного и крёстную жениха, братьев и сестёр его, и вместе с ними отправляются к невесте на рукобитье, приурочивая приезд

свой непременно к вечеру. Здесь, у невесты, родителям жениха и его родственникам невестой предлагается угощение, а затем уже приглашаются на рукобיתье близкие родственники невесты и её подруги-девицы.

В это время дом невесты наполняется любопытной толпой — соседями различного возраста и состояния, которые, в свою очередь, где-нибудь в укромном уголке устраивают свои игры, сопровождающиеся пляской под звуки гармоники. Эти игры и пляски уходят иногда далеко за полночь. Вот тут-то и сказывается вся удаль деревенская, и беззаботная песня сибирской молодёжи льётся целым потоком.

Между тем под этот весёлый шумок среди любопытных крестьян, парней и девок в горнице невесты между родителями жениха и невесты возобновляется «торговля», начатая во время сватанья. Здесь уже родители окончательно сговариваются между собой и в калыме, и в количестве водки, после чего перед иконами зажигаются свечи, все встают и молятся Богу, а затем берут правые руки жениха и невесты и соединяют их вместе, к ним присоединяют свои руки и родители жениха и невесты, и кто-нибудь из присутствующих руки эти «разнимает», приговаривая при этом: «Дай Бог жить да быть, да добра наживать». Этим только религиозным обычаем и освящается настоящий момент «рукобיתья», а далее уже наступает переход к обильному угощению. Жених и все присутствующие гости садятся за приготовленный стол, куда в это время отец жениха выставляет для угощения и часть выряженного вина (водки), и им угощаются все, с поднесением каждому гостю отдельного стакана. Как при свадебных торжествах, так равно и в других случаях, у наших крестьян никогда почти не употребляются рюмки, а всегда в ходу стаканчики — вместимостью почти в шкалик.

С самого же начала угощения невеста уходит в «куть» — место против кухонной печи, иногда завешенное какой-нибудь материей, где она, из послушания местному обычаю, начинает плакать и «причитать».

Здесь от невесты требуется особенно искусство вы-

разить своё горе в песне, приговорах и причитаниях, и любопытная толпа на плач невесты и её причитания смотрит критически, с произнесением той или другой оценки. Каждый из крестьян «плачевную» песню невесты считает чем-то необходимым и, пожалуй, неотделимым от самого момента бракосочетания и потому каждый внимательно следит за тем, насколько умело выражает своё горе невеста, особенно в этом слишком требовательны и взыскательны бывают женщины: они первые произносят свой приговор с оценкой искусства плачущей невесты, вроде того, что-де «невеста мастерица причитать» или «невеста совсем не умеет плакать», несмотря на то, что слёзы невесты не служат достаточным признаком или продуктом истинного её горя и не вызываются действительной скорбью, а скорее практикуются для удовлетворения местного народного обычая, для удовлетворения требований старших и всей семьи. Рада бы невеста иной раз не плакать, но она должна плакать уже по одному тому, что от неё требуют этого старшие и все окружающие её с того самого момента, как только она наименовалась невестой.

Я не знаю, вкладывает ли когда-нибудь невеста своё душевное горе в обычную обрядовую песню или нет, но в большинстве случаев, кажется, — обряд этот или, вернее, обычай, исполняется бессознательно, механически, при всём этом на внимательно слушающего все эти песни и причитания плачущей невесты, соединённые как бы с действительным плачем, всхлипываниями и рыданиями, производят какое-то удручающее, тяжёлое чувство и при всех этих излияниях скорби в песнях, обращённых к отцу, к брату, сестре и др., на душе чувствуется нечто подавляющее и скорбное.

Обычай плача невесты с причитаниями здесь, в Тюкалинском уезде, среди старожилов-сибиряков довольно распространён, и при этом всегда соблюдаются некоторые установленные тем же обычаем формальности. Некоторые невесты при выгодности предстоящего брака, не имея причин к печали и слезам, всё-таки

должны соблюсти всю эту формальную сторону обычая и подражать своим голосом и интонацией естественному проявлению чувства горя. Хотя все причитания невесты и песни с плачем и ограничиваются одними и теми же стереотипными формами и фразами, но бывают случаи, когда невеста с внешней стороны очень умело и искусно изливает свою скорбь в своих причитаниях и песнях, несмотря на то, что все эти причитания и песни лишены всякой трогательности и поэтичности.

Вот обычные из этих песен и причитаний, обращённые

к отцу:

Государь ты мой, батюшко,
Не зажигай свечу воска ярова,
Не заporučивай* мою буйну голову,
Трубчату косу — девью красоту.

К брату:

Братец ты мой, братец,
Разговори ты родимого батюшку
Со родимой моей матушкой
Не зажигать свечу воску ярова,
Не заporučивать мою буйну голову,
Трубчату косу — девью красоту.

К сестре:

Сестрица ты моя, сестрица,
Разговори ты родимова батюшку...

Далее — то же, что к брату.

Здесь уже отец невесты принимает на себя роль действительного хозяина и начинает угощать всех сидящих за столом, а невеста, подойдя к своему отцу, кланяется ему в ноги, а потом подходит и к прочим своим родственникам с таким же поклоном и при этом непременно плачет с причетом, обращённым снова к отцу:

Государь ты мой, батюшко,
Не подходи ко столу ко дубовому,

* В некоторых местах «не заporučивай» заменяется словом «не пропивай».

Не бери в руки чару зелена вина,
Не пропивай ты мою буйну головую.

С теми же причитаниями невеста обращается и к прочим родственникам и затем уходит в куть.

С этого момента вступает уже в свою роль приглашённые девицы, подруги невесты, и хором поют песню, обращённую к отцу невесты:

Ты вспомни, родимый тятинька,
Вспомятуй, родима мамонька,
Как да я была малёшинька,
Умом-разумом глупёшинька.
Приходил родимый тятинька,
Брал свою он дочку милую
На свои на ручки белые.
Метал родимый тятинька
Выше буйной своей головушки.
Метал, сам приговаривал:
«Не отдам я тебя, дочинька,
Не за князя, не за боярина».
Отдаёт родимый тятинька
За удалого добра молодца,
За (имя, отчество жениха).

Затем девицы поют хором песню, обращённую к жениху с невестой:

Как у красного солнышка золоты лучи,
Как у светлого солнышка часты звёздочки,
Как у удалого молодца (имя и отчество жениха)
Хорошо кудри завиты.
Они не сами завивались,
Завивала красна девица-душа,
Свет (имя невесты), свет (отчество её),
На каждую кудринку — по жемчужинке.
Из Москвы князи-бояре съезжались,
Кудрям молодца дивовались:
«Не заря ли тебя, молодца, породила?
Не часты ли тебя звёздочки возлелеяли?»
Ах, умные вы, князи-бояре, но нерассудливые!
Воспородила меня родима матушка,
Воспоил, вскормил родимый тятинька;

Возлелеяли меня братцы, сестрицы,
Завила кудерёчки красна девица,
Свет (имя), свет (отчество невесты)».

За эту песню жених даёт в подарок невесте деньгами рубль и более, а она, в свою очередь, отдаривает его шалью, одевая ему на шею, с шеи на грудь, и завязывает сзади. В иных местностях Тюкалинского уезда шаль эта одевается невестой на жениха тотчас же по приходе его на рукобיתье и служит для жениха как необходимый атрибут, как вывеска его жениховства.

Девуцы за пропетую ими песню также дарятся женихом деньгами, копеек по 10, 15 и более, а засим они поют новую песню, обращённую к отцу и матери жениха:

Свет моя, винная ягодка,
Виноградная веточка,
Зимние морозы побили её,
Летние жары повысушили,
Буйные ветры повыкачали.
Летит — полетит
Сокол из-за гор,
Едет-поедет
Удалой молодец,
Свет (имя отца), свет (отчество)...
Он на коне,
Как сокол на руке,
Добрым конём поворачивает,
Ко широкому двору подворачивает;
Бьёт копьём во широки ворота,
Все верси пошатились,
На пятау ворота отворились;
Вышли встречать няньки, мамки его.
Стал он у нянюшек спрашивать:
«Где же моя молодая жена,
Свет (имя), свет (отчество)?
Если спит — не будите её,
Если в беседе — не ходите за ней,
Сам я пойду, за собой приведу».
Вышла встречать молода его жена:

«Здравствуй, надежда!
Здравствуй, милый дружок!
Я без тебя ночесь мало спала,
Мало спала, много видела во сне:
Будто у нас на широком дворе
Выросла травонька шелковая,
Расцвели цветики лазоревые.
По этой траве ходит сизый павин (павлин) со
паушею».

«Я тебе, милая, сон рассужу,
По словам расскажу:
Сизый павин — это я, господин;
Сизая пауша — ты у меня,
Свет (имя), свет (отчество).
Лазоревы цветики — дети у нас,
Шелковая травонька — слуги при нас».

За эту песню отец и мать жениха также дарят девиц деньгами, которые, не умолкая, начинают следующую песню, обращённую к отцу и матери невесты:

Не пауша по сеничкам гуляла,
Не павино сизо крылышко роняла.
У нас (имя матери) по сеничкам ходила,
У нас (отчество) по новеньким гуляла;
В руках она носила трой пялы,
Она шила, вышивала три узора:
Первый узор шила, вышивала —
Красно солнышко со лучами;
Второй узор шила, вышивала —
Светел месяц со звёздами;
Третий узор шила, вышивала —
Грозну тученьку со молоньями,
Красно солнышко со лучами —
(Имя и отчество отца) с сыновьями.
Светел месяц со звёздами —
(Имя и отчество матери) с дочерями;
Грозна тученька с молоньями —
(Имя и отчество жениха) со слугами.

По получении подарка от родителей невесты за спетую песню девицы поют песню и для всех гостей и род-

ственников, повторяя её по числу присутствующих за столом, за исключением гостей-холостяков, которым поётся отдельная песня, специально предназначенная для «холостых гостей» и в которой непременно припевается к холостяку какая-нибудь любимая девушка.

Песня гостям — родственникам:

Зван почтен сполюбовный гость,
Свет (имя), свет (отчество).
Звали его, почитали его,
На ту же беседу, на тихую, на смирную,
К свет (имя отца невесты),
К свет (отчество).

Песня холостому гостю:

На речке было, на реченьке,
На морских тихих заводях,
Селезенюшко кудри въёт,
Сиз касатый расправливает.
Как у молодца, свет (имя и отчество),
Хорошо кудри завиты.
Не сами кудри завивались,
Они не сами завивались,
Завивала красна девица,
Свет (имя и отчество).
Завивала, приговаривала:
«Когда реченьки разольются,
Тогда кудри разовьются».
Разливалась быстра реченька по лугам,
Развивались русы кудри по плечам
У удалого молодца, свет (имя и отчество).

Все эти и последующие песни девиц непременно окупаются деньгами. Каждый холостяк дарит девушкам 3—5 копеек и более, и по окончании всех свадебных церемоний весь денежных доход делится девицами между собой поровну.

Но возвращаемся снова к рукобитью. По окончании песен холостякам, жених выходит из-за стола и направляется к невесте и девицам в куть, приглашает всех их к

себе в гости и вместе с ними уходит и сам, а все остальные остаются пока у родителей невесты и угощаются, а потом и эти все собираются и уходят к жениху вместе с родителями невесты. Здесь угощение продолжается не особенно долго: невеста приглашает жениха с девицами обратно к себе в гости с целью «отпотчевать», а все остальные участвующие при этих церемониях, достаточно уже угостившись, отправляются в гости к родственникам невесты, и так иногда гулянка на рукобיתье продолжается до рассвета и даже до позднего утра.

У невесты же в это время находятся в гостях жених, его товарищи и девицы-подруги невесты, и среди этой молодёжи совершается отчаянная пляска, уходящая также почти до утра.

Перед уходом жениха домой шапка его обшивается лентой, в большинстве случаев пунцового цвета, и к верхушке шапки пришивается ещё пучок из разноцветных лент. С этим украшением жених, наподобие клоуна из дешёвого цирка, ходит до самого дня свадьбы, и по этому его наряду всякий, встретившийся с ним, узнает в нём жениха.

Девичники

Все дни и вечера, следующие за рукобיתьем, называются «девичниками» вследствие гощения в это время у невесты подруг-девиц.

Девичники эти доходят до самого дня свадьбы, и если невеста одной деревни с женихом, то последний со своими товарищами непременно посещает все эти вечера, если же невеста другой деревни, тогда посещения эти совершаются изредка или приурочиваются к праздникам.

По прибытии жениха на девичник, девицы встречают его песней, той же самой, которая пелась ему в рукобיתье: «Как у красного солнышка золоты лучи». Наконец, «опевают» по одиночке и всех его товарищей, и последние дарят за это девиц копейками.

Песня для товарищей жениха в девичники поётся следующая:

Беленький, кудреватый,
Холост — не женатый,
Пора тебе, молодец, жениться
На душечке, на девице
Свет (имя), свет (отчество),
На красавице, на девице...
Надо голову носить поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Надо старому поклониться,
Надо старому покориться.

На всех этих девичниках для жениха особого угощения никакого не бывает, а предлагается лишь невестой чай, орехи или семена подсолнечников. Жених просиживает на девичниках до полуночи, а затем сам он и товарищи его расходятся по домам.

Во все дни девичников у невесты гостят её подружки-девицы, которые шьют ей различные обновы, купленные на деньги жениха. В числе этих обнов непременно шьётся для жениха одна пара спального белья, а для «дружки» — «штаны»; о вручении этих вещей жениху и дружке будет сказано ниже.

В продолжение всех этих девичников в доме жениха и невесты идёт самая оживлённая работа. Идут самые деятельные приготовления к свадьбе. Женщины за целую неделю до свадьбы, а то и более, готовят свои незатейливые кушанья и домашнее пиво. Отец жениха идёт к местному священнику и договаривается с ним о цене за венчание и о времени брака. Жених готовится к дружке — человека опытного, сведущего и бывалого на свадьбах, готовится «подружье» — брата или одного из близких родственников, который едет в церковь вместе с дружкой, тысяцкого — своего крёстного, который должен везти жениха к невесте, а от неё — в церковь, сваху — замужнюю сестру свою или крёстную и, наконец, — «поезжан» (шаферов).

Невеста, в свою очередь, готовится от себя «постельную сваху» — замужнюю сестру свою или крёстную мать, повозника — брата родного или двоюродного, который должен сопровождать невесту к венцу, сидя с ней

на одном экипаже. В таком вообще порядке идут приготовления к свадьбе, между тем среди всех этих суетливых свадебных приготовлений в доме невесты совершаются некоторые обычаи, не лишённые интереса.

Так, ежедневно утром, когда невеста встаёт с постели, она должна непременно плакать с причетом и затем уже идти умываться. После умывания она начинает чесать свои волосы, а подруги заплетать их в одну косу, причём невеста начинает плакать и петь вместе с девицами-подругами песню «на плетение косы».

Отходила, отгуляла
По высокоу нову терему;
Доходила до кипарисовой рукомоечки,
Мочила свою буйну голову
Ключевой водой холодною.
Чесала свою буйну голову
Черепашовым частым гребешком,
Доходила до брусчатой белой лавочки,
До своей родимой мамоньки.
«Ты, родима моя мамонька,
Я об чём прошу, докучаю:
Заплести мою трубчатую косу
Во пшенично мелко зёрнышко,
Голубиное сизо пёрышко.
Под корень моей трубчатой косы
Два булатных ножичка.
Посередь трубчатой косы
Косоплётчатку шелковую.
В косоплётчатку ленту алую,
Ленту алую — девью красоту».

Случается, что у невесты не бывает на девичниках никаких подруг, тогда она одна исполняет обряд чесания и плетения волос и одна же с плачем исполняет положенную обычаем песню.

Всякий, кто только по делу или случайно входит в дом невесты, будет ли он сосед или родственник, он всегда встречается невестой с плачем и различными причитаниями, которые затем заканчиваются дружной песней девиц.

Остаётся ещё в отделе о девичниках сказать несколько слов о маскарадах девиц, которыми сопровождаются дневные их рукоделья в пользу невесты. Обыкновенно бывает так: все девушки, подруги невесты, переодеваются: одни в какие-нибудь лохмотья, другие — парнями, третьи — цыганками или киргизками, и затем вся эта переодетая толпа идёт по домам деревни и «попрошайничает», не пренебрегая никаким подаянием: одни подают яйца, масло, деньги; другие — муку, кусок хлеба, мясо и проч. Все эти прогулки по домам сопровождаются, где только можно и позволяют, песнями и плясками. Бывает при этом немало шуточных проделок над переодетыми девушками: парни и весёлые мужики, встречая их, намазывают им лица сажей, а если это бывает зимой, то натирают их снегом и даже позволяют при этом немало самых нескромных и непозволительных выходок, на которые, однако, девицы не сердятся и не обижаются, а продолжают своё «попрошайство» почти до последнего дома деревни, и в конце концов происходит раздел собранных продуктов. Этот обычай называется в Тюкалинском уезде «ходить цыганками», а отсюда уже выродилось и «попрошайничество» по примеру цыганок.

В некоторых селениях Тюкалинского уезда девицы, подруги невесты, одевшись в лохмотья, ездят по деревне и продают воду, причём почти у каждого дома их встречают и обливают водой, помоями и даже какой-нибудь растворённой в воде краской. Сбора при этом милостыни не бывает. Кроме этих переодеваний девиц и продажи воды, им доставляются ещё удовольствия в ежедневном катании на лошадях, и катания эти всегда сопровождаются громкими песнями девиц.

Приготовление к вечерине накануне свадьбы

1. У невесты

Последний вечер накануне венца называется «вечериной». В этот день девицы с раннего утра готовят для невесты баню, и когда она уже бывает готова, они идут

к жениху за мылом для невесты и водкой для «каменки»*; жених при этом угощает девиц и удовлетворяет их просьбу, т.е. даёт мыла и водки, после чего девицы возвращаются к невесте. Перед тем как идти невесте в баню, начинается особый обряд «расплетания косы». Сначала расплетает отец, а невеста в это время «воет» и приговаривает:

Государь ты мой, батюшко,
Припахнись ты в тёмную куть,
Во тёмную куть за занавесу;
Расплети мою трубчату косу,
Расклади мои русы волосы
По моим по могучим плечам,
По моему цветну платью.

И лишь только отец прекращает расплетание косы, невеста продолжает «выть», плакать и причитать:

Тебе Бог судья,
Государь мой батюшко!
Как у тебя поднялись рученьки
На мою трубчату косу,
Раскласть мою косу русую
По могучим моим плечам,
По моему цветну платью.

Оканчивают расплетание косы уже девицы, сопровождая при этом свои действия особыми песнями и причитаниями.

По окончании обряда расплетания косы невеста встаёт и снова начинает плакать, выть и причитать, обращаясь к подругам:

Подсекаются ножки резвые,
Опускаются ручки белые,
Покатилась с плеч головушка...
Вы, любезны подруженьки,
Подхватите меня под белы руки,
Подведите меня к запрестольной Богородице.

Обращаясь снова к отцу, невеста приговаривает с плачем:

* Печь в бане или, вернее, то место в печи, куда выливают воду для получения пара.

Государь ты мой, тятинька,
Дай мне благословеньице
Сходить в теплу банюшку,
Помыться и попариться,
Не смыть бы мне девью красоту».

К матери:

Государыня, моя мамонька,
Дай мне благословеньице... и т.д.

По исполнении всех этих причитаний невеста кланяется в ноги отцу, матери, братьям, сёстрам и всем подружкам и все её благословляют, ограждая крестным знаменiem, а в заключение всего невеста кланяется на все четыре стороны и идёт в баню. В это время несколько девиц-подруг убегают в баню ранее невесты и там запирают двери. Приходит невеста и, найдя двери запертыми, начинает выть и причитать:

Призносила я
Ножки резвые,
Призносила я
Ручки белые...

Дверь отворяется, и невеста впускается в баню, что происходит здесь, в закулисной жизни девушек, сказать мудрено; известно лишь одно, что здесь девушки ведут себя слишком просто, развязно и свободно: поют песни самого безалаберного содержания, позволяют рассказывать самые плоские шутки, прибаутки... Словом, здесь, в бане, вся душа у девиц нараспашку, что опять-таки в обычае, а именно: девицы, напутствуя невесту своей весёлостью, как бы заставляют её этим позабыть своё горе — разлуку со своим родным уголком, разлуку с родителями и всеми родными и не предаваться напрасной заботе и слезам. Водка, полученная девицами от жениха, действительно частью выливается на каменку, а остальное тут же, в бане, выпивается девицами. Далее дело доходит уже до пляски. Нередко девицы в подобных случаях выходят из бани совершенно пьяными. Передать в печати всё, что только творится в это время в бане невесты, невозможно.

II. У жениха

В день вечерины, пред самым вечером, жених приглашает к себе своих гостей, как то: тысяцкого, сваху, а главным образом дружку, подружья и других поезжан. Затем все они, кроме свахи, идут с женихом в баню. С этого момента дружка уже вступает в свои самостоятельные специальные права и с этого времени уже управляет всем ходом свадебных порядков и обычаев. После бани жених, угостив «скромненько» своих гостей, едет с ними на вечеринку к невесте, которая, также приготовившись как следует, уже ожидает жениха.

Вечерина

В дом невесты прежде всего входит жених с дружкой, далее следуют тысяцкий, сваха, подружья, поезжане и родители жениха. Прежде чем войти в двери, дружка стучится и громком читает молитву: «Господи Иисусе Христе...», за дверью внутри дома отвечают ему: «Аминь». Дружка спрашивает: «Есть ли здесь батюшко? Есть ли здесь матушка?». За дверь ему отвечают: «Есть». Тогда все входят в дом, и дружка, обращаясь к отцу невесты, просит его позволения посадить жениха за стол вместе с поезжанами. Получив согласие, дружка усаживает за стол всех своих гостей, а равно и родственников невесты. В это время невеста находится пока ещё в кути, где она плачет и приговаривает:

Государь ты мой, батюшко,
Не бери в руки чару зелена вина,
Не подходи ко столу ко дубовому,
Не пропивай ты мою буйну голову.

Тут дружка подносит отцу и матери невесты по стакану водки с приговором: «Ну, мы свой товар показали, теперь кажите вы свой». После чего дружка обносит всех гостей, сидящих за столом, водкой, а отец в то время выводит из кути свою дочь-невесту и передаёт её жениху, а последний садит её рядом с собой по левую сторону.

Все гости на вечерине размещаются за столом в таком порядке: по левую сторону жениха сидит невеста, по правую — тысяцкий, рядом с тысяцким — подружье, далее — поезжане, ещё далее — отец и мать жениха. Рядом с невестой садятся сваха её и сваха жениха. За всем этим порядком рассаживания гостей должен следить и руководить дружка, почему ему и приходится больше всего суетиться и быть на ногах.

Девушки же, находясь в кути, снова начинают петь песни жениху, невесте и всем остальным гостям. Песни здесь поются те же самые, какие и на рукобитье, за исключением песни жениху, которая здесь, на «вечерине», заменяется другой:

Не золот перстень
С рученьки спадывал,
Василий Петрович*
К Авдотьюшке припадывал,
У Ивановны правды спрашивал:
«Уж ты, Авдотьюшка моя,
Скажи правду мне,
Скажи истину:
Уж и кто у тебя
Мил из роду-племени?». «Мил-то мне милёшенек
Родный тятинька
И родна мамонька». «Уж ты, Авдотьюшка моя,
Всё не правда твоя,
Всё не истина». Не золот перстень
С рученьки спадывал,
Василий Петрович
К Авдотьюшке припадывал,
У Ивановны правды спрашивал:
«Уж ты, Дунюшка моя,
Скажи правду мне,

* Для большей ясности в понимании формы припевов я здесь нашёл удобным пробелы заменить вымышленными именами жениха и невесты. *Автор.*

Скажи истину:
Уж и кто у тебя
Мил из роду-племени?»
«Мил-то мне милёшенек
Добрый молодец,
Свет Василий Петрович».
«Уж ты, Дунюшка моя,
Это правда твоя,
Это истина».

Все песни, какие только поются на вечерине, снова оплачиваются со стороны гостей деньгами.

В это время отец невесты получает от отца жениха последнюю часть выряженной водки и угощает ею всех гостей, а невеста в это время всех обносит подарками. Первый подарок — сравнительно дороже других — жениху, потом подешевле — дружке, свахам, тысяцкому и т.д. Все эти подарки у всех почти невест состоят почти всегда из одинаковых предметов — шалей, шарфов, платков и т.п. Редко приходится встретить, чтобы невеста из оригинальности придумала какой-нибудь другой подарок, хотя подарки эти у одних отличаются наибольшей ценностью, а у других — наоборот, смотря, конечно, по тому, к какому состоянию принадлежат те, кому невеста дарит все эти подарки; получившие их, отдаривают невесту деньгами, сообразуясь при этом со стоимостью подарков. В иных сёлах и деревнях Тюкалинского уезда невеста вместо подарков обносит всех гостей водкой и всем кланяется в ноги, за что ей дарят деньги. Последний обычай признаётся невестами далеко практичнее и выгоднее первого.

Просидев, таким образом, часа два-три, жених с невестой и девицами отправляется в дом своего отца, а затем туда же отправляются и все остальные лица, участвующие в свадьбе. У жениха, как и у невесты, снова под руководством дружки, все рассаживаются по своим местам, и начинается угощение. Спустя немного времени невеста приглашает жениха, его товарищей и подруг-девиц к себе, и здесь уже почти до самого утра происходит отчаянная пляска, и даже попойка, под весё-

лые звуки гармоника (других музыкальных инструментов среди крестьян-старожилов Тюкалинского уезда видеть не приходилось).

Все прочие, как то: дружка, тысяцкий, сваха, сваты и другие — после ухода жениха к невесте отправляются в гости к родне невесты и к утру уже все напиваются, как говорится, до чёртиков. После вечерни жениху и невесте запрещается уже есть и пить до самого венца.

В день свадьбы у невесты

На следующий день после вечерины невеста готовится к венцу. В этот день съезжаются и сходятся к невесте почти все её родственники, причём неизбежно присутствует толпа любопытных соседей — женщин, мужиков, парней и девок.

В течение этого дня дружка навещает невесту раза три-четыре, каждый раз спрашивая о том, скоро ли она будет готова.

Во время этих визитов дружка насыпает в её обувь мак и кладёт несколько медных или серебряных монет, сопровождая всё это таинственными наговорами. Мак насыпается для того, чтобы невесту «не взяла никакая порча», а деньги — чтобы невеста замужем жила богато.

Пред самым приездом жениха в дом невесты, садятся за стол её подруги-девицы и повозник — брат её, а невеста в это время сидит в кути. В таком порядке в доме невесты ожидается прибытие жениха за невестой, при этом угощения почти никакого не бывает.

В день свадьбы у жениха

Незадолго до отъезда за невестой жених собирает своих поезжан: дружку, тысяцкого, сваху, подружья и других. Некоторые более зажиточные приглашают и соседей, и других родственников. Когда все приглашённые соберутся к жениху, пред иконами зажигаются

свечи и все заходят за стол: сначала дружка, за ним — подружье, тысяцкий, жених, потом и свахи. Здесь все, кроме жениха, выпивают стаканчика по два водки и затем выходят из-за стола; жених, помолившись Богу, кланяется в ноги сначала отцу, и последний благословляет сына-жениха иконой и хлебом с солью, при этом жених должен лизнуть языком соль, затем он кланяется своей матери, и она благословляет его таким же порядком, каким и отец.

Выезд жениха за невестой

Получив благословение от родителей, жених и все другие начинают выходить из дома. Впереди всех идёт дружка с иконой в руках, за ним — подружье, тысяцкий, жених и сваха. В ограде дружка ставит всех позади приготовленных к выезду убранных лентами и шарфами лошадей, а сам с подружьем становится впереди лошадей и трижды обходит их, совершая круг вместе с подружьем по солнцу, причём треплет лошадей за гривы, трясёт дуги и проч., при этом дружка должен три раза причитать молитву: «Да воскреснет Бог...» и что-нибудь из наговоров для отвращения на пути несчастий. После всех этих проделываний дружки все садятся в приготовленные экипажи. Дружка с подружьем непременно едут впереди всех: дружка с иконой, а подружье управляет лошадьми. За ними едут тысяцкий с женихом, свахи и остальные поезжане. В момент отъезда жениха женщины-соседки, стоя на крыльце, поют хором:

У броду-броду, у калинова моста
Перевозятся бояре, перевозятся князья.
Все кони под коврами, под шелковыми,
Один конь под парчой и под златом,
Никто этого коня не любит,
Один его (имя жениха) любит,
Один его (отчество) по крутым бёдрам треплет...
Уж конь мой, конь, добрая лошадь!
Сослужи-ка мне службу,

Службу без нужды:
Съездить по сужену,
Съездить по ряжену,
За (имя невесты) спесивой
За (отчество) горделивой.

Приезд жениха к невесте

Лишь только поезд жениха показался вблизи ворот невесты, как тотчас же кто-нибудь из соседей или из знакомых запирает ворота и до тех пор не впускает жениха с поезжанами в ограду, пока не получит от жениха «выкуп».

В богатых свадьбах на долю таких шутников перепадает иногда от четверти и до полуведра водки, да и от бедного «поезда» всегда не менее бутылки.

По приезде к невесте, дружка с подружьем, а за ними и остальные, в том же порядке, как и во время выезда жениха, подходят к двери той комнаты, в которой ожидают жениха, и дружка спрашивает: «Есть ли батюшко с матушкой?» Отец невесты, стоя за дверью, отвечает: «Есть», и затем отворяет дверь. Дружка входит сначала один и просит девиц встретить жениха: «Девицы красные! Не откажитесь встретить коня молодого».

Девицы выходят в сени и поют:

Из лугу, лугу, с прилугу
Кони то бегут все счерна вороны,
Гриву-то несут да колесом, да колесом;
Шею-то несут золотой трубой,
Голову несут кочетом, да кочетом,
Уши-то несут, как два булатные ножа,
Копыта-то мечут золотым витым кольцом,
Разлуку несут на черкасском на седле,
Разлучить хотят девушку
С батюшкой, с родимой матушкой;
Наделить хотят удалым молодцом,
Свет (имя), свет (отчество).

Выкуп косы

По окончании песни девиц все входят в комнату, и дружка прежде всего подносит родителям невесты по стакану водки, привезённой с собой. Девицы, подруги невесты, в это время садятся за стол и поют песню:

Не слыхала я, младёшенька,
Как бояре на двор въехали.
Не слыхала я, младёшенька,
Как бояре — на красно крыльцо,
Не слыхала я, младёшенька,
Как бояре — во новы сени.
Не слыхала я, младёшенька,
Как бояре — во высок терем.
Я тогда, млада, услышала,
Я тогда, млада, увидела,
Как бояре Богу молятся.
Я кидалася, бросалася
Из горницы в горницу,
Из светлицы во светлицу,
Во тёмную куть за занавесу
Ко любезным ко подруженькам:
«Вы, любезные подруженьки,
Сберегите девью красоту...
Эвон едет разоритель мой,
Эвон едет разлучитель мой:
Разлучит с родимым тятенькой,
Разлучит с родимой мамонькой,
С братцами — ясными соколами,
С сестрицами — лебёдушками,
С любезными подруженьками».

За эту песню сваха жениха угощает девиц курником (род пирога с мелкими кусками свинины, гуся или курицы), конфетами и другими сладостями. Между тем дружка ни на минуту не покидает своих сложных обязанностей. Он подходит к «повознику» — брату невесты, сидящему за столом рядом с девицами, и подаёт ему пустой стакан, повозник не берёт его. Дружка наполняет стакан водкой и снова подаёт его, повозник снова отказывается; тут уже

дружка кладёт на тарелку денег — копеек 50, ставит тут же и стакан с водкой и всё это предлагает повознику, который опять отказывается от подносимого ему, и так повторяется до тех пор, пока дружка не предложит для выкупа косы невесты рубля два или три, словом, до тех пор, пока повозник предложение не примет.

Таким же родом выкупается коса невесты и у девиц. Последние являются по отношению к дружке ещё капризнее и требовательнее, а между тем, по местному обычаю, нельзя взять к венцу невесту, пока за столом сидят девицы. Как только повозник и девицы будут удовлетворены «за косу» — выходят из-за стола, дружка зажигает свечи пред иконами и, с согласия родителей невесты, проводит жениха за стол, и все садятся в том же порядке, как и пред выездом жениха к невесте. В это время две девушки-подруги под руки выводят невесту из кути и подводят её к отцу и к матери, которым она кланяется в ноги и плачет, причитывая:

Государь ты мой, батюшко,
Не заporučивай* к чуже-чужему
Мою буйную голову.

С этими же причитаниями подводят невесту к старшему брату и другим родственникам, между тем девицы в кути, а равно и ведущие невесту под руки, поют:

Отставала лебедь белая
От стада лебединого,
Приставала ко стаду,
Ко серым гусям,
Стали гуси-лебеди щипати,
Стала лебедь клыкати**.

По окончании всех поклонов и причитаний отец берёт свою дочь-невесту за руку, подводит её к жениху и передаёт ему; последний садит её рядом с собой, а затем и все остальные в обычном порядке садятся за стол, между тем девицы продолжают петь:

Не щиплите меня, гуси серые,
Не сама я залетела к вам,

* Не заporučивай — не отдавай в руки.

** Клыкати — плакать.

Занесло меня погодой,
Погодой полуденной.
Отставала у нас девушка
Свет (имя), свет (отчество)
От всего роду-племени,
От любезных-то подруженек.

Пред самым отъездом к венцу невеста снова плачет,
воет и причитает:

Не могу я встать-подняться
С брусчатой белой лавочки,
Подсекаются ножки резвые,
Опускаются ручки белые,
Покатилась моя с плеч головушка,
Помутились очи ясные.
Вы, любезные мои подруженьки,
Подхватите меня под белые рученьки...
Осторонитесь, люди добрые!
Дайте мне путь-дороженьку!
Не сама я к вам выходила,
Выводил меня родимый батюшка
За праву меня за рученьку,
Становил среди пола дубового,
Говорил и всё меня обманывал,
Что за столом сидят гости званые...
А теперь сама я догадалася,
С глупова разума спохваталася:
За столом сидят князья-бояре,
Князья-бояре, свашеньки.
Между князьями да между боярами,
Между боярами да свашеньками
Сидит мой злой разлучник.
Разлучит меня с родимым батюшкой
Да с родимой моей матушкой,
С родимыми братцами, сестрицами,
Подруженьками и со всем родом-племенем».

После некоторого перерыва невеста опять начинает
плакать и причитать:

Вы уж, князья-бояре,
Князья-бояре, князья, свашеньки,

От Спаса образа отсторонитесь,
Дайте мне Богу помолитися,
В землю три раза поклонитися.
Я первый поклон поклонюся
Я за батюшку и за матушку,
Я второй поклон поклонюся
За свою буйную голову,
Буйну голову, трубчату косу;
Я третий поклон поклонюся
Запрестольной Богородице.

Этим уже и заканчиваются причитания невесты, и далее они уже нигде не повторяются.

Выезд к венцу

Причитания и плач невесты окончены. Дружка первый встаёт и выходит из-за стола, а за ним и все по порядку. Жених и невеста в это время кланяются родителям невесты в ноги, а те их благословляют иконой и хлебом с солью, и потом уже дружка выводит всех в ограду, а девицы поют:

Погости-ка, наша гостыюшка,
Погости, наша голубушка,
У родимого у тятиньки,
У родимой-то у мамоньки,
У братцев — ясных соколов,
У сестёр — белых лебёдушек,
У всего у роду-племени,
У любезных подруженек.

В ограде невесты все становятся опять в том же порядке, как и при выезде от жениха, и дружка с подружьем три раза обходят вокруг запряжённых лошадей, держа при этом в руках икону и читая какую-нибудь искажённую молитву и обязательно наговоры. По совершении всех этих мнимо религиозных обрядностей все садятся на лошадей в следующем порядке: дружка с подружьем, за ними тысяцкий с женихом и девицами, за ними повозник с невестой и её свахой. Постельная же сваха уезжает вместе с остальными и приданым

невесты к жениху для приготовления новобрачным постели, отчего и получила своё название «постельная». Когда поезд тронется, девицы, провожая его, поют:

Погуляйте, девушки,
Пока в гульбе воля есть.
Нам не будет волюшки,
Спокроют наши головушки;
Отступятся все наши друзья-приятели,
Купцы, заседатели,
Волостные наши писаря,
Писаря наши, помощнички,
Рекрута и наёмщички.

Подъехав к церкви, дружка тотчас же идёт с докладом к священнику о своём приезде со свадебкой, а остальные поезжане в то время около церкви успевают пропустить по несколько стаканчиков водки, приготовленной с собой заранее.

Нередки бывают случаи, когда весь свадебный поезд является в церковь положительно пьяным и с трудом приходится священнику успокоить и усмирить расходившуюся весёлую толпу.

Девицы от церкви возвращаются с песнями по своим домам и уже больше не свадьбе не появляются.

В церкви

В храме возле невесты становится сваха, а возле жениха — дружка, на обязанности последнего лежит обменение колец брачующихся, а на обязанности свахи — подстилание подножья, состоящего из платка или куска ситца или холста. Все прочие поезжане во всё время венчания стоит позади жениха и невесты.

В платье жениха и невесты здесь не встречается никаких особенностей и оно мало чем отличается от обыденного; в весьма редких случаях голова невесты украшается цветами. Волосы невесты при венчании всегда бывают распущены. Жених является к венцу непременно в шали, подаренной ему невестой.

Совершение брака также не обходится без свойственных сибиряку суеверий. Со стороны священника, например, требуется немалая осторожность, чтобы при обручении жениха с невестой не уронить кольцо, если подобное случится, тогда среди поезжан составляется убеждение, что в жизни брачующихся надо ожидать горьких последствий. По окончании венчания дружка отбирает у новобрачных свечи и сравнивает одну с другой. По мнению нашего крестьянина, то лицо, у которого сгорело свечи более, непременно умрёт ранее того, у которого сгорело свечи менее. Весьма многие избегают венчания в мае месяце, так как повенчанные в этом месяце будто бы будут всю жизнь свою «маяться», т.е. скверно жить между собой.

После венца

После совершения венчания жених и невеста именуются уже «молодыми» и из церкви возвращаются вместе в одном экипаже, а все остальные едут в том же строгом порядке, как ехали в церковь. У дома молодого для встречи свадебного поезда собирается громадная толпа; при приближении его к воротам у последних моментально вспыхивает куча соломы (если только свадьба бывает зимой), зажжённая любопытствующей толпой в знак особого приветствия молодым, а когда «поезд» въезжает в ограду молодого, в той же толпе раздаётся залп выстрелов из ружей и пистолетов. Это особый род приветствия со стороны бывших товарищей жениха, а теперь молодого.

Молодые со всеми поезжанами и во главе с дружкой подходят к крыльцу дома, у которого родители молодого встречают новобрачных с иконой, хлебом и солью. Здесь молодые благословляются так же, как и перед венцом. У иных молодых благословляются и внутри дома, становясь пред иконами. Почти в самый момент благословения молодых на крыльце или внутри дома среди посторонних женщин раздаётся хоровая песня:

Соколы, соколы,
Залётные малые соколы,
Далеко ли летали?
Князи вы, бояре,
Далеко ли вы ездили?
Уж мы ездили, ездили
За красной девицей.

По окончании обряда благословения дружка проводит всех участвующих в поезде вперёд и расставляет их вокруг приготовленного стола; постояв немного, с благословения родителей молодого все садятся в заранее определённом порядке. Тут только начинаются поздравления и пожелания молодым и угощение всего свадебного поезда, преимущественно почти водкой и дешёвым вином.

Окручивание

Спустя несколько минут, свахи тут же, за столом, завешивают молодую шалью и начинают её «окручивать», т.е. заплетать ей две косы, а на голову надевают ей повязку вроде обруча и подвязывают её платком так же, как подвязываются вообще крестьянские замужние женщины. Во время исполнения этого обряда находящиеся в комнате посторонние женщины-зрительницы поют на окручивание особую песню:

Ты, коса ли, моя косонька,
Во меду коса купалася,
В патоке полоскалася,
Она на солнышке сушилася,
Она Васиньке годилася...
Распроклята бабья скима*,
Во дегтю она купалася,
Во смоле она полоскалася,
По подлавочью валялася,
На печи в углу сушилася,
На девицу пригодилася.

* Головной убор замужних крестьянок.

«Помолодились»

По снятии с молодой покрывала дружка берёт зеркало, долго над ним что-то нашёптывает и затем подносит посмотреться в него молодым. Предлагая им при этом «помолодиться» (поцеловаться). Молодые с покорностью исполняют предложение дружки. После поцелуев молодых дружка обращается ко всем поезжанам свадьбы, говоря: «Ну, теперь нужно и нам помолодиться», и дружка первый целует молодую, а затем и все участвующие в свадьбе.

Подклет

Начатое свадебное торжество продолжается не особенно долго: спустя часа два или три после возвращения из церкви молодых, дружка, обращаясь ко всем присутствующим в поезде, просит их удалиться из комнаты. Дружке повинуются и уходят все, остаются только главные из поезжан.

Далее нам придётся иметь дело с тем гнусным обычаем, о котором весьма трудно говорить в печати; нам придётся говорить о том, что даже скрывают дикие народы, но к чему так легко относится наш крестьянин-сибиряк, привыкший смотреть на всё нескромное и грязное сквозь пальцы. Само название «подклет» уже наводит читателя на мысль о чём-то необыкновенном, странном и пошлом. Не буду томить читателя, а скажу, что подклет — это почти публичное удовлетворение гнусного и животного чувства, требуемое в данный момент обычаем, укоренившимся в Тюкалинском уезде. Обычай этот у крестьян возведён почти в степень закона и спорить с ним нет никакой возможности.

Но при всей этой гнусности настоящего отдела я, однако, берусь в более или менее сдержанной и скромной форме обрисовать главные детали подклета.

Все «лишние» уходят и скрываются неизвестно где. Дружка объявляет новобрачным во всеуслышание: «Ну, детки, пора и на место», при этом не принимается в

расчёт, будет ли настоящее свадебное торжество днём, будет ли оно ночью, и «детки» обязательно отправляются «на своё место». Безапелляционное заявление дружки «детки пора на место» в присутствующей публике, состоящей из близкой родни жениха, встречается как нечто обыкновенное, заурядное, и «детки», повинувшись голосу своего дружки, ведутся им за руку в особо приготовленную комнату — на подклет. Если же свадьба происходит в доме, состоящем из одной комнаты, тогда брачное ложе устраивают в амбаре, в завозне или в погребушке, причём не обращается никакого внимания на время года.

В начале шествия на подклет все прочие поезжане расходятся, кто куда хочет. Здесь, в таинственной комнате, молодым дают чего-нибудь поесть, а дружка подаёт им по стакану водки из особой бутылки, приготовленной с неизвестными нащёптываниями. Молодые пьют и закусывают, чувствуя при этом естественную робость и стыд. После всего этого постельная сваха раздевает молодую до спальной сорочки, а потом раздевают и жениха, не стесняясь при этом присутствием посторонней женщины, и укладывают обоих на подклет — заранее приготовленную жениховой свахой постель.

Все уходят, и молодые остаются одни, только дружка, находящийся где-нибудь неподалёку от подклета, изредка навещает новобрачную чету и спрашивается, скоро ли молодые пожалуют встретить званных гостей. Момент подклета не остаётся незамеченным и среди любопытствующей посторонней публики, наводняющей ограду: залп ружейных выстрелов извещает всех о чём-то необыкновенном. Все стрельцы угощаются потом от хозяина дома водкой за то, что подклет ознаменовался такой торжественностью и таким неожиданным шумом.

Поднятие молодых с подклета

Таким названием у тюкалинских крестьян отмечается тот момент, когда молодые встают с брачного ложа, пробывши на нём не более часа. Дружка, осве-

домившись чрез дверь о времени возвращения молодых с подклета, собирает всех поезжан, свах и родителей молодого и ведёт их всех в комнату молодых, которые в это время встают пред вошедшими в одном спальном белье и кланяются всем в ноги, начиная с отца и матери и кончая последним из поезжан, а потом уже молодые начинают одеваться, и здесь молодая дарит молодому ту пару белья, которая была сшита во время девичников. Ещё прежде этого над молодыми совершается обряд «окачивания» (обмовения), для чего дружка уводит молодого, а постельная сваха молодую куда-нибудь во двор или в хлев и там исполняют этот восточный обряд, не стесняясь при этом никаких времён года.

Вскоре после всех этих непривлекательных на вид обычаев в дом молодых приглашаются родители молодых и, по прибытии их, пред ними тотчас же расстилается на полу та рубашка молодой, в которой она спала на подклете, а молодые в это время кланяются им в ноги. Здесь все от мало до велика узнают об удовлетворительности или неудовлетворительности подклета — чего ожидали с таким нетерпением и тревогой те и другие родители молодых. Особенно страшатся этого момента родители молодой, которым при благополучном исходе подклета воздаётся особливая честь и хвала и благодарность от всех, и на особицу от родителей молодого; в противном же случае, т.е. когда молодая окажется девственно опороченной, то молодые даже и не кланяются родителям молодой, последние остаются пред всеми окружающими в унижении, и дальнейший финал свадебного торжества получается скучный, вялый, а подчас и грустный. Нередки бывают случаи, когда на родителей в данное время одевают какое-нибудь тряпье, пачкают чем-нибудь их лица, подают им пустые стаканы взамен наполненных водкой, подают стаканы с продырявленным дном, словом, в подобных случаях совершается немало и других издевательств и глумления над родителями молодой.

При подобных брачных событиях первенствующую

роль играет не кто иной, как дружка, к которому и обращаются заранее молодые, прося его в известном случае оказать им помощь, при этом же обязательно должна быть также заранее стачка между новобрачной четой. Дружка в большинстве случаев является сторонником молодых, и для всякого дружки очень важно и желательно, чтобы молодая была действительно девицей, хотя бы на время — пред глазами любопытных гостей и родителей, а для этого дружка не брезгует никакими средствами: надрезает гребень у петуха, или режет воробья или голубя, и добытой таким образом кровью он пачкает бельё у молодых, и они поэтому являются пред глазами гостей и родителей в самом удовлетворённом и нужном виде. Все эти средства для сокрытия нравственной порчи молодой особенно стали часто практиковаться в Тюкалинском уезде за последнее время, когда девушки с ранних лет, благодаря слабому над ними надзору и плохому влиянию на них своих родителей, нравственно падают, и такие девушки спасаются во время свадьбы от глумления новой родни снисходительством дружки, доходящего иногда до курьёзов. Так, например, у одного дружки оказалась молодая невинной уже после того, как она до замужества имела чуть ли не два ребёнка, но дружку за это никто не обвиняет, и его авторитет по-прежнему остаётся неприкосновенным.

Первое утро молодухи

Молодая встаёт рано утром и тотчас же приступает к разбору своего приданого: развешивает по стенам свои полотенца, приготовляет для больших столов свою посуду, а если есть, то и самовар, а затем делает подарки своим свёкру, свекрови, деверьям и золовкам, состоящие большей частью из ситца на рубаху, на платье и проч., тут же вручает дружке и штаны, сшитые на девичниках.

Все присутствующие при вручении штанов дружке отнимают их у него и сморкаются в этот подарок молодухи,

а потом возвращают дружке. Эта свадебная циническая проделка, вошедшая за последнее время среди тюкалинских крестьян в обычай, всегда встречается на свадьбах дружным смехом и хохотом до тех пор, пока все не очистят свои носы штанами дружки.

Большие столы

Это новое свадебное отделение исполняется в первый же день после венца и получило своё название «большие столы», вероятно, от того, что в этот день для угощения гостей, собирающихся уже в большем количестве, устанавливается несколько столов, смотря, конечно, по тому, сколько будет званых на «столы». В «больших столах», кроме поезжан, участвуют и другие, особо приглашённые на столы из близких знакомых и прочих родственников побочных линий, при этом для встречи родителей молодой становится в ограде стол, на стол водка, хлеб и соль.

Все гости в обычном порядке здесь также рассаживаются дружкой; тут уж свадебное торжество выходит из обычной колеи и превращается в страшную попойку, сопровождаемую битъём различной посуды. Бьются вдребезги горшки, корчаги, чашки, стаканы, летит на пол и ломается на мелкие куски всё, что только попадётся под руку тому или другому пьяному гостю.

Пьют здесь все: и старые, и молодые, мужчины и женщины — и напиваются до бессознательного состояния. Шуму, гаму, громким разговорам и пьяным песням «на столах» нет конца.

«Большие столы», как и прочие свадебные отделы, у тюкалинских крестьян также сопровождаются некоторыми особенными обычаями. В начале «столов» молодые начинают сами угощать водкой и первые стаканы подносят своим родителям и при этом непременно кланяются в ноги, а родители, выпив поднесённую водку, дарят молодым на «столы» корову, лошадь, овцу или свинью. За родителями угощение следует и всем участвующим в свадьбе, и молодые при этом обяза-

тельно кланяются в ноги каждому из угощаемых, за что последние должны что-нибудь подарить молодым на «столы». Подарками на «больших столах» нередко у молодых покрываются все свадебные расходы. По окончании «больших столов» у молодых все отправляются «на столы» к дружке и далее к каждому из участвующих на свадьбе. Здесь молодые являются в качестве гостей и садятся на почётное место. Во всё время столования все гуляющие угощаются исключительно водкой, а за последнее время и пивом, на стол же подаются в обилии различные курники, похлёбки, пельмени, пироги и прочие продукты крестьянской кухни. Все эти переходы из дома в дом, из гостей в гости непременно связываются с дикой ездой на лошадях и с громкими песнями, далеко разносящимися по деревне или селу. В богатых свадьбах эти увеселения и попойки дополняются иногда «байгою», т.е. бегом на лошадях или пешком, в том и другом случае бегунцы награждаются призами.

Блины у молодухи

На следующий день после «больших столов» молодая должна приготовить блины, на которые опять собираются гости и поезжане. Все также усаживаются за стол, и каждому, начиная с родителей, молодой подносит по стакану водки, а молодая — по блину на закуску. Всякий, выпивающий стакан и закусывающий блином, кладёт на тарелку сколько-нибудь денег в подарок молодым. Блины по обыкновению сопровождаются сильной попойкой.

Выметание избы

После угощения блинами молодая приносит в комнату, в которой сидят гости, охапку соломы, бросает её на пол и затем начинает её выметать из этой комнаты. Молодой в это время стоит среди комнаты, а ос-

тальные гости мешают молодой мести и каждый из них по очереди бросает в выметаемую солому несколько копеек денег, за что получает от молодого стакан или рюмку водки, а брошенные деньги собираются молодой и поступают в её неприкосновенную собственность.

Тут прерванная на некоторое время попойка начинается с большей силой. Вся свадебная компания переходит из дома в дом, и, таким образом, все участвующие в свадьбе обходятся во время свадебной гулянки несколько раз, и каждый раз и в каждом доме все пьют и едят, едят и снова пьют. На следующий день опохмеляются у молодых, и в таком порядке свадебный пир продолжается неделю, две, а у иных и более.

Блины у тёщи

У одних блины эти устраиваются почти сразу после свадебной гулянки, а у других — чрез месяц и позже. В зимнее время блины всегда почти приурочиваются к масленице. Молодые, узнавши о времени тёщиных блинов, собирают всех своих поезжан и отправляются к тёще. У тёщи родителям молодого устраивается точно такая же встреча, какая устраивалась по прибытии на «большие столы» родителям молодой. Блины тёщи непременно связаны с попойкой. От тёщи отправляются в гости ко всей тёщиной родне, и, таким образом, блины продолжаются дня два, три и более, смотря по числу родни. Все эти угощения и переходы из гостей в гости сопровождаются, конечно, дикой ездой на лошадях, песнями и громким гамом. Блинами тёщи заканчиваются уже все свадебные церемонии, и молодые вступают в обычную крестьянскую жизнь.

Не преувеличивая, скажу, что богатые деревенские свадьбы Тюкалинского уезда пожирают от двадцати и более вёдер водки, вследствие чего и сами свадьбы обходятся рублей в 200, 300 и более; до десяти вёдер водки уходит на самых средних свадьбах.

Дружка и его обязанности

Первым лицом в свадьбе среди крестьян Тюкалинского уезда является всегда дружка. Все взоры присутствующей и гуляющей публики обращены на дружку, почему и к выбору его относятся всегда более или менее строго. Он должен знать все обычаи, все порядки, все обряды свадьбы; от дружки требуется знание «сна Пресвятой Богородицы» и молитв хотя и в извращённом виде, знание нащёптываний и наговоров, вследствие чего он в свадьбе получает название «большака», «знатока» и т.п. С внешней стороны от дружки требуется, чтобы он имел целыми все зубы, а особенно передние, так как с потерей зубов, по мнению крестьян, теряется у дружки способность и сила знаний, и он может путаться в наговорах. О дружке, у которого нет зубов, выражаются так: «Он рехнулся зубами».

На обязанности дружки в продолжение всего свадебного торжества лежит охранение молодых от порчи, от злых людей, от колдунов, от недоброго глаза и проч., даже и в случае каких-нибудь болезненных явлений у молодых дружка первый должен явиться со своей помощью, он должен исцелить болезнь своими молитвами, наговорами и нащёптываниями, которым невежественный крестьянский люд и теперь ещё придаёт чудодейственную силу. Все приказания дружки всеми исполняются беспрекословно и к нему все относятся с почётом, особым уважением, и никто не смеет подметить ни в каких его действиях умышленного шарлатанства, а напротив, все уверены в том, что дружка читает и наговаривает от «божественных писаний», несмотря на то, что все почти дружки совсем неграмотны.

Сохрани Бог, если только что-нибудь не поладится на свадьбе, например, распряжётся под молодыми лошадь при поездке к венцу или обратно, или стрясётся что-нибудь другое, тогда во всём ответственным лицом является тот же дружка и лишается чрез это названия «знатока». Словом, дружка на свадьбе является и колдуном, и знахарем, и врачом, и один совмещается в себе

все знания, которым наш суеверный сибиряк верит и будет верить до тех пор, пока на смену старому поколению не явится свежее, ознакомленное путём школьного образования со всей гнусностью и несостоятельностью народных суеверий и предрассудков, теперь же пока дружка по-прежнему остаётся в своей силе, при своей почти неограниченной власти на свадьбах, и по-прежнему во время свадебных гулянок воспевается в песнях:

Друженька хорош,
Друженька пригож,
Дружка чист и речист,
Наговаривать горазд.
У дружки кафтан синенький,
Опоясочка браненькая,
Шапочка мерлушчатая
Сапожки козловые,
Рукавички барановые.

За эту песню дружка награждает поющих деньгами, в противном же случае, ради шутки, для него поётся другая песня:

У нас дружка нехорош,
Подпоясался мешком,
Подбодрился бадажком (палкой).

И тогда уже дружка должен непременно раскошелиться пред поющими.

В некоторых сёлах и деревнях Тюкалинского уезда нередко встречаются такие дружки, которые смотрят на своё звание и занятие как на заслуженную профессию, и эти профессиональные дружки всю жизнь свою проводят на свадьбах. Так, например, я знаю одного дружку в Сыропятской волости, который, как передавал мне он же сам, отвёл девяносто девять свадеб, ещё одна — и наш маститый дружка будет считаться героем целой сотни свадеб, за которые он получил от молодых сотню штанов с придачею к ним цинизма.

—53740—

Содержание

<i>Н.А. Рогачева. Вместо предисловия</i>	<i>4</i>
<i>И. Неклепаев. Поверья и обычаи Сургутского края</i>	<i>7</i>
Предисловие	8
<i>I. Демонологические представления сургутян</i>	<i>14</i>
Домашние духи — «суседки»	16
Духи, населяющие реки, леса и озёра	24
Посредники между людьми и нечистой силой	27
<i>II. Взгляды сургутян на различные церковные праздники и периоды и сопровождающие их местные обычаи и обряды</i>	<i>41</i>
<i>III. Суеверия и предрассудки относительно остяков, а равно и позаимствованные от них</i>	<i>47</i>
<i>IV. Обычаи и обряды при рождении и крещении и относящиеся сюда суеверия и приметы</i>	<i>58</i>
<i>V. Детские игры и увеселения взрослой молодёжи</i>	<i>66</i>
Детские игры	66
Увеселения взрослой молодёжи. Вечёрки	74
Сезонные увеселения молодёжи	101
<i>VI. Гаданья и присухи</i>	<i>108</i>
<i>VII. Свадебные обычаи и обряды</i>	<i>124</i>
а) Сватовство	127
б) Свиданье, или переводины	131
в) Девишник	133
г) Продолжение девишника и венчание	148
д) Пировье	153
<i>VIII. Обычаи и обряды при различных случаях обыденной жизни и разные суеверия и приметы</i>	<i>160</i>
Приметы из обыденной жизни	165
Разгадывание снов	167

Поверья о кладах и о разных способах сделаться богатым и удачливым	168
Суеверные воззрения сургутян на природу и на разных представителей животного мира	173
Метеорологические приметы	177
<i>IX. Народная медицина</i>	184
<i>X. Погребальные обряды и суеверия о мёртвых</i>	208
Н. Сколозубов. Народный календарь: Поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии	215
Приметы, которыми определяют, каков будет урожай хлебов	224
Приметы, по которым определяют, каким севом хлеб сеять	226
Приметы о погоде	226
П. Городцов. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда	227
Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда	228
I. Семик и Троица	229
II. Яичное заговенье	235
III. Осеннее заговенье	239
IV. Масленица	241
V. Дмитриев день	254
VI. Великий четверг	259
VII. Новоселье	276
Н. Осипов. Ритуал сибирской свадьбы	
Ритуал сибирской свадьбы	288
М. Костюрина. Крестьянская свадьба в подгорных деревнях г. Тобольска	325
Сговор	327
Вытьё невесты	332
Смотрины	333
День свадьбы	334
Свадебный пир в доме жениха	336
З. Плотников. Крестьянская свадьба (в Ялуторовском округе)	343

Ив. Шамаев. Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде 355

Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде	356
Смотрины	357
Сватанье	358
Рукобитье	360
Девичники	368
Приготовление к вечерине накануне свадьбы	371
Вечерина	374
В день свадьбы у невесты	377
В день свадьбы у жениха	377
Выезд жениха за невестой	378
Приезд жениха к невесте	379
Выкуп косы	380
Выезд к венцу	383
В церкви	384
После венца	385
Окручивание	386
«Помолодились»	387
Подклет	387
Поднятие молодых с подклета	388
Первое утро молодухи	390
Большие столы	391
Блины у молодухи	392
Выметание избы	392
Блины у тёщи	393
Дружка и его обязанности	394

ОБРЯДЫ, ОБЫЧАИ, ПОВЕРЬЯ

Сборник статей

[П. Городцов, М. Костюрина, И. Неклепаев,
Н. Осипов, З. Плотников,
Н. Сколозубов, И. Шамаев]

Художественный редактор В. Дыба.
Технический редактор Ю. Мандрика.
Корректор Н. Самойлик.
Операторы ПЭВМ Н. Нохрина, М. Сысолятина.

Новая цена
Подпись 25 руб.

Сдано в набор 18.08.97 г.
Подписано в печать 06.10.97.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Times ET».
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Уч.-изд. л. 14,3. Усл. печ. л. 21,00.
Тираж 3000 экз. Заказ № 382.

Лицензия ЛП №063670 от 24.10.94 г.

Издательство «СофтДизайн»

Адрес для переписки: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.
Тел. (345-2) 25-12-84.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ИПП
«Уральский рабочий».
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Издательство «СофтДизайн» приступило к выпуску серии книг «Невидимые времена», в которой выйдет 10 томов произведений писателей и историков, чье творчество связано с территорией, на которой сегодня находится Тюменская область с автономными округами.

Н.А. Лухманова. Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения/Предислов. К.Я. Лагунова. — 464 с.

В книгу войдут «Очерки из жизни в Сибири», очерк «Переселенцы» и роман «Двадцать лет назад: Из институтской жизни» (более известный под названием «Девочки»).

К.Д. Носилов. У вогулов: Очерки и наброски. — 304 с.

Наряду с очерками и набросками, опубликованными в 1904 г. у А.С. Суворина в книге «У вогулов», в издании помещены очерки «Вогульский почтальон», «Вогульская школа», «Школа у остяков».

Н.М. Чукмалдин. Мои воспоминания: Избранные произведения. — 368 с.

Во время подготовки данного издания были разысканы неизвестные доселе широкой общественности «Палестина и Египет» и «Путевые очерки» (о поездке в Европу).

К.Д. Носилов. На новой Земле: Очерки и наброски/Предисл. А.К. Омельчука. — 368 с.

Наряду с очерками и набросками, опубликованными в 1903 г. у А.С. Суворина в книге «На новой Земле», в издании помещен очерк «У самоедов».

Издана также:

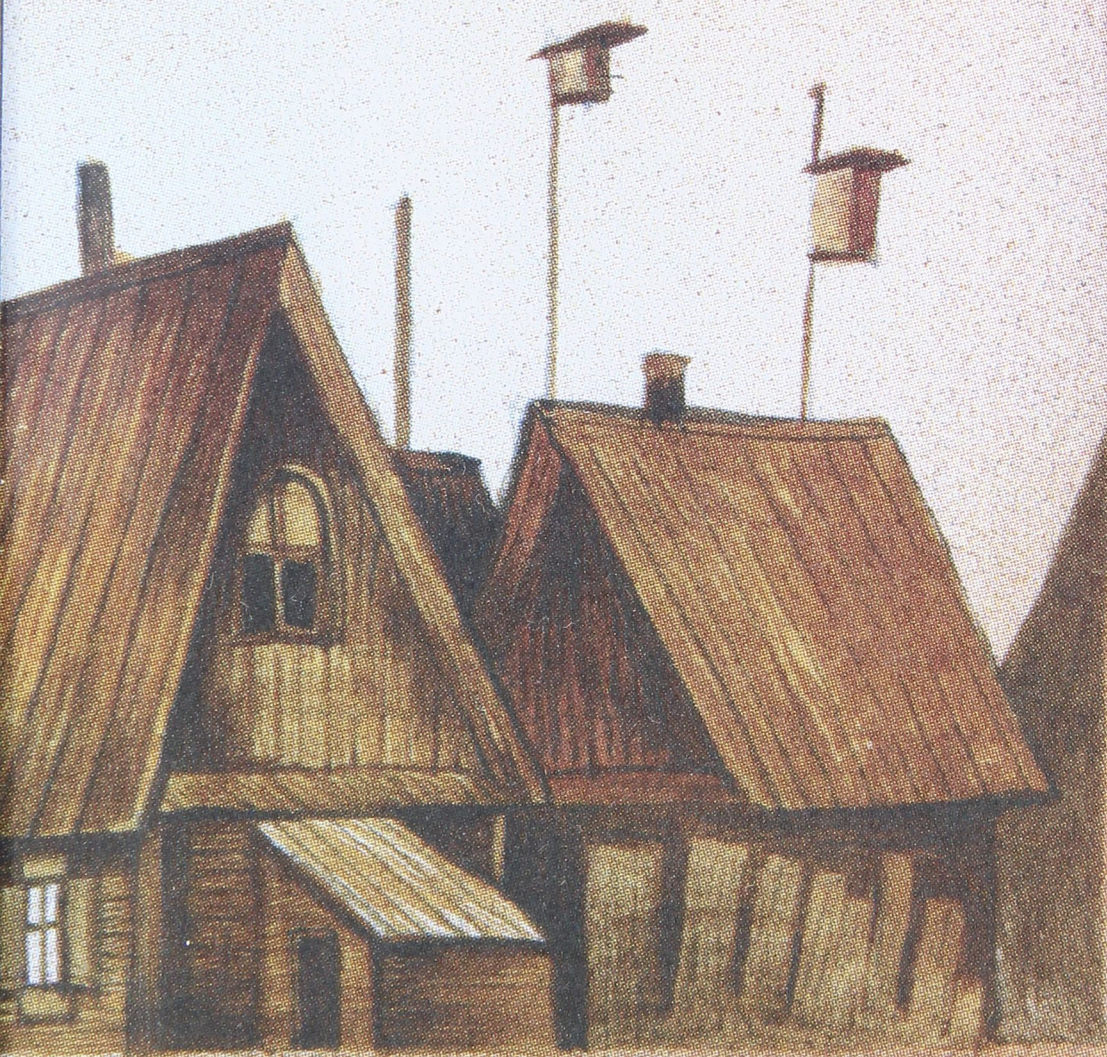
ЛИТЕРАТУРА ТЮМЕНСКОГО КРАЯ: Книга для учителя и ученика/Под ред. Н.А. Рогачевой. — 368 с.

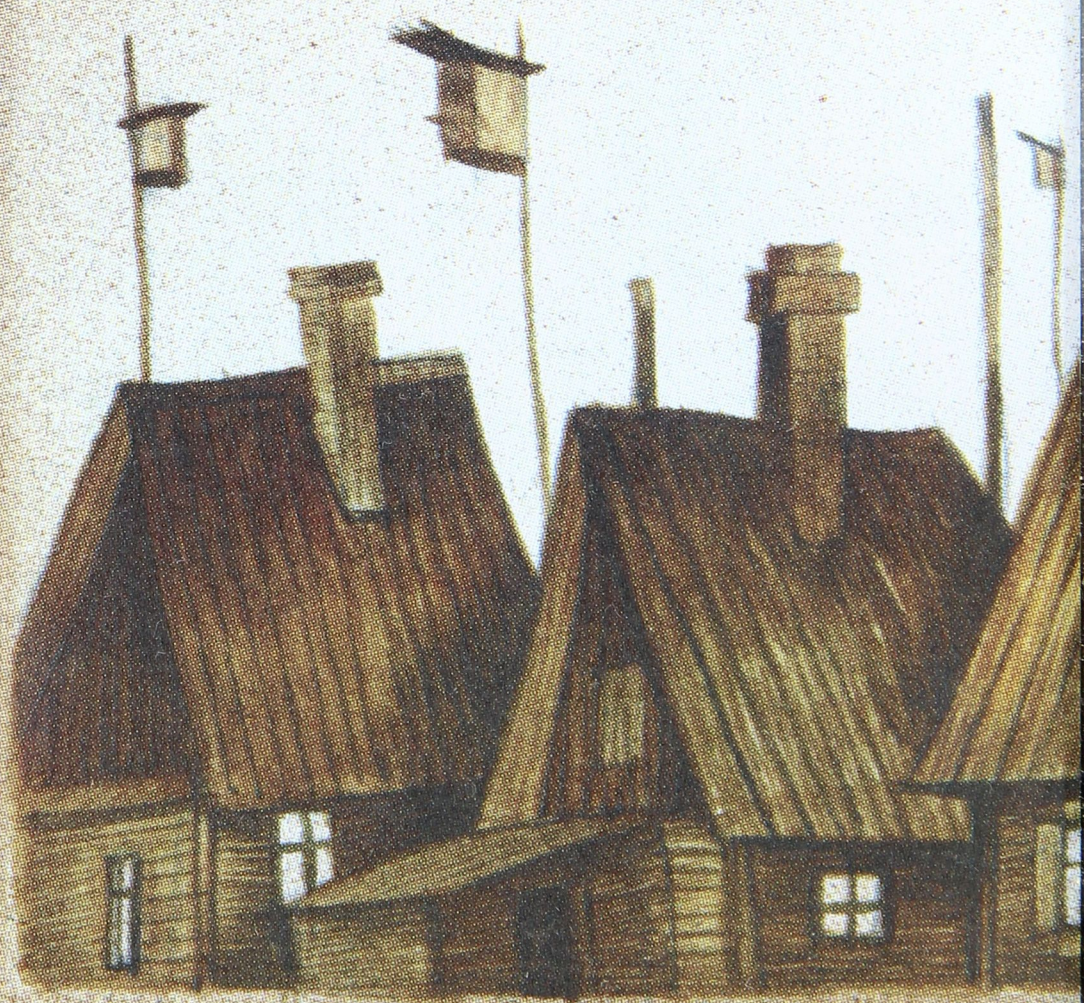
Впервые преподавателями Тюменского госуниверситета написана книга, которая может быть использована как учителями при подготовке к урокам по региональному компоненту, так и учениками.

Серафима Бурова. Советская классика в новом прочтении: Лекции по истории русской литературы XX века. — 108 с.

По вопросу приобретения книг обращайтесь:
тел.: (345-2) 25-12-84.

Адрес для писем: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.

Невидимые Времена

